

СТРАНЫ
и
НАРОДЫ
ВОСТОКА

ВЫПУСК

*Посвящается двадцатилетию
независимости Индии
(1947—1967)*

*Dedicated to the 20th
Anniversary of India's Independence
(1947—1967)*

U. S. S. R. ACADEMY OF SCIENCES
ORIENTAL COMMISSION.
GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE U.S.S.R.

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

Under the general editorship
of Academician V. V. STRUVE
and Corresponding Member
of the Academy of Sciences of the U.S.S.R.
D. A. OLDEROGGE

VOL. V.
INDIA: THE LAND AND THE PEOPLE

Edited by I. V. Sakharov

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
Moscow 1967

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика В. В. СТРУВЕ
и члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК V

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1967

Ответственный редактор
И. В. САХАРОВ

Сборник составлен из статей, посвященных различным проблемам истории, экономики, географии и этнографии Индии. В основу многих статей легли доклады, прочитанные авторами на заседаниях Восточной комиссии Географического общества СССР.

И. В. Сахаров

**ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР
И ЕЕ РАБОТА ПО ИЗУЧЕНИЮ ИНДИИ**

I

Наше время — время исторических перемен в судьбах народов Азии и Африки. Рушится колониальная система империализма, появляются многочисленные новые государства, борющиеся за национальное возрождение и подлинный прогресс. Между Советским Союзом и странами Азии и Африки развиваются и крепнут дружеские культурные и экономические связи.

В этих условиях партия поставила перед советскими учеными, изучающими историю, экономику, географию, этнографию, культуру народов Азии и Африки, новые большие и ответственные задачи.

За последние годы в нашей стране востоковедческие исследования получили широкий размах в институтах Академии наук СССР (Институте народов Азии, Институте Африки, Институте мировой экономики и международных отношений, Институте этнографии, Институте географии), а также в различных других научно-исследовательских учреждениях и высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Ташкента, Баку, Еревана и других городов страны.

При этом рост творческой активности ученых принял такие широкие масштабы, что стало необходимым найти новые научно-организационные формы работы по исследованию стран и народов Азии и Африки.

Как отмечается в Программе КПСС, в эпоху развернутого строительства коммунизма, по мере перерастания социалистической государственности в коммунистическое самоуправление, по мере дальнейшего разветвления и совершенствования социалистической демократии все большее развитие и распространение получат различные общественные организации трудящихся¹. Их роль во всех сферах жизни советского общества будет неуклонно повышаться. В частности, как указывает Программа КПСС, возрастет роль научной общественности в руководстве научной работой².

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1961, стр. 107—108.

² Там же, стр. 129.

В системе общественных организаций нашей страны важное место принадлежит, в частности, добровольным научным обществам. Среди них Географическому обществу Союза ССР, имеющему столетнюю историю и славные традиции в деле изучения стран Азии и Африки, также предстоит внести свой вклад в дело дальнейшего развития востоковедения в нашей стране.

* * *

По давней традиции структура Географического общества строится в основном по отраслевому принципу. В обществе работают, например, Отделение экономической географии, Отделение этнографии, Отделение физической географии, Отделение истории географических знаний, Комиссия географии населения и городов и т. д. Однако давно уже назрела необходимость в организации структурных подразделений регионального типа. Эта идея нашла свое отражение, в частности, и в официальных документах Общества³.

В соответствии с этими задачами в декабре 1955 г. при центральной организации Географического общества была создана Восточная комиссия — одна из первых комиссий Общества, деятельность которых построена по региональному принципу.

Идея и инициатива создания Восточной комиссии принадлежит академику В. В. Струве и одному из старейших членов Географического общества А. В. Королеву. В течение первого десятилетия существования Комиссии академик В. В. Струве в качестве председателя (вплоть до своей кончины 15 сентября 1965 г.), а А. В. Королев в качестве заместителя председателя бесменно возглавляли руководящий орган Комиссии — бюро, которое осуществляло повседневное руководство ее деятельностью. В декабре 1965 г. был избран новый состав бюро Восточной комиссии. Председателем Комиссии стал член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Д. А. Ольдерогге. Заместителями председателя Комиссии избраны Б. А. Вальская, А. В. Королев и И. В. Сахаров. Члены бюро: Ю. Д. Дмитриевский, Ю. В. Мяретин, В. А. Ромодин, А. Г. Шпринцин, секретарь — Т. К. Шафрановская. В марте 1967 г. членом бюро был избран А. Н. Зелинский.

* * *

В основе работы Восточной комиссии лежат следующие принципы.

В соответствии с общими задачами Географического общества в целом Комиссия ставит своей целью способствовать развитию советской географической науки и других смежных наук, изучающих страны и народы Азии и Африки; популяризировать достижения советской науки, распространять и углублять знания о странах Азии и Африки среди широких масс населения; участвовать в мероприятиях по культурным и научным связям с народами этих стран; бороться против реакционной идеологии империализма и колониализма, вносить свой вклад в дело освобождения угнетенных народов и полной ликвидации колониализма, способствовать укреплению дружбы между народами.

Восточная комиссия, как и Географическое общество в целом, —

³ См., например, «Резолюция IV съезда Географического общества СССР (Москва, 25—29 мая 1964 г.)», Л., 1964, стр. 18. См. также С. В. Калесник и И. П. Герасимов, *Географическое общество СССР в прошлом, настоящем и будущем*, Л., 1964, стр. 19 (Материалы к IV съезду Географического общества СССР).

добровольная организация, строящая свою работу целиком на общественных началах. Это — самодеятельное содружество граждан, объединенных общими научными интересами. Члены Комиссии сами избирают руководящий орган — бюро, которое и управляет всеми ее делами.

Восточная комиссия — не объединение узкого круга лиц. В соответствии с уставом Географического общества ее двери широко открыты для всех занимающихся изучением Азии и Африки — их географии, этнографии, истории, топонимики и т. д. Вопрос о приеме в члены Восточной комиссии и тем самым в действительные члены Географического общества решает собрание членов Восточной комиссии простым открытым голосованием при наличии двух рекомендаций действительных членов Общества, с последующим утверждением Президиумом Общества. Действительные члены Географического общества, числящиеся по Восточной Комиссии, составляют ее основное ядро. В ней сотрудничают также члены других отделений и комиссий общества. Комиссия стремится вовлекать в свою работу и нечленов Общества, из числа которых постоянно пополняются ее ряды.

Придавая большое значение воспитанию будущих ученых, Восточная комиссия уделяет особое внимание привлечению к своей работе молодежи. Поэтому в ее деятельности принимали и принимают участие как опытные, заслуженные ветераны науки (например, такие выдающиеся ученые, как В. В. Струве, Е. Н. Павловский, Д. А. Ольдерогге, Н. В. Пигулевская, Б. Б. Пиотровский, Ю. Н. Рерих и др.), так и молодежь, делающая в ней первые шаги. Для многих молодых членов Комиссии выступления с ее трибуны были их первыми научными докладами, а статьи, напечатанные в ее изданиях, — их первыми научными трудами. Молодежь составляет значительную часть не только актива, но и руководства Комиссии.

Следует подчеркнуть междуведомственный характер Восточной комиссии. Среди участников работы Комиссии — сотрудники самых различных учреждений Ленинграда, Москвы и других городов нашей страны — Института народов Азии, Института этнографии, Института географии Академии наук СССР, Ленинградского университета имени А. А. Жданова, Московского университета имени М. В. Ломоносова, Ташкентского университета имени В. И. Ленина, Воронежского университета, Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена, Вологодского педагогического института, Государственного Эрмитажа, Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ряда ленинградских школ, издательств «Наука» и «Мысль» и т. д.

Будучи создана при Географическом обществе, Восточная комиссия тем не менее в своей работе не ограничивалась вопросами только географической науки. С самого начала она была задумана как организация комплексного характера, призванная объединить усилия ученых, работающих в разных областях науки. Руководство Комиссии исходило при этом из давних традиций Географического общества. Как дореволюционная отечественная, так и советская география, равно как и востоковедение, переживая в своем развитии естественный процесс дифференциации по отдельным отраслям, в то же время постоянно стремились сохранить свой комплексный характер, целостный, страноведческий подход к объекту изучения. При этом характерной чертой отечественной науки было стремление географов и востоковедов к тесному творческому содружеству. Русское Географическое общество стало одним из важнейших центров этих плодотворных научных контак-

тов, взаимно обогащающих и географов и востоковедов. Со времени основания Общества в 1845 г. ученые-востоковеды принимали в его деятельности самое активное участие. Они выступали с научными докладами на заседаниях Общества, публиковали свои труды в его изданиях, а некоторые из них входили в состав его руководящих органов. Со своей стороны, Русское Географическое общество отправило немало экспедиций, имевших огромное значение для развития востоковедения. Некоторые деятели Общества даже сочетали в своем лице и выдающихся ориенталистов, и видных географов, и путешественников.

Однако в дальнейшем эта традиция тесного содружества востоковедов и географов была в значительной мере утрачена. Например, за последнее время понятия «востоковедение» и «африканистика» весьма расширились: у нас стало общепринятым включать сюда целый комплекс научных дисциплин, изучающих Азию и Африку, не только историю и филологию, но и экономику, демографию, этнографию, искусствоведение и так далее... но не географию. Это отразилось и на организационной структуре ряда учреждений, например Института народов Азии Академии наук СССР, где не был предусмотрен специальный географический отдел (или группа). С другой стороны, до недавнего времени и географы уделяли странам Азии и Африки недостаточное внимание ⁴.

В этих условиях Восточная комиссия поставила перед собой цель способствовать возобновлению и расширению научных контактов между географами и востоковедами, объединению их усилий для организации совместного всестороннего изучения стран Азии и Африки ⁵.

Выполняя эту задачу в рамках Географического общества СССР, Комиссия привлекала и привлекает к своей работе не только географов, но и экономистов, демографов, этнографов, историков, археологов, филологов, специалистов в области культуры народов Азии и Африки. Участие в работе Комиссии ученых разных специальностей, знакомящих друг друга с методами и результатами своих научных исследований, и всестороннее обсуждение этих исследований создают творческую об-

⁴ Лишь в самые последние годы положение изменилось, главным образом благодаря усилиям сотрудников Отдела капиталистических и развивающихся стран в Институте географии Академии наук СССР.

⁵ Точка зрения Комиссии по этому вопросу была изложена, например, на XXV Международном конгрессе востоковедов, состоявшемся в Москве в августе 1960 г., где на секции истории Средней Азии от имени Восточной комиссии было выдвинуто и утверждено предложение, в котором, в частности, говорилось: «К сожалению, в настоящее время в связи с дальнейшим развитием науки, дифференциацией научных знаний и специализацией ученых образовался довольно значительный разрыв между географическими и востоковедными науками, который можно было наблюдать и на XXV Международном конгрессе востоковедов. Восточная комиссия, поставившая перед собой задачу объединить усилия географов и востоковедов для всестороннего изучения стран Востока, предлагает для устранения создавшегося разрыва между востоковедными и географическими науками организовать в востоковедных учреждениях географические группы исследователей, а в географических — востоковедные. Восточная комиссия призывает всех членов XXV Международного конгресса востоковедов содействовать объединению усилий географов и востоковедов для организации совместных комплексных исследований природных условий и экономики стран Азии и Африки для подъема хозяйства и культуры в этих странах в интересах мира и дружбы между народами» (см. «Об участии Восточной комиссии в работе XXV Международного конгресса востоковедов», — «Материалы Восточной комиссии», вып. I, Л., 1962, стр. 70—71). В соответствии с этим предложением в резолюции секции Истории Средней Азии Конгресса была подчеркнута необходимость «усилить дальнейшую координацию работы востоковедов и географов». См.: «Труды Двадцать пятого международного конгресса востоковедов», Москва, 9—16 августа 1960 г., т. I. Общая часть. Заседания секций I—V, М., 1962, стр. 58.

становку плодотворных, взаимно обогащающих научных контактов, позволяющих успешно решать разнообразные научные проблемы.

* * *

Таким образом, можно сказать, что Восточная комиссия, в которой работают представители различных учреждений, изучающие самые разные аспекты жизни стран и народов Азии и Африки, представляет собой единственное в своем роде междоуниверситетское общественное комплексное востоковедческое объединение.

В каких же формах протекает деятельность этого объединения? Формы работы Восточной комиссии разнообразны, но важнейшие среди них — это научные заседания и издательская деятельность.

Восточная комиссия является своеобразным постоянно функционирующим форумом востоковедов и географов. За одиннадцать лет своего существования — с декабря 1955 г. по декабрь 1966 г. — состоялось свыше 150 научных заседаний Комиссии (включая сессии и конференции, организованные и проведенные с ее участием); на них было заслушано и обсуждено около 290 докладов и сообщений, авторами которых было более 150 человек. Эти заседания, как правило, проводятся в собственном доме Географического общества СССР, специально приспособленном для научных собраний. Вход на заседания Комиссии, как и вообще на все научные собрания Географического общества, — свободный, и они нередко собирают многочисленную аудиторию.

Стремясь работать в тесном контакте с другими, отраслевыми, отделениями и комиссиями Общества, Восточная комиссия не только устраивала совместные заседания с отделениями экономической географии, физической географии, этнографии, истории географических знаний, медицинской географии, комиссией географии населения и городов; организовывались также заседания вместе с ленинградскими отделениями Институтов народов Азии и этнографии АН СССР, Институтом географии АН СССР, с Российским Палестинским обществом, Ленинградской ассоциацией арабистов, Государственной Публичной библиотекой имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Центральным государственным военно-морским архивом и другими организациями.

Тематика докладов, заслушанных на научных собраниях Комиссии, весьма разнообразна и отражает основные направления исследований, проводимых Комиссией. Не приводя здесь конкретных примеров⁶, отметим лишь, что в соответствии с общими задачами, выдвинутыми партией перед советским востоковедением, Восточная комиссия ставила и ставит в центр своего внимания важнейшие и актуальные проблемы современности; кроме того, большое внимание уделялось и различным вопросам, связанным с изучением прошлого стран Азии и Африки (особенно истории связей России со странами Востока).

⁶ Детальное представление о тематике докладов и заседаниях Комиссии, можно получить, просмотрев хроникемую на страницах основного печатного органа Комиссии «Народы Востока». См. также: «К пятилетию со дня создания Географического общества СССР (хроника работы)», — «География, этнография, история» (далее — СНВ), вып. III, М., 1964, стр. 207—210; «Хроника работы Географического общества СССР (январь 1964 — май 1965 г.)», — СНВ, вып. IV, М., 1965, стр. 261—263. См. также В. А. Ромодин, *Первый год работы общества Союза ССР*, — «Советское востоковедение», 1957, № 1, стр. 185—187. И. В. Сахаров, *Десять лет работы Восточной комиссии Географического общества СССР*, 1967, № 2.

общений, прочитанных на заседаниях Комиссии, регулярно публикуются в сборниках «Страны и народы Востока». См. также: «Страны и народы Востока», вып. II, М., 1961, стр. 276—283; «Хроника работы Восточной комиссии Географического общества СССР (январь 1964 — май 1965 г.)», — СНВ, вып. III, М., 1964, стр. 207—210; «Хроника работы Географического общества СССР (январь 1964 — май 1965 г.)», — СНВ, вып. IV, М., 1965, стр. 261—263. См. также В. А. Ромодин, *Первый год работы общества Союза ССР*, — «Советское востоковедение», 1957, № 1, стр. 185—187. И. В. Сахаров, *Десять лет работы Восточной комиссии Географического общества СССР*, 1967, № 2.

Вторая основная форма работы Восточной комиссии — это ее издательская деятельность⁷.

Главным печатным органом Комиссии являются сборники, издающиеся в виде продолжающейся серии выпусков (первый из них вышел в 1959 г.) под общим названием «Страны и народы Востока. География, этнография, история».

К настоящему времени изданы четыре выпуска этого сборника⁸. В них приняли участие 49 авторов, написавших в совокупности 85 статей, заметок и рецензий общим объемом около 95 авторских листов.

Кроме того, с 1961 г. Восточная комиссия наряду с другими отделениями и комиссиями Географического общества получила возможность печатать тексты прочитанных на ее заседаниях докладов и другие материалы на ротапринте Общества. В 1962 г. вышел в свет первый ротапринтный сборник — «Материалы Восточной комиссии»⁹. В дальнейшем это название было решено изменить, и второй и третий выпуски, изданные в 1965 и 1966 гг., называются «Доклады Восточной комиссии»¹⁰. В этих трех сборниках опубликовано 29 статей, заметок и рецензий общим объемом около 18 авторских листов, написанных 20 авторами.

В конце 1966 г. были опубликованы также материалы конференции по вопросам экономического районирования развивающихся стран¹¹. Намечено подготовить специальный сборник статей, отражающих работу этой конференции.

Наконец, члены Восточной комиссии опубликовали ряд статей, заметок, рецензий в «Известиях Всесоюзного географического общества», в журнале «Народы Азии и Африки» и других изданиях.

Основные особенности работы Восточной комиссии в целом определяют многие характерные черты выпускаемых ею печатных трудов. В соответствии с традициями, на которые опирается Комиссия, эти сборники были задуманы как издание, всесторонне освещающее жизнь различных стран и народов Азии и Африки. Ядро авторского коллектива составляют активные члены Восточной комиссии, выступающие на ее заседаниях с докладами и сообщениями. Поэтому, естественно, содержание сборников тесно «перекликается» с тематикой научных докладов на заседаниях Комиссии.

Тематика каждого из четырех первых сборников в серии «Страны и народы Востока» (равно как и первых ротапринтных публикаций)

⁷ Подробнее об этом см. И. В. Сахаров, *Издательская деятельность Восточной комиссии Географического общества Союза ССР*, — СНВ, вып. IV, М., 1965, стр. 242—251.

⁸ СНВ, вып. I, под редакцией академика В. В. Струве, М., 1959, 354 стр.; СНВ, вып. II [под редакцией академика В. В. Струве и А. В. Королева], М., 1961, 284 стр. (этот выпуск посвящен памяти Ю. Н. Рериха); СНВ, вып. III, под редакцией А. В. Королева и И. В. Сахарова, М., 1964, 211 стр. (Выпуск посвящен 75-летию академика В. В. Струве); СНВ, вып. IV [под редакцией академика В. В. Струве и А. В. Королева], М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1965, 264 стр. (выпуск посвящен десятилетию Восточной комиссии).

⁹ «Материалы Восточной комиссии», вып. I [под редакцией академика В. В. Струве], Л., 1962, 73 стр.

¹⁰ «Доклады Восточной комиссии», вып. I (2). Под редакцией академика В. В. Струве, Л., 1965, 107 стр. (выпуск посвящен 80-летию со дня рождения заместителя председателя Комиссии А. В. Королева); «Доклады Восточной комиссии», вып. III [под редакцией академика В. В. Струве], Л., 1966, 84 стр.

¹¹ Тезисы докладов на тему «Проблемы экономического районирования в развивающихся странах», М., 1966, 43 стр. (Московский филиал Географического общества СССР. Институт географии АН СССР).

весьма разнообразна. В них были помещены статьи, посвященные разным странам Азии и Африки, прошлому и современности, экономической и физической географии, экономике, этнографии, истории, топонимике и другим отраслям востоковедения. В 1965 г. Восточная комиссия приняла решение: продолжая выпускать труды, посвященные Азии и Африке в целом, положить начало изданию регионально-тематических выпусков, посвященных отдельным странам или группам стран. В качестве первого опыта был подготовлен специальный сборник статей об Индии. Завершена также подготовка сборников статей о странах Тихого океана и о странах Африки.

В целом можно сказать, что издательская деятельность Восточной комиссии протекает успешно. Сам факт издания четырех выпусков сборника «Страны и народы Востока» и трех ротاپринтных сборников общим объемом около 113 авторских листов может служить свидетельством достижений в работе Комиссии. Сборники «Страны и народы Востока» уже заняли определенное место в советской востоковедческой и географической литературе и получили положительный отзыв научной общественности Ленинграда и Москвы¹². Важным фактором этих успехов было тесное сотрудничество Восточной комиссии с Издательством восточной литературы (ныне — Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука»).

* * *

Деятельность Восточной комиссии не ограничивается научными заседаниями и подготовкой печатных трудов.

Так, в соответствии с поставленной перед Комиссией задачей популяризировать знания о странах и народах Азии и Африки члены Комиссии выступали не только с научными докладами на ее заседаниях, но и с публичными популярными лекциями в Лектории Географического общества, а также в других организациях.

Некоторые члены Комиссии принимали и принимают деятельное участие в работе руководящих органов всего Географического общества СССР — Ученого Совета общества, Комитета по пропаганде географических знаний, Редакционно-издательского комитета, Библиотечного совета.

Представители Комиссии участвовали также в различных совещаниях, организованных Географическим обществом или при его участии, например в I Междуведомственном совещании по географии населения (Москва, январь — февраль 1962 г.) и др.

Восточная Комиссия придает большое значение установлению, расширению и укреплению связей советских географов и востоковедов с их зарубежными коллегами, особенно учеными развивающихся стран Азии и Африки.

Представители Комиссии участвовали в работе XXV Международного конгресса востоковедов (Москва, август 1960 г.), VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). Восточная комиссия участвует в деятельности Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

¹² См. Материалы обсуждения сборников «Страны и народы Востока. География, этнография, история» (вып. I—III) в Географическом обществе Союза ССР, — СНВ, вып. IV, М., 1965, стр. 252—260.

Географически в круг исследований, проводимых Восточной комиссией, входят страны зарубежной Азии, Африка, Австралия и Океания, а также некоторые районы СССР: среднеазиатские республики, Закавказье и Дальний Восток.

Естественно, что всестороннее изучение дружественной нам Индии — одной из крупнейших стран мира, население которой составляет примерно одну седьмую часть всего человечества, — заняло в работе Комиссии значительное место.

Комиссия опиралась при этом на славные традиции Русского Географического общества, внесшего достойный вклад в изучение этой великой страны. Достаточно вспомнить таких деятелей Общества, как крупнейший русский индолог, совершивший при содействии Русского Географического общества три путешествия в Индию, И. П. Минаев; выдающийся географ и путешественник, много внимания уделивший изучению природы Индии, А. И. Воейков; крупный русский и советский индолог А. Е. Снесарев.

С самого начала своей деятельности Восточная комиссия уделяла индологической тематике большое внимание. Индии было посвящено первое научное заседание Комиссии, состоявшееся 9 декабря 1955 г. (на нем был прочитан доклад А. В. Королева «Русские и советские писатели и художники об Индии»), и с тех пор заслушивание и обсуждение индологических докладов и сообщений стало проводиться регулярно.

Среди географов и востоковедов, объединяемых Восточной комиссией, индологи образуют многочисленную и активную группу. Из 290 докладов и сообщений, прочитанных на научных заседаниях Комиссии за первые одиннадцать лет ее существования, Индии было посвящено свыше 70; из 155 докладчиков, выступивших на этих заседаниях, с индологическими докладами выступили 47 человек.

Основные принципы, лежащие в основе всей работы Восточной комиссии в целом, и главные особенности ее деятельности, о которых говорилось выше, характеризуют и ее работу по изучению Индии. Широкий круг привлекаемых к участию в работе Комиссии индологов, работающих в разных учреждениях и живущих в разных городах; комплексный подход к изучению страны и народа и вытекающее из этого стремление объединить усилия ученых, специализирующихся в самых различных отраслях индологии; разнообразие форм организации и стимулирования индологических исследований — все это характерно для работы Восточной комиссии по исследованию географии, истории, этнографии Индии, так же как и для ее работы по изучению других стран и народов Востока.

Ниже дается краткий обзор того, что сделано Восточной комиссией на этом участке ее работы.

* * *

Со дня основания Восточной комиссии и по декабрь 1966 г. состоялось около 50 ее научных заседаний (включая сессии и конференции, проведенные с ее участием), целиком или частично посвященных Индии.

Здесь нет никакой возможности сколько-нибудь полно отразить многоплановую тематику всех докладов, заслушанных на заседаниях. Все необходимые подробности можно найти в прилагаемой хронике.

работы Комиссии по изучению Индии (см. приложение). Назовем лишь некоторые направления исследований, проводимых совместными усилиями целой группы исследователей или отдельными членами Комиссии и представленных обычно сериями продолжающих или дополняющих друг друга научных сообщений.

Экономико-географическая тематика была представлена в докладах К. М. Попова (Москва) о научной командировке в Индию в связи с разработкой проблемы экономического районирования страны; И. В. Сахарова об экономическом значении реорганизации штатов в Индии в 1956 г., о роли железных дорог в размещении производительных сил Индии, о некоторых проблемах Калькутты; Л. С. Бхата (Нью Дели) о региональном планировании в Индии и др.

В ноябре 1966 г. Восточная комиссия приняла участие (совместно с Московским филиалом Географического общества и Институтом географии АН СССР) в организации и проведении конференции на тему «Проблемы экономического районирования в развивающихся странах». На этой конференции был прочитан целый ряд докладов об экономическом районировании Индии¹³.

В особую группу можно выделить научные сообщения, посвященные этнографии, демографии и географии населения. Среди них доклады о малых народностях и племенах Индии, прочитанные Б. П. Супруновичем, рассмотревшим вопрос в целом, С. А. Маретиной о малых народах Ассама и Нагаленда, М. К. Кудрявцевым о проблеме языков у племен Индии и деятельности Антропологической службы Индии по изучению малых народов страны; сообщение Р. И. Баранниковой о религиозных праздниках в Индии; доклады И. В. Сахарова о миграции населения в Индии (на примере Западной Бенгалии). На одном из заседаний было проведено обсуждение книги В. В. Петрова «Население Индии. Демографический очерк» (М., 1965) с участием автора.

Было заслушано также несколько сообщений, в которых рассматривался вопрос о выходах из Индии в других странах и об индийском культурном влиянии за пределами страны: доклады И. П. Труфанова (Проблема внешних миграций населения Индии), А. Д. Дридзо (Индийцы на острове Тринидад), Ю. В. Маретина (О характере индобалийской культуры; об индийцах в современной Индонезии), А. Д. Юрова (Индийцы в Южно-Африканской Республике).

Многие выступавшие на заседаниях Восточной комиссии делились личными впечатлениями от посещения Индии. Так, с рассказами о своем пребывании в этой стране выступили Л. И. Бонифатьева, Р. И. Баранникова, Б. В. Братусь, Г. А. Зограф, В. И. Кальянов, М. К. Кудрявцев, К. М. Попов, А. М. Рябчиков.

Помимо изучения современного положения Индии Восточная комиссия уделяла большое внимание изучению истории этой страны. Можно упомянуть, например, доклады С. А. Маретиной (О раннегосударственных образованиях у ассамских народов группы бодо), В. В. Перцмахера (О мореходных традициях в Индии), М. Я. Иоселевой (Происхождение магических чисел у народов Индии и других стран Древнего Востока).

Особенно много сообщений было посвящено изучению русско-индийских связей и прежде всего русским путешественникам в Индию.

¹³ Кроме того, члены Восточной комиссии приняли участие в работе междуведомственного Совещания по экономическому районированию Индии (Москва, май 1961 г.), См. О. Б. Осколкова, *Совещание по экономическому районированию Индии*, — «Известия Академии наук СССР. Серия географическая», 1961, № 5, стр. 137—139.

Так, о путешествиях в Индию С. Маленького, П. Триногина, П. И. Пашино и др. рассказал в своих докладах Г. П. Куриленко, о Г. С. Лебедеве — В. С. Воробьев-Десятовский, о Р. Данибегове — Р. Р. Орбели, о Н. И. Челобитчикове — А. И. Андреев. Доклад о первых рейсах русских судов в Индию прочитала Е. Я. Люстерник. В. В. Перцмакер рассказал о найденных им в архиве документах плавания русских моряков в Индию в середине XVIII в.

В течение ряда лет по инициативе и под руководством А. В. Королева Комиссия вела большую работу по разностороннему изучению жизни и деятельности знаменитого русского художника и крупного ученого и путешественника Н. К. Рериха и его сыновей — выдающегося востоковеда Ю. Н. Рериха и известного индийского художника С. Н. Рериха, которые много сделали для укрепления дружбы между народами Индии и Советского Союза. Этой теме были посвящены доклады и сообщения А. В. Королева, Ф. Л. Богданова и др.

Восточная комиссия приняла участие в организации и проведении научной сессии, посвященной 125-летию со дня рождения выдающегося русского индолога и видного деятеля Русского Географического общества И. П. Минаева. Одно из заседаний Комиссии было посвящено 100-летию со дня рождения академика Ф. И. Щербатского (доклады А. Н. Зелинского и Б. И. Кузнецова).

Были также заслушаны и обсуждены доклады по медицинской географии Индии, искусству народов этой страны и ряду других вопросов.

* * *

Стремясь познакомить с результатами своей работы широкие круги ученых, индологи Восточной комиссии принимают активное участие в издательской деятельности Комиссии. В четырех первых, комплексных, выпусках сборника «Страны и народы Востока» и в двух ротапринтных сборниках было опубликовано в общей сложности 12 индологических статей общим объемом около 16 авторских листов, написанных семью авторами. Кроме того, в сборнике материалов конференции на тему «Проблемы экономического районирования в развивающихся странах» были опубликованы тезисы посвященных Индии докладов А. М. Рябчикова и Г. Д. Бессарабова, Л. И. Бонифатьевой, Г. В. Сдасюк и И. В. Сахарова.

Постепенно круг вовлекаемых в работу Комиссии специалистов по Индии ширился, их деятельность все более активизировалась. Число прочитанных докладов и написанных статей по Индии росло. Наступило время, когда научная продукция индологов Комиссии перестала уместиться в сравнительно узкие рамки, предоставляемые комплексными сборниками «Страны и народы Востока» и «Доклады Восточной комиссии». Такая же картина сложилась и в некоторых других группах Восточной комиссии, в частности у африканистов.

На повестку дня закономерно был поставлен актуальный вопрос о расширении издательской деятельности. Старые ее формы — подготовка одних только комплексных сборников, — хотя сами по себе и сохраняли свое значение, уже не могли удовлетворить индологов, африканистов и специалистов по некоторым другим странам и районам Востока.

Потребовалось найти новые формы издательской деятельности. Важнейшей из таких новых форм стала подготовка и издание тематических страноведческих сборников, построенных по региональному принципу.

Первым среди них оказался предлагаемый читателю данный сборник, целиком посвященный Индии.

Выход в свет этого сборника знаменует собой начало нового этапа не только в изучении Индии в Восточной комиссии, но и в издательской деятельности Комиссии в целом и даже вообще во всей ее работе. Подготовка этого выпуска к печати убедительно показала, что переход к региональным сборникам способствует общей активизации работы. Подготовка сборника «Индия — страна и народ» позволила значительно расширить круг участников работы Комиссии, сконцентрировать их коллективные усилия на исследовании определенных вопросов и тем самым придать работе индологов Комиссии более целеустремленный характер. Заметим, в частности, что если прежде, когда издавались лишь смешанные выпуски трудов, редколлегия сборников ограничивалась в основном предложенными материалами, то подготовка сборника, специально посвященного Индии, позволила редколлегии широко прибегнуть к практике заблаговременного заказывания статей на определенные темы.

Восточная комиссия намерена и в дальнейшем продолжать издавать страноведческие сборники, специально посвященные Индии. В настоящее время готовится второй сборник, который намечено издать к XXI Международному географическому конгрессу (Нью Дели, 1968 г.).

Многие статьи по Индии, опубликованные в трудах Восточной комиссии, ранее были прочитаны в виде докладов и сообщений и обсуждены на заседаниях Комиссии, на которых и принимались рекомендации к печати. Такой порядок (доклад на заседании Комиссии — статьи в ее трудах) — традиционный метод работы Комиссии. Однако по разным причинам это правило соблюдалось не всегда. С одной стороны, не все индологические доклады были опубликованы в трудах Комиссии (например, некоторые докладчики не представили соответствующий текст для печати; некоторые из них публиковали свои статьи в других изданиях; часть докладов и не предназначалась для печати). С другой стороны, не все статьи предварительно докладывались и обсуждались на заседаниях Комиссии (в основном это относится к статьям, написанным иногородними авторами, не имевшими возможности приехать в Ленинград для выступления с докладом). Поэтому, хотя тематика докладов и тематика статей, посвященных Индии, в определенной мере «перекликается» друг с другом, полного их совпадения нет.

* * *

Не останавливаясь на всех прочих видах работы индологов Восточной комиссии, остановимся лишь на их участии в международных связях Комиссии.

Например, можно отметить участие некоторых из них в работе международных конгрессов: XXV Международного конгресса востоковедов в августе 1960 г. в Москве (Г. А. Зограф, Е. Я. Люстерник, И. В. Сахаров и др.), VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук в августе 1964 г. в Москве (А. В. Королев, М. К. Кудрявцев, С. А. Маретина, И. В. Сахаров).

Индологи — члены Комиссии участвуют в работе Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Так, Р. И. Баранникова, М. К. Кудрявцев, Е. Я. Люстерник и др. — члены Правления Ленинградского отделения Общества советско-индийских культурных связей.

За рассматриваемый в статье период несколько членов Комиссии — М. К. Кудрявцев, Е. Я. Люстерник и др. — побывали в Индии.

В свою очередь, члены Комиссии неоднократно принимали у себя гостей из Индии. Так, в июне 1960 г. Восточная комиссия совместно с Президиумом Географического общества организовала встречу с известным индийским художником С. Н. Рерихом и его супругой Девикой Рани Рерих; на встрече председательствовал Президент Общества академик Е. Н. Павловский. В августе 1963 г. в Ленинграде побывал научный сотрудник Отдела региональных исследований Индийского статистического института Л. С. Бхат; гость из Индии посетил Географическое общество, где на совместном заседании Отделения экономической географии и Восточной комиссии выступил с докладом о региональном планировании в Индии. Члены Комиссии принимали участие в организации встреч с видным географом и картографом, руководителем картографического отдела службы Главного регистратора Индии, д-ром Фулрани Сенгупта (август 1964 г.); с Главным регистратором и руководителем Службы переписи Индии Ашоком Митрой (апрель 1965 г.); с крупным географом, профессором Австралийского национального университета в Канберре О. Х. К. Спейтом (сентябрь 1965 г.) и другими зарубежными учеными.

Способствуя расширению обмена научными идеями не только посредством печатных трудов, но и путем личного общения, все эти встречи и личные контакты между советскими учеными и их зарубежными коллегами принесли большую пользу.

* * *

Оглядываясь на путь, пройденный Комиссией за истекшие одиннадцать лет ее существования, можно сказать, что ею проделана большая работа и достигнуты немалые успехи. Комиссия превратилась в важный комплексный востоковедческий центр, функционирующий на общественных началах, центр по всестороннему изучению стран и народов Азии и Африки и популяризации знаний о них. Немалый вклад в эти успехи внесли, в частности, и специалисты по Индии.

Сейчас перед Комиссией, как и перед всеми советскими востоковедами, встают новые большие задачи. Восточная комиссия стремится вовлечь в свою работу широкие круги ученых и всемерно активизировать свою деятельность. Совершенствуя уже сложившиеся формы и методы работы и используя новые, Комиссия добивается дальнейшего расширения круга решаемых ею научных проблем. Есть все основания полагать, что и в будущем Восточная комиссия, развивая славные традиции Географического общества по изучению Востока, успешно продолжит свою работу и внесет посильный вклад в решение больших и ответственных задач, поставленных партией перед советскими учеными в области изучения стран и народов Азии и Африки, вклад в дело окончательной ликвидации колониализма, в дело борьбы за мир и дружбу между народами.

ИЗУЧЕНИЕ ИНДИИ В ВОСТОЧНОЙ КОМИССИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР.
ХРОНИКА РАБОТЫ ЗА 1955—1966 гг.¹

1955 год

9 декабря А. В. Королев: Русские и советские писатели и художники об Индии.

1956 год

29 марта Г. П. Куриленко: Первые русские послы в Индии (Семен Маленький и др.).

12 апреля В. С. Воробьев-Десятовский: Г. С. Лебедев — первый русский индолог и создатель европейского театра в Индии в конце XVIII в.

12 октября Заседание памяти В. С. Воробьева-Десятовского. Выступления А. В. Королева, Г. А. Зографа, В. А. Родина.

Р. Р. Орбели: Малоизвестный путешественник в Индию Рафаил Данибегов и его книга «Путешествие в Индию»².

1957 год

16 мая В. И. Кальянов и Г. А. Зограф: Личные впечатления о посещении Индии.

17 октября И. В. Сахаров: Новое административное деление Индии и его экономическое значение³.

1958 год

10 января И. В. Сахаров: Новое административное деление Индии и его экономическое значение. (Повторение доклада, прочитанного 17 октября 1957 г.).

14 февраля Обсуждение книги А. В. Королева «Зарубежная Азия» (М., 1957).

28 апреля В. В. Перцмакер: Индия в книге А. В. Королева. Совместное заседание с Комиссией медицинской географии.

В. Н. Латыш: Географическое распространение проказы в Индии.

¹ В хронике указаны все посвященные Индии доклады и сообщения, прочитанные на заседаниях Комиссии и на научных конференциях, сессиях и т. п., проведенных с ее участием, а также лекции, прочитанные членами Комиссии в Лектории Географического Общества.

Нередко на одном и том же научном заседании наряду с докладами об Индии заслушивались также сообщения, посвященные другим странам. В таких случаях названы только доклады и сообщения, посвященные Индии, прочие же опущены.

В то же время (это касается научных заседаний, проведенных Восточной комиссией совместно с другими учреждениями) указаны доклады об Индии, прочитанные нечленами Комиссии.

Включена также информация о встречах индологов Восточной комиссии с зарубежными гостями.

² См. наст. сб., стр. 209.

³ См. И. В. Сахаров, *Новое административное деление Индии*, — «Страны и народы Востока. География, этнография, история» (далее — СНВ), вып. 1. Под редакцией академика В. В. Струве, М., 1959, стр. 5—29.

- 3 октября Ю. Н. Рерих: Научно-исследовательские работы в Монголии, Тибете и Гималаях в 1923—1957 гг.
- 14 ноября А. В. Королев: Художественное наследие Н. К. Рериха и его значение для географической науки.
- 3 декабря И. В. Сахаров: Роль железных дорог в размещении производительных сил и формировании экономических районов Индии.
- 22 декабря Совместное заседание с Отделением истории географических знаний.
- А. И. Андреев: Русский путешественник в Индию купец Н. И. Челобитчиков.

1959 год

- 8 января Совместное заседание с Отделением экономической географии.
- Л. И. Бонифатьева: Впечатления о поездке в Индию ⁴.
- 15 января Совместное заседание с Комиссией медицинской географии, Отделениями этнографии и истории географических знаний, Ленинградским отделением Астрономо-геодезического общества и Российским Палестинским обществом.
- Чествование заместителя председателя Восточной комиссии А. В. Королева в связи с 75-летием со дня рождения и 50-летием научной и педагогической деятельности. Выступления академика В. В. Струве, Ю. Н. Рериха и др.
- 30 января Р. И. Баранникова: Религиозные праздники Индии.
- 23 марта А. М. Любарская: Английский поэт и путешественник Вилфрид Блант — обличитель колониализма ⁵.
- 22 мая А. Д. Дридзо: Индийцы в Вест-Индии ⁶.

1960 год

- 14 апреля Г. П. Куриленко: Петр Триногин — русский путешественник в Среднюю Азию и Индию в XVII в. (по новым материалам).
- 26 мая Заседание, посвященное памяти Ю. Н. Рериха. Выступление А. В. Королева.
- 17 июня Встреча с известным индийским художником С. Н. Рерихом и его супругой Девикой Рани Рерих.
- 20 октября Заседание, посвященное памяти Ю. Н. Рериха.
- Б. И. Панкратов: Ю. Н. Рерих как тибетолог.
- Л. Н. Гумилев: Ю. Н. Рерих как историк Центральной Азии.
- А. В. Королев: Ю. Н. Рерих как путешественник и человек.

⁴ Л. И. Бонифатьева, *Впечатления о поездке в Индию и на Цейлон*, — «Известия Всесоюзного географического общества», т. 91, вып. 3, 1959, стр. 236—249.

⁵ См. А. М. Любарская, *Английский поэт и путешественник Вилфрид Блант — обличитель колониализма*, — СНВ, вып. II [под редакцией академика В. В. Струве и А. В. Королева], М., 1961, стр. 130—142.

⁶ См. А. Д. Дридзо, *Индийцы острова Тринидад*, — там же, стр. 89—102.

1961 год

- 31 мая** Е. Я. Люстерник: Первые рейсы русских пароходов в Индию (1871—1872 гг.).
- Г. П. Куриленко: Полузабытый русский путешественник по Востоку (к 125-летию со дня рождения П. И. Пашино).
- А. В. Королев: Названия и термины: Индия, Индийский субконтинент, Индостан; индийцы, индусы, индуисты.
- 11 октября** А. В. Королев: Индийский художник С. Н. Рерих и значение его творчества для познания Индии.
- 15 декабря** М. Я. Иоселева: Происхождение магических чисел у народов Древнего Востока (Египет, Месопотамия, Индия).

1962 год

- 17 января** Б. В. Братусь: Русский язык в Индии (по личным впечатлениям 1961 г.).
- 21 марта** Совместное заседание с Отделением экономической географии.
- К. М. Попов: Научная командировка в Индию (личные впечатления).
- 17 мая** Совместное заседание с Отделениями физической географии и этнографии и Лекториумом им. Ю. М. Шокальского.
- А. М. Рябчиков: Индия (личные впечатления 1961 г.)⁷.
- 24 октября** Ф. Л. Богданов: Искусство пещер Аджанты.

1963 год

- 23 августа** Совместное заседание с Отделением экономической географии.
- Л. С. Бхат (научный сотрудник Группы региональных исследований Индийского статистического института, Нью-Дели): Региональное планирование в Индии.

1964 год

- 19 мая** Совместное заседание с Отделением экономической географии и Комиссией географии населения и городов.
- И. В. Сахаров: Некоторые вопросы миграции населения Индии (на примере Западной Бенгалии)⁸.
- 24 августа** Географическое общество СССР посетила видный индийский географ и картограф, Руководитель картографического отдела Службы Главного регистратора Индии, д-р Фулрани Сенгупта.
- 9 октября** Заседание, посвященное 90-летию со дня рождения Н. К. Рериха.

⁷ См. А. М. Рябчиков, *Индия глазами советских географов*, — СНВ, вып. III. Под редакцией А. В. Королева и И. В. Сахарова, М., 1964, стр. 5—12.

⁸ См. наст. сб., стр. 38.

Ф. Л. Богданов: Сюиты Н. К. Рериха.

А. В. Королев: Н. К. Рерих и С.-Петербургский университет.

4 ноября

Ф. Л. Богданов: Прогрессивный индийский писатель Яшпал о своем путешествии по Советскому Союзу⁹.

1965 год

17—18 апреля

Встречи членов Восточной комиссии с посетившим Ленинград Главным регистратором Индии, руководителем Службы переписи населения Индии, г-ном Ашоком Митрой.

21 сентября

Географическое общество СССР посетил крупный австралийский географ, профессор Австралийского национального университета в Канберре О. Х. К. Спейт с супругой.

8 октября

Участие Восточной комиссии в научной сессии, посвященной 125-летию со дня рождения выдающегося русского индолога И. П. Минаева, организованной Институтом народов Азии АН СССР, Восточным факультетом Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, Институтом этнографии АН СССР, Географическим обществом СССР и Обществом советско-индийских культурных связей¹⁰.

Доклады, прочитанные в Ленинграде

Г. Г. Котовский: И. П. Минаев — выдающийся русский индолог.

Е. Я. Люстерник и Д. Е. Бертельс: Материалы И. П. Минаева в архивах Советского Союза.

Т. Е. Катенина, Ю. С. Маслов и Е. Я. Люстерник: И. П. Минаев и Петербургский университет.

Г. М. Бонгард-Левин и О. Ф. Волкова: И. П. Минаев как буддолог.

В. Г. Эрман: Вклад И. П. Минаева в изучение литературы и языка пали.

Б. Я. Волчок: И. П. Минаев как этнограф.

Э. Н. Комаров: И. П. Минаев о пробуждении национального самосознания индийцев и социальные воззрения ученого.

25 октября

И. В. Сахаров: И. П. Минаев как географ.

Совместное заседание с Комиссией географии населения и городов. Обсуждение книги В. В. Петрова «Население Индии. Демографический очерк» (М., 1965) с участием автора. Выступления И. В. Сахарова, Т. С. Баталиной¹¹ и автора книги, В. В. Петрова.

3 ноября

И. В. Сахаров: Миграция населения между Восточным Пакистаном и Индией после раздела Бенгалии в 1947 г.

⁹ См.: Ф. Л. Богданов, *Прогрессивный индийский писатель Яшпал о своем путешествии по Советскому Союзу*, — «Доклады Восточной комиссии», вып. I (2), Л., 1965, стр. 6—13.

¹⁰ См.: Н. Лубоцкая, *Научная сессия, посвященная памяти И. П. Минаева*, — «Народы Азии и Африки», 1966, № 2, стр. 239—240.

¹¹ См. Т. С. Баталина, Рецензия на кн.: В. В. Петров, *Население Индии*, М., 1965, — «Доклады Комиссии географии населения и городов», вып. 4, Л., 1966.

С. А. Маретина: Малые народы Ассама и Нагаленда¹².

М. К. Кудрявцев: Антропологическая служба Индии (по личным впечатлениям)¹³.

Р. И. Баранникова: О работе ленинградской школы-интерната с преподаванием ряда предметов на языке хинди.

1966 год

3 января

Лекция в Лектории имени Ю. М. Шокальского.

И. В. Сахаров: Миграция населения между Индией и Пакистаном после раздела Индии в 1947 г.

6 января

Ю. В. Маретин: О характере индо-балийской культуры (в связи с книгой Л. М. Демина «Остров Бали») ¹⁴.

Г. П. Куриленко: Некоторые забытые имена русских путешественников в Индию в XVII в.

24 января

Совместное заседание с Комиссией географии населения и городов.

И. В. Сахаров: Некоторые проблемы Калькутты (в связи с выходом книги Ашока Митры: Asok Mitra, Calcutta — India's City. Calcutta, 1963).

28 февраля

Б. П. Супрунович: Малые народы и племена Индии¹⁵.

С. А. Маретина: Ранние государственные образования у народов бодо (Ассам) (в связи с болезнью С. А. Маретиной ее доклад был зачитан в ее отсутствие).

М. К. Кудрявцев: Проблема языка у племен Индии (доклад был зачитан в отсутствие автора в связи с его отъездом в научную командировку в Индию).

20 апреля

В. В. Перцмакер: Мореходные традиции в Индии.

И. П. Труфанов: Внешние миграции населения Индии.

18 мая

Ю. В. Маретин: Индийцы в Индонезии.

А. Д. Юров: Индийцы в Южно-Африканской Республике.

24 мая

Совместное заседание с Отделениями экономической географии, этнографии и истории географических знаний и с Государственной Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

И. В. Сахаров: Комплектование библиотек Москвы и Ленинграда иностранной литературой по географии, этнографии, истории и экономике зарубежных стран (на примере литературы об Индии) и некоторые общие вопросы организации иностранного комплектования¹⁶.

¹² См. наст. сб., стр. 89.

¹³ См. наст. сб., стр. 100.

¹⁴ См. наст. сб., стр. 129.

¹⁵ См. наст. сб., стр. 73.

¹⁶ И. В. Сахаров, *О комплектовании крупнейших библиотек Москвы и Ленинграда иностранной литературой по географии, этнографии, истории и экономике Индии*. — в кн.: «Сборник методических статей по библиотековедению и библиографии», вып. XX (XLI), Л., 1966, стр. 49—96 (Гос. публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина).

2 ноября

Т. А. Шумовский: Географический ареал поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

В. В. Перцмакер: Неизвестные архивные материалы о плавании русских моряков в Индию в 60-х годах XVIII в.¹⁷.

О. А. Белоброва: Индия в древнерусском изобразительном искусстве.

24—26 ноября
Москва

Конференция на тему: «Проблемы экономического районирования в развивающихся странах», организованная и проведенная в Москве совместно с Московским филиалом Географического общества СССР и Институтом географии АН СССР.

Доклады на этой конференции, специально посвященные Индии:

24 ноября

А. М. Рябчиков и Г. Д. Бессарабов: Типология измененных природных ландшафтов как основа районирования земельных ресурсов (на примере Южной Азии)¹⁸.

25 ноября

Л. И. Бонифатьева: Урбанизация и проблемы экономического районирования в развивающихся странах Азии (на примере Индии)¹⁹.

Г. В. Сдасюк: Некоторые особенности формирования экономических районов развивающихся стран (на примере Индии)²⁰.

И. В. Сахаров (Ленинград): Некоторые вопросы экономического районирования Индии (на примере Западной Бенгалии)²¹.

21 декабря

Заседание, посвященное 100-летию со дня рождения академика Ф. И. Щербатского (1866—1942).

А. Н. Зелинский: Академик Ф. И. Щербатский и некоторые вопросы культурной истории кушан²².

Б. И. Кузнецов: Проблемы гносеологии в трактате Дхармакирти «Обоснование чужой одушевленности».

¹⁷ См. наст. сб., стр. 220.

¹⁸ А. М. Рябчиков и Г. Д. Бессарабов, *Типология измененных природных ландшафтов как основа районирования земельных ресурсов (на примере Южной Азии)*, — «Тезисы докладов на тему „Проблемы экономического районирования в развивающихся странах“», М., 1966, стр. 12—14. (Московский филиал Географического общества СССР). Восточная комиссия Географического общества СССР. Институт географии АН СССР).

¹⁹ Л. И. Бонифатьева, *Урбанизация и формирование экономических районов в развивающихся странах Азии (на примере Индии)*, — там же, стр. 22—24.

²⁰ Г. В. Сдасюк, *Некоторые особенности формирования экономических районов развивающихся стран (на примере Индии)*, — там же, стр. 20—22.

²¹ И. В. Сахаров, *Некоторые вопросы экономического районирования Индии (на примере Западной Бенгалии)*, — там же, стр. 40—43.

²² См. наст. сб., стр. 236.

М. М. Сайфулин, Л. П. Ульянова

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНДИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ¹

По форме государственного устройства Индия представляет собой федеративное государство — Индийский Союз. Федерация в Индии является логическим следствием исторического развития. Эволюция этой федерации отражает основные этапы становления и развития независимого индийского государства и накладывает определенный отпечаток на разные стороны политической и экономической жизни страны.

Образование Индийского Союза проходило в весьма сложной обстановке раздела страны, обострения религиозно-общинной розни, усиления сепаратистских настроений среди значительной части правителей более чем 600 княжеств, стремившихся к сохранению феодальных привилегий и даже к формальному отделению от Индийского Союза.

Под угрозой выступления городских масс и крестьянских восстаний правители большинства княжеств были вынуждены подписать соглашения о присоединении к Индийскому Союзу.

Следует отметить, что после присоединения² индийское правительство ликвидировало самые мелкие княжества, включив их в качестве районов в индийские провинции или объединив между собой. В результате число индийских княжеств, искусственно созданных на территории Индии английскими колониальными властями, значительно сократилось.

Феодально-деспотическая форма правления в княжествах была серьезно ограничена, статус княжеств в рамках Союза был в известной мере унифицирован и доведен до статуса бывших провинций, которые образовали в рамках Индийского Союза штаты группы «А», а бывшие княжества и комиссарские провинции — штаты группы «В» и «С». Важный процесс объединения всех территорий Индии в единое независимое государство — Индийский Союз — завершился.

Однако, особенно на первых порах, штаты Индийского Союза продолжали в основном оставаться теми искусственными многонациональ-

¹ Концепция индийской федерации, предложенная в статье, разработана Л. П. Ульяновскй. Вопросы национальных отношений, рассматриваемые в статье, разработаны М. М. Сайфулиным.

² В некоторых случаях такое присоединение происходило либо в результате референдума взрослого населения соответствующего княжества (Джунагадх), либо в результате решения махараджи, поддержанного политическими партиями (Кашмир), либо вооруженным путем (Хайдарабад).

ными образованиями, которые были созданы еще в колониальный период.

Индийский Союз является многонациональным государством. В нем насчитывается 14 крупных народов (численностью от 2 млн. до 70 млн. человек): хиндустанцы, бихарцы, маратхи, телугу, бенгальцы, тамилы, каннарцы, гуджаратцы, малайяли, раджастханцы, ория, панджабцы, ассамцы и кашмирцы. Кроме того, в Индии проживает несколько сотен малых народов и сотни племен: бхилы, санталы, гонда, нага, манипури и т. д. (численностью от нескольких сотен и тысяч до нескольких миллионов человек).

Процесс развития капитализма, начавшийся еще в условиях колониального господства, вызвал усиление борьбы различных народов Индии за национальное самоопределение. Их выступления явились важнейшей составной частью антифеодальной, антиимпериалистической борьбы народов Индии за освобождение страны от колониального гнета³.

После завоевания независимости борьба различных народов Индии за создание в рамках Индийского Союза однопациональных штатов и реорганизацию всей административно-территориальной системы страны не только не утихла, но разгорелась с новой силой. В пользу реорганизации штатов высказалось подавляющее большинство политических партий. Многие местные организации Индийского Национального конгресса требовали от руководства правящей партии осуществить лингвистический принцип образования административных единиц, который был принят Конгрессом еще в 1920 г. и зафиксирован в резолюции его Нагпурской сессии. Особо острые формы борьба масс приняла на юге страны: в Хайдарабаде, Майсуре, Траванкур-Кочине и Андрхе.

Однако индийские руководители считали, что национальное размежевание привело бы к ослаблению государственного единства. В частности, Дж. Неру неоднократно указывал, что важнейшим условием независимого развития является единство и устойчивость Индии, и что образование лингвистических единиц следует пока отложить⁴. Опасаясь роста центробежных сил, усиления конкуренции со стороны буржуазии Южной Индии, часть крупной буржуазии выступала даже за унитарную форму государственного устройства и сосредоточение всей полноты власти в руках центрального правительства. Но в условиях Индии это оказалось невозможным.

Несмотря на сопротивление монополистической прослойки индийской национальной буржуазии, а также феодальных элементов, в результате упорной борьбы рабочего класса, крестьянства, мелкой и средней буржуазии в стране была начата постепенная реорганизация штатов по национальному признаку. В 1953 г. был создан штат Андхра из населенных телугу территорий штатов Мадрас, Орисса и Майсур, и этим было положено начало воссоединению крупнейших наций страны. Этот процесс получил дальнейшее развитие в 1956 г.

Законом парламента о реорганизации штатов в 1956 г. вместо 27 штатов было образовано 14 штатов и 6 союзных территорий. Одновременно была проведена унификация правового положения штатов: деление их на группы «А», «В», «С» было ликвидировано, все штаты

³ Более подробно см.: А. М. Дьяков, *Национальный вопрос в современной Индии*, М., 1963; Т. Ф. Девяткина, *Ликвидация княжеств в современной Индии*, М., 1961.

⁴ «J. Nehru's speeches, 1949—1953», Delhi, 1957, p. 61.

получили одинаковый статус, фактически равнявшийся статусу штатов бывшей группы «А»⁵.

Но и после 1956 г. не всюду было проведено национальное размежевание. Многоязычными оставались штаты Ассам, Бомбей, Кашмир и Панджаб. В результате упорной борьбы народов двунационального штата Бомбей в 1960 г. удалось добиться разделения штата по национальному признаку и образования самостоятельных штатов: Гуджарат и Махараштра.

В 1962 г. на территории штата Ассам был образован новый, шестнадцатый по счету штат — Нагаленд, где проживают довольно компактно расселившиеся племена нага.

Изменение всей административно-территориальной системы страны с учетом национального состава ее населения было осуществлено именно под давлением народных масс. Индийская федерация была перестроена в основном на национальных началах. Хотя это преобразование не вышло за рамки буржуазной реформы, значение его и практические последствия трудно переоценить. В результате реорганизации была ликвидирована национальная, административно-политическая раздробленность Индии, завершён процесс полной ликвидации княжеств, созданы предпосылки объединения страны и продвижения ее по пути экономического и политического прогресса. Реорганизация штатов значительно ослабила национальный гнет, расчистила почву для политического, экономического и культурного развития наций и народностей Индии.

Создание штатов по национальному признаку объективно содействовало более быстрому развитию капитализма в стране. Здесь нашло полное подтверждение известное положение В. И. Ленина: «Национальность, тождество языка есть важный фактор для полного завоевания внутреннего рынка и для полной свободы экономического оборота»⁶. Федерация стала важным фактором формирования экономических районов страны преимущественно в рамках расселения крупных наций. В то же время она продолжала тормозить экономическое развитие малых народностей, так как не препятствовала процессу поглощения крупными национальностями национальных меньшинств, главным образом малых народностей и племен. Между тем последние не могут эффективно противостоять им. В этом противоречии отражается непоследовательность политики Конгресса в вопросе дальнейшего развития федерации. Однако, проведенная в 1956 г. коренная перестройка федерации открыла для рабочего класса и крестьянства благоприятные возможности для борьбы за свои национальные и классовые интересы, за расширение демократических прав и свобод.

* * *

Несмотря на создание в 1956 г. большинства штатов по национальному признаку, национальный вопрос продолжал оставаться одной из наиболее острых проблем Индии. В частности, Панджаб оставался двунациональным штатом, в котором национальный вопрос тесно переплетался с религиозным. Население штата составляло 20,3 млн. человек: 8,3 млн. — панджабцы, в основном исповедующие сикхизм (за

⁵ Подробнее см.: И. В. Сахаров, *Новое административное деление Индии*, — «Страны и народы Востока», вып. I, М., 1959; Л. П. Ульянова, *Реорганизация штатов в Индии*, — «Советское государство и право», 1957, № 9.

⁶ В. И. Ленин, *Критические заметки по национальному вопросу*, — Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 147.

исключением панджабцев района Кангра, исповедующих индуизм): 11,3 млн. — хиндустанцы, в основном исповедующие индуизм⁷. Трудность решения национального вопроса заключалась и в том, что для ряда районов характерна национальная чересполосица.

С момента создания двуязычного штата Панджаб в 1948 г. здесь не прекращалась борьба за разделение штата. Считая, что этот пограничный штат имеет особое стратегическое значение, центральное правительство не соглашалось на его раздел. Более того, в 1956 г. оно присоединило к нему населенный панджабцами и хиндустанцами штат Пенсу. Следует отметить, что политику центрального правительства Индии в этом вопросе поддерживали определенные круги в самом штате Панджаб. Против раздела выступали крупная сикхская буржуазия и помещики, захватившие ключевые посты в законодательных и административных органах штата. Эту верхушку вполне устраивали сложившееся соотношение сил в местном государственном аппарате и политическая обстановка штата, характеризовавшаяся единством всех правовых сил. Ввиду непрекращавшегося давления центрального правительства Индии пошло на частичное урегулирование языковой проблемы в штате и разделило Панджаб на две языковые зоны: зону панджаби и зону хинди, исключив из панджабоязычной зоны район Кангра с населением, говорящим на панджаби, но исповедующим индуизм.

Границы между зонами в известной степени были проведены по религиозно-общинному принципу, в соответствии с формулой одного из деятелей Конгресса Сачара. Делопроизводство в государственных учреждениях и преподавание в школах каждой из зон было поставлено на соответствующих региональных языках. В штате был сохранен один губернатор и единое правительство. Однако при Законодательном собрании штата были созданы два региональных комитета в составе членов Законодательного собрания и министров от соответствующих зон, исключая главного министра. Эти комитеты чисто совещательного характера в предварительном порядке рассматривали вопросы здравоохранения, образования, развития экономики, местного самоуправления, а также подготавливали законопроекты для Законодательного собрания.

Но не прошло и двух лет, как летом 1960 г. в штате было введено чрезвычайное положение и деятельность региональных комитетов была фактически приостановлена⁸. Хотя создание этих комитетов, а также управление и обучение на региональных языках представляли собой шаг вперед в решении сложной национальной проблемы Панджаба, вопрос о размежевании штата не потерял своей остроты и актуальности. В 1965 и 1966 гг. резко усилилась агитация в пользу создания Сикхистана. Стремление руководства общинно-религиозной партии «Акали дал», возглавляемой Тара Сингхом, создать штат на чисто религиозной основе, вызвало отрицательную реакцию со стороны индусов. В штате продолжалось шириться демократическое движение, требовавшее проведения последовательного национального размежевания. В сентябре 1965 г. индийский парламент и кабинет министров создали специальные комиссии для изучения планов проведения такого размежевания.

После длительной борьбы усилия демократических сил увенчались успехом. Центральное правительство вынуждено было объявить о реорганизации штата, и 18 ноября 1966 г. были образованы два штата

⁷ «Census of India, 1961», vol. 1, pt II-C(ii), pp. 15—16.

⁸ См. Н. И. Семенова, *История сикхского движения в Индии*, М., 1963, стр. 124.

во главе с одним губернатором: штат Панджаб и штат Хариана. Столица обоих штатов — город Чандigarх — была выделена в особую единицу, в союзную территорию, десятую по счету, а район Кангра был передан Химачал Прадешу.

Как отмечает компартия Индии, была допущена большая несправедливость, так как Чандigarх населен по преимуществу панджабцами и составляет неотъемлемую часть их территории. Национальное размежевание здесь осуществлялось на основе последней переписи населения, проведенной в 1961 г., во время обострения религиозно-общинной борьбы. Многие панджабцы, отвечая на вопросы переписи, показали, что они говорят на хинди и тем самым исказили подлинную картину расселения национальностей в штате. Демократическая общественность осталась недовольной половинчатым решением центрального правительства о создании трех новых административных единиц. Давление народных масс усиливалось. Руководитель прогрессивной части религиозной партии «Акали дал» Фатех Сингх объявил голодовку в знак протеста против решения правительства о выделении Чандigarха из штата Панджаб.

В конце декабря 1966 г., стремясь разрядить напряженную обстановку, сложившуюся в Панджабе накануне всеобщих выборов, правительство Индии пообещало передать Чандigarх Панджабу, назначить губернаторов в каждый из вновь образованных штатов, создать два Высших суда вместо одного, как это было решено ранее, и передать вопрос о спорных пограничных районах специальной арбитражной комиссии.

Итак, в составе индийской федерации появился 17-й штат. Следует отметить, что, хотя размежевание и не было полностью проведено по лингвистическому принципу, оно было осуществлено все же не на религиозной основе, как того добивались реакционеры из партии «Акали дал». Появление же Сикхистана было бы ударом по принципу секуляризма, лежащего в основе индийского государства.

Несмотря на реорганизацию штатов, в Индии до сих пор продолжают выдвигаться требования о создании новых штатов и даже самостоятельных государств⁹.

Положение в стране обостряется также из-за неурегулированных споров по территориальным вопросам, существующим между соседними штатами (Махараштра и Майсур, Ассам и Западная Бенгалия и т. п.); из-за использования реакцией вопроса о введении хинди в качестве единого государственного языка, раздувания ею межнациональных противоречий и местного национализма.

Не менее сложную проблему представляет и вопрос о положении малых народов, тем более что он связан с вопросом о государственном единстве страны. Нередко он прямо используется империалистическими силами для подрыва государственной безопасности страны. Характерным в этом плане является пример Ассама — наиболее многонационального штата Индии, занимающего важное стратегическое положение на северо-востоке страны.

В связи с тем что большинство горных народов Ассама выступает за создание Горного штата, а представители народности мизо, или лусаи (в лице своей партии Национальный фронт мизо), требуют отделения от Индийского Союза, в конце 1963 г. Неру предложил осуществ-

⁹ Санталы, проживающие в штате Бихар, требуют создания однонационального штата Джаркханд; непальцы, проживающие в Западной Бенгалии, — штата Уттарханд и т. д. Часть крупной буржуазии южных штатов не раз выступала с лозунгами отделения от Индии и создания самостоятельного государства — Дравидастана.

вить для горцев этого штата «план автономии по типу Шотландии»¹⁰. «План Неру», как он стал с тех пор именоваться, заключался в следующем: члены Законодательного собрания Ассама от горных районов (20 из 105 членов) образуют нечто вроде регионального комитета в рамках однопалатной легислатуры штата. Этот комитет должен рассматривать законопроекты, касающиеся горных районов, в предварительном порядке, до обсуждения в Законодательном собрании, и внести свои рекомендации относительно этих законопроектов, а также размеров финансовых ассигнований штата на развитие этих районов. В случае разногласий между комитетом и Законодательным собранием последнее слово в их разрешении должно принадлежать губернатору штата, действующему по указанию Президента. По рекомендации большинства членов комитета главный министр штата назначает специального министра по делам горных районов. Вместо ныне существующей в рамках секретариата правительства Ассама комиссии по делам племен предполагалось создать самостоятельный отдел, ведающий управлением горных районов, использующий в этих целях один из языков горцев.

План Неру не удовлетворил народность мизо. Теперь они требуют независимости и отделения от Индии. Против плана Неру выступили и руководители Конгресса штата Ассам, которые рассматривают данный проект как создание «государства внутри государства», ведущее к подрыву Индийского Союза. Сепаратистские настроения сильны также и в штате Нагаленд¹¹. Часть племен нага, инспирируемых извне, продолжает требовать полной независимости и отделения от Индии.

Положение в известной мере осложнилось и в связи с попыткой Конгресса ускорить введение хинди в качестве государственного языка Индии. Истечение предусмотренной в Конституции 15-летней отсрочки введения хинди в качестве государственного языка позволило парламенту принять закон о введении его в качестве государственного языка начиная с января 1965 г.

Решение парламента вызвало бурные протесты во многих штатах. Особенно сильным было противодействие на юге страны. Здесь усилились сепаратистские настроения, активизировался местный национализм, обострились межнациональные противоречия.

Эти события еще раз подтвердили мысль В. И. Ленина о том, что наиболее успешно вопрос о едином языке может быть решен не путем декретирования и принуждения сверху, а добровольно. В ходе общения друг с другом, развития экономических связей и т. д. люди сами придут к пониманию необходимости и неизбежности общего языка. И такой путь — это путь избежания ненужных, мучительных осложнений, споров и столкновений на национальной основе¹².

* * *

Буржуазные индологи склонны трактовать современное состояние национального вопроса в Индии как чреватое катастрофой. В своей книге «Индия: наиболее опасные десятилетия» американский индолог

¹⁰ Как известно, Шотландия подчиняется парламенту Англии и централизованному контролю со стороны английского правительства, хотя и имеет собственную систему права и судопроизводства, а также свою церковь. Шотландия фактически не располагает полной автономией в обычном смысле этого слова.

¹¹ Английские империалисты открыто поощряют Физо, руководителя мятежных племен, с целью осложнения обстановки внутри страны. См. «New age», April 18, 1965.

¹² См. В. И. Ленин, *Нужен ли обязательный государственный язык*, — Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 294—295.

С. Гаррисон утверждает, что межнациональные отношения в Индии достигли такой остроты, что в 60-х годах они могут привести к ликвидации государственного единства¹³. Американский социолог С. Карноу считает, что «стране угрожает болезнь, которую индийцы называют „тенденцией к распаду“»¹⁴. Даже прогрессивный французский социолог Ш. Беттельхейм отметил, что «Индия в течение ближайших лет должна будет столкнуться с различными формами экономического, социального и политического кризисов»¹⁵. Эти оценки не могут не вызывать беспокойства у индийских патриотов. Многое в деле сохранения государственного единства Индии будет зависеть от того, сумеет ли центральное правительство развивать, укреплять и демократизировать дальше государственное устройство страны.

Несмотря на сложность межнациональных отношений в Индии, реорганизацией федерации на национальной основе был сделан крупный шаг к успешному решению этой проблемы.

К Индии как наиболее развитой капиталистической стране из числа развивающихся государств, добившихся после второй мировой войны политической независимости, вполне применимы многие положения разработанной В. И. Лениным марксистской теории по национальному вопросу. Определив демократию как основу добрососедского существования народов в рамках единого многонационального буржуазного государства, В. И. Ленин считал областную автономию одной из форм государственной организации различных национальностей в условиях такого государства¹⁶. В. И. Ленин рассматривал построение буржуазной федерации по национальному принципу как важное условие подрыва и ослабления национального гнета, национальной грызни и демократического решения национального вопроса в рамках возможного при капитализме. Хотя автономия и федерация, как и другие демократические институты, осуществляются при капитализме неполно, с ограничениями, требование федерации и автономии является одним из демократических требований, ибо организация многонационального государства на началах федерации и автономии есть шаг вперед по сравнению с буржуазным унитаризмом. Поэтому рабочий класс и его партия, все демократические силы поддерживают это требование, соединяя борьбу против монополий, реакционной крупной буржуазии и помещиков с революционной программой и тактикой, в том числе и в национальном вопросе.

Учитывая усиление регионализма, а также тех действий реакции, которые угрожают единству Индии, Коммунистическая партия Индии выступает за принятие неотложных мер по укреплению политической целостности индийского многонационального государства¹⁷. В современных условиях единая и сплоченная Индия, организованная на началах демократического единства всех ее национальных сил, является важным фактором борьбы против колониализма и империализма.

Сложность государственного развития Индии на современном этапе обуславливается еще и тем, что в течение последних четырех лет страна живет по законам чрезвычайного положения. В связи с обострением индо-китайского пограничного конфликта 26 октября 1962 г. Пре-

¹³ S. Harrisson, *India: The most dangerous decades*, New York, 1962.

¹⁴ S. Carnow, *India faces a catastrophe*, — «Saturday evening post», July 5, 1965.

¹⁵ Ш. Беттельхейм, *Независимая Индия*, М., 1964, стр. 375.

¹⁶ В. И. Ленин, *О праве наций на самоопределение*, — Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 306.

¹⁷ «New age», May 10, 1964, p. 1; April 18, 1965, p. 12.

зидент Республики издал прокламацию о введении чрезвычайного положения на территории всей страны. Затем последовали два указа Президента, которые были заменены Законом об обороне Индии 1962 г.¹⁸ При центральном правительстве Индии был создан Национальный совет обороны со значительными правами и Советы обороны в отдельных штатах. В период чрезвычайного положения значительно ограничивается автономия штатов: центральное правительство получает право издавать директивы по любому вопросу, входящему в компетенцию штатов, изымать определенные категории дел из судов: парламент сейчас полномочен (согласно ст. 353 Конституции) принимать любые законы по вопросам, входящим в компетенцию штата, по ограничению основных прав и свобод граждан, предусматриваемых ст. 19 Конституции Республики.

Многие индийские ученые, рассматривая институт чрезвычайного положения, исходили из того, что в период чрезвычайного положения Индийское государство превращается в унитарное государство¹⁹. Однако важно отметить, что, несмотря на чрезвычайное положение, федеративная форма государственного устройства Индии не была утрачена. Временная потеря штатами значительной части автономных прав, более широкое вмешательство центральных органов в дела правительства и легислатур штатов связаны с временной приостановкой действия некоторых статей Конституции, касающихся федеративного устройства Республики. И хотя чрезвычайное положение, как считают индийские политические деятели и юристы, сохранится в течение продолжительного времени, этот институт все же является исключительным, не характерным для нормального функционирования индийского государства.

До сих пор в индийской буржуазной литературе не затихают споры о природе государственного устройства Индийского Союза²⁰. Часть буржуазных юристов, явно противореча реальной действительности, утверждают, что «Индийский Союз имеет квазифедеральный характер и не является ни унитарным, ни федеральным государством»²¹. Д. Сен, в частности, пояснял: Индия «представляет собой обожещенное национальное государство, в котором требование наций на самоопределение считается изменой национальной религии»²².

Некоторые индийские юристы считают иначе. Так, индийский государствовед М. П. Джайн заявляет: «Точка зрения о том, что Индия является „квазифедерацией“, явно устарела. В Индии существует сотрудничающий федерализм: на первом плане находится координация, а не независимость»²³.

Сложность характера индийской федерации, недостаток материалов, касающихся практики реализации конституционных формул, трактующих вопросы государственного устройства страны, привели к тому, что в советской юридической литературе Индийский Союз в боль-

¹⁸ См. «The Defence of India Act and other emergency legislation», — «The Gazette of India extraordinary, 1962—1964», New Delhi.

¹⁹ Д. Сен, *От подчинения к независимости*, М., 1960; М. П. Шарма, *Индийская конституция*, М., 1960, стр. 130.

²⁰ Более подробно см. Л. П. Ульянова, *К вопросу об индийском федерализме (Обзор буржуазной юридической литературы)*, — «Государство и право зарубежных стран. Информационный сборник», М., 1961, № 6.

²¹ D. N. Banerjee, *Some aspects of the Indian Constitution*, New Delhi, 1962, p. 287.

²² Д. Сен, *От подчинения к независимости*, стр. 403.

²³ M. Jain, *Indian Constitutional law*, Madras, 1962, p. 680; S. V. Desika Char, *Centralised legislation*, London, 1963, p. VII; R. N. Aggarwala, *National movement and constitutional development in India*, 1960, p. 278.

шинстве случаев рассматривался как централизованная федерация²⁴, в которой лишь преобладают тенденции к унитаризму²⁵. Но это по существу односторонний подход. Не отрицая весьма существенных тенденций к централизации, характеризующих государственное устройство Индийского Союза, мы вместе с этим считаем нужным отметить и другую сторону государственного устройства Индии — его гибкость; больше того, наличие многих двойственных, нередко противоречивых моментов, позволяющих говорить не только о тенденциях к унитаризму и централизации, но и о тенденциях к регионализму и децентрализации.

Последовательная централизация в государственном устройстве Индийского Союза²⁶ проявляется в единстве государственного аппарата Союза и штатов, в единстве судебной системы страны, в закреплении за Союзом важнейших государственных и политических полномочий; в закреплении за Союзом остаточных полномочий²⁷, а также в праве издавать законы по ряду вопросов, входящих в компетенцию штатов²⁸, и праве Союза вводить чрезвычайное положение и президентское правление в одном или нескольких штатах Индийского Союза.

Союз утверждает все законопроекты штатов, так или иначе затрагивающие вопросы об отчуждении частной собственности в общественных интересах (ст. 31/3 Конституции). Точно так же обязательно утверждаются Союзом все законопроекты штатов по вопросам, входящим в совместную компетенцию Союза и штатов. Полномочие Союза на основании ст. 31/3 Конституции позволяет ему осуществлять контроль над важнейшими моментами законодательства штатов.

Центральное правительство стремится сосредоточить в своих руках основные рычаги экономической политики, используя то обстоятельство, что свыше 70 % средств, выделяемых штатам центром, предоставляется в виде субсидий и займов. Союз активно использует Программу общинного развития деревни для усиления централистских тенденций в организации местного самоуправления. Кроме того, союзное правительство осуществляет контроль над всеиндийскими службами: индийской административной службой, индийской полицейской службой и т. д.

Тем не менее для государственного устройства страны характерно также то, что почти всем штатам Индийского Союза предоставлена довольно значительная законодательная и административная автономия. В частности, штатам принадлежат важные полномочия в области государственного управления, охраны и поддержания общественного порядка, отправления правосудия, организации местного управления, проведения в жизнь союзного законодательства. Штатам принадлежат также полномочия по регулированию всего комплекса аграрных отношений (землевладение, землепользование, проведение земельной реформы), что в условиях Индии, страны с преимущественно аграрным населением, имеет первостепенное значение. Несмотря на некоторые ограничения, штатам принадлежат значительные права и в деле государственного регулирования торговли, контроля над ценами, снабжения и распределения важнейших товаров. Организуя государственную торговлю дефицитными товарами и принимая меры по борьбе со

²⁴ И. Д. Левин, В. А. Мамаев, *Государственный строй Индии*, М., 1956, стр. 118; А. А. Мишин, *Государственный строй Индии*, М., 1956; Я. М. Бельсон, *Государственный строй Индии (лекция)*, Алма-Ата, 1957; М. В. Почкаева, *Государственный строй Индии (лекция)*, М., 1957.

²⁵ А. А. Мишин, *Государственный строй Индии*, стр. 34.

²⁶ И. Д. Левин, В. А. Мамаев, *Государственный строй Индии*.

²⁷ Конституция Индии, ст. 248.

²⁸ Там же, статьи 249, 252, 253.

спекуляцией, штаты могли бы существенно улучшить жизнь населения.

От правительств штатов в большей мере зависит разработка планов экономического развития штата. Штаты определяют объекты финансирования на своей территории, размеры ассигнований на данные объекты и сроки практического направления средств. Но поскольку основные средства на финансирование местных планов развития поступают в форме отчислений из фондов центрального правительства, штаты во многом зависят от центра и вынуждены считаться с его указаниями.

Многие весьма существенные полномочия, составляющие совместную компетенцию Союза и штатов, обычно осуществляются властями штатов. В круг этих полномочий входят уголовное, уголовно-процессуальное и гражданское право и процесс, трудовое законодательство, регулирование все еще имеющей серьезное значение проблемы беженцев и т. д.

До 1962 г. в Индии имело место определенное расширение полномочий штатов за счет делегирования им ряда полномочий центрального правительства. Это в основном функции в хозяйственной области, переданные на основании следующих законов: «Закона о товарах, имеющих существенное значение для жизни общества, 1955» (раздел 5); «Закона об управлении имуществом эвакуированных, 1950» (раздел 55); «Закона о снабжении и ценах на товары, 1950» (раздел 22); «Закона о снабжении электроэнергией, 1954» (раздел 78); «Закона о страховании работающих по найму, 1948» (раздел 96) и т. д. Кроме того, штатам были делегированы относящиеся исключительно к ведению центрального правительства полномочия по производству, использованию и распоряжению атомной энергией, а также проведение исследовательских работ в этой области.

Особенностью индийской федерации является то, что она допускает различную степень автономии штатов. Например, штату Джамму и Кашмир предоставлена политическая автономия в рамках Индийского Союза²⁹, а штату Нагаленд — узкая законодательно-административная автономия.

По сравнению с другими штатами штату Джамму и Кашмир предоставлена более широкая автономия в рамках Индийского Союза. Она выражается в том, что Кашмир имеет свою конституцию, территория штата не может быть изменена без его согласия, ему принадлежат так называемые остаточные полномочия, во главе штата стоит губернатор, не назначаемый, а лишь одобряемый Президентом Республики и т. д.

Иной статус у штата Нагаленд. Временное ограничение автономии этого штата выражается в предоставлении губернатору штата (на основании ст. 371А Конституции) фактических полномочий на осуществление законности и порядка на территории штата, внесение изменений в любые законы парламента, изданные применительно к территории штата, а также на полное управление населенным горными племенами районом Тьюнсанг, занимающим треть всей территории штата. Следует, однако, отметить, что здесь создан Региональный совет, который вносит рекомендации относительно применения законов Нагаленда в данном районе.

²⁹ В 1965—1966 гг. имела место известная унификация статуса Кашмира со статусом других штатов: пост президента Кашмира был заменен постом губернатора, премьер-министра штата — главным министром, введены прямые выборы в парламент и на штат было распространено действие ряда новых статей Конституции.

Гибкость федерации проявляется и в ряде принципов построения Индийского Союза, регулируемых системой неписаных конституционных обычаев. Эти обычаи несколько расширяют организационную самостоятельность штатов в Индийском Союзе. В частности, назначение Союзом должностных лиц в штат (например, губернатора, членов Высших судов и т. д.) производится с согласия штата.

Благодаря системе неписанных конституционных правил и других форм, значительно расширяющих объем прав, зафиксированных за штатами Конституцией, штаты на практике играют заметную роль в осуществлении государственной политики и государственного управления.

Особенно яркое представление о подлинной роли штатов в Индийском Союзе дают получившие широкое практическое распространение в Индии принцип территориальной классификации закона и принцип выборочного применения закона.

Первый из них означает полномочие штатов разрабатывать правила применения союзного законодательства, включая определение объектов, областей, методов, темпов, сроков применения закона, санкций за его нарушение и т. д., а также внесение изменений в закон.

Внешне применение принципа территориальной классификации закона выступает как естественное приспособление закона к специфическим условиям штата. В Учредительном собрании Индии отмечалась необходимость установления данного принципа в целях защиты экономически отсталых штатов³⁰. Суды признают ограничения, вводимые штатами на основании этого принципа, если они «являются разумными» и установлены в общественных интересах³¹. Подлинное же значение данного принципа состоит в превращении внешне нейтрального закона в инструмент обеспечения интересов правящего класса.

Представители Коммунистической партии Индии отметили, что своими методами проведения аграрных реформ, своими практическими действиями в области развития государственного сектора штаты фактически ограничивают общую прогрессивную направленность этих мероприятий³². Коммунистическая партия Индии неоднократно подчеркивала разницу методов и духа проведения в жизнь одного и того же закона правительством, руководимым коммунистами в штате Керала в 1957—1959 гг., и правительствами Конгресса в других штатах. Если правительство во главе с представителями Компартии Индии предприняло решительные меры для проведения земельных реформ в интересах крестьянства, выступило с ходатайством перед центральным правительством о национализации плантаций, решительно защищало интересы рабочих в промышленности и батраков в сельском хозяйстве, то в других штатах наблюдалась совершенно иная картина. Правительства штатов поощряли массовый сгон крестьян с земли; саботировали проведение земельной реформы, ущемляли интересы рабочих в промышленности и т. д.

Принцип территориальной классификации закона является в известной мере и формой защиты части национальной буржуазии, занима-

³⁰ «The Constituent Assembly debates», Lok Sabha secretariat, vol. IX, New Delhi, 1947—1949, p. 1130.

³¹ «The Constitution of India. All India reporter commentaries», vol. I, New Delhi, 1954, p. 420; «Anatha Krishnan v. the State of Madras. High Court reporter», Madras, 1952, p. 395.

³² «New age», August 18, 1963, p. 3; December 1, 1963, p. 5.

ющей господствующее положение в штате, от «аутсайдеров», включая другие национальные, кастовые и иные группы буржуазии.

Следует отметить, что штаты весьма активно использовали существующую практику, что нередко приводило даже к вторжению в область исключительных полномочий Союза, а иногда и к судебному разбирательству возникавших коллизий³³.

Важным орудием защиты интересов местной буржуазии является также институт резидентства, т. е. совокупность правил постоянного проживания на территории штата. Резидент — это лицо, считающееся постоянно проживающим на территории данного штата. В силу признания за каким-либо лицом статуса резидента, оно пользуется на территории штата целым рядом льгот и привилегий, например, правом преимущественного приобретения недвижимой, особенно земельной, собственности, налоговыми льготами, правом преимущественного поступления на государственную службу и в учебные заведения штата и т. д.

Штаты устанавливают весьма суровые требования для получения статуса резидента. Так, требуется проживание на территории штата не менее 10—15 лет, владение недвижимым имуществом, «ясно выраженное желание проживать в штате до конца жизни» и т. д.³⁴.

Институт резидентства используется штатами, с одной стороны, для установления протекционистского режима в отношении лиц своей национальности, с другой стороны, для прямой дискриминации аутсайдеров по всем сколько-нибудь существенным аспектам политических, гражданских, хозяйственных и иных отношений. С помощью этого института правительства штатов стремятся организовать борьбу против своих конкурентов, вытеснить с внутреннего рынка представителей других национальных групп буржуазии и утвердиться на этом рынке.

Все попытки отменить или изменить этот институт в централизованном порядке ни к чему не привели. Созданная в 1953 г. центральным правительством Индии Комиссия по реорганизации штатов только констатировала наличие в штатах разнообразных законов и правил проживания, варьирующихся от штата к штату. Несмотря на то что Комиссия по реорганизации штатов высказалась за отмену, унификацию или хотя бы смягчение этих правил, это не дало никаких результатов.

Попытки добиться аннулирования этого института в судебном порядке также ни к чему не привели. Верховный суд Индии, в котором разбирался этот вопрос, установил: ссылки на то, что институт резидентства противоречит установленному Конституцией понятию единого индийского гражданства, не имеют под собой никакой почвы. Верховный суд, в частности, сослался при этом на то, что понятие «гражданство» и понятие «резидентство» не совпадают. Как указал далее Верховный суд, дискриминация, проводимая штатами в отношении лиц, не проживающих постоянно на территории данного штата, представляет собой лишь меру разумной защиты лиц, постоянно проживающих на территории штата и платящих налоги³⁵.

Принцип так называемого выборочного применения закона означает, что правительства штатов, на обязанности которых лежит обес-

³³ См. разбиравшееся в Верховном суде Индии дело по поводу отчуждения центральным правительством земель штата Западная Бенгалия, содержащих уголь («India 1963. A reference annual», New Delhi, 1963, p. 433).

³⁴ «Report of the States reorganisation commission», New Delhi, 1955.

³⁵ Vyavahara Nirnaya, *The law journal of the faculty of law, Delhi university*, Delhi. 1956.

печение применения закона, сами определяют, где, в каких областях или районах штата, на каких предприятиях и даже в каких деревнях будет действовать тот или иной закон, в том числе законы Союза.

Практика такова, что правительство штата нередко замораживает применение некоторых законов, либо применяет их только там и тогда, где, скажем, имеет место организованное давление на правительство со стороны трудящихся. Это касается как земельных реформ, так и трудового законодательства. Так, земельные реформы, на которые правительства штатов были вынуждены пойти под давлением трудящихся, нередко осуществлялись только в тех районах, где выступления трудящихся за реализацию этого законодательства были особенно активными. То же самое можно сказать о законодательстве, регулирующем трудовые отношения. Рабочим предприятий нередко приходилось вести борьбу за то, чтобы закон центрального правительства или правительства штата, облегчающий условия труда, был распространен на данное предприятие. Это, несомненно, затрудняло борьбу рабочего класса, ставило рабочих различных предприятий в далеко не равные условия.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что штаты могут оказывать существенное влияние на судьбы законодательства в Индийском Союзе. Располагая перечисленными полномочиями, штаты могли бы ускорять проведение в жизнь прогрессивного законодательства Союза и некоторых штатов в хозяйственной и других областях, но и могут также не только тормозить, но и заморозить, свести на нет это законодательство.

Более того, штаты могут со своей стороны воздействовать на союзное правительство и подталкивать его к совершению действий, выгодных буржуазии данного штата. Примером тому явились действия коалиционного правительства, руководимого Конгрессом, сменившего в штате Керала правительство во главе с коммунистами. Коалиционное правительство штата, воспользовавшись приходом к власти, аннулировало прогрессивное законодательство, принятое правительством Кералы в 1957—1959 гг. Прежде всего коалиционное правительство штата обрушилось на принятый Законодательным собранием закон об аграрной реформе 1957 г., направленный на существенное ограничение помещичьего землевладения и предоставлявший, насколько это возможно в рамках буржуазной Конституции, значительные права крестьянам штата. После долгих проволочек и внесения в закон ряда изменений правительство Союза одобрило этот закон. Оно приняло также решение включить его в IX приложение к Конституции и, таким образом, обеспечить ему дополнительные конституционные гарантии со стороны Союза. Однако коалиционное правительство штата Керала ходатайствовало перед центральным правительством Индии о том, чтобы данный законопроект не включался в Конституцию, в связи с тем что правительство штата разработало новый законопроект, с его точки зрения, более соответствующий условиям штата. Центральное правительство пошло навстречу требованиям коалиционного правительства штата.

При разборе дел, затрагивающих конституционные и другие вопросы, в частности споры между Союзом и штатами, суды Индии исходят из того, что Союз и штаты Индийского Союза, каждый в своей области, «суверенны». В частности, надо отметить решение Высокого суда Калькутты по делу «Об обмене территориями между штатами Западная Бенгалия и Бихар», в котором указывалось, что штаты Индийского Союза нельзя рассматривать как простые административные

единицы, как это было во времена британского владычества в Индии. В пределах своих исключительных полномочий штаты являются «суверенными», поскольку суверенитет означает в данном случае гарантии невмешательства извне³⁶.

В силу всего сказанного некоторые эксперты, изучавшие деятельность государственного аппарата Индии, приходят к выводу о большой самостоятельности штатов, об отсутствии у союзного правительства эффективных инструментов воздействия на штат³⁷. Некоторые ученые считают даже, что тенденции развития индийского федерализма свидетельствуют о смене политической и экономической централизации Индийского Союза его относительной децентрализацией. По мнению этих авторов, после ухода с политической сцены общендийских национальных лидеров «центр тяжести в политическом развитии страны будет тяготеть к штатам, в которых уже созрели свои лидеры»³⁸. На наш взгляд, такой подход лишь односторонне освещает положение.

Политическое развитие независимого индийского государства — процесс сложный, для него характерно переплетение тенденций к централизации и децентрализации. С одной стороны, штаты обладают значительным объемом прав и полномочий, с другой — Союз располагает средствами, дающими ему возможность осуществлять свой стратегический контроль над правительствами штатов. Федерация в условиях многонационального индийского государства является такой формой государственного устройства, в которой заинтересована не только буржуазия, но и трудящиеся. В настоящее время в ряде штатов Индии в результате четвертых всеобщих выборов созданы правительства оппозиционных Конгрессу политических партий, в том числе правительства Объединенных левых фронтов, куда входят и представители Коммунистической партии Индии. Эти правительства стремятся использовать демократические принципы индийской федерации, а также права и автономии штатов для проведения назревших демократических реформ, для защиты и отстаивания интересов трудящихся. Деятельность этих правительств вносит много новых интересных черт в общую политическую обстановку в стране, а также в практику индийского федерализма в целом.

Прогрессивная общественность Индии выступает в поддержку этих правительств, выдвигая требования дальнейшего расширения и укрепления прав и полномочий штатов. В своем предвыборном манифесте, одобренном накануне всеобщих выборов в феврале 1967 г., Коммунистическая партия Индии выдвинула ряд требований, отвечающих нынешнему этапу развития индийской федерации: она требует расширения автономии штатов, особенно их полномочий в области финансов и экономического развития, и пересмотра VII приложения к Конституции в этих целях, ибо это позволит ускорить ликвидацию большого разрыва в экономическом развитии штатов. КПИ настойчиво добивается предоставления статуса штата управляемым из центра союзным территориям — Химачал Прадешу, Манипуру и Трипуре, объединения в один штат территории Харианы, Дели и некоторых других однородных в языковом отношении близлежащих районов. КПИ поддерживает стремление ряда народностей и наиболее крупных племен создать свои собственные штаты или

³⁶ «Journal of parliamentary information», Lok Sabha secretariat, New Delhi, October, 1956, № 2.

³⁷ «Paul Appleby's report», New Delhi.

³⁸ S. V. Kodekar, *Federalism in India*, Oxford Round Table Meeting, September, 19—24, 1963, pp. 6—7.

автономные области. По мере развития индийского многонационального государства, консолидации новых наций будет все больше и больше побудительных мотивов для расширения числа субъектов индийской федерации. Наряду с этим возникает необходимость дальнейшей демократизации всей структуры Индийского Союза. В своей Программе, принятой в декабре 1964 г., и в предвыборном манифесте от 18 декабря 1966 г. КПИ ставит задачу «укрепления парламентской системы путем все большего приближения ее к массам и большего выражения их демократических устремлений». С этой целью КПИ предлагает отменить такие положения Конституции, как чрезвычайные полномочия Президента Республики, в частности его полномочие вводить президентское управление в штатах, институт губернаторов в штатах, верхние палаты legislatures штатов и создать вместо Законодательных советов, избираемых на недемократической основе, постоянные комитеты с участием в них всех партий, представленных в legislatures. КПИ считает необходимым ввести пропорциональную систему выборов во все избираемые населением органы власти, полностью отделить судебную систему от исполнительной власти, провести широкие демократические реформы в области государственного управления: реорганизовать центральные и местные службы, в том числе полицейскую службу, ликвидировать излишние, бюрократические звенья государственного аппарата, прекратить использование воинских частей для подавления демократического движения масс, отменить Закон об обороне Индии и чрезвычайное положение в стране, Закон о превентивном заключении, полностью восстановить основные права и свободы, провозглашенные Конституцией ³⁹.

Индийский Союз как многонациональное государство продемонстрировал за 20 лет существования независимой Республики определенную жизнеспособность, устойчивость и приспособляемость к изменяющимся социально-экономическим и политическим условиям развития страны.

Федеративная форма государственного устройства показала себя весьма удобным государственно-правовым инструментом. Эта форма позволяет наиболее гибко разрешать межнациональные противоречия. Федерация в Индии несет в себе определенный элемент демократизма, но интересы индийского народа требуют ее дальнейшей демократизации и совершенствования. Расширение полномочий штатов в ряде существенных вопросов, имеющих общенародное значение, является основой для активизации их роли в решении важнейших задач, стоящих перед индийским государством, вступившим на путь независимого развития.

³⁹ «Election manifesto of the Communist Party of India», Supplement to «New age», December 18, 1966.

И. В. Сахаров

О СПЕЦИФИКЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕНГАЛИИ

Развитие капитализма в Индии, появление крупных фабрик и заводов, шахт и плантаций, транспорта современного типа и т. д., с одной стороны, и, с другой — рост относительного аграрного перенаселения привели к массовой миграции населения. При этом в механическом перемещении населения большое значение имели и имеют миграционные потоки, пересекающие границы ареалов расселения разных народов. Поэтому в каждом крупном национальном районе Индии представлен более или менее многочисленный и нередко довольно пестрый по составу инонациональный элемент.

Это относится, в частности, и к Западной Бенгалии, которая длительное время была и остается одним из наиболее важных в стране центров притяжения мигрантов из различных, в том числе и весьма удаленных, областей. По численности иммигрантов (т. е. лиц, родившихся за пределами штата) и по их удельному весу во всем населении этот штат стоит на одном из первых мест в Индии. Перепись населения 1961 г. зафиксировала в этом штате 5,5 млн. иммигрантов, что составляло около 16% всех жителей штата.

К сожалению, более подробными данными переписи 1961 г. об иммигрантах (о их размещении по территории штата, распределении их по отраслям народного хозяйства и т. д.) мы не располагаем. Поэтому мы обратимся к материалам предшествующей переписи — 1951 г. (см. таблицу); поскольку в последующие годы иммиграционная структура населения (равно как и его национальный состав) не претерпела существенных изменений, данные этой переписи вполне показательны и для характеристики современного положения.

В 1951 г. в Западной Бенгалии (в ее тогдашних границах) насчитывалось около 4,6 млн. иммигрантов — 18,5% всего населения штата (24,8 млн. человек); 2,6 млн. человек приходились на родившихся в Восточном Пакистане (из них 2,1 млн. человек составляли беженцы) и почти 1,9 млн. — на выходцев из других штатов Индии, главным образом из Бихара (1,1 млн.). Около половины всех иммигрантов (почти 2,3 млн. человек) было сконцентрировано в Калькуттском промышленном районе — в самой Калькутте («сити») и ее пригородах, где они составляли половину (!) всего населения. Кроме того, большое число иммигрантов проживали в промышленном районе вокруг Асансола

Таблица 1

**Состав населения Западной Бенгалии и Калькуттского
промышленного района по месту рождения**
(по данным переписи 1951 г.)

Место рождения	Западная Бенгалия*		Калькуттский промышленный район**	
	тыс. человек	% к итогу	тыс. человек	% к итогу
Западная Бенгалия	20 209	81,4	2340	50,6
Другие штаты Индии	1 882	7,6	1127	24,3
В том числе:				
Бихар	1 109		606	
Уттар Прадеш	295		243	
Орисса	202		127	
Пакистан	2 619	10,6	1129	24,4
В том числе:				
беженцы	2 099	8,5	784	16,9
прочие	520	2,1	345	24,3
Другие страны	100	0,4	24	0,7
Итого	24 810	100,0	4620	100,0

* «Census of India, 1951», vol. VI. West Bengal, Sikkim & Chandernagore pt I-C. Report. By Asok Mitra. Delhi, 1953, p. 101; ibid., pt I-A. Report. By Asok Mitra, p. 309. Данные о Западной Бенгалии — без дистрикта Пурулиа, который был присоединен к ней в 1956 г.

** «Census of India, 1951», vol. VI, pt IV. The Calcutta industrial region. Tables. Delhi, 1954, pp. 265—269, 276—277.

(на западе), а также в сельской местности (последнее относится главным образом к беженцам).

Приток населения в Западную Бенгалию шел и идет как из Восточной Бенгалии (Восточного Пакистана), так и из других, инонациональных областей Индии, а также и из других стран (особенно из Непала). В результате в настоящее время в населении штата существует значительная и довольно пестрая по составу прослойка национальных меньшинств (в дистрикте Дарджилинг последние составляют подавляющее большинство жителей).

Бихарцы, хиндустанцы и представители некоторых других народов мигрируют в Западную Бенгалию, как правило, на короткий срок — на год — два, редко более. Своих жен и детей они почти всегда оставляют в деревне (куда, кстати, многие из них возвращаются во время отпуска, на сезон интенсивных земледельческих работ и т. д.) и, проработав некоторое время в Западной Бенгалии, возвращаются домой, а им на смену — нередко из тех же деревень — приходит новое пополнение. Однако часть мигрантов переселялась и переселяется в Западную Бенгалию вместе с семьями в полном составе и обосновалась здесь надолго, иногда навсегда. Это относится главным образом, во-первых, к представителям различных племен (так называемых «зарегистрированных племен», или «адиваси»), прежде всего к самым многочисленным среди них — санталам — выходцам из Парган Санталов (бихарского дистрикта на границе с Западной Бенгалией), а также ораонам, мунда и др., вывезенным в свое время из Чхота Нагпура (Бихар) на чайные плантации; и, во-вторых, к непальцам — выходцам из Непала,

обосновавшимся преимущественно в северобенгальском дистрикте Дарджилинг.

Национальные меньшинства, даже если они проживают в штате на протяжении жизни нескольких поколений, как правило, не поддаются ассимиляции, не растворяются в окружающем бенгальском населении и прочно сохраняют свой устойчивый этнический облик и свой родной язык. Поэтому более полное и точное представление о национальном составе населения штата дают сведения не о месте рождения, а о родном языке жителей штата ¹.

Подавляющее большинство населения составляют бенгальцы: в 1961 г. 29,4 млн. человек из 34,9 млн. (т. е. 84,3%) в качестве родного языка указали бенгали ². Западная Бенгалия — главный район расселения бенгальцев в Индии: здесь сосредоточено 86,9% всех лиц, назвавших бенгали своим родным языком. Однако основная масса бенгальского народа — около 50 млн. человек — проживает в Восточном Пакистане.

В 1961 г. общая численность национальных (языковых) меньшинств, проживающих в штате, составляла 5,5 млн. человек (16% всего населения). По родному языку они распределялись следующим образом (в тыс. человек) ³:

хинди	1894	сантали	1121	панджаби	58
урду	833	непали	524	тамилы	33
бихари	149	ория	213	раджастхани	32
итого	2876 ⁴	телугу	81	гуджарати	26 и т. д.

Особенно значительные группы небенгальского по национальности населения сложились в промышленном районе Калькутты (в 1951 г. лица, родившиеся за пределами Бенгалии, составляли здесь 53% все-

¹ Перепись населения Индии не учитывает национальную принадлежность. Поэтому при определении национального состава приходится пользоваться данными о родном языке. В условиях Индии, где широко представлено двуязычие населения, где в последние десятилетия ведется активная пропаганда в пользу определенных языков по политическим и религиозным мотивам, где принадлежность некоторых диалектов к какому-либо из главных языков бывает трудно установить и где, наконец, национальное самосознание ряда народов (даже крупных) развито довольно слабо, часто случается, что одни и те же лица в различных переписях называют в качестве родного разные языки. Тем не менее в большинстве случаев данные о родном языке служат важным критерием при определении национальной принадлежности.

² «Census of India, 1961», vol. I. India. pt II-C(ii) — Language tables. Delhi, 1964

³ «Census of India, 1961», vol. I. India. pt II-C(ii) — Language tables.

⁴ У нас нет данных, позволяющих уверенно судить о национальной принадлежности жителей штата, указавших своим родным языком хинди, бихари или урду (тем более, что у самих жителей Уттар Прадеша и Бихара национальное самосознание получило сравнительно слабое развитие). Можно лишь отметить, что бихарцы нередко в качестве родного языка называют хинди, а не один из диалектов бихари, на котором они фактически говорят; поэтому подавляющее большинство лиц, назвавших своим родным языком хинди, на самом деле — бихарцы (это подтверждают и приведенные выше данные о месте рождения иммигрантов). Что касается жителей штата, назвавших в качестве родного языка урду (язык, на котором говорит и пишет часть индийских мусульман в основном в Северной Индии), то, по-видимому, почти все они — небенгальцы. Для такого утверждения имеются следующие основания. Подавляющая масса бенгальцев-мусульман (даже в Восточном Пакистане) знает урду плохо или вообще не знает его. С другой стороны, бенгальцы (в том числе и исповедующие ислам) отличаются сильно развитым чувством национального самосознания, поэтому родной язык для них — предмет особой гордости. Поэтому трудно предположить, что в момент переписи из чисто религиозных побуждений они назвали своим родным языком не бенгали, а урду. Очевидно, подавляющее большинство урдуязычного населения штата составляют выходцы из Бихара и Уттар Прадеша и их потомки, т. е. по национальности бихарцы и хиндустанцы.

го работающего населения, за вычетом беженцев)⁵, а также в районе чайных плантаций на севере и в горнопромышленном районе на западе штата.

* * *

Все это небенгальское население в целом (равно как и его отдельные этнические группы) весьма неравномерно распределилось не только по территории штата, но и в различных отраслях народного хозяйства, классах и социальных прослойках. При этом характерной чертой социальной, отраслевой, профессиональной структуры населения штата стали ярко выраженные своеобразные «аномалии» в этническом составе ее отдельных звеньев (особенно в главных районах сосредоточения национальных меньшинств).

Например, крестьянство, средние слои (служащие, чиновничество, интеллигенция), средняя и мелкая буржуазия в Западной Бенгалии состоят почти целиком из бенгальцев. В то же время современный пролетариат (рабочие, занятые в фабрично-заводской и горнодобывающей промышленности, на чайных плантациях и железных дорогах, в порту, в городском хозяйстве Калькутты), городские низы (мелкие торговцы, кустари, наемные рабочие мелких предприятий, случайные рабочие, различные люмпенпролетарские элементы и т. д.) и, с другой стороны, крупная и особенно монополистическая буржуазия штата представлены в основном или в значительной мере не бенгальцами, а людьми других национальных и этнических групп.

Иллюстрацией может служить, например, положение в фабрично-заводской индустрии⁶. В 1957 г. число занятых на фабриках и заводах штата составляло около 670 тыс. человек; из них на долю уроженцев Западной Бенгалии приходилось лишь 36,2%, а вместе с небольшой прослойкой родившихся в Восточной Бенгалии — 39,7%. Остальные же 60,3% составляли выходцы из Бихара (27,9%), Уттар Прадеша (16,8%), Ориссы (9,4%) и т. д. В некоторых отраслях промышленности удельный вес рабочих-бенгальцев был еще ниже. Например, в черной металлургии уроженцы районов, расположенных за пределами Западной Бенгалии, составляли 68,4%, в бумажной — 73,5, в стекольной — 76,4, а в главной отрасли индустрии штата — джутовой — 77,2%. Иммигранты составляли также значительную часть рабочих в таких важных отраслях промышленности штата, как химическая (44,5%), машиностроительная (47,1%), резиновая (60,8%), хлопчатобумажная (63,3%) и т. д.⁷ Фактически удельный вес небенгальцев среди фабричных рабочих еще ниже, так как часть их (впрочем, весьма небольшая) родилась в самой Западной Бенгалии. К числу немногих отраслей промышленности, в которых наблюдается явное преобладание бенгальцев, относится полиграфическая: в многочисленных типографиях родившиеся в Западной Бенгалии составляют 72,7% всех рабочих.

Фабричная промышленность штата — далеко не единственная отрасль его народного хозяйства, где среди рабочих преобладают лица

⁵ «Working population in Calcutta industrial region — distribution by industry, place of birth and educational attainment — 1951 Census» (Census of India, Paper № 6 — 1955), Delhi, 1958, p. III.

⁶ Интересный материал по этому вопросу, относящийся к Бенгалии колониального периода, собран и прокомментирован в ст.: Э. Н. Комаров, *Материальное положение промышленного пролетариата Бенгалии и некоторые вопросы его формирования*, — «Ученые записки Ин-та востоковедения», т. V, М., 1953, стр. 8—15.

⁷ «West Bengal labour year book, 1958», s. I., 1960, p. 37.

небенгальской национальности. Так, среди горняков на угольных шахтах Раниганджа и среди рабочих на чайных плантациях Северной Бенгалии (на которых в 1961 г. было занято соответственно 125 тыс. и 202 тыс. человек) удельный вес бенгальцев еще ниже, чем в обрабатывающей промышленности. Подавляющее большинство шахтеров в угольной промышленности штата составляют баури — члены индуизированной касты (в прошлом — племени) — и санталы. На чайных плантациях преобладают ораоны, мунда, санталы и представители других племен — потомки иммигрантов из Бихара (Чхота Нагпур) и Мадхья Прадеша — и непальцы (особенно в горных районах Дарджилинга).

Очень много иммигрантов из других национальных районов страны занято также в торговле, на транспорте, в сфере услуг. Так, выборочное обследование работающего населения (за исключением беженцев) Калькутского промышленного района, проведенное по материалам переписи 1951 г., показало, что, например, в торговле лица, родившиеся вне Бенгалии, составляли 43%, а на транспорте — 64% всех работающих⁸.

Эти данные показывают, какую важную роль играют иммигранты и вообще небенгальцы в народном хозяйстве штата. Как писал Ашок Митра, возглавлявший проведение переписи населения 1951 г. в Западной Бенгалии, «иммигранты внесли очень большой вклад в развитие промышленности в этом штате, и хотя верно то, что промышленность в Западной Бенгалии основана там, где она есть, ...трудно вообразить, как была бы заполнена пустота в том случае, если бы штат сегодня лишился рабочих-иммигрантов»⁹. О. Х. К. Спейт, оценивая роль иммигрантов-небенгальцев в промышленности и вообще в экономике Большой Калькутты, писал: «...жизнь в ослабленном скученностью организме зоны Хугли поддерживается лишь постоянными переливаниями крови — главным образом за счет притока бихарцев»¹⁰.

Это явление можно объяснить следующими причинами. Как известно, повсюду в Индии (в том числе и в Западной Бенгалии) значительных масштабов достигло относительное аграрное перенаселение, в результате чего в деревне образовалась огромная резервная армия труда, не находящая себе применения в сельском хозяйстве. Однако соотношение между численностью сельских трудовых ресурсов и потребностью в них и соответственно сила «выталкивания» крестьян из деревни в город неодинаковы в разных районах страны. Относительное аграрное перенаселение в Западной Бенгалии не приняло таких острых форм, как, например, в Северном Бихаре или Восточном Уттар Прадеше (районах, поставляющих основную массу иммигрантов). Почвенно-климатические условия в Западной Бенгалии более благоприятны для земледелия¹¹ и обеспечивают более высокие и устойчивые урожаи сельскохозяйственных культур, чем во многих других районах страны. Кроме того, здесь преобладают ценные товарные культуры (прежде всего рис и джут), дающие бенгальскому крестьянину сравнительно

⁸ «Working population in Calcutta industrial region...», р. X, XI. Кстати, по данным этого обследования, удельный вес выходцев из небенгальских районов достигал в джутовой промышленности 79%, в кожевенной и обувной — 81, а в кирпичной — 89% всех работающих.

⁹ «Census of India, 1951», vol. VI, pt I-A. Report, By Asok Mitra, Delhi, 1953, р. 318.

¹⁰ О. Х. К. Спейт, *Индия и Пакистан. Общая и региональная география*, М., 1957, стр. 567.

¹¹ См. И. В. Сахаров, *Природные условия и ресурсы Бихара и Западной Бенгалии и их хозяйственная оценка*, — «Страны и народы Востока. География, этнография, история», вып. I, М., 1959, стр. 77—87.

высокий доход. С другой стороны, рис и джут — культуры весьма трудоемкие. В условиях слабой механизации сельского хозяйства в страдную пору даже многочисленное сельское население штата не справляется с сельскохозяйственными работами, и Западная Бенгалия вынуждена импортировать рабочую силу из Бихара и других штатов даже в земледелие. В этих условиях в самой Бенгалии перелив трудового населения из деревни в город происходил и происходит в сравнительно небольших масштабах и охватывает незначительную часть сельских жителей.

С другой стороны, направление и интенсивность миграционных потоков неразрывно связаны с особенностями размещения производства и с особенностями географии рынка рабочей силы. В соседних с Западной Бенгалией штатах нет крупных промышленных центров, которые могли бы поглотить местное «избыточное» сельское население. Калькутта же наряду с Бомбеем — самый крупный, емкий, самый разнообразный по характеру спроса центр приложения рабочих рук не только Западной Бенгалии, но и всей Индии. Поэтому рабочие стекаются сюда со всех концов страны, из разных национальных районов. Кроме того, следует учитывать, что в настоящее время многие сферы приложения рабочей силы в Калькутте перенасыщены: хозяйство даже этого города-гиганта не в состоянии поглотить — устроить и расселить — огромную и непрерывно пополняющуюся массу пришлого населения. Город полон безработными и полубезработными, готовыми на любую работу. В этих условиях бенгальцам приходится сталкиваться с сильной конкуренцией бихарцев и других пришельцев, которую они по разным причинам далеко не всегда могут выдержать.

Наконец, определенную роль в сохранении сложившегося соотношения между различными национальными и этническими группами рабочих играет распространенная в некоторых отраслях традиционная практика вербовки рабочих не только из одного и того же района, но даже из одних и тех же деревень.

Между бенгальцами и небенгальцами (а среди последних между отдельными национальностями и иногда даже кастовыми и религиозными группами) сложилось заметное разделение круга профессий и занятий. Например, в джутовой промышленности нередко на одной и той же фабрике различные специальности и виды работ как бы закреплены за определенными этническими и общинно-кастовыми группами: в одних цехах работают преимущественно бихарцы, в других — телугу, в третьих — ория, бенгальцы и т. д. Рабочие кожевенной промышленности — это в основном бихарцы и хиндустанцы (по касте — мучи и чамары). В целом бенгальцы преобладают среди квалифицированных рабочих, инженерно-технического персонала, клерков и вообще «белых воротничков»; физическим же, неквалифицированным, «черным» трудом заняты в основном небенгальцы, особенно иммигранты.

Сходная картина наблюдается не только в промышленности. Очень высок удельный вес бихарцев, хиндустанцев и других небенгальских национальностей среди занятых на железных дорогах (кочегаров, машинистов, механиков, носильщиков, проводников), среди докеров Калькуттского порта, рабочих городского хозяйства и вообще среди трудового люда калькуттской агломерации. Они преобладают, например, среди сапожников, лодочников, поваров, слуг, грузчиков и разнорабочих, привратников, домашней прислуги. Из них состоит в основном штат полиции. Пример более узкой «специализации»: профессию шоферов такси в Калькутте монополизировали панджабские сикхи. Кроме того, в некоторых сельских районах штата немалую часть сельско-

хозяйственных рабочих (особенно сезонников), рабочих, занятых на строительстве дорог и различных земляных работах и т. д., составляют санталы, временные отходники из Бихара и др. Небенгальцы преобладают также среди солдат и матросов дислоцированных в Западной Бенгалии воинских частей.

В то же время некоторые профессии и занятия почти полностью монополизированы бенгальцами. Так, по данным упоминавшегося выше обследования материалов переписи 1951 г., среди врачей, профессоров и преподавателей высших и средних учебных заведений, научных работников, юристов, художников, скульпторов, издателей, журналистов и т. д. родившиеся в Бенгалии составляли 80—90%.

Здесь помимо других причин многое объясняется живучестью общинно-кастовой идеологии (со свойственными ей запретами и ограничениями, делением занятий на «достойные» и «нечистые»), наличием у представителей отдельных этнических групп определенных сложившихся производственно-трудовых навыков, традициями, методами вербовки, различием в уровне профессиональной подготовки и общем культурном уровне работников. Так, особенность перемещения сельских жителей из деревни в город в самой Бенгалии заключается в том, что в течение долгого времени оно охватывало в значительной мере представителей помещичьего класса, а также верхних слоев арендаторов, выходцев из высших каст и более образованных слоев населения (так называемых «бхадралок»). Бхадралоки составляют значительную часть бенгальцев-горожан. По традиции они стремятся получить гуманитарное образование и поставляют кадры интеллигенции, государственных служащих, конторщиков и т. п. В то же время они избегают физического труда, и хотя в городах материальное положение большинства представителей этой прослойки в настоящее время весьма тяжкое, они нередко идут на большие лишения, но не соглашались работать на фабриках и предпочитают низкооплачиваемую должность клерка месту рабочего с более высокой заработной платой. Из Бихара же и других небенгальских областей в бенгальские города мигрирует преимущественно крестьянская беднота, выходцы из низших каст, готовые взяться за любую работу и вообще соглашающиеся на худшие условия жизни и труда, чем бенгальцы.

* * *

Весьма своеобразен этнический состав действующей в Западной Бенгалии буржуазии.

В период британского колониального господства Бенгалия служила основным оплотом иностранного (главным образом английского) капитала в Индии. Колониальная эксплуатация этой провинции (в отличие, например, от Западной Индии) осуществлялась в основном непосредственно британским капиталом. Калькутта была крупнейшим в стране центром деятельности многочисленных промышленных, торговых, банковских и прочих английских и других иностранных фирм.

После достижения Индией политической независимости условия деятельности здесь иностранного капитала существенно изменились: индийская национальная буржуазия значительно потеснила иностранный капитал, и последний к настоящему времени утратил принадлежавшие ему в колониальный период господствующие позиции в экономике Западной Бенгалии. Тем не менее этот штат по-прежнему остается важнейшим в Индии центром деловых операций иностранных бизнесменов.

Так, в 1965 г. из 586 действовавших в стране иностранных компаний в Западной Бенгалии было зарегистрировано 290 компаний, т. е. 49,5%. Иностранные монополии сохранили важные позиции в ряде отраслей экономики штата, и их влияние на его хозяйственную жизнь все еще очень велико. Вплоть до настоящего времени в Западной Бенгалии британские и прочие иностранные предприниматели составляют многочисленную (по сравнению с другими штатами Индии) и очень влиятельную прослойку буржуазии. Более того, проникновение иностранных (не только английских, но и американских, японских, западногерманских и др.), монополий в экономику штата продолжается, хотя и в новых формах.

Довольно много англичан и других иностранцев насчитывается также среди различных специалистов (инженеров, техников и т. д.), занятых на предприятиях, принадлежащих как иностранным, так и индийским компаниям.

Весьма неоднороден и этнический состав оперирующей в Западной Бенгалии *индийской* буржуазии. В прошлом здесь английские монополии особенно активно препятствовали развитию национального капитала (особенно в промышленности). В этих условиях самостоятельное капиталистическое предпринимательство бенгальских деловых кругов было, как правило, связано с большими трудностями. С другой стороны, введение колонизаторами в Бенгалии системы постоянного обложения, а затем создание института привилегированной аренды превратили землевладение в одну из самых выгодных и надежных сфер приложения капитала. Поэтому значительная часть денежных накоплений бенгальских имущих классов направлялась на приобретение земельной собственности. Определенную роль играли также национальные и религиозные традиции местного населения: и индуизм и мусульманство считали предпринимательскую деятельность малопочетным делом. Землевладельцам и государственным служащим традиция отводила в социальной иерархии гораздо более высокое место. Все это сильно затормозило рост бенгальской (особенно промышленной) буржуазии. Развитие самостоятельного бенгальского капиталистического предпринимательства долгое время происходило лишь в сфере мелкого производства¹².

На западе Индии и в некоторых других районах страны условия для формирования и консолидации крупного самостоятельного индийского национального капитала были гораздо более благоприятными. В итоге буржуазия, принадлежащая к другим национальным и общинно-кастовым группам (особенно гуджаратцы, парсы, марвари), не только опередила бенгальскую буржуазию на общендийском фоне, но и сумела сильно потеснить ее на бенгальском национальном рынке и поставить под свой контроль значительную часть бенгальского капитала. В результате ко времени завоевания Индией независимости сложилось явное несоответствие между той выдающейся ролью, которую играла бенгальская нация в экономической и особенно политической и культурной жизни Индии, и сравнительно слабыми позициями, занимаемыми бенгальской буржуазией в экономике (особенно в крупной промышленности) страны, несмотря на высокий уровень экономи-

¹² О формировании и современном положении буржуазии Западной Бенгалии см.: В. И. Павлов, *Некоторые черты формирования и развития бенгальской буржуазии*, — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», XXIII. История и экономика Индии. М., 1957, стр. 19—34; О. Маев, *Индийский монополистический капитал (Восточноиндийские группы)*, — «Мировая экономика и международные отношения», 1967, № 3, стр. 118—123.

ческого развития Бенгалии¹³. Об этом красноречиво свидетельствуют, например, следующие данные о 44 крупнейших группах индийского капитала, относящиеся к 1948 г.¹⁴. Из этих 44 объединений, контролировавших в общей сложности 430 компаний с выплаченным капиталом почти в 1,3 млрд. рупий, бенгальцам принадлежали лишь три управляющих агентства («Вильерс», «Г. Датт энд санс» и «Дасс бразерс»), контролировавших 24 компании с выплаченным капиталом немногим более 16 млн. рупий (т. е. лишь немногим более 1% общей суммы). В то же время под контролем 13 марварийских монополий находилось 205 компаний с выплаченным капиталом около 509 млн. рупий (почти 40%); под контролем гуджаратских монополистов — 48 компаний с капиталом около 167 млн. рупий; под контролем концерна Тата (сам Тата — парс) — 33 компании с капиталом 365 млн. рупий и т. д. Из тех же 44 групп 16, контролировавших 358 компаний, имели свои главные конторы в Калькутте, в том числе 3 бенгальские (31 компания), 9 марварийских (240 компаний), 2 панджабские (50 компаний) и т. д., а также одно англо-индийское управляющее агентство («Мартин — Бэрн»), в котором был представлен капитал марвари и бенгальцев (32 компании). Если взять только те из подконтрольных этим группам компании, о которых известны данные о их выплаченном капитале, то получается такая картина: марвари контролировали 152 компании с капиталом в 310,8 млн. рупий, панджабцы — 36 компаний с 42,8 млн. рупий, бенгальцы — 24 компании с 16,1 млн. рупий, «Мартин — Бэрн» — 32 компании со 117,9 млн. рупий. Несмотря на свою приблизительность¹⁵, приведенные выше данные убедительно свидетельствуют о том, что даже в самой Западной Бенгалии позиции крупной бенгальской буржуазии в 1948 г. были сравнительно слабыми.

После достижения Индией независимости экономические и политические позиции бенгальской буржуазии в Западной Бенгалии существенно укрепились. Однако еще большим был рост экономического влияния в этом штате выходцев из других областей страны.

Особенно упрочилось положение крупной буржуазии марвари. Западная Бенгалия превратилась в главный район ее деятельности, а Калькутта, которая, между прочим, по численности марвари в настоящее время стоит на первом месте среди индийских городов, стала подлинной цитаделью экономического могущества этой общины. Здесь находятся, например, главные конторы таких крупнейших марварийских монополистических объединений, как «Бирла бразерс», «Сураджмалт Нагармалл», «Рамдатт Рамкишендасс», «Гоэнка энд К^о», «Джайпурия бразерс», «Джалан индастриз» и др. После завоевания Индией неза-

¹³ Необходимо отметить, что в колониальный период сильная конкуренция со стороны марварийского, гуджаратского и вообще инонационального капитала, с которой столкнулась на своем национальном рынке бенгальская буржуазия, наряду с определенной хозяйственной и культурной обособленностью Бенгалии от остальной Индии (в сочетании с другими факторами) способствовали формированию в бенгальском национальном движении сепаратистских тенденций и настроений. Подробнее об этом см. Ю. В. Ганковский, *Некоторые особенности бенгальского национального движения в колониальную эпоху*, — в кн.: «Экономика и история Индии и Пакистана», М., 1966, стр. 100—123.

¹⁴ «India to-day», 1952, pp. 14—17.

¹⁵ Эти данные относятся только к 44 группам, причем сведения о некоторых из них неполны. Кроме того, предприятия, принадлежащие некоторым из подконтрольных этим объединениям компаний, зарегистрированных в Калькутте, были расположены за пределами Западной Бенгалии и, наоборот, ряд групп, зарегистрированных, например, в Бомбее (все — небенгальские), контролировали предприятия в Западной Бенгалии.

висимости крупные капиталисты-марвари захватили контроль над большинством британских фабрик, плантаций, шахт, торговых предприятий, перешедших в руки индийского капитала; ими построено много новых предприятий в ряде важных отраслей западобенгальской индустрии — химической, машиностроительной и др. Марвари сохранили также ведущее место в торговле (особенно оптовой), ростовщичестве, банковском деле, являются крупнейшими владельцами недвижимости. В настоящее время марвари представляют сильнейшую группу индийской буржуазии, действующей в Западной Бенгалии.

Помимо марвари важные позиции в экономике штата принадлежат крупным гуджаратским, парсийским, панджабским капиталистам. Говоря о разнородном национальном составе крупных предпринимателей Западной Бенгалии, Ашок Митра отмечал, что нигде в Индии, кроме, может быть, лишь центральных министерств в Нью-Дели, не представлена вся страна с такой полнотой, как в торгово-промышленных палатах Калькутты¹⁶. Об огромном влиянии чужеродных групп крупных капиталистов в хозяйственной жизни штата свидетельствуют, например, следующие данные: как показало проведенное Индийским статистическим институтом обследование состава директоратов компаний, действующих в штатах Восточной Индии (главным образом в Западной Бенгалии), десять семейств крупного индийского бизнеса (среди них большинство составляют марварийские семейства и нет ни одного бенгальского) располагало 619 директорскими местами: Сингхания — 107, Далмия-Джайн — 103, Руйя — 80, Бирла — 60, Гоэнка — 55, Поддар — 55, Бангур — 52, Джатия — 51, Тхапар — 35, Тата — 21¹⁷.

Крупные предприниматели выдвинулись и из среды бенгальцев. Так, к числу наиболее могущественных монополистических объединений, действующих в Западной Бенгалии, относится группа «Мартин — Берн», которой принадлежит, в частности, компания «Индиэн айрон энд стил», владеющая одним из крупнейших в стране металлургических комбинатов. В настоящее время в этой группе доминирующее положение занимает бенгальское семейство Мукерджи. Но крупная бенгальская буржуазия, несмотря на происшедшее за последние годы определенное усиление ее позиций в экономике штата, по-прежнему значительно уступает по своим экономическим возможностям крупной индийской инонациональной (особенно марварийской) буржуазии.

Показателем слабости позиций крупной бенгальской буржуазии в экономике Западной Бенгалии служит, например, тот факт, что в ежегодно переизбираемом Управляющем комитете (правлении) Калькуттской фондовой биржи представителям бенгальских деловых кругов предоставляется лишь одна треть мест, а остальные две трети распределяются поровну между европейцами и марвари¹⁸.

Среди мелких и средних предпринимателей Западной Бенгалии соотношение между различными национальностями иное. В этих группах местной буржуазии также довольно широко представлены общины марвари, парсов, панджабцев (в том числе сикхов), тамилы, хиндустанцев, а также армян, китайцев, евреев и т. д. Но все же большинство мелких и средних самостоятельных промышленников, торговцев и прочих предпринимателей, мелких и средних акционеров крупных компаний, а также основная масса формирующейся сельской буржуазии — это бенгальцы.

¹⁶ См. Asok Mitra, *Calcutta — India's city*, Calcutta, 1963, p. 21.

¹⁷ См. A. M. Roy, *Big business under Congress raj*, New Delhi, 1961, p. 16.

¹⁸ S. G. Panandikar, *Banking in India*, 1963, pp. 155—156, 158.

Таким образом, все основные группы западнобенгальской буржуазии отличаются неоднородным национальным составом, причем низшая и средняя буржуазия штата (и выражающая преимущественно ее интересы интеллигенция) состоит в основном из бенгальцев, тогда как теснящая ее в некоторых важнейших сферах народного хозяйства и усиливающаяся за ее счет крупная и особенно монополистическая буржуазия штата представлена преимущественно выходцами из других областей Индии. В этих условиях борьба между различными группами местной индийской буржуазии, а также и внутри каждой из этих групп за дележ бенгальского рынка зачастую облекается в форму конкурентных столкновений между различными национальностями и общинами, прежде всего между бенгальской мелкой и средней буржуазией, с одной стороны, и небенгальским крупным капиталом — с другой. В этой борьбе крупный инонациональный капитал в целом, действующий как в Западной Бенгалии, так и вне ее, в определенной мере противостоит всей бенгальской буржуазии, включая и крупную бенгальскую буржуазию¹⁹.

Любопытно, что, хотя развитие современного крупного капиталистического предпринимательства приводит ко все большему переплетению интересов капиталистов, принадлежащих к разным национальностям, до сих пор различные общины западнобенгальской буржуазии сохраняют некоторую обособленность друг от друга. Например, западнобенгальские марвари, несмотря на то что значительная их часть проживает здесь в течение длительного времени (иногда в течение десятилетий) и многие из них, по существу, потеряли связь со своей родиной и своим народом, не ассимилировались с бенгальцами. Действуя в иноязычной и инонациональной среде, капиталисты-марвари до сих пор держатся сплоченной, более или менее обособленной и замкнутой группой. И по сей день среди них сохраняют определенное значение узы внутриобщинной взаимопомощи, внутрикастовые браки, не говоря уже о религиозных связях (многие марвари — не индусы, а джайны). Вплоть до настоящего времени в Калькутте функционирует целый ряд однотипных организаций местных деловых кругов, объединяющих исключительно или преимущественно членов той или иной общины (хотя формально некоторые из них открыты для всех). Эти организации соперничают друг с другом, иногда имеют собственных представителей в легислатуре штата. В «Бхарат чамбэ оф коммерс», например, преобладают марвари. «Бенгальская торгово-промышленная палата» и «Калькуттская торговая ассоциация» объединяют главным образом английских и других европейских капиталистов. «Бенгальская национальная торгово-промышленная палата» представляет интересы преимущественно бенгальской буржуазии. Как правило, на предприятиях и в компаниях, принадлежащих марвари, бенгальцам, парсам и т. д., штат служащих (особенно его верхняя и средняя прослойки) состоит в основном из представителей соответствующей общины. Нередки случаи, когда

¹⁹ Интересно сравнить положение в Западной Бенгалии с положением, сложившимся в той части Бенгалии, которая после раздела Индии отошла к Пакистану. В колониальный период на востоке провинции, как и на западе, господствующие позиции в экономике принадлежали английскому и марварийскому капиталу. После 1947 г. в Восточном Пакистане позиции марварийской и вообще индусской буржуазии значительно ухудшились, что вызвало массовый отлив индусского капитала и миграцию индусской буржуазии в Индию. Однако это не привело к усилению бенгальской национальной буржуазии. Место эмигрировавших индусских торговцев и предпринимателей заняли крупные капиталисты-мусульмане — выходцы из Западного Пакистана (особенно Западного Панджаба и Карачи) и Западной и Северной Индии, которые, опираясь на поддержку центрального правительства Пакистана, стали активно проникать в эконо-

при переходе предприятий в руки марвари прежние служащие заменялись лицами, принадлежащими к этой общине²⁰.

Противоречия между бенгальской и небенгальской буржуазией проявляются, в частности, в подходе к такому важному вопросу, как характер индийского федерализма, степень автономии штатов и т. п. Крупная марварийская, гуджаратская, и вообще небенгальская буржуазия, всендийская по размаху своей деятельности, действующая в чуждой ей национальной среде, является носителем центристских тенденций, тенденций укрепления центра за счет штатов. Напротив, бенгальская буржуазия, сфера действий которой в основном ограничена территорией Западной Бенгалии и которая заинтересована прежде всего в господстве на своем национальном рынке, является носителем центробежных тенденций, выступает за укрепление автономии штатов, так как видит в ней один из инструментов защиты от конкуренции выходцев из других национальных районов страны. В этой борьбе бенгальская буржуазия опирается на широкие массы бенгальского населения; играя на их националистических чувствах, она нередко обращается к ним за поддержкой и мобилизует общественное мнение, направляя его против небенгальских конкурентов²¹.

мику Восточного Пакистана и теснить местную бенгальскую буржуазию на ее национальном рынке. Как отмечает В. Г. Растянников, «в современный период в Восточном Пакистане... крупный торгово-промышленный западнопакистанский капитал (вместе с английскими монополистическими объединениями и торгово-компраторскими группами марварийской буржуазии) противостоит мелкому бенгальскому национальному капиталу, оттесняя его от важнейших сфер хозяйственной жизни провинции.

Борьба мелкой бенгальской буржуазии против всех групп крупной инонациональной буржуазии и составляет основное содержание все более усиливающегося в Восточном Пакистане национального движения бенгальцев» (В. Г. Растянников и С. А. Кузьмин, *Проблемы экономики Пакистана*, М., 1958, стр. 132).

²⁰ В меморандуме, представленном в 1956 г. правительству Западной Бенгалии, «Бенгальская торговая ассоциация» отмечала, что после перехода британских предприятий в руки индийских капиталистов, принадлежавших к другим индийским национальностям, торговцы и служащие бенгальской национальности подвергались дискриминации. См.: N. K. Bose, *Social & cultural life of Calcutta*, — «Geographical review of India», vol. XX, 1958, Silver jubilee number, p. 23.

²¹ «В Бенгалии, — пишет американский социолог М. Вайнер, — редко можно услышать критику бизнесменов-бенгальцев, но очень часто критику дельцов-марвари» (M. Weiner, *Politics of scarcity*, Chicago, 1962, p. 126).

Н. Р. Гусева

О СЕКТАХ В СИКХИЗМЕ

Прежде чем говорить о возникновении в сикхизме различных сект и об их деятельности, необходимо сказать несколько слов о самом сикхизме.

О сикхизме в целом писали и пишут многие советские специалисты — И. М. Рейснер, Н. И. Семенова, Н. М. Гольдберг и другие исследователи. Поэтому здесь автору остается только вкратце напомнить читателю, что собой представляло и представляет это религиозно-общественное движение в Индии.

Сикхизм возник в XV в. в Панджабе как местная своеобразная форма распространявшегося по всей Индии антифеодального и антикастового движения. Идеологической основой этого движения было религиозное учение, бхакти. Зародившись в городах, в среде мелких торговцев и ремесленников, сикхизм быстро распространился в Панджабе и вскоре оформился в массовое движение крестьян, в котором широкое участие принимали ремесленники сел и городов.

Сикхскую общину возглавляли «гуру» — «учителя», «наставники». Их всего было 10. Каждый из них назначал своего воспреемника. Первым был гуру Нанак, а последним — гуру Гобинд Сингх. Со времени его смерти в 1708 г. институт гуру прекратил свое существование, и община возглавлялась советом старейшин. Гуру Гобинд Сингх превратил общину в военную организацию, известную под названием хальсы.

Известный демократизм сикхской общины сохранялся до тех пор, пока не выделилась сикхская военно-землевладельческая верхушка, которая захватила руководство общиной. Сикхи вели непрерывную борьбу с армиями захватчиков, вторгавшимися в Индию — и прежде всего в Панджаб — с запада (из Ирана и главным образом из Афганистана), а также с дельйскими правителями — Великими Моголами. В этой борьбе выковалась идея панджабского национализма.

В XIX в. сложилось панджабское государство, возглавляемое сикхским полководцем Ранджит Сингхом, но оно просуществовало недолго и в 1849 г., после многих кровопролитных боев, было захвачено английскими колонизаторами.

До раздела Индии в 1947 г. сикхи селились по всему Панджабу. После раздела они в подавляющем своем большинстве уехали из тех областей, которые отошли к Пакистану, и живут сейчас в штате Панджаб в Индии. Много сикхов живет в Дели и в крупных городах Северной Индии. Сикхские колонии есть и в городах Южной Индии.

Сикхи и в наши дни являются массовой и сплоченной общиной. В Панджабе их численность достигает 7 млн. (около 34% населения штата, по данным переписи 1961 г.). В 1966 г. этот штат был разделен на два: Панджаб и Хариану. Подавляющее большинство сикхов сосредоточено в новом штате Панджаб.

В Панджабе основную массу сикхов составляют крестьяне, в других местах сикхи занимаются разными техническими работами, являются, в частности, шоферами такси и грузового автотранспорта. Многие сикхи служат в армии и полиции. Значительное число сикхов занято в торговле и предпринимательской деятельности.

В истории политических, общественных и религиозных движений, особенно в истории зарождения этих движений, немалую роль играет та этническая среда, в которой эти движения начинают развиваться. Нельзя утверждать, что зарождение всех без исключения исторических движений можно связать с какой-либо определенной этнической группой — по крайней мере не всегда историческая наука находит тому достаточно веские подтверждения, но это не исключает того, что целый ряд таких движений можно прямо и непосредственно связывать с породившей их этнической средой.

Особенно плодотворной почвой для таких наблюдений является население Индии, в котором в силу исторической консервации многих общественных институтов, в первую очередь кастового строя, сохранились до нашего времени следы давних социальных процессов.

И внутри каст и в межкастовых отношениях можно выявить реликты (которые подчас носят крайне живой характер) этнических связей, существовавших много столетий тому назад, но активно не осознаваемых сейчас ни самими членами касты, ни теми, кто соприкасается с ними в повседневной жизни.

Может ли каста в современной Индии считаться этнической средой? И если да, то каждая ли каста?

Безусловно, не каждая каста, так как не каждая каста возникла на основе того или иного этнического образования. Но происхождение многих каст, а равно и групп родственных каст очень часто можно проследить до определенной этнической основы.

Автор полагает, что такие касты и сейчас следует считать этнической средой, если сравнительно отчетливо видно, что сложились они на основе племени или даже родовой группы; если же касты являются чисто профессиональными объединениями в составе крупного этнического массива, в этом случае нет оснований говорить о них как об этнических группах.

В средневековой Индии во многих кастах можно было еще ясно видеть черты их племенного происхождения, которые к нашему времени этими кастами уже утрачены. Судя по источникам, в древнеиндийском обществе эти черты проявлялись обычно еще более четко. Именно тогда процесс превращения племени в касту и слияния этой касты с одним из четырех сословий (брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры) был наиболее интенсивным.

Таким образом, следует считать, что этнический характер касты является категорией исторической и может быть утрачен в процессе развития данного народа. Интенсивность исторического развития народа и интенсивность ассимиляционных процессов являются решающими факторами, обуславливающими утрату кастой ее этнического характера.

О том, что капиталистические отношения размывают, подрывают и нивелируют касты, писали многие исследователи — нет необходимо-

сти возвращаться к этому здесь. Но пока еще в Индии можно найти даже в составе крупных и капиталистически развитых народов такие касты, которые сохраняют и по сей день характерные этнические признаки.

Очень важным признаком такого рода является сохранение в данной кастовой среде религиозных или религиозно-сектантских учений, возникших некогда на этнической почве, породившей данную касту. Часто такие учения возникали в ту эпоху, когда племя или род еще не превратились в касту (или группу каст) и когда шла борьба между ними и подавляющими их этническую самобытность завоевателями. Но и позже, когда социальные движения возникали в недрах уже сложившейся народности, авторами, если можно так выразиться, и первыми пропагандистами новых идеологических течений являлись, как правило, члены тех каст (в составе того или иного сословия данной народности), которые осознавали себя этнически едиными, которые были носителями традиций этнической общности¹.

Одним из примеров, подтверждающих такую точку зрения, является история сикхизма, а также возникновение различных сект внутри сикхской общины.

Как известно, движение сикхизма развилось в XV—XVII вв. в Пенджабе, население которого представляло собой в это время пеструю смесь народностей, стоявших на различных ступенях общественно-исторического развития и говоривших на разных языках и диалектах этих языков².

Значительную по численности и исторически значимую группу населения Пенджаба составляли и составляют джаты. В науке по традиции описывают их как группу земледельческих каст — крестьянское сословие Пенджаба и прилегающих к этому штату областей Уттар Прадеша и Раджастанхана (в этом случае этническая принадлежность этих каст исследователями не выявляется) — или как народность, являющуюся ядром пенджабской нации. На последней точке зрения стоят и советские этнографы³. Джаты безусловно являются носителями явных черт этнической общности.

Согласно распространенной (с середины XIX в.) в науке точке зрения, они появились в Индии в период скифских вторжений и, по-видимому, были одной из групп скифских (сакских) племен. Эта точка зрения представляется убедительной, так как пока нет доказательств того, что скифы не были народом, имевшим общее с арийцами происхождение, а арийское происхождение джатов признают все исследователи⁴.

По всей видимости, группы скифов, появившиеся в Индии на рубеже н. э., были последним звеном из числа тех кочевых и полукочевых народов, которые, начиная с эпохи древних арийцев, вели скотоводческое, а иногда и полуседлое земледельческое хозяйство в об-

¹ Так, по мнению автора, в древнем Бихаре возникли антибрахманские движения буддизма и джайнизма. (См. «Народы Южной Азии», М., 1963, стр. 284).

² Эти народности появились в Пенджабе в разные исторические эпохи: некоторые жили на этой территории со времен цивилизации Мохенджо-Даро и Хараппы, некоторые появились в эпоху нашествий арийцев, некоторые в период персидских, греческих или скифских вторжений и, наконец, некоторые после VI—VII вв. н. э. как носители ислама.

³ М. К. Кудрявцев, *Население Пенджаба*, — в кн.: «Народы Южной Азии», стр. 318; «Роль джатов в этнической истории Пенджаба», М., 1964 (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук).

⁴ Это признает и индийский исследователь К. Канунго (K. R. Qanungo, *History of the Jats*, Calcutta, 1925), но он приводит джатов в Пенджаб из Раджастанхана, с чем мы не согласны.

ширной области Причерноморской и Прикаспийской низменностей, в южном Приаралье и в Средней Азии.

С племенами арийцев скифов связывала, как ясно из примера джатов, близость языка. По всей вероятности, имела значение и близость религиозного мировоззрения (действительно, в источниках не встречается, насколько нам известно, указаний на то, что в Индии джаты были носителями каких-то иных форм религии, кроме тех, которые основаны на Ведах).

Видимо, у скифов сохранялись еще те древние формы ведической религии, которые задолго до их появления в Индии были принесены сюда первыми группами арийцев, но успели уже претерпеть здесь серьезные изменения, скрещиваясь с местными, доарийскими культами.

Трудно, почти невозможно судить о том, в какой мере сохранилась ведическая религия у скифских племен к моменту их появления в Индии.

Можно только предположительно реконструировать общий характер их религии, судя по тем ее элементам и по той ее дальнейшей судьбе, которые нам известны со времен средневековья.

Джатское общество той эпохи, по-видимому, не имело религиозных установлений, канонизирующих касты. Исходя из того, что нам известно о ранних этапах истории джатов в Индии, затем о периоде сикхизма и даже о джатах настоящего времени, мы (принимая гипотезу «скифы-джаты») можем утверждать, что кастовое деление и кастовые ограничения не были свойственны внутренней структуре их общества в древности. Против этого института джаты, может быть, боролись, или, вернее, не принимали его и сопротивлялись ему и в начале нашей эры (чем, возможно, частично обусловлено то, что буддизм так быстро стал главенствующей религией в империи Кушанов) и в течение раннего средневековья, когда многие джаты или охотно принимали ислам, или, оставаясь в рамках индусской общины, не считались со многими ее религиозными предписаниями и обрядами⁵.

Изучая историю возникновения сикхизма, можно увидеть предпосылки его появления, существовавшие еще в досикхском обществе джатов, т. е. антибрахманские настроения, антикастовые тенденции, отрицание сложных, схоластически бессмысленных ритуалов, которые появились в индуизме в послеведический период в Индии⁶.

⁵ Все сказанное не означает, что в среде джатов не было каст, — в условиях индусского общества касты рано или поздно возникали в любой среде, — но для джатов характерно отсутствие резких кастовых различий внутри их общества, мягкость кастовых ограничений и запретов, а главное — активный протест против кастового неравенства. В Панджабе существовал и институт неприкасаемости, но в число каст неприкасаемых входили только группы, образовавшиеся из до-джатского племенного населения.

До нашего времени джатское население старается не заключать браков с членами каст неприкасаемых (как правило, члены этих каст отличаются более темным цветом кожи).

⁶ Такой индуизм развился здесь главным образом в восточных районах на почве смешения исконных ведических культов, которые в целом отличались демократичностью и простотой, с местными культами множества племен и народностей. Это смешение придало индуизму характер сложнейшей системы, в которой сочетались религия с философией и обычное право с официальным законодательством. Эта религиозная система узаконила кастовые ограничения и закрепила общественное неравенство людей, возведя его в религиозную догму и поставив брахманов-жрецов и кшатриев-воинов во главе всего общества в целом.

Известно, что джаты не только не признавали главенства брахманов и кшатриев, но и относились к ним с демонстративным презрением, считая, что брахманы могут быть почти приравнены к нищим, поскольку религиозный долг повелевает им жить за счет подаяния, а кшатрии являются простыми наемниками, ищущими войны ради чаживы.

Вероятно, большую роль в религии джатов продолжала играть та вера в силу святого слова, в силу молитвенной формулы, которая в ведические времена была сильнее веры в мощь самого божества. Не почитание идолов, не поклонение изображению божества, а непосредственное обращение к нему через слово — вот, что характерно для ведических культов. Более того, магическая сила приписывалась не только самому слову, но только молитвенной формуле, но и тому, как, на какой мотив эта формула пелась, т. е. люди верили и в магию звука, мелодии. Отсюда и появление «Самаведы» — Веды мотивов, Веды мелодий. Этих мотивов следовало придерживаться при чтении гимнов других Вед, главное «Ригведы»⁷.

Поэтому автор полагает, что не случайно и не вдруг главным в учении сикхских гуру стала вера в слово, в его магическую силу.

Первый гуру сикхов — Нанак (1469—1539), или, как его обычно теперь зовут, гуру Нанак-део, т. е. «учитель Нанак-бог», призвал своих последователей-сикхов отвергнуть брахманские предписания почитать идолов и приносить им жертвы, брахманский обычай возлияния воды в сторону восходящего солнца⁸ и почти все остальные брахманские ритуальные церемонии.

Нанак призвал почитать слово и почитать бога через слово. Он учил, что пение гимнов является одной из основных форм почитания бога. При Нанаке сикхи обязательно собирались все вместе в утренние часы и пели гимны до рассвета (этот обычай широко распространен и в современной сикхской общине)⁹.

Сикхизм уже в период становления сблизился с исламом, учение о равенстве в котором имело больше общего с начальной ведической религией, чем индуизм, развившийся на ее основе. Сикхизм в процессе своего формирования скорее мог найти опору в аналогичных представлениях в исламе, чем в очень уже удаленных от своих исходных формул индуистских представлениях.

Видимо, именно поэтому Нанак проводил много времени в беседах с суфиями (в XV в. в Северной Индии было 12 суфийских орденов), посещая известные в то время в Индии центры суфизма — главным образом панджабские города Мультиан и Пак Паттан.

В Панджабе в это время индусы и мусульмане (в особенности — новообращенные) были почти неразличимы. Обращались в ислам в основном члены «низких» каст, и за их права начал бороться Нанак, провозгласив, что в Ведах ничего не сказано о предопределенном неравенстве людей. Нанак не только звал неприкасаемых как равных на свои беседы и моления, но и основал обычай совместных трапез в так называемом лангаре (кухне-трапезной), известной и ныне под названием «гуру ка лангар», т. е. «трапезная гуру». Совместная трапеза была очень действенным актом протеста против основного запрета межкастового общения — запрета принятия пищи в обществе членов более «низких каст».

⁷ Настолько важным считалось правильное музыкальное исполнение гимнов, что целые школы жрецов спорили в течение столетий о том, на каком именно слогe следует повышать или понижать голос, какого распева придерживаться для той или иной строки гимна или даже для части этой строки.

⁸ Этот обычай является очень важной составной частью индуистского ритуала и символически означает подачу воды душам усопших предков.

⁹ Написанные Нанакем утренние молитвы, известные под общим названием «Джапджи», являются основополагающими в сикхской религии. (Кроме этих гимнов он создал еще и другие, и все вместе они составляют около 1/5 сикхского священного писания — «Гуру Грантх-сахаба»). Во многих строфах «Джапджи» восхваляется слово как начало начал и имя бога — как основная творческая сила.

Предоставив право «низшим» слушать молитвы, Нанак также перечеркнул одно из основных предписаний индуизма — строжайший запрет шудрам слушать чтение священных гимнов или изучать их.

Таким образом, демократический характер сикхизма выразил основы внутреннего уклада жизни джатов, сохранивших в своем мировоззрении ряд основных моментов, характерных для того уклада, который отражен и в Ведах¹⁰.

В процессе дальнейшего развития сикхизма совершенствовался и принимал все более конкретные формы характер единения всех членов общины. Развивались взгляды гуру Нанака, что бог — это идея, что воплотить его в форме идолов невозможно, а значит, и поклоняться идолам бессмысленно и что служением богу должна являться сама жизнь человека, составными элементами которой должны быть активное участие в человеческой деятельности, доброе отношение к другим людям и ко всему живому, размышление о боге, пение молитв и слушание «Грантх-сахаба».

Джаты были в основной своей массе земледельцами, в меньшей части — ремесленниками и скотоводами. Члены общины вели трудовой активный образ жизни, и их новая религия находилась в полном соответствии с их жизненным укладом. Они не признавали отшельничества и созерцательного, бездеятельного существования.

Второй сикхский гуру, Ангад, ввел в практику утренних молитв сикхов обязательные гимнастические упражнения, шестой гуру, Харгобинд, начал военизировать общину, а десятый и последний, Гобинд Сингх, создал хальсу — сикхскую армию. На этом последнем этапе, как и в течение всей последующей воинской истории сикхов, их равенство сыграло огромную роль и обусловило многие их успехи и победы.

В составе джатов было много племен и родовых групп. Эти племена и группы в процессе своего исторического и хозяйственного развития приобрели определенную профессиональную специализацию, превращаясь в касты или в близкие им профессиональные группы.

Основными кастами джатов, известными нам из истории сикхизма, являются гилл, сидху, гаревал, сандху, диллон, секхон, ман, вирк, хир, бал, бхуттар, аулак, дхаривал, пуннан, мангат, сара, бхасин, чхал, рандхава, канг.

Поддавляющее большинство членов всех этих каст приняло сикхизм, составив основное ядро сикхской общины.

Кроме того, сикхами стали и члены других панджабских земледельческих каст, по происхождению не являющиеся джатами, такие, как ламбана, камбо, санси, махтам, а также и неприкасаемые — мазхаби, рангхрета и рамдасиа, но все они составили не больше 20% общины.

Территориальным ядром сикхизма, его колыбелью и главным очагом распространения стало междуречье рек Рави и Сатледж-Беас, т. е.

¹⁰ Известно, что в других областях Индии, в среде других народов, в средневековый период тоже возникали движения, направленные против кастового строя, против кастовых запретов и ограничений, против засилья «высших» каст. Они стали неотъемлемой частью движения бхакти — любви к единому богу, любящему своих почитателей так же сильно, как они любят его. В бхакти (кстати, тоже зародившемся в неарийской этнической среде, на дравидоязычном юге Индии) считалось, что все равны в своей любви к богу — и «высшие» и «низшие». Но этому движению не удалось преодолеть кастовые барьеры и на деле брахманы и другие члены «высших» каст не смешивались с членами «низших» и не преступали ограничительных предписаний.

От всех демократических идей этого движения остался только один след — разрешение членам всех без исключения каст один раз в неделю свободно входить во все храмы и не платить за пуджу (т. е. чтение молитв, принесение богам жертвы в виде цветов, плодов и сладостей, возжигание свечей и т. п.).

центральная часть Панджаба, населенная главным образом джатами-земледельцами. Но движение возникло в среде городских ремесленных каст, и многие касты деревенских ремесленников тоже примкнули к движению. Когда сикхизм стал знаменем массовых антифеодальных выступлений, движение охватило и скотоводческие касты и племена, а также довольно значительные группы мусульманского населения Панджаба¹¹, которые некоторое время выступали вместе с сикхами.

В период образования сикхских мисалей, или мислей (воинских объединений, созданных в 1748 г., которых в составе сикхской армии по одним источникам было 11¹², а по другим — 12¹³), отдельные касты или группы каст влились в эти мисали. Обычно основу мисаля составляла какая-нибудь одна крупная каста, членами которой были чаще всего и руководители мисаля. Подавляющее большинство мисалей было создано на основе каст джатов-земледельцев, они играли ведущую роль в жизни сикхской армии «даль-хальсы». Но вместе с тем одним из крупных был, например, мисаль Рамгархиа, возглавляемый членами касты плотников-тхока. В этот мисаль входили и другие касты ремесленников, а также касты скотоводов, селившихся в северных районах Панджаба. Одна из основных каст мисаля известна под тем же именем, что и сам мисаль, — рамгархиа (о ней см. раздел «Намдхари»).

Объединенные действия сикхских мисалей кончились довольно быстро, и каждый из них вновь начал действовать на свой страх и риск, объединяясь с другими в зависимости от сложившейся обстановки.

В сикхизме неоднократно возникали различные секты. Некоторые из них, будучи связаны с теми или иными конфликтами между руководителями разных групп сикхов, руководителями мисалей или их наследниками, распадались сравнительно быстро и не играли существенной исторической роли. Так, в период разгрома сикхской хальсы могольской армией и после казни в 1716 г. вождя сикхов Банды-бахадурса (который возглавил крестьянскую революцию после смерти последнего, десятого гуру Гобинд Сингха) начали возникать разные сектантские течения: бандаи (стремившиеся обожествить Банду-бахадурса), тат хальса (возражавшие против этого), гуляб раиа (считавшие, что двоюродный брат гуру Гобинд Сингха, Гуляб Раи, был истинным вождем и создателем сикхизма) и целый ряд других¹⁴. Некоторые секты возникали и раньше, начиная со времени зарождения самого сикхизма.

Но в истории сикхизма большинство из этих сект не оставило заметного следа. До наших дней сохранились только ниханги, намдхари, ниранкари, удаси, хандалиа, мина, нирмала и сева-пантхи.

НИХАНГИ

Ниханги оказались устойчивой сектой, и их орден пользуется известной популярностью и в современном Панджабе. На них следует остановиться подробнее, так как они не только не описаны в отече-

¹¹ Стать сикхом еще не значило стать воином хальсы, т. е. «кеадхари-сикхом» («нестриженным сикхом»). Ядром хальсы стали джаты, тогда как городские жители — в основном члены касты кхатри (это название в Панджабе охватывает и подкасты воинов-кшатриев и подкасты вайшьев-торговцев и ремесленников) — стали главным образом «сикхами-сахаджхари», т. е. не посвященными в хальсу и не обязательно имевшими длинные волосы.

¹² Khushwant Singh, *A history of the Sikhs*, Princeton, 1963, p. 132.

¹³ Henry T. Princep, *Origin of the Sikh power in the Punjab*, Calcutta, 1834 pp. 29—32.

¹⁴ Khushwant Singh, *A history of the Sikhs*, p. 122.

Ниханг

венной научной литературе, но даже в индийской о них встречаются только скудные упоминания.

Эта секта возникла, судя по преданиям, после смерти гуру Гобинд Сингха и была основана одним из его старших сыновей. По другим сведениям она возникла в 60-х годах XVIII в.

Годы на рубеже XVII и XVIII вв. были периодом формирования хальсы, периодом, когда каждый сикх, ставший членом хальсы, стал осознавать себя прежде всего воином, защитником не только демократических свобод общины и своей новой веры, но и всего своего народа, своей страны. В это время в ходе антифеодальной борьбы, возглавляемой сикхами, начала созреть идея панджабского национализма, складывается группа джатских племен центрального Панджаба как ведущее ядро начинающей консолидироваться панджабской народности. Боевой дух сикхизма был порожден и мощным крестьянским движением и стремлением покончить с вторжениями из-за рубежа и захватом панджабских земель иранскими и афганскими феодальными правителями, а также могольскими правителями Дели. Этот боевой дух поддерживался последними пятью гуру общины и, как известно, достиг вершины при гуру Гобинд Сингхе.

Своего рода кульминационной точкой в процессе военизации общины явилось возникновение группы нихангов. Сектой эту группу внутри сикхской общины можно считать потому, что с самого начала ее руководители внесли свои поправки в вероучение сикхизма, прежде всего объявили необязательным проповедуемое всеми гуру положение, что каждый сикх должен жить в миру, т. е. быть главой семьи

и хозяйства и участвовать в процессе ремесленного или сельскохозяйственного производства, служа таким образом своему народу.

Ниханги не должны были иметь ни семьи, ни собственности. Они должны были видеть свое главное назначение в охране общины сикхов и в охране бедняков Панджаба от притеснений со стороны богатых феодалов и иноземных захватчиков. Все свое время ниханги отдавали воинским учениям.

Другой особенностью сикхизма нихангов является то, что они принимают и пропагандируют главным образом те стороны этого учения, которые призывают к воинскому совершенствованию и направлены на воспитание воинского духа.

Те, кто вступал в эту секту, должен был искать смерти от руки врага. Все сикхи известны как отважные воины, но ниханги стали рыцарями бесстрашия. Об их храбрости, о стойкости в бою и отважных атаках до сих пор в Панджабе поют песни и рассказывают легенды.

Во время войны их обязанностью являлось нанесение первого удара по армии врага. Во многих битвах отряд нихангов часто численностью в несколько сотен, а иногда и свыше тысячи врвался в строй врагов и сражался, не думая о спасении, не отступая. Обычно такая атака пробивала брешь в полках наступавших и вносила в их ряды смятение, которое способствовало успеху основных сил хальсы.

Ниханги брались за выполнение самых рискованных операций, а иногда просто погибали во имя веры, во имя своей правды, зная, что эта гибель не принесет никаких плодов, никакой конкретной пользы общине, — погибали только затем, чтобы подать пример стойкости¹⁵.

В некоторых источниках указывается, что один из мисалей был нихангским — это мисаль, называвшийся Шахид-и-Ниханг¹⁶ или Шахид-и-Мисаль. Его центром являлся городок Дамдама в южном Панджабе. Во время пребывания в Индии мы слышали (а также встречали указания в источниках), что члены этого мисаля были только из «низких» каст и «непочетных» племен, но расшифровку этого положения найти в источниках не удалось.

Можно думать, что этнически ниханги отличаются от сикхов-джатов. Джаты в своей массе были и являются земледельцами и, что важно, — землевладельцами, тогда как ниханги земли не имели и не имеют ее сейчас.

Вместе с тем по своему антропологическому типу они никак не могут быть отнесены к числу дравидоидных «низких» каст Панджаба, члены которых тоже не имеют земли. Видимо, есть все основания предполагать, что ниханги являлись неполноправными общинниками из состава появившихся в Панджабе самых поздних групп сикхских иммигрантов, селившихся в джатских деревнях без права на владение земель.

Во времена сикхизма из нихангов в основном состояли партизанские отряды, скрывавшиеся в лесах от могольских и афганских армий. Не будучи привязаны к земле и определенной деревенской общине, они могли легко передвигаться по стране и были почти неуловимыми.

¹⁵ Так, в 1764 г., — когда во время своего очередного, седьмого нашествия солдаты афганской армии окружили Амритсар, надеясь перебить сикхов и намереваясь по установленной ими традиции взорвать храм Харимандир (ныне известный под названием Золотого Храма) и оросить в окружающий его пруд трупы коров, что является высшим оскорблением чувств сикхов, — они увидели, что сикхи покинули город, и только у дверей храма они встретили охрану в 30 нихангов, которые и были зарублены ими на месте

¹⁶ Henry T. Princep, *Origin of the Sikh power in the Punjab*, p. 31.

Мисаль Шахид-и-Ниханг был также известен под названием Акали, т. е. «мисаль вечного» («мисаль бога»), или, по другому толкованию, «мисаль вечных»¹⁷. Не следует путать это название с названием сикхской партии «Акали», возникшей в 20-х годах нашего века.

Особенно прославились ниханги в XVIII в., во время войн с афганскими армиями Ахмед шаха Дуррани и его наследников. В источниках XIX в. тоже часто упоминается их отвага и готовность к самопожертвованию. Ниханги неоднократно нападали и на английские полки и открыто покушались на жизнь английских чиновников и офицеров.

В конце XVIII и начале XIX в. прославленным главой нихангов был Пхула Сингх. Характерно, что, для того чтобы стать нихангом, он, родившийся в касте джатов-землевладельцев, отказался от своих прав на землю и вступил в секту нихангов как равный им безземельный сикх¹⁸. Вблизи г. Наушеры (в современном Западном Пакистане) есть мавзолей, воздвигнутый в его честь.

Но в XX в., особенно в наше время, эта секта постепенно вымирает, хотя ничего ускоряющего этот процесс не делает ни панджабское общество, ни правительственные или административные органы. Численность нихангов установить трудно, вероятно, их около 8 тыс. Эта оценка основана на наших личных наблюдениях. На ежегодный праздник Байсакхи (в апреле) все ниханги собираются в религиозных центрах сикхизма — в Амритсаре, в Анандпуре (город гуру Гобинд Сингха, где была создана хальса) и главным образом в местечке Дам-дама, на юге Панджаба, вблизи г. Бхатинды, где, по преданию, были обезглавлены предки основателей их мисаля.

В среднем, по визуальному подсчету, в каждом из этих мест собирается от 2 до 3 тыс. нихангов, но, естественно, за точность этих цифр поручиться нельзя.

Ниханги по обычаю являются общиной холостяков, хотя в последнее время у некоторых из них появились семьи.

Пополнение общины происходит за счет того, что некоторые сикхи (в основном из «низких» каст) посвящают своих мальчиков в ниханги и отдают их на воспитание членам этой секты.

Ниханги не имеют домов и ведут кочевой или, вернее, странствующий образ жизни. Никто не знает, где и когда они появятся и в каком числе. Никто из них не работает, в их среде считается унизительным зарабатывать себе на жизнь. Они приходят в деревни и требуют, чтобы им поставили такое-то количество продуктов, тканей и т. п., и крестьяне моментально выполняют их требования.

Интересно наблюдать отношение крестьян, да и большинства панджабцев, к нихангам. Это странная смесь страха, восхищения и иронии. Наряду с анекдотами об их ограниченности, склонности к дракам и т. п. народ создал и пословицы об их храбрости и честности (например: «В дом пришел ниханг — можно не запира́ть двери»).

У нихангов есть лошади и скот, молочный и тягловый. Тягловый скот они используют только в упряжке, впрягая волов или буйволов в свои повозки и передвигаясь небольшими группами по дорогам Панджаба. Повозки их часто напоминают дома на колесах, так как имеют высокие боковые стенки и крыты двускатной невысокой крышей. Задней стенки нет. Внутреннее помещение часто разделено на два этажа нарами. Спят и на нарах и на дне повозки.

Из нихангов же состоит и своего рода гвардия гурдвар (сикхских

¹⁷ Khushwant Singh, *A history of the Sikhs*, p. 215.

¹⁸ Teja Singh, *Highroads of the Sikh history*, Calcutta, 1963, Book two, p. 59.

молитвенных домов). В каждой гурдваре (в том числе и в Дели) можно увидеть несколько нихангов, составляющих ее почетный караул. Следует сказать, что гурдвара со времен гуру является местом, где каждый приходящий имеет право питаться за счет лангара и жить, сколько ему нужно, не будучи спрошен ни о цели своего прихода, ни о сроке пребывания. За порядком в гурдваре следят ниханги.

Облик членов этой секты чрезвычайно своеобразен — их можно сразу отличить в любой толпе. В их одежде чаще всего комбинируются два цвета — синий и желтый (хотя иногда их можно видеть и в белом). Одежда состоит из длинной (до колен или немного ниже) прямой рубахи с длинными рукавами и без ворота. Как все сикхи, они носят короткие штаны. Ниханги обычно ходят босиком, хотя на некоторых можно видеть панджабские туфли с задранными острыми носами. На головах они носят, не снимая ни днем, ни ночью, тюрбаны (обычно очень высокие), накручивая слой за слоем иногда по пять-шесть нормальных пятиметровых тюрбанных отрезков. Иногда эти тюрбаны достигают метровой высоты¹⁹.

Их тюрбаны обязательно украшаются спереди символами сикхизма — отлитыми или вырезанными из стали (или никелированного железа) моделями сикхского оружия. Обычно это украшение состоит из двух скрещенных кривых ножей — крипанов, над которыми вертикально возвышается плоское изображение обоюдоострого боевого топора, заключенное в круг, который символизирует собою чакру — метательный диск или кольцо.

Кстати, чакра считается оружием настолько древним, что ее описывают только по храмовым скульптурам (это оружие бога Вишну) или древним барельефам. Но нихангам это оружие настолько знакомо, что они всегда носят при себе несколько этих тяжелых металлических колец, надев их на тюрбан. (Эти стальные кольца играли также роль своеобразных шлемов, защищавших голову от удара мечом).

Чакры можно видеть в гурдварах, наряду с другим оружием они украшают и постамент для «Грантх-сахаба».

В складках тюрбанов ниханги прячут также ножи, оставляя их рукоятки снаружи. Некоторые ниханги имеют луки и носят стрелы в колчанах за плечами.

На поясах, а также на перевязях через левое и правое плечи у них мечи в ножнах и кинжалы, а за спиной круглые кожаные щиты с четырьмя выпуклыми металлическими круглыми накладками.

Эти щиты не имеют с внутренней стороны петли, вместо нее к их внутреннему краю прикреплены шнуры, которые во время боя собираются в кулак левой руки.

У каждого ниханга обязательно есть также копье с широким металлическим наконечником.

К поясу ниханга часто бывает прикреплен мешочек для продуктов, а в руке он носит медный или бронзовый небольшой круглодонный сосуд для питья.

Вот, как правило, и все его имущество.

Ниханги, как и все сикхи, не бреют бород и усов и не стригут волос. Сикхи современных городов аккуратно накручивают бороды на шнур и туго подвязывают их, а ниханги носят бороды свободно.

¹⁹ Часто для объяснения обычая носить такие высокие тюрбаны ниханги цитируют строку одного из гимнов гуру Анджуна: «Я — борец бога, и, встретив гуру, я надел высокий тюрбан». Эта цитата поясняет их обычай: в старые времена борцов-победителей венчали высоким тюрбаном (M. A. Macauliffe, *The Sikh religion*, vol. III, Delhi 1963, pp. 110—111).

В их среде распространен обычай пить бханг — опьяняющий напиток из конопли²⁰. Обычно два ниханга садятся друг против друга по обеим сторонам вмазанной в землю круглодонной чаши, в которую положены листья конопли и сахар-сырец, и трут их, вращая в ладонях тяжелый деревянный пест. Понемногу подливают воду и снова трут. Полученную жидкую массу отжимают через ткань и пьют. Среди нихангов популярен также опиум, который по традиции выдается их главой — джатхедаром.

Во время праздников (а ниханги, как и все сикхи, отмечают три больших праздника в году: Байсакхи, или Новый год, — в апреле, Хола-мохалла — на следующий день после весеннего праздника красок — Холи, и Дивали — осенний праздник огней) ниханги устраивают воинские состязания и джигитуют.

Ниханги считаются знатоками оружия, их часто можно видеть в лавках оружейников на узких улочках Амритсара, Патиалы, Лудхианы или любого другого панджабского города, где мастера советуются с ними.

Автору этой статьи довелось присутствовать на нихангском празднике в местечке Дамдама, где была устроена большая ярмарка в дни Байсакхи. После полудня ниханги (их таборы были поблизости от базара, под деревьями) начали собираться группами, проваживать коней; завязались бои на мечах, палках и кинжалах. Затем они все стянулись к гурдваре и двинулись торжественной процессией вокруг пруда во главе со своим джатхедаром Баба Чет Сингхом, ехавшим на слоне (надо сказать, что без участия слона ни одна процессия в Индии не воспринимается как настоящая процессия).

Обойдя пруд, ниханги прямо по недавно сжатым полям, двинулись к месту воинских игр. Процессию возглавляли «пять, которых возлюбил бог» — «панч пиярэ» — одетые в желтые шелковые рубахи²¹.

За этими пятью нихангами в клубах раскаленной пыли двигалась бегом и на конях огромная толпа; ослепительно блестело начищенное оружие.

Джатхедар указал место состязаний. Немедленно мечами была вырублена стерня и трава, и ниханги расположились по краю большого прямоугольника, а в середине началась джигитовка.

Всадники, то стоя, то свисая с седла, бросали копьа в цель или накалывали на копьа пучки прутьев и травы, воткнутые в землю. Молодые расседланные лошади скакали рядом с обученными — так ниханги учат своих коней.

После джигитовки воины стали состязаться в умении владеть оружием. Оружие было в разных местах разложено на земле на разостланных полотнах, и каждый ниханг, перед тем как взять его, исполнял перед ним воинский обрядовый танец, состоявший из взмахов рук, прыжков и стремительных поворотов. Потом, преклонив колено

²⁰ Этот напиток широко известен в Панджабе.

²¹ Такую пятерку можно увидеть в каждой процессии сикхов. Это напоминание о том, как гуру Гобинд, создав в 1699 г. всех сикхов в Анандпуре, вызвал тех из их числа, кто готов во имя бога и любви к гуру немедленно принять смерть. Вышли друг за другом только пять человек. Каждого по очереди гуру вводил в свой шатер. Кровь, вытекавшая из шатра, заставляла всех ужасаться и недоумевать, зачем гуру убивает своих преданных учеников.

Шестого охотника уже не нашлось. Тогда гуру вывел всех пятерых, одетых в лучшие одежды (кровь, оказалось, была кровью убитой козы), и объявил, что это было испытанием и что эти пять станут первыми, посвященными в хальсу, и ее ядром. Размешав сахар в воде обоюдоострым мечом, гуру дал им испить в знак посвящения в хальсу и сам испил из их рук (с тех пор такое причастие обязательно при посвящении мальчиков в сикхизм).

и сложив ладони, он кланялся оружию и лишь после этого брал его и вступал в состязание. (Панджабская пословица говорит: «Окажи честь оружию, и оно принесет честь тебе»).

Здесь можно было видеть, как пользуются чакрами в бою: эти кольца надевают на указательный палец или на два пальца — указательный и средний — и, сильно раскрутив, посылают во врага, целясь в шею. В прежние времена края чакр оттачивались, как бритва, но теперь для воинских игр употребляются затупленные чакры. Диаметр этих стальных колец бывает от 25 до 40 см, ширина обода кольца 3—4 см, толщина его у внутреннего края 3—4 мм. Вес их — 500—700 г.

После окончания праздника ниханги снова рассеиваются по Панджабу, для того чтобы встретиться вновь в дни следующего праздника.

В составе этой секты есть две группы, или два подразделения. Одно, возникшее первым и имеющее своим центром городок Дамдама, называется Будха-даль, а другое, которое образовалось позже, называется Дхарна-даль. Центром этой второй группы является городок Сурсинг, вблизи Амритсара. Главой группы является Сохан Сингх. Группа Дхарна-даль малочисленней, чем Будха-даль, и менее влиятельна в среде сикхов.

В 40—50-х годах XX в. из среды нихангов выдвинулся общественный деятель Акали Каур Сингх Ниханг, снискавший себе в Панджабе довольно широкую популярность. Он опубликовал несколько работ по истории и современному положению сикхизма. Его деятельность была главным образом направлена на устройство приютов для сирот и вдов, особенно после раздела Индии.

В 1950/51 г. руководители нихангов начали издавать в Патиале еженедельник «Ниханг Сандеш», но он довольно скоро перестал выходить, так как в среде нихангов практически нет образованных людей, которые могли бы поддерживать этот печатный орган.

Ниханги известны тем, что не боятся ни полиции, ни суда. Они не признают законов, и спорить с нихангом опасно: он без размышлений прибегает к оружию. Иногда достаточно взгляда, чтобы ниханг счел себя оскорбленным. Хотя они нигде и ни за что не платят, кондуктора и контролеры транспорта избегают даже напоминать им о билетах, опасаясь, не без оснований, вызвать их гнев.

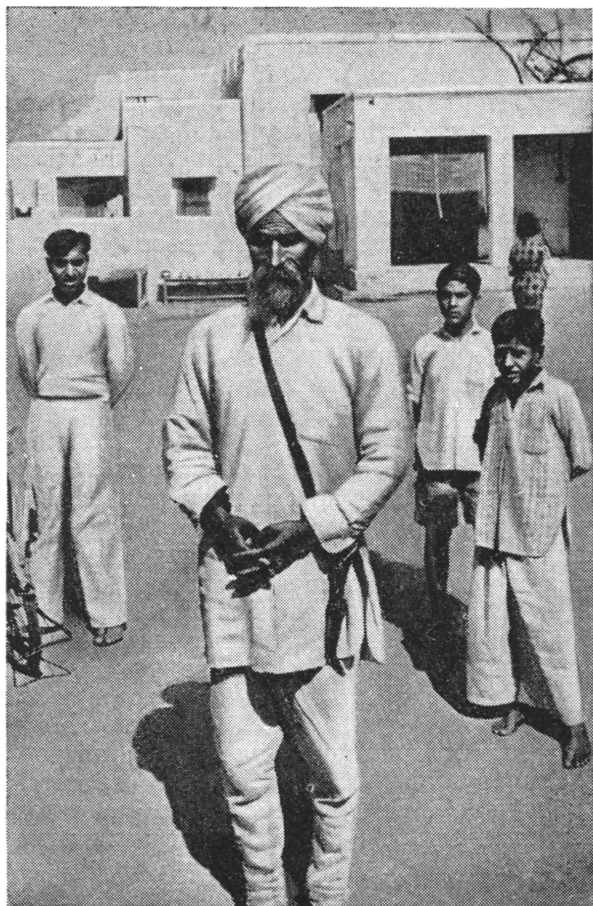
Многие считают, что само слово «ниханг» персидского происхождения и означает «крокодил»²². Есть мнение, что эта секта возникла как подражание аналогичным отрядам в составе могольской армии и что даже цвета одежды они заимствовали у этих отрядов.

НАМДХАРИ (КУКИ)

Еще одной многочисленной сектой в сикхизме являются намдхари, или куки. Эта секта возникла в первой половине XIX в. из касты рамгархиа, видимо, прямо связанной с мисалем Рамгархиа.

Можно полагать, что эта каста сформировалась на основе одной из неджатских родо-племенных групп, приобретшей определенную профессиональную специализацию — члены касты являлись (и в основном являются и сейчас) плотниками и деревообделочниками, а также торговцами деревянными изделиями. В современном Панджабе многие рамгархиа стали каменщиками и строительными рабочими. Основную

²² Есть и другое объяснение этого слова: «ниханг» возводится к слову «нихсанг» (санскрит), что означает «отрицающий союзы» или «не вступающий в сговоры» (иногда переводят как «холостяк»).

Настоятель сельской гурдвары

массу мисалья Рамгархиа составляли ремесленники — члены этой касты, а сардарами (руководителями) мисалья стали (судя по данным, полученным автором от членов секты) члены панчаята касты. Каста рамгархиа и сейчас является главным источником, пополняющим ряды секты намдхари. Многие намдхари стали также заниматься разведением и продажей породистого скота, считая, что это занятие предписано Ведами.

В феодальном государстве Ранджит Сингха сикхский демократизм претерпел серьезные изменения: в процессе упрочения позиций сикхской знати стал распространяться кастовый изоляционизм, руководителями общины практически сделались крупные землевладельцы и маханты — главы гурдвар, являющиеся фактическими владельцами земель гурдвар (в отличие от грантхи — духовных руководителей гурдвары, которые земельной собственностью не распоряжаются).

Основателями секты и первыми ее адептами были представители торгово-ремесленных кругов панджабских городов. Целью этого движения была борьба за возрождение сикхизма в его исходных формах, что неизбежно означало сопротивление усиливающейся власти феодальной знати, отрицание распространявшихся кастовых институтов.

С середины 40-х годов XIX в. главой намдхари стал Рам Сингх (1815—1885) из касты рамгархиа. Он был одним из воинов армии Ранджит Сингха и участвовал в боях с английскими полками в Мудки и под Ферозпуром, где сикхи потерпели поражение. Рам Сингх усмотрел причину поражения во внутренних раздорах, подрывавших единство сикхской общины, и в утрате традиционного сикхского демократизма. Он оставил военную службу и поселился в деревне Бхайни, вблизи города Лудхианы. Открыв здесь сначала лавку-мастерскую, а затем кухню (лангар), он стал проповедовать свое учение, призывая всех сикхов бороться за прежнее равенство.

Работа лангара очень помогала ему в распространении его учения, так как сюда приходили бедняки и выходцы из низших каст наравне с богачами и членами высоких каст.

Рам Сингх пытался реформировать сикхизм в период его кризиса. Идеи реформации были направлены в общине против социальной верхушки государства Ранджит Сингха, так как верховные посты этого государства занимали главным образом представители двух групп, а вернее, двух высоких каст — беди (потомков гуру Нанак) и содхи (потомков тех гуру, которые возглавляли общину после гуру Рам Даса). Опять бедняков подавляли, как и до зарождения сикхизма.

Рам Сингх попытался возродить воинско-демократическую организацию общины, разделив своих последователей на территориальные группы — субы и тахсилы, возглавляемые лицами, отвечающими за порядок и благополучие в своих группах. (До сих пор такие лица, называемые «суба» и «джатхедары», функционируют как главы локальных групп намдхари).

Рам Сингх уделял большое внимание борьбе за рост панджабского национального самосознания, основав школы, где детей обучали только на языке панджаби²³. Был выработан новый кодекс поведения «рахатнама», который заметно отличался от рахатнама всех других сикхов. Последователи Рам Сингха по всему Панджабу распространяли его учение.

Намдхари считают себя инициаторами антианглийских выступлений в Индии. Действительно, еще до национального восстания 1857 г. они проводили последовательную антианглийскую политику.

В своей антианглийской политике Рам Сингх стремился опереться на помощь других княжеств и стран, прежде всего на Кашмир, Непал и Россию. Так, он даже попытался создать в Кашмире освободительную армию, которая известна под названием «армии куков». История этой армии мало изучена, и материалов по этому вопросу нам найти не удалось.

Рам Сингх запрещал обращаться в английские суды, требуя, чтобы все конфликты решались внутри общины. Он призывал протестовать против забоя коров, который англичане начали в то время поощрять. К 70-м годам XIX в. на этой почве очень обострились отношения между намдхари и мусульманами. Особенно тяжелое столкновение произошло в княжестве Малеркотла, мусульманским правителям которого покровительствовали англичане.

Таким образом, и он и его последователи призывали к бойкоту и борьбе с англичанами, и их агитация нашла широкий отклик в среде городского населения и в армии.

В 1872 г. английские колонизаторы, крайне раздраженные деятельностью намдхари, расстреляли группу намдхари из пушек, повесили

²³ Н. М. Гольдберг, *Очерки по истории Индии*, М., 1965, стр. 16.

16 человек и многих арестовали, объявив, что это необходимо для подавления индо-мусульманской вражды. Рам Сингху было предложено не покидать центр намдхаризма, деревню Бхайни. В 1872 г. он был арестован и выслан. В 1885 г. он умер в тюрьме в Рангуне, но многие члены секты убеждены, что он не умер, а бежал в Россию, где живет и сейчас. Поэтому для намдхари в целом характерно очень дружественное отношение к нашей стране.

Создатели секты основали новую династию живых гуру (тогда как после смерти Гобинд Сингха институт гуру в сикхизме перестал существовать и роль гуру играет «Грантх-сахаб»). После Рам Сингха общину возглавил его брат Хари Сингх, а затем — сын Хари Сингха Пратап Сингх.

Современным гуру является его сын Джагджит Сингх. Его почитают «живым богом» на земле и безоговорочно подчиняются каждому его слову.

Намдхари по своему образу жизни во многом не похожи на других сикхов, в особенности джатов. Подавляющее большинство сикхов ест мясо (кроме говядины), но намдхари являются строжайшими вегетарианцами. Сикхи, как правило, склонны к бурному и живому выражению чувств, но намдхари никогда не повышают голоса и их идеалом является полное обуздание чувств и смирение. Сикхи любят праздники, песни, пляски, яркие одежды и украшения — намдхари должны петь только религиозные гимны и одеваться только в белое безо всяких украшений, не должны танцевать и ходить в кино. У сикхов бывают случаи похищения девушек, они не останавливаются перед многоженством. У них до сих пор в некоторых случаях сохраняется кровная месть. Намдхари же придерживаются моногамии, женятся только на девушках, выбранных родителями, а все споры решаются у них главой области — субы или гуру всей секты.

Основная масса намдхари живет в северных районах Панджаба (в области зарождения и действий мисаля Рамгархия), но они целыми колониями живут и в других панджабских городах и в Дели. Как и у других общин, у них есть свои «дхарм-шала» — род гостиниц, где останавливаются приезжающие из других мест члены их секты. Поскольку у намдхари строго запрещено употребление каких бы то ни было напитков, кроме воды из определенных колодцев, они обычно отказываются даже от чая и носят с собой чистую воду из своего домашнего колодца или из колодца дхарм-шалы.

Костюм намдхари-мужчин состоит из белой прилегающей к талии длинной рубахи без ворота с прямыми рукавами и из белых, очень длинных и узких штанов на вздержке — пайджама, которые собираются в сборки на голени. Их белые тюрбаны обычно повязываются таким образом, что налобная линия параллельна линии бровей, а не переkreшивается надо лбом, как у других сикхов.

Волос они не стригут, а собирают в пучок на макушке и закрепляют деревянными гребешками, как и все сикхи. Усов и бород не бреют, но в отличие от городских сикхов не подтягивают их шнуром к подбородку, а носят в распуск.

Женщины-намдхари носят обычный женский панджабский костюм, называемый «сальвар-камиз», т. е. платье до колен, слегка прилегающее по талии, и шаровары, схваченные у щиколоток. На голову набрасывают прямой шарф, называемый «чуни».

Ни женщины, ни мужчины не носят никаких украшений, кроме белой гирлянды четок из завязанной узелками шерстяной пряжи.

Характерен свадебный обряд намдхари, называемый «ананд», который отличается от обрядов всех других сикхов. Члены этой секты

закключают браки два раза в году — обычно в мае и в сентябре, и для этого съезжаются отовсюду (из любой страны) в Панджаб.

Одновременно вступают в брак 50—100 пар. Свадебный обряд был создан Рам Сингхом в июне 1863 г., когда он впервые таким образом сочетал браком 6 пар ²⁴.

У намдхари нет обычая давать приданое, чем они резко отличаются от всех индусов (кроме членов некоторых «низких» каст, которые дают выкуп за невесту).

За проведение свадебного обряда они платят только одну рупию с четвертью (иногда эта цена поднимается до 13 рупий).

Все присутствующие на свадьбе садятся вокруг центральной площадки, на которой устраивается невысокий круглый алтарь, где горит священный огонь. Среди членов общины на ковре сидят музыканты и в их числе гуру Джагджит Сингх, который возглавляет оркестр, так как священной мелодии, как уже говорилось выше, придается особое значение. Пары, выступающие в брак, сидят вокруг алтаря и слушают гимны.

Здесь же, в присутствии новобрачных, гуру проводит суд, разбирая тяжбу членов секты, и произносит приговоры. Намдхари считают, что молодым дается таким образом урок доброго поведения.

Несколько членов секты в состоянии экстаза (несколько дней и ночей они пели гимны и повторяли лозунг сикхов «вах гуру») выходят с распущенными волосами в центр круга и исполняют перед гуру род своеобразной пляски, кружась на месте, раскачиваясь и кланяясь до земли. Обычно через 20—30 минут такой пляски они теряют сознание, а им на смену выходят новые.

Когда пляски, пение, музыка и суд оканчиваются, молодым дают «прашад» — сладкое причастие из пшеничной муки, сахара и топленого масла, обрызгивают их водой и они четыре раза обходят священный огонь (тогда как все другие сикхи во время свадебного обряда четыре раза обходят «Грантх-сахаб»), чем завершается свадебная церемония.

В общественной жизни намдхари малоактивны, они не вступают, как правило, в политические партии и обычно не участвуют в митингах или демонстрациях. Но в движении сторонников мира секта участвует, и представитель семьи гуру Джагджит Сингха (его брат) был делегатом Международного конгресса борцов за мир в Хельсинки в 1965 г.

Гуру намдхари издает в Дели газету «Нава Хиндустан», в которой освещаются и вопросы жизни секты и общеполитические вопросы. В своем другом центре — Дживан Нагар (в дистрикте Хиссар) — они издают свой еженедельник «Сат Юг».

Международные связи намдхари довольно широки, так как члены секты живут во многих странах, являясь обычно торговцами или скотовладельцами. За разведение высокопородного скота и за охрану «прав коров» гуру Джагджит Сингху правительство Индии присвоило в 1965 г. почетный титул «Гопал Раттан» (это одно из имен бога Кришны).

Численность намдхари, по некоторым источникам, достигает 100 тыс. ²⁵, но по свидетельству самих намдхари она составляет 1 млн. ²⁶.

²⁴ В 1963 г. все намдхари съехались в местечко Кхоте, где также шесть пар вступили в брак, чтобы торжественно отпраздновать столетие возникновения своего свадебного обряда. Намдхари считают, что этот обряд воспроизводит ведическую форму бракосочетания.

²⁵ Khushwant Singh, *The Sikhs today*, Calcutta, 1959.

²⁶ Письмо от 24 мая 1963 г., Информационного комитета намдхари по празднованию столетия брачной церемонии «ананд» (Ротапринт, г. Лудхиана, 1963, англ. и пандж. яз.).

Довольно устойчивой сектой являлись ниранкари (от слова «ниранкар», «не имеющий формы», т. е. «бог», а также и «человеческая душа»). Практически существуют две секты под этим названием. Основателем одной из них был индус из г. Пешавера Дайал Дас (1783—1858). Он и его два сына стали распространять свое новое вероучение в крайних западных и северозападных районах Панджаба (после 1947 г. многие члены секты расселились по городам Северной Индии).

И первые адепты секты, и многие ее современные члены и почти все руководство выходцы из этих районов из числа сикхов и индусов ²⁷.

Последователи Дайал Даса признали его основателем новой династии живых гуру и до наших дней глава секты считается ее гуру и живым воплощением самого гуру Нанака. Они отличаются от других сикхов также тем, что считают свою книгу «Хукам Нама» священным писанием наряду с «Грантх-сахабом».

Суть их учения — отказ от исполнения религиозных обрядов, от почитания идолов и от паломничества, стремление к размышлению, к ощущению единства каждой человеческой личности с богом. Ниранкари призывают недоверчиво относиться ко множеству так называемых святых учителей всех религий и предлагают внимать только словам руководителей своей секты, которые указывают единственно верный путь к спасению, лежащий через познание самого себя, как эманации бога. Они признают правильность учения Христа, Мохамеда, Будды и некоторых древних пророков и учителей индуизма (Васиштхи, Джанаки и др.), считая, что они правильно трактовали суть единого бога. Они считают, что книга, т. е. «Грантх-сахаб», не может заменить собой живого учителя, а поэтому только близорукие люди могут механически следовать словам книги.

Ниранкари учат, что все человечество едино и что границы разных религий, наций, каст и классов созданы людьми искусственно, от незнания истины. Они и себя не называют сектой, а говорят, что просто являются носителями нового учения о боге.

Они считают, что не следует налагать на людей какие-либо изоляционные запреты или предписывать им определенную прическу, одежду, еду и пр. ²⁸. Они рекомендуют принимать людей всех вер и рас такими, каковы они есть, и искоренять из своего сердца ненависть к представителям других общественных групп. Таким образом, лозунг «равенства перед богом», бывший и основой сикхизма, расширен ими до проповеди религиозного, национального и классового мира.

Подобно основоположникам сикхизма, ниранкари отвергают отшельничество и учат, что каждый должен вести активную мирскую жизнь, что не помешает ему стать праведником (руководители секты были и являются или торговцами, или владельцами промышленных предприятий).

Право на проповедь и распространение своего учения они признают только за гуру своей секты, считая, что «тот, кого лечат, еще не приобретает права лечить других».

Главной организацией секты является Миссия ниранкари в Дели («Сант ниранкари мандал»). Основателем этой Миссии был Автар Сингх (полный титул: его святейшество Баба Автар Сингх джи Маха-

²⁷ Такая четкая локализация может послужить одним из доказательств того, что эту секту также питает определенная этническая группа.

²⁸ Несмотря на это, руководители секты и многие ее члены носят на шее длинный белый шарф (с концами, свисающими из груди), по которому их всегда легко узнать.

радх), бывший ранее активным деятелем сикхской партии Акали, но с 1943 г. ставший главой секты ниранкари, будучи назначен предшествовавшим гуру Баба Бута Сингхом. До 1947 г. он жил и функционировал как член секты, а затем — как ее глава в Равалпинди, но после раздела Индии обосновался в Дели, где и создал Миссию в сентябре 1948 г. Современным руководителем секты (с 1963 г.) является его сын Гурбачан Сингх (или: его святейшество Сатгуру Баба Гурбачан Сингх джи Махарадж).

Один из сыновей Автар Сингха основал здесь в 1948 г. ежемесячный журнал «Сант Ниранкари», который выходит и сейчас на языках хинди, панджаби и английском.

Члены секты вносят в ее фонд денежные вклады, которые должны использоваться для «служения человечеству». Небогатые люди бесплатно работают на секту. Практическими делами секты занимается выбранная верхушка из семи человек, президентом их является Лабх Сингх. Они основали школу, выстроили небольшую колонию для беженцев из Пакистана, вырыли искусственный пруд (известный под названием Сантокх Сар), в котором совершают омовения все приезжающие в Дели ниранкари, основали свое издательство и публикуют на многих языках Индии и на английском свою литературу (биографии и высказывания руководителей секты и т. п.).

Группы ниранкари существуют почти во всех больших городах Индии и во многих городках и деревнях, но основной район распространения — Панджаб.

Ниранкари ежедневно собираются для совместных молитв и размышлений. Один раз в год они съезжаются на три дня в Дели. Момент вступления в секту они называют «преображением», а каждый из них называет себя «пылинкой на лотосоподобных стопах бога» (их руководители так обычно и подписывают свои статьи, бумаги и письма). Численность этой группы (речь идет о секте, основанной Дайал Дасом) ниранкари достигает примерно 7 тыс.

За последние годы во многих районах наметилась тенденция возврата целого ряда членов секты в сикхизм.

Другая группа ниранкари, которая не имеет отдельного названия, была основана во времена Ранджит Сингха в г. Равалпинде человеком по имени Баба Ратта. Он призывал людей воспевать отсутствие у бога какой-либо определенной формы, как главное его качество, достойное прославления. Взаимным приветствием в этой группе стали слова «дханна ниранкар» — «да славится бог, не имеющий формы».

Баба Ратта резко протестовал против суеверий индуизма и боролся против их проникновения в сикхизм. Смерть, по его учению, должна восприниматься как радость, так как она освобождает душу от телесной формы. Сикхи по обычаю оплакивают своих мертвых, он же протестовал против этого, призывая их относиться к смерти без проявлений горя. Внутренняя уравновешенность, одинаковое восприятие радости и страданий является основным принципом учения этих ниранкари.

Во всем другом они не отличаются от сикхов.

До раздела Индии центром этой секты продолжал оставаться г. Равалпинди, а после раздела их центром стал г. Чандигарх. Сюда они ежегодно собираются в январе, для того чтобы отметить день смерти Баба Ратты.

В наше время их главой является Баба Хара Сингх. Секте уже известно, что в случае его смерти преемником будет ниранкари Гурбакш Сингх.

В среде ниранкари вообще и в этой их группе, в частности, есть много образованных людей. До раздела страны они издавали в Равалпинди газету «Ниранкар Дурбар», но сейчас у них нет своего печатного органа.

Общая численность этой группы не превышает 5 тыс. человек.

УДАСИ

Секта удаси возникла в XV в. Она была основана сыном Нанака, Шри Чандом. Когда Нанак перед смертью провозгласил, что он назначает новым гуру не одного из своих сыновей, а своего ученика Лехну (которому дал имя Ангад, что означает «часть», таким образом Лехна объявлялся частью Нанака), старший его сын Шри Чанд воспротивился этому. Он ушел от мира и стал отшельником, надев шафранные одежды садху (индусского отшельника). В процессе борьбы за влияние в общине сикхов он основал секту своих последователей под названием «удаси», что значит «одинокие», или «те, кто отрицает мир», или «отъединенные от мира».

В отличие от других учеников Нанака, которые вели деятельную жизнь, удаси уподобились странствующим нищим-брахманам. Они проповедовали свои убеждения сначала в среде панджабского населения, а затем и в других областях Индии и даже за ее пределами ²⁹.

Несмотря на то что гуру Ангаду удалось разрешить самые острые разногласия между удаси и остальной сикхской общиной, секта все же продолжала существовать.

Удаси признают знаменитых «5 К» сикхов, т. е. длинных волос и бороды, гребня, кинжала, браслета и коротких штанов (все эти слова в языке панджаби начинаются с «к»), и носят желтое платье отшельников и в наши дни.

В качестве садху они не подвергались таким жестоким преследованиям со стороны врагов, каким подвергались сикхи, и поэтому могли смотреть за гурдварами, а иногда и восстанавливать разрушенные гурдвары. Некоторые из них были и махантами гурдвар вплоть до 20-х годов XX в., когда руководство гурдварами перешло в руки партии Акали, а затем — в руки комитета, известного под названием Широмани гурдвара прабандхак комити.

Удаси делятся на четыре подсекты, но в чем реально состоит разница между этими подсектами, нам установить не удалось. Одна из них выделяется тем, что ее члены не носят никакой одежды, подобно дигамбара-джайнам.

Секта делится еще и на «акхара» — более мелкие группы, природу которых также выяснить не удалось.

У каждой подсекты, или акхары, имеется свой махант, который, готовясь к смерти, сам назначает своего воспреемника. У некоторых из махантов есть земля, и они довольно богаты. Землевладельцами — часто зажиточными — являются и небольшое число последователей учения на Гангской равнине (где оно распространилось в середине XVII в.), но, считая себя удаси, они, естественно, удаси не являются.

Как правило, удаси не имеют ни семей, ни собственности. У них есть слоны, и они группами передвигаются с их помощью по Панджабу и всей Северной Индии.

²⁹ Есть предположение, что они бывали и в Средней Азии и занесли туда копию «Грантх-сахаба».

Один из махантов удаси, известный под именем Шри Махант, являясь большим знатоком санскрита, пытался доказать, оперируя древними текстами, что удаси изначально были последователями четырех сыновей самого бога Брахмы и что их секта, таким образом, так же стара, как мир.

Главным центром удаси является священный город Харидвар (или Хардвар) в верховьях Ганга. Другой их центр — Амритсар, а третьим до раздела Индии был г. Суккур в Синде. После раздела они перенесли этот центр в Бомбей, где он известен под названием Садх Бела.

В истории сикхизма известно много произведений, называемых «джанамсакхи». Это биографии гуру. Среди этих биографий встречаются и вполне достоверные, и такие, которые были написаны по тем или иным соображениям. Такая биография гуру Нанак была создана в XX в. одним из удаси по имени Ананд Гхан. Автор этой книги уделяет основное внимание прославлению основателя секты, Шри Чанда, и уверяет, что он являлся воплощением бога на земле и безусловно должен был стать гуру всех сикхов вместо Ангада.

Но все это не мешает и не мешало удаси высоко чтить «Грантх-сахб», как священное писание.

В Панджабе и в наши дни встречаются члены этой секты, а многие странствующие аскеты и нищие, даже не принадлежа к секте, называют себя удаси, чтобы склонить сикхов к подаянию. Поэтому даже приблизительно численность удаси трудно определить. Эта секта не имеет единого руководства и программы действий и постепенно вымирает, не опираясь на какую-либо определенную, питающую ее среду.

ХАНДАЛИА

Секта хандалиа, или ниранджаниа, была основана во времена третьего гуру сикхов — Амар Даса (1479—1574). Ее основателем был один из учеников гуру, джат, по имени Хандал, родом из Джандиалы (к востоку от г. Амритсара). Гуру обратил его в сикхизм и велел ему обращать в эту веру других. Сын Хандала Бидхи Чанд основал в Джандиале храм и стал отсюда проповедовать особый вариант сикхизма, написав новый «Грантх» и создав очередную «джанамсакхи» — биографию гуру Нанак, в которой искажил факты жизни гуру и старался приуменьшить его значение, возвеличивая своего отца, Хандала, как истинного основателя сикхизма.

Эта «джанамсакхи» сообщает: Нанак попал на небо и сообщил богу, что успел прославить его своим учением только в трех странах света, а на западе живут те, кто не знает еще истинной веры⁸⁰. Видимо, эта легенда была призвана утвердить авторитет самого Бидхи Чанда в западных областях и оправдать то, что он сделал своей сожительницей мусульманку. Поскольку книг о жизни Нанак было тогда создано очень немного, Бидхи Чанд и его последователи уничтожили целый ряд ценных рукописей, заменяя их своими «джанамсакхи». Сын мусульманки и Бидхи Чанда Деви Дас унаследовал сан отца. Уже с этой поры началось сближение этой секты с мусульманским миром.

Это сближение дошло до того, что во времена афганских нашествий XVIII в. секта хандалиа систематически выступала даже как союзник афганцев, выдавая им воинов хальсы, которых укрывали крестьяне.

Когда в 20—40-х годах XVII в. Захария Хан, бывший офицером могольской армии и губернатором Лахора, преследовал и жестоко ис-

⁸⁰ М. А. Macauliffe, *The Sikh religion*, vol. I, Introduction.

треблял хальсу, хандалиа старались ему доказать, что они не являются сикхами Нанака и не имеют с ними почти ничего общего. Они сотрудничали с Захарией Ханом и другими представителями Моголов³¹.

Правитель государства сикхов Ранджит Сингх в начале XIX в. стал преследовать хандалиа и отбирать у них земли. Но искоренить секту не удалось. Англичане дали храму хандалиа землю и до сих пор секта функционирует самостоятельно в области Джандиалы.

Есть основания полагать, что эта секта также опиралась на определенную этническую среду, которой, по-видимому, являлась какая-нибудь местная неджатская народность. Об этом говорят не только непрерывные разногласия между хандалиа и другими сикхами, но и сведения о том, что для членов этой секты характерны особые погребальные обряды: они не бросают в реку прах после кремации и не раздают жрецам сосуды и одежду, жертвуемую мертвым, а забирают их и пользуются ими³².

МИНА

Небольшой сектой сикхов, возникшей при четвертом гуру — Рам Дасе, является секта мина.

Она была основана старшим сыном гуру, Притхи Чандом, который был возмущен тем, что отец избрал младшего сына, Арджуна, в качестве следующего гуру.

Притхи Чанд так резко выступал против отца, что тот назвал его «мина», откуда и возникло название секты («мина» — название одного из племен Раджпутаны, занимавшегося разбоем).

Притхи Чанд отделил своих последователей от всех других сикхов и воспитывал их в духе враждебного отношения к остальной общине.

Это отношение стало традиционным и искусственно поддерживалось руководителями секты до самого последнего времени.

Сын Притхи Чанда, Михарбан, написал «джанамсакхи», в которой он тоже прославляет своего отца как единственного создателя истинной веры.

В настоящее время секта немногочисленна и заметной роли в сикхизме не играет.

НИРМАЛА

Своего рода сектой стали нирмала — сикхские теологи.

Гуру Гобинд Сингх решил основать школу теологии сикхизма и с этой целью направил в Бенарес пятерых из числа своих приближенных. Он поручил им изучить санскрит и Веда, поскольку все гуру упорно возводили основы сикхизма к Ведам.

Но в Бенаресе, старом центре брахманского индуизма, нирмала приобщились и к брахманскому образу жизни, стали строгими вегетарианцами, начали носить шафранную одежду и даже становились отшельниками, что, как известно, противоречит самим основам сикхского учения. Больше того, они и их последователи зачастую стали трактовать писание сикхских гуру с позиций брахманизма, что отдалило многих из них от сикхской общины.

³¹ Khushwant Singh, *A history of the Sikhs*, pp. 127, 148, 153.

³² M. A. Macauliffe, *The Sikh religion*, vol. II, p. 263.

Нирмала во многом сходны с удаси, с которыми у них были даже стычки из-за права проповедовать религиозное учение.

Современное название секты — «Нирмала Маха Мандаль». Ее центрами являются города: Патиала (где они пользовались широкой поддержкой махараджи), Амритсар и Хардвар.

Эта секта тоже делится на ряд групп, возглавляемых своими махантами. Раджи сикхских княжеств оказывали им помощь и дарили им земли. Их группы обычно селились и селятся на этих землях вокруг своих гурдвар и образуют так называемые «дера» — «лагеря» (в Панджабе их около 500). В течение долгого времени в этих дера развивалась местная система образования — здесь нирмала преподавали письмо гурмукхи, учили читать «Грантх-сахаб» и другие книги сикхизма, проповедовали основы религии, проводили диспуты. После распространения системы образования, введенной англичанами, значение дера заметно упало.

Члены секты создали много словарей, комментариев к сикхскому писанию, книг по философии, истории и т. п. Они имеют свой печатный орган «Нирмала Самачар», издаваемый в Амритсаре.

СЕВА-ПАНТХИ

Суть вероучения сева-пантхи — идея о милосердном отношении ко всем людям без исключения.

В эту секту входят главным образом сахадждхари-сикхи, т. е. сикхи без «5 К», или сикхи-невоины (те, кто не проходил в гурдваре обряда посвящения в общину).

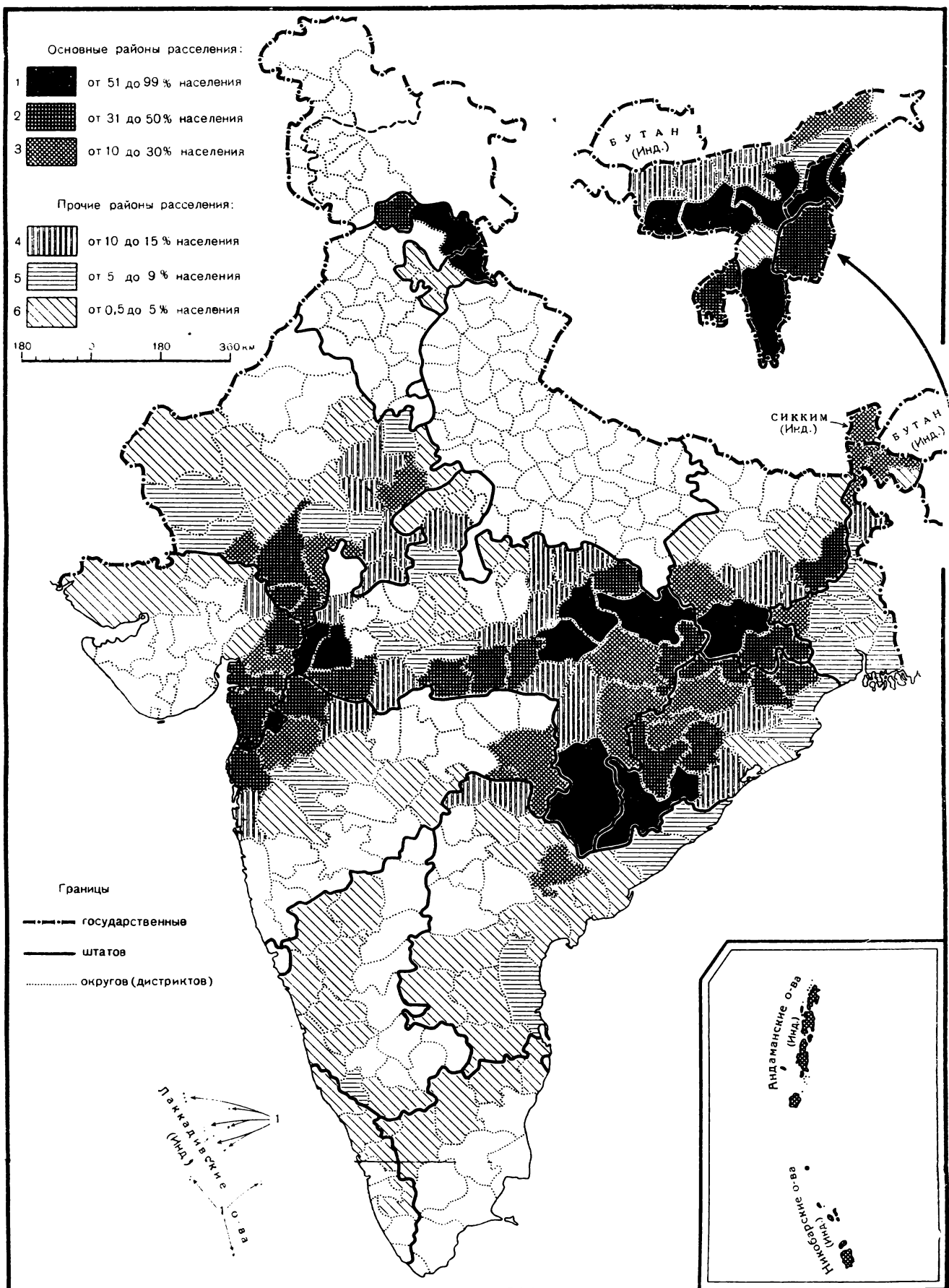
Эта секта, по преданию, возникла во времена гуру Гобинд Сингха, т. е. на рубеже XVII—XVIII вв. Ее основателем был некий Канхайя, который в дни кровопролитных боев хальсы с мусульманскими армиями стал обносить водой всех, кто был ранен на поле боя, — и своих и врагов. Когда Гобинд спросил его, зачем он так поступает, Канхайя ответил, что все люди являются творениями и подобием бога и поэтому надо помогать всем. Гуру Гобинд якобы одобрил его ответ и даже дал ему целебный бальзам, чтобы он мог лечить раненых. Канхайя основал в г. Джанг (соврем. Западный Пакистан) центр помощи больным, раненым и убогим, вне зависимости от их национальной или религиозной принадлежности.

После раздела страны центрами этой секты стали города Джагдхари, Патиала и Манди Гониана в Панджабе. Руководство деятельностью секты осуществляет выборный панчайт (комитет из пяти человек). Они не только открывают бесплатные кухни для сирот и бедных и лечат их, но и проводят молитвенные собрания, на которых проповедуют свое учение.

Секта существует на пожертвования, но в отличие от многих учреждений, поддерживаемых благотворителями, сева-пантхи не сообщает имен тех, кто вносит деньги. Это делается для того, чтобы поставить особое ударение на религиозной сути этих жертвований, так как считается, что сделанное добро должно вести к спасению души, а стало быть, должно быть известно только богу, но не людям.

Численность членов секты точно установить не удалось; по некоторым сведениям, она приближается к 5—6 тыс.

В заключение автор приносит глубокую благодарность тем, кто помогал собирать информацию о перечисленных группах в сикхизме, индийским друзьям Бхишаму Сахни, Гьяни Гурдитт Сингху, Бальбир Сингху Диллону, Бхаджан Сингху Сарао и Сваран Сингху Санехи.

РАССЕЛЕНИЕ МАЛЫХ НАРОДНОСТЕЙ (АДИВАСИ)

Б. П. Супрунович

ПРОБЛЕМА МАЛЫХ НАРОДНОСТЕЙ И ПЛЕМЕН (АДИВАСИ) В ИНДИИ

Проблема развития малых народностей и племен Индии, потомков древнейшего населения страны (по индийской терминологии — адиваси, или адибаси), имеет одновременно и социально-экономический и национальный характер.

Адиваси, обитающие в джунглях и горных районах страны с незапамятных времен либо оттесненные туда позднейшими миграциями, оказались в неблагоприятных природных условиях, оказались изолированными от других, более передовых индийских народов. Вследствие этого их социально-экономическое и национальное развитие задержалось.

Адиваси как аборигенные народы во многом отличаются от других народов Индии. Они принадлежат к негроавстралоидным или монголоидным расовым типам, имеют самобытную культуру, большая их часть исповедует анимистические религии. Некоторые из аборигенных народов говорят на языках особых языковых групп (мунда и тибето-бирманской). Но главное отличие адиваси от остальных индийских народов состоит в том, что в их общественном строе сохранились явные пережитки родо-племенных отношений. Для адиваси характерны также специфические типы хозяйственной деятельности, производственные навыки, бытовые особенности. Социально-экономические и культурно-бытовые различия имеют своим следствием и некоторые демографические особенности.

В последние годы появился ряд советских публикаций, главным образом о небольших народах Центральной Индии и Ассам¹. Этно-

¹ Б. Я. Волчок, *Общественный строй санталов*, Л., 1951 (автореферат канд. диссертации); Б. Я. Волчок, *Следы дуальной организации у народов мунда*, — «Советская этнография», 1959, № 6; Б. Я. Волчок, *Взаимодействие каст и племен в Центральной Индии*, — Доклад на VII международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964; Б. Я. Волчок, *Онге Андаманских островов*, — «Советская этнография», 1965, № 3; С. А. Болдырева, *Социальная организация народов группы бодо (Ассам)*, Л., 1955 (автореферат канд. диссертации); С. А. Болдырева, *Черты материнского рода у гаро и кхаси (Ассам)*, — «Труды института этнографии АН СССР», новая серия, т. 65, М., 1961; С. А. Маретина, *К вопросу об общности происхождения нага (Ассам) и даяков с о. Калимантан (Борнео)*, — в кн.: «Ленинградский государственный университет. Тезисы конференции по истории, языку и культуре Юго-Восточной Азии», Л., 1964; С. А. Маретина, *Община и вопросы землевладения у народов Ассамских гор*, — «Народы Азии и Африки», 1966, № 3; Б. А. Калягин, *Хозяйственный уклад и формы собственности племен нага*, — «Народы Азии и Африки», 1965, № 1. См. также: М. К. Кудрявцев и Н. Н. Чебоксаров, *Месяц в Индии*, — «Советская этнография», 1965, № 4; Н. Н. Чебоксаров, *Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии*, — «Советская этнография», 1966, № 2; Л. И. Юревич, *Нагаленд*, — «Экономика и история Индии и Пакистана», М., 1966.

графическое описание малых народов содержится в фундаментальном труде Института этнографии АН СССР о народах Южной Азии². Проблема малых народностей затронута в книге А. М. Дьякова «Национальный вопрос в современной Индии» (1965). Однако многие вопросы, связанные с этой темой, еще не получили сколько-нибудь полного освещения.

Между тем проблема малых народностей и племен должна занимать важное место в изучении Индии, в частности в экономико-географическом изучении тех районов страны, где адиваси составляют значительную часть населения. Не следует забывать и о теоретическом значении данной проблемы, которая остро стоит и в некоторых других азиатских государствах.

В иностранной литературе, особенно английской и индийской, имеется большое число монографий, сборников и статей, посвященных отдельным аборигенным народам Индии; затрагивается и проблема адиваси в целом.

Усиленное изучение «отсталых племен» в колониальной Индии английскими миссионерами и этнографами было связано со стремлением использовать этнографию для оправдания колониальной эксплуатации и разобщения индийских народов³.

В независимой Индии продолжается изучение жизни малых народов страны. Преобладающая тенденция у современных индийских авторов в исследованиях, посвященных адиваси, совершенно противоположна главной установке большинства английских этнографов. Всесторонне рассматриваются вопросы о помощи адиваси, об их месте в индийском обществе, о путях подъема их экономики и культуры⁴.

Официально почти все аборигенные народы включены в особые списки «зарегистрированных племен» (*scheduled tribes*). Включение в списки производится на основе Конституции особыми приказами Президента, имеющими силу закона⁵. Такие приказы были изданы в 1950 г. (для штатов группы «А» и «В») и в 1951 г. (для штатов группы «С») ⁶. После реорганизации штатов списки были пополнены особым приказом в 1956 г. Всего в списки включено около 250 народностей, племен

² «Народы Южной Азии», под ред. Н. Р. Гусевой, А. М. Дьякова, М. Г. Левина, Н. Н. Чебоксарова, М., 1963, стр. 393—400, 463—506, 516—543 и др.

³ Типичны для колониального периода этнографические обзоры, представляющие Индию как конгломерат рас, каст, племен и религий. Таковы книги: W. Crooke, *Natives of Northern India*, London, 1907; T. D. Anderson, *The people of India*, Cambridge, 1913; A. Baines, *Ethnology*, Strassburg, 1912; H. H. Risley, *The people of India*, Calcutta, 1915; «Census of India, 1931», vol. I, pt III. *Ethnographical*, Simla, 1935.

⁴ Из числа наиболее крупных работ, посвященных проблеме адиваси в независимой Индии, отметим монографии: D. N. Majumdar, T. N. Madan, *An introduction to social anthropology*, Bombay, 1958; D. N. Majumdar, *Races and cultures of India*, Bombay, 1959; G. S. Ghurye, *The scheduled tribes*, Bombay, 1958; С. В. Мамория, *Tribal demography in India*, Allahabad, 1957; сборники: «Tribes of India», pt I, 1950; pt II, 1951, Delhi; «Indian anthropology», London, 1962; «The Adivasis», Delhi, 1960; многочисленные статьи и книги В. Элвина (Elwin), Н. К. Боса (Bose, и др. Постоянно обращаются к теме адиваси индийские журналы: «Eastern anthropologist», «Man in India» и др. Подробную библиографию (до 1954 г.) см. в книге E. von Furer-Haimendorf, *An anthropological bibliography of South Asia*, Paris—La Haye, 1958.

⁵ Критерии, на основании которых производится включение в списки, довольно расплывчаты, к тому же они различны в различных штатах. Дело в том, что часто трудно провести грань между так называемым «отсталым племенем» и низшей кастой. Чаще всего учитываются место обитания (труднодоступные горы и джунгли), расовые признаки, образ жизни, ряд бытовых особенностей, сохранение анимистических племенных религий (во всяком случае не индуизм и не ислам), иногда язык. См. С. В. Мамория, *Tribal demography in India*, p. 26.

⁶ «Census of India, 1951», paper № 4, 1954, pp. 38—47.

и подразделений племен⁷ общей численностью 29,9 млн. человек (1961 г.)⁸.

Этнические территории адиваси занимают достаточно заметное место на карте народов Индии, хотя они часто живут совместно с хиндустанцами, бихарцами, ория, телугу, гуджаратцами и другими крупными народами.

Выделяются три главных района распространения малых народностей и племен: северо-восточный, центральный и южный.

Северо-восточный район охватывает индийскую часть Восточных Гималаев (горные округа Ассама, Нагаленд, Манипур, Трипура). Здесь живет около 3 млн. человек адиваси: нага, народы группы бодо-боро (гаро, качары и др.), народы группы куки-чин, микиры, кхаси и т. д. Это монголоидные народы, которые говорят (за исключением кхаси) на тибето-бирманских языках.

Центральный район включает центральноиндийские нагорья и плато от Чхота-Нагпура и Восточных Гат до гор Аравалли и Западных Гат (штаты Бихар, Орисса, Мадхья Прадеш, Раджастан, Гуджарат, Махараштра). Это главный район концентрации адиваси (около 25 млн. человек), этническая территория народов группы мунда (санталы, мунда, хо, савара, корку и др.), дравидоязычных гондов, ораонов и кхондов, а также бхилов и родственных им народностей и племен, которые говорят на индоевропейских языках.

К югу от 16° с. ш. встречаются небольшие дравидоязычные племена, по индийской терминологии *адидравида*, вкрапленные в массив четырех дравидийских наций (около 2 млн. человек). Это и есть южный район.

Таким образом, наибольшая численность адиваси характерна для штатов Мадхья Прадеш, Орисса, Бихар, Гуджарат и Ассам, где они составляют от $\frac{1}{7}$ до $\frac{1}{4}$ населения. В ряде территорий центрального подчинения и во многих округах доля адиваси превышает $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{2}$ населения (табл. 1 и карта).

Таблица 1

Численность адиваси («зарегистрированные племена») по штатам и территориям Индии (1961 г.) *

Штат	Число, тыс.			% от всего населения
	всего	мужчин	женщин	
Индия	29 884	15 041	14 743	6,8
Андрха Прадеш	1 324	670	654	3,7
Ассам	2 068	1 057	1 011	17,5
Бихар	4 205	2 088	2 117	9,1
Гуджарат	2 754	1 398	1 356	13,3
Керала	208	104	104	1,2
Мадхья Прадеш	6 678	3 334	3 344	20,6
Мадрас	253	130	123	0,7
Махараштра	2 397	1 211	1 186	6,1

⁷ «Census of India, 1951», paper № 1, 1960. Большинство «зарегистрированных племен» имеет очень небольшую численность. По данным переписи 1951 г. о родном языке можно выделить около 50 аборигенных народностей и племен с численностью свыше 10 тыс. человек. В книге «Народы Южной Азии» описывается около 50 народов из группы адиваси.

⁸ «Census of India, 1961», paper № 1, Final population totals, 1962.

Штат	Число, тыс.			% всего населения
	всего	мужчин	женщин	
Майсур	192	98	94	0,8
Орисса	4 224	2 095	2 129	23,8
Панджаб	14	7	7	0,0
Раджастхан	2 309	1 199	1 110	10,9
Уттар Прадеш	—	—	—	—
Западная Бенгалия	2 064	1 047	1 017	5,9
Нагаленд	343	171	172	93,5
Андаманские и Никобарские острова	14	7	7	22,0
Дадра и Нагар-Авели	51	26	25	88,0
Дели	—	—	—	—
Хиачал Прадеш	108	55	53	8,0
Лаккадивские, Аминдивские острова и Миникой	—	—	—	—
Манипур	23	11	12	96,0
Трипура	249	123	126	32,0
Сикким	360	184	176	31,5
	37	19	18	23,0

* Составлено по данным «Census of India, 1961», paper № 1, 1962, table C—III.

* * *

Традиционное индийское хозяйство в целом было разрушено победоносным шествием британского капитала. Но для племен, живших в условиях родового строя и не знавших частной собственности, столкновение с британскими законами, администрацией, солдатами и церковью было тем более губительным. Главным бедствием для хозяйства племен оказалось введение строгого лесного законодательства и лишение племен прав на общинные земли. Эти земли перешли в одних местах в собственность государства, в других — местные племенные вожди и старейшины, присвоив общинные земли, стали помещиками.

Ряд племен оказал вооруженное сопротивление колонизаторам ⁹.

⁹ Часть мужчин некоторых племен, лишенных средств к существованию, начала заниматься разбоем и грабежом, что послужило причиной включения большого количества племен в разряд преступных (criminal tribes). Так называемые «преступные племена» подвергались различным полицейским ограничениям в соответствии с законом 1924 г. «Преступные племена» не обязательно были особыми народностями (во всяком случае не первобытными племенами). Многие из них — это бродячие касты, говорящие на языках и диалектах окружающего населения. Существование специальной группы «преступных племен» не означало, что среди них действительно особенно распространены были преступления. Индийские ученые, оценивая политику англичан в этом вопросе, правильно видели причины преступности в экономических условиях жизни («Это видно из того факта, — замечает Бхаргава, — что барометр преступлений в Индии падает и подымается в зависимости от урожая и общего благосостояния масс». См. B. S. Bhargava, *Problems of reclamation and reform of criminal tribes*, — «Eastern anthropologist», vol. I, 1947, № 2, p. 26). Проф. Маджумдар возмущенно говорил, что Индия «является, очевидно, единственной страной в мире, которая определяет преступление как наследственную черту, и где большое число мужчин и женщин клеймится бесчестьем как преступники с рождения» (D. N. Majumdar, *Criminal tribes of N. India*, — *ibid.*, p. 33). Закон 1924 г. (Criminal tribes act) отменен в 1947 г., и в ряде штатов приняты некоторые меры к улучшению экономического положения указанных групп населения. Проблема, однако, далеко не решена, хотя отмечено снижение преступности. Устраняемые для бывших «преступных племен» колонии и земледельческие поселения далеко не всегда имеют успех.

В настоящее время числятся примерно 4 млн. человек бывших «преступных племен», официально именуемых «denotified tribes» («India, a reference annual», New Delhi, 1959,

Знакомство с историей малых народностей во времена британского завоевания и владычества открывает картину безграничной эксплуатации, беззаконий и произвола, творимых как английской полицией, администрацией, плантаторами, так и — при попустительстве и покровительстве колонизаторов — хиндустанскими, бенгальскими, раджастанскими, гуджаратскими и другими помещиками, торговцами, ростовщиками. Везде одно и то же — в Чхота-Нагпуре, Мальве, горном Ассаме и других районах.

Трагедия лишенных земли санталов и их отчаянное и безнадежное восстание, борьба бхилов, разгром конфедерации кхаси; восстание га-ро, сопротивление куки, нага, чин, лушай, абор, против которых последовали карательные экспедиции, — вот отдельные эпизоды истории адиваси в XIX и XX столетиях.

Беспощадно подавив сопротивление племен¹⁰, британские власти приняли меры к усилению их изоляции, якобы для того чтобы защитить их от эксплуатации, но в действительности, чтобы изолировать малые народности от растущего национально-освободительного движения и использовать пограничные племена в стратегических целях.

С этой целью многие территории адиваси с 1874 г. управлялись особыми чиновниками, а затем (1935 г.) были преобразованы в «территории, полностью или частично исключенные» из-под юрисдикции провинциальных (конгрессовских, как правило) правительств.

Конечно, это не только не защитило адиваси от жестокой эксплуатации и не улучшило их жизни, но способствовало расколу национально-освободительного движения и тормозило развитие племен.

Важным орудием в руках колонизаторов в деле подчинения адиваси, их эксплуатации и усиления изоляции оказались — вольно или невольно — многочисленные христианские миссионеры (европейцы и американцы). Их деятельность по распространению христианства в районах обитания адиваси продолжается до сих пор. Хотя миссионеры имеют некоторые заслуги в области просвещения и здравоохранения, но в целом их роль была и остается реакционной, антииндийской¹¹.

* * *

Хотя все народы группы адиваси в зарубежной литературе¹² именуются «племенами» (tribes), только небольшая их часть действительно живет в условиях родо-племенного строя. Изоляция адиваси, которая способствовала сохранению родо-племенного строя, фактически была ликвидирована в очень значительной степени еще в колониальный

¹⁰ Приводим небольшую хронологическую таблицу, показывающую борьбу англичан с остальными племенами и народностями:

1792 — восстание малпахария (горы Раджмахал)

1832 — восстание хо (Чхота-Нагпур)

1833 — разгром конфедерации племен кхаси (Ассам)

1846 — восстание кхондов (Орисса)

1855 — восстание санталов (Чхота-Нагпур)

1850—1889 — карательные и завоевательные походы против чин-лушай на границе с Бирмой

1878 — карательная экспедиция против нага

1912 — карательная экспедиция против абор

1939 — карательная экспедиция против нага

и т. д. (см. «India to-day», vol. II, 1952, № 2, pp. 25—30).

¹¹ Известно, например, что сепаратистские требования некоторых вождей нага в 50-х годах подстрекались американскими баптистскими проповедниками.

¹² Термин «племя» в применении к адиваси нередко без разбора применяется и в советской литературе. См., например, О. Б. Осолкова, *Центральная Индия*, М., 1961, стр. 75—85.

период. Не только деятельность государственной администрации, полиции и миссионеров, но и многие экономические процессы втягивали адиваси в сферу капиталистического хозяйства.

Прокладка железных и шоссейных дорог, создание горнодобывающей промышленности в Бихаре, Мадхья Прадеше и Ориссе, развитие плантационного хозяйства и других товарных отраслей земледелия в Ассаме, Бенгале и Керале, земледельческая колонизация территорий адиваси — все эти факторы способствуют развитию товарно-денежных отношений и обезземеливанию аборигенных народов, что, естественно, усиливает процесс разложения племенного строя. Родо-племенные связи уступают место экономическим, национальным и политическим.

Несмотря на сравнительно небольшую общую численность, народы адиваси значительно отличаются друг от друга по уровню социально-экономического и национального развития.

В индийской этнографической литературе приводится несколько схем классификации адиваси по уровню экономического развития, по степени культурных контактов с индусами и ассимиляции. Наиболее известна схема крупного английского этнографа Веррье Элвина, который постоянно жил и работал в Индии¹³. По уровню развития он делит аборигенов на четыре группы. Первые две состоят из небольшого количества племен (около 5 млн. человек), которые обитают в горах и лесах и не похожи на обычных жителей деревень. «Их религия характерна и жива, их племенная организация нетронута, их артистические и хореографические способности не утеряны, их мифология еще оживляет здоровую организацию племенной жизни»¹⁴. Географические условия их обитания способствуют их обособленности.

Для первой группы характерно экономическое равенство и отсутствие частной собственности на землю: земля принадлежит общине, расчищается и обрабатывается совместно. Племена этой группы занимаются подсечно-огневым земледелием при помощи примитивных орудий, охотой и собирательством. Женщина занимает почетное положение в обществе. Жилища строятся вокруг общей площадки либо за общей оградой, имеются общие помещения — спальни для молодежи.

Вторая группа характеризуется разложением племенного строя, хотя она еще живет обособленно и придерживается древних традиций. Изменения, вызванные связью с внешним миром, проникновением денежных отношений, заметны и по разбросанности построек в деревнях и по большому количеству одежды. Общие помещения имеются уже не всегда.

К третьей, наиболее многочисленной, группе относятся те объединения адиваси, которые под влиянием внешних связей (и — добавим — внутреннего развития) перестают придерживаться племенной общественной организации, культуры и религии. «Старые мифы забыты, старые боги низвергнуты. Деревня перестала быть общиной, она превратилась в скопище отдельных единиц»¹⁵. Главным занятием народов этой группы становится оседлое земледелие.

Наконец, четвертая группа, по Элвину, представлена племенной аристократией, помещиками и образованными людьми из числа аборигенов. Эта группа, за исключением некоторой части интеллигенции, совершенно оторвалась от родной почвы, хотя и сохранила старые племенные имена и тотемы.

¹³ V. Elwin, *The aborigines*, London, 1943.

¹⁴ Ibid., p. 8.

¹⁵ V. Elwin, *The aborigines*, p. 13.

Другая известная схема классификации адиваси разработана в 1952 г. «Комитетом благосостояния племен» (Tribal welfare committee). Эта схема выделяет:

- 1) «племенные общины», обитающие в лесах и следующие старому образу жизни;
- 2) «полуплеменные общины», живущие за счет оседлого земледелия;
- 3) «аккультурированные общины» и
- 4) «полностью ассимилированные племена»¹⁶.

Таким образом, только небольшая часть адиваси (5 млн. человек, по оценке Элвина) живет в условиях сохранения родо-племенных отношений. Это главным образом небольшие по численности племена, например, гондские племена мариа и муриа в Бастаре, асуры, гадаба, бондо, савара и другие в Чхота-Нагпуре и внутренней Ориссе, кадары, тода, ката, урали, ченчу в Южной Индии, некоторые племена горного Ассама и т. д.¹⁷

Большинство же этнических общностей адиваси представляет собой народности с различным уровнем социально-экономического развития, с различной степенью национальной консолидации, численность которых нередко достигает нескольких сотен тысяч человек¹⁸.

Элвин видел в разрушении племенных порядков только бедствие для племен, только причину отчаянно тяжелого положения, в котором оказались адиваси. Однако в этом процессе, одновременно и насильственном и закономерном, заложены и элементы созидательного характера. На базе племен формируется ряд народностей с более высоким экономическим и культурным уровнем. Национальные и этнические процессы, происходящие в среде адиваси, носят, следовательно, двоякий характер.

С одной стороны, полным ходом идут процессы ассимиляции, о чем свидетельствует уменьшение числа адиваси, говорящих на родном языке. Ассимилируются не только мелкие этнические группы, но и отдельные подразделения таких крупных народов, как гонды и бхилы (та часть этих народов, которая живет на равнине).

По данным переписи 1961 г. из 29,9 млн. человек «зарегистрированных племен» только 16,6 млн. человек (55,9%) говорили на родном языке (включая «племенные» диалекты маратхи, бенгали, тамильского и других крупных индийских языков)¹⁹. За 50 лет (1911—1961) число говорящих на языке гонди в штате Мадхья Прадеш сократилось с 1090 тыс. человек до 1048 тыс. Общее число говорящих на языке бхили (включая бхилали и вагди) в штатах Мадхья Прадеш, Раджастан и Махараштра за десятилетие 1951—1961 гг. почти не изменилось (1831 тыс. в 1951 г., 1842 тыс. в 1961 г.)²⁰.

В штате Мадхья Прадеш с наибольшим населением из группы адиваси удельный вес «зарегистрированных племен» в населении составляет 20,6% по этническому признаку и всего 7,4% по родному языку (1961 г.), т. е. здесь только 1/3 адиваси сохранила родной язык²¹.

¹⁶ С. В. Mamoria, *Tribal demography in India*, p. 25. С небольшими вариациями этой схемы придерживаются многие этнографы Индии.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ К этой категории относится третья группа классификации Элвина или «полуплеменные общины» по классификации Комитета благосостояния племен. Что касается четвертой группы Элвина, то это классовая группировка, а не этническая. «Полностью ассимилированные племена» трудно отличить от каст.

¹⁹ Подсчитано по «Census of India, 1961», vol. I, pt II-C(ii), annexure III.

²⁰ Подсчитано по «Census of India, 1961», vol. I, pt II-C(ii), statement I.

²¹ Подсчитано по «Census of India, 1961», paper № 1, 1962; vol. I, pt II-C(ii).

Ассимилируются аборигенные народы Ассамской долины, внутренней Ориссы, Южной Индии. Почти полностью ассимилированы по языку многочисленные этнические общности, родственные бхилам (коли, дубла, наик и др.), обитающие в Восточном Гуджарате и Махараштре.

С другой стороны, ряд малых народов Индии обнаруживает тенденцию к национальному развитию, национальной консолидации. Б. Я. Волчок отмечает такую тенденцию у санталов²². С. Н. Мазумдар указывает на начавшуюся национальную консолидацию у санталов, мунда и ораонов в Чхота-Нагпуре, а также у некоторых народов Ассама²³. Несомненно, укрепляются национальные связи народа кхаси, который стоит на более высоком уровне развития, чем другие ассамские горцы, имеет свою письменность, заселяет особый административный район²⁴.

Трудно утверждать, что племена нага (их насчитывается свыше двух десятков) составляют одну народность, однако они все более тяготеют друг к другу и добились создания автономного штата Нагаленд²⁵.

Требования автономии предъявляют и другие народы горного Ассама, а также народы Чхота-Нагпура, что свидетельствует об их росте национального самосознания.

Характерно, что именно у тех народов группы адиваси, которые проявляют тенденцию национального развития, от переписи к переписи возрастает число говорящих на родном языке. Например, численность говорящих на сантальском языке выросла с 1908 тыс. в 1911 г. до 3061 тыс. в 1961 г.

* * *

Большой интерес представляет анализ профессиональной и классовой структуры малых народностей и племен, выяснение их вклада в экономику Индии. Таблица 2, составленная по данным переписи 1951 г., позволяет осветить этот вопрос²⁶.

Из табл. 2 видно, что для подавляющей части адиваси (90,5%) земледелие является основным средством к существованию²⁷. Значительное число земледельцев (около 2,6 млн. в 1951 г., или 15%)²⁸ еще практикуют подсечно-огневое земледелие (главным образом в Ассаме, Ориссе, Андхре, Манипуре и Трипуре, Бихаре), остальные перешли на постоянное, плужное земледелие. Значительная часть земледельцев, 4,7 млн. человек (с семьями), лишена земли и либо арендует землю, либо батрачит у помещиков и богатых крестьян в основном из других крупных индийских народностей и наций. Особенно много батраков среди гондов, бхилов и коли в Мадхья Прадеше, Гуджарате и Махараштре. Так, в Гуджарате и Махараштре большая часть полуассимилированных адиваси, которые живут чересполосно с гуджаратцами и маратхами, лишена земли. По данным 1961 г., в этих штатах $\frac{1}{3}$ работающих адиваси — батраки, и удельный вес батраков среди адиваси гораздо выше, чем у

²² Б. Я. Волчок, *Общественный строй санталов*.

²³ S. N. Mazumdar, *Tribal peoples of India*, — «India to-day», vol. II, 1952, № 2.

²⁴ См. «Народы Южной Азии», стр. 503—505.

²⁵ «Народы Южной Азии», стр. 485.

²⁶ В нашем распоряжении не было полных данных об экономической структуре адиваси по переписи 1961 г. (за исключением штатов Ассам, Бихар, Гуджарат и Махараштра).

²⁷ Дополнительными источниками доходов являются, конечно, охота, рыбная ловля, сбор дикорастущих плодов и корней, меда, воска и т. д., выжиг угля, заготовка леса и т. д.

²⁸ «Report of the Commissioner for scheduled castes and scheduled tribes for the year 1957—1958», pt 1, New Delhi, 1958, p. 70.

остального населения. В противоположность этому в районах компактного проживания адиваси процесс их обезземеливания не зашел так далеко. В Бихаре, например, батраков среди адиваси около 10%, а в горном Ассаме всего 3% ²⁹.

Характерно, что среди адиваси очень мало неработающих землевладельцев, причем далеко не все они помещики (значительное число помещиков принадлежит к радж-гондам в Мадхья Прадеше и Андхре)

Таблица 2

**Распределение по роду занятий «зарегистрированных племен»
(основное занятие, с иждивенцами) по переписи 1951 г. ***

Категория населения	„Зарегистрированные племена“			Население Индия, %
	числен- ность, тыс.	в % к общей числен- ности „зарегис- триро- ванных племен“	в % ко всему населению Индии	
Занятые в земледелии . . .	17 284	90,5	7,0	69,8
В том числе:				
земледельцы, владею- щие обрабатываемой землей	12 543	65,6	7,5	46,9
земледельцы - аренда- торы	1 874	9,8	5,9	8,8
сельскохозяйственные рабочие	2 803	14,7	6,3	12,6
землевладельцы, не обрабатывающие зем- лю	64	0,3	0,0	1,5
Не занятые в земледелии	1 822	9,5	1,7	30,2
В том числе:				
„неземледельческое про- изводство“	765	4,0	2,0	10,5
торговля	124	0,6	0,6	6,0
транспорт	63	0,3	1,1	1,6
обслуживание и прочие занятия	870	4,6	2,0	12,1
Всего	19 106	100	5,4	100

* Составлено по «Census of India, 1951», paper № 4, 1953, pp. 16—25.

В действительности, удельный вес занятых в сельском хозяйстве, в частности в земледелии, выше, так как значительная часть связанных с так называемым «неземледельческим производством» тоже относится к сельскохозяйственному населению. В эту категорию индийская статистика включала занятых в животноводстве, охоте, собирательстве, рыболовстве, лесных промыслах, выращивании плантационных культур, сюда же входят ремесла и промышленность.

В число 765 тыс. человек этой категории населения входят и пролетарии из числа адиваси. Это главным образом рабочие на плантациях, горняки, рабочие джутовых фабрик, как правило неквалифицированные. Ремесленников (кузнецов, ткачей, плотников, гончаров) в среде адиваси очень немного.

²⁹ Подсчитано по «Census of India, 1961», vol. V, pt V-A, pp. 64—65; vol. X, pt V-A, pp. 235—236; vol. IV, pt V-A, p. XVII; vol. III; pt V-A, p. 150.

Очень незначительное количество населения адиваси (0,6%) занято в торговле, однако сам факт показывает, что уже нарождается собственная мелкая буржуазия и все глубже внедряются капиталистические отношения. В торговле адиваси сильно зависят от индийцев других национальностей (бенгальцев, хиндустанцев, марвари, ория, гуджаратцев и т. д.). Они подвергаются жестокой эксплуатации со стороны торговцев, ростовщиков, помещиков, которые принадлежат к крупным индийским народам.

В довольно значительную группу «обслуживание и прочие занятия» входят прежде всего слуги, а также очень немногочисленная интеллигенция, учащиеся, занятые на государственной службе (включая полицию, лесное и дорожное ведомства), деревенская администрация, люди без определенных занятий и т. д.

Статистическое сопоставление профессиональной структуры населения адиваси и всей страны подтверждает, что, даже в отсталой, аграрной Индии аборигены сильно отстали в своем развитии: если во всей Индии занято в земледелии 46,9% населения, то среди малых народностей и племен — 65,6%; доля неземледельческого населения среди малых народностей и племен ниже в три с лишним раза. Характерно также, что доля эксплуататорского и вообще непроизводительного населения среди адиваси в два-три раза меньше, а доля батраков больше, чем в населении всей Индии.

В соответствии с таким составом населения по роду занятий очень небольшое количество адиваси живет в городах. По переписи 1951 г., всего 465 тыс. человек из числа «зарегистрированных племен» жили в городах (2,4% населения этой группы), преимущественно в Калькутском промышленном районе³⁰. Участвуя во многих миграционных потоках индийского населения, адиваси очень редко селятся в городах.

Место адиваси в экономике Индии становится все более важным по мере втягивания этой категории индийцев в процессы, связанные с капиталистическими отношениями. Начавшаяся разработка полезных ископаемых в районах распространения малых народностей, основание чайных плантаций увеличили потребность в дешевой рабочей силе. С другой стороны, наплыв инонациональных поселенцев по вновь проложенным дорогам, открывшим территории аборигенов для заселения, приводят к их обезземеливанию. А этот процесс в свою очередь может иметь двоякий результат: либо аборигены уходят дальше в глубь джунглей и занимаются там старыми своими промыслами, либо уйти им некуда, и тогда неминуемо меняются их занятия, а вместе с ними — и формы общественной организации. Люди уходят на шахты, рудники, плантации и заводы либо становятся батраками. При этом капиталистическая эксплуатация сочетается с полурабскими и полукрепостными формами эксплуатации. Это факт, что многие отрасли индийской промышленности в ряде районов (добыча угля в Манбхуме, железной руды — в Сингбхуме, слюды в ряде округов Бихара, джутовая промышленность в районе Калькутты), а также чайные и прочие плантации, особенно в Ассаме³¹, зависят от труда представителей малых народностей, прежде всего из Чхота-Нагпура и других районов Центральной Индии.

Экономические условия жизни адиваси еще тяжелее, чем у остальной части индийского населения. Вот что пишет об этом один из видных

³⁰ «Census of India, 1951», paper № 4, 1953, p. 16. Списки «зарегистрированных племен» на 1951 г.

³¹ Например, перепись 1951 г. зарегистрировала в Ассамской долине 260 тыс. человек, принадлежащих (по родному языку) к народам Центральной Индии («Census of India, 1951», paper № 1, 1954, pt III, p. 5).

исследователей Мамориа: «Как правило, жизненный уровень аборигенного населения крайне низок. Во многих районах они прозябают в условиях экономических лишений и вопиющей культурной и технической отсталости, которая ограничивает их производственные и потребительские возможности»³².

* * *

Народы группы адиваси особо выделяются во всех переписях населения Индии; правда, методы их подсчета меняются от переписи к переписи. В 1891 г. численность так называемых «примитивных племен» на территории Индии в тогдашних границах (с Бирмой) составила 16,6 млн. человек, в 1921 г. — 16 млн., в 1931 г. — 26,7 млн., а в современных границах — 22,6 млн. человек³³. Отчет о переписи 1941 г. дает оценочную цифру 25,4 млн. человек³⁴.

Исчисление в 1931 г. велось по графе «племя/каста/раса», причем англо-индийское правительство тогда было заинтересовано в получении наиболее высокой численности племен, так как планировалось в целях раскола национально-освободительного движения выделить племена и неприкасаемых, подобно мусульманам, в особые избирательные курии. Поэтому можно предполагать, что цифры 1931 и 1941 гг. завышены, о чем косвенно говорится и в отчете переписи (о племенах, которые трудно отличить от каст).

Переписи 1951 и 1961 гг. в отличие от предыдущих учитывали только всю группу «зарегистрированных племен» в целом.

Перепись 1951 г. определила численность этой группы в 19,1 млн. человек (5,4% населения Индии)³⁵, а после пересмотра в 1956 г. списков «зарегистрированных племен» их численность на 1951 г. была оценена в 22 512 тыс., или 6,3% населения Индии (без Кашмира и Северо-Восточного пограничного агентства)³⁶. По переписи 1961 г., численность народностей и племен, включенных в списки, достигла 29,9 млн. человек (6,8% населения страны).

Данные переписей не вполне сопоставимы, поэтому можно сделать лишь самые общие выводы о динамике численности адиваси. Можно считать, что в колониальной Индии рост населения у адиваси был замедленным по сравнению с остальными индийцами, во-первых, из-за чрезвычайной высокой смертности, вызванной тяжелыми условиями жизни, и, во-вторых, в связи с постоянной ассимиляцией. Пониженный прирост населения в группе адиваси наблюдался вопреки тому факту, что рождаемость у адиваси была даже несколько выше, чем у остальных индийцев. Например, по средним данным за 1891—1931 гг., количество детей в возрасте 0—4 года на 1000 женщин в возрасте 15—39 лет (показатель фертильности) у «племен» был равен 808 против 705 в целом по Индии. Но повышенная смертность, меньшая продолжительность жизни сводили на нет значение высокой рождаемости. По возрастному составу адиваси в целом моложе, чем остальные индийцы³⁷.

Сравнение данных по отдельным народностям и племенам показывает тенденцию к росту у наиболее крупных и развитых либо живущих компактно народов (санталы, хо, кхаси и др.). Тенденция к уменьшению численности из-за вымирания (андаманцы) либо ассимиляции наблю-

³² C. B. Marmoria, *Tribal demography in India*, p. 79.

³³ «Census of India, 1931», vol. I, pt I, pp. 502—504.

³⁴ «Census of India, 1941», vol. I, pt I.

³⁵ «Census of India, 1951», paper № 1, 1954, p. 16.

³⁶ «India...», 1959, p. 162.

³⁷ C. B. Marmoria, *Tribal demography*, pp. 109—111.

дается у тех адиваси, которые живут чересполосно с крупными народами Индии (гонды, бхилы, коли) либо имеют небольшую численность и стоят на очень низкой ступени развития (кота, джуанг и др.).

Анализируя прирост населения Индии в 1931—1951 гг. в региональном аспекте, нельзя не заметить, что прирост населения был довольно высок в горном Ассаме, Бастаре, ряде бхильских округов, где аборигенные народности живут компактно и составляют подавляющее большинство населения. В то же время в районах смешанного населения (Чхота-Нагпур, внутренняя Орисса, гондские округа Мадхья Прадеша), где адиваси подвергаются наиболее жестокой эксплуатации, прирост был пониженным.

В 1951—1961 гг. прирост населения в группе адиваси («зарегистрированные племена») был очень высоким (32,9% против 21,5% в целом по Индии). Правда, какую-то поправку следует сделать на расширение списков «зарегистрированных племен», но в целом повышенный прирост в этой группе не подлежит сомнению, так как все округа, населенные адиваси, показали прирост населения выше среднего.

Адиваси сильно отличаются от большинства индийских народов по одному из важнейших демографических показателей — соотношению мужчин и женщин. Для Индии в целом характерен недостаток женщин, причем доля женщин в населении от переписи к переписи сокращается. В 1961 г. на 1000 мужчин в среднем по Индии приходилась 941 женщина, у адиваси этот показатель значительно выше: 986. Можно привести также данные и по отдельным народам (1961 г.): у санталов на 1000 мужчин приходится 977 женщин, у ораонов — 996, у хо — 1005, у кхаси — 1034³⁸.

Повышенная доля женщин у адиваси связана прежде всего с более высоким положением женщины в обществе, особенно у народов с пережитками матриархата. У адиваси нет пагубного обычая ранних браков, свойственного индусам, и это значительно уменьшает смертность среди женщин. Средний возраст вступления в брак у адиваси — 15—20 лет³⁹. Обращенные в индуизм некоторые народности адиваси перенимают обычай ранних браков, в таком случае доля женщин у них уменьшается.

* * *

В независимой Индии положение малых народностей и племен стало одной из важных государственных проблем. И эта проблема заключается не только в необходимости поднять жизненный уровень адиваси и защитить их от эксплуатации, но и в том, чтобы ликвидировать их изоляцию и включить их в качестве равноправных членов в индийское общество, защитить их языки, культуру и национальную самобытность.

Существуют различные точки зрения на принципиальный подход к решению проблемы малых народностей и племен. В начале 40-х годов В. Элвин высказал мнение, что проблему аборигенов можно решить только искусственным сохранением примитивности, так как «единственной альтернативой примитивности является упадок»⁴⁰. Признавая

³⁸ Национальность в данном случае определяется по родному языку. Для примера взяты такие народности, у которых численность по этнической принадлежности и по родному языку примерно совпадает. Подсчитано по данным «Census of India, 1961», vol. I, pt II-C(ii), tables CV(B), CV(C).

³⁹ С. В. Mamoria, *Tribal demography*, p. 90. Более высокий удельный вес женщин у адиваси, как и отсутствие запрета на вторичное замужество вдов, объясняет частично и более высокую фертильность у этой категории индийцев.

⁴⁰ V. Elwin, *The aboriginals*, p. 31.

для отдельных народов Индии необходимость немедленных реформ, он предлагал для решения проблемы малых народностей и племен изолировать их и покровительствовать им с целью возрождения и сохранения племенных порядков.

Веррье Элвин, всю жизнь посвятивший изучению адиваси, был их искренним и преданным другом. Его нельзя причислить к числу ученых апологетов британского империализма. Тем не менее можно понять индийскую общественность, которая по этому поводу обвиняла английских этнографов и антропологов в желании сохранить для себя поле деятельности, превратив аборигенов в живой антропологический музей, а районы их обитания — в этнографический заповедник.

Несмотря на добрые намерения В. Элвина, подобное, по его определению, «научное решение проблемы» реакционно по своей сути, так как консервирует отсталые социально-экономические формы, и утопично с организационной точки зрения.

Процесс разложения племен необратим, защитить племена от контактов с другими народами в условиях роста товарно-денежных отношений невозможно, хотя, бесспорно, контакты с буржуазной цивилизацией приносят малым народностям и племенам только бедствия, главным из которых было лишение их земель⁴¹. «Отчуждение земель — вот главная экономическая болезнь племен Индии»⁴², — справедливо указывал крупный индийский этнограф Д. Н. Маджумдар.

Гораздо больше в Индии сторонников разрешения этой проблемы путем ликвидации изолированности малых народностей и племен и включения их в индийское общество. В противоположность Элвину корень зла, согласно этой точке зрения, не в контактах вообще, а в характере этих контактов и в самой изоляции⁴³. Существует «географический вариант» решения проблемы путем переселения горцев на равнину, где они будут находиться в гораздо лучших условиях. Однако и этот путь также утопичен; кроме того, в случае его осуществления в условиях капиталистического строя и существующих аграрных отношений переселенцы оказались бы только дешевой рабочей силой для помещиков и плантаторов.

Индийский этнограф Гхуриэ считает ключом к решению проблемы ассимиляцию отсталых народностей и племен⁴⁴. Процесс ассимиляции племен, как указывалось выше, идет уже давно. Этот процесс проходит в условиях Индии несколько стадий от первых контактов племен с более развитыми народами — через перенимание их обычаев, религии и культуры (аккультурация) — до полного растворения. Многие племена уже ассимилировались, превратившись в низшие касты хиндустанцев, бенгальцев, тамилы, ория, телугу, малайяли и др. Однако положение их от этого вряд ли улучшилось, и в настоящее время многие этнические группы сознательно стараются не попасть в разряд угнетенных каст, избегая «грязных» занятий⁴⁵. Но, с другой стороны, некоторые крупные народности обнаруживают тенденцию не к ассимиляции, а к националь-

⁴¹ Так было не только в Индии, но и в других странах, особенно в районах европейской колонизации в Америке, Африке, Австралии и Океании.

⁴² D. N. Majumdar and T. N. Madan, *An introduction to social anthropology*, p. 268.

⁴³ Ibid., p. 263.

⁴⁴ G. S. Ghurye, *The scheduled tribes*, 1959, p. 171.

⁴⁵ Вообще говоря, место адиваси в индуистской системе каст зависит от их занятий. Так, земледельцы-мунда в округе Ранчи стали в один ряд с высокой бихарской земледельческой кастой курми. Помещики из радж-гондов, потомки гондских князей, причисляют себя к кшатриям. Стремление не попасть в разряд низших каст ведет также к переходу в христианство и буддизм. См., например, N. K. Bose, *Tribal welfare*, — *Geographical review of India*, vol. 15, 1963, № 3.

ному развитию. Таким образом, абсолютная ассимиляция всех отсталых племен и народностей невозможна⁴⁶.

Известный индийский антрополог проф. Б. С. Гуха выступает за активное участие аборигенов в жизни страны, за большее «внимание, понимание и симпатии к ним со стороны их более цивилизованных сограждан», но в то же время и за сохранение их своеобразия, против того чтобы подогнать всех под один уровень⁴⁷.

Интересны высказывания Дж. Неру по этому вопросу, отражающие официальную точку зрения:

«Я чувствую, что мы должны избегать двух крайностей: курса на сохранение их (т. е. адиваси. — Б. С.) в качестве объекта для изучения антропологии и курса на растворение их в массах индийского общества». Неру выступал против вмешательства во внутреннюю жизнь адиваси («как можно меньше пришельцев среди аборигенов»), но за содействие их развитию и подтверждение их прав на землю⁴⁸.

Фактически на эту же точку зрения перешел и Веррье Элвин, который занимал пост «правительственного советника по делам племен НЕФА, Трипуры и Манипура». В статье под характерным названием «Действительно ли мы хотим сохранить их как зоопарк?» он критикует как курс британской администрации на изоляцию племен, так и курс на ассимиляцию, считая и то и другое односторонним и схематичным. Программу Неру он считает в отличие от этого комплексным подходом. Элвин считает необходимым «защитить, усилить и развить все лучшее в жизни племен», гарантировать их экономические права и улучшить их благосостояние и образование и, таким образом, «объединить и включить племена в настоящее органическое единство с Индией, чтобы они могли принимать полное участие в ее жизни»⁴⁹.

Мало кто из буржуазных деятелей говорит о национальном самоопределении и самоуправлении адиваси, о тех социальных преобразованиях, которые необходимы, чтобы решить проблему в основном. Не ставится вопрос о возвращении земли и защите от эксплуатации со стороны землевладельцев («своих» и чужих), ростовщиков, торговцев и плантаторов.

Только коммунисты выступают за всестороннее национальное, экономическое и культурное развитие малых народов. Они подчеркивают право адиваси самим организовать в своих районах жизнь в соответствии со своими интересами и потребностями.

Программа КПИ, принятая VII съездом партии в Бомбее, содержит следующие главные требования в отношении проблемы адиваси:

1. Районы, населенные адиваси, должны получить региональную автономию в рамках существующих штатов или в виде отдельных штатов по типу Нагаленда, в зависимости от конкретных условий (ком-

⁴⁶ Здесь нужно оговориться, что Гхурие и другие зачастую отождествляют ассимиляцию с так называемой «хиндуизацией», т. е. с переходом в индуизм. Однако эти понятия совпадают лишь в том случае, когда племя или его часть превращается в касту. Смена религии может быть показателем начала ассимиляции, но это не обязательно. Известно, например, что манипуры и кхаси, став соответственно индусами и христианами, свой язык и свою культуру тем не менее сохранили. Точно так же санталы-индусы и санталы-христиане остались санталами, как и санталы, исповедующие свою анимистическую религию. Организация же в касты новых групп в наши дни представляет явный анахронизм.

⁴⁷ См. «Tribes of India», pt II, pp. 13—14.

⁴⁸ См. V. Elwin, *A philosophy for NEFA*, Shillong, 1959, Preface by J. Nehru, pp. XI, XII. Аналогичные мысли были высказаны Дж. Неру еще в 1952 г. См. J. Nehru, *The tribal folk*, — «The Adivasis», pp. 1—8.

⁴⁹ «The Adivasis», pp. 8—20. См. также V. Elwin, *A philosophy for NEFA*, p. 46.

мунисты всегда поддерживали борьбу горцев за автономию в Ассаме и Бихаре).

2. Финансовая и техническая помощь адиваси для перехода к постоянному земледелию и развитию других отраслей хозяйства.

3. Защита адиваси от эксплуатации и захвата их земель, предоставление им права на использование лесных продуктов.

4. Помощь в развитии и защите языков и культуры адиваси, в просвещении и здравоохранении.

Коммунисты выступают за интернациональное единство всех трудящихся Индии, в том числе и адиваси⁵⁰.

Конституция Индии, провозглашая равенство перед законом всех граждан без различия расы, касты, языка и религии, имеет специальные разделы, посвященные защите прав меньшинства, в том числе малых народностей и племен⁵¹. Существует специальное законодательство по вопросам «зарегистрированных племен». Для обеспечения политических прав адиваси для них забронированы места в Народной палате и парламентах штатов, которые могут занимать только адиваси. Пропорционально численности «зарегистрированных племен» для них зарезервировано 31 место в Народной палате (из 500) от штатов Ассам, Бихар, Гуджарат, Мадхья Прадеш, Махараштра, Орисса, Раджастан, Западная Бенгалия, Манипур и Трипура, а также 222 места в парламентах всех штатов, кроме Джамму и Кашмира⁵².

Для работы среди адиваси имеется специальный штат чиновников во главе с государственным комиссаром по делам «зарегистрированных каст» и «зарегистрированных племен». Кроме того, работу среди аборигенов ведут общественные организации.

В ряде штатов Индии на основе приказа Президента особо выделены территории, заселенные адиваси (*scheduled areas*). Они представляют собой административные единицы (без городов), расположенные в слабо развитой части штата, где «зарегистрированные племена» составляют не менее 50% населения. Такие территории выделены в Андхра, Гуджарате, Махараштре, Бихаре, Ориссе, Мадхья Прадеше, Пенджабе и Раджастане. Их площадь составляет (без Раджастана) 255,4 тыс. кв. км с населением 7,5 млн. человек⁵³. Во многих штатах образованы «консультативные советы» по делам племен, на три четверти состоящие из представителей адиваси. В горных округах Ассамы созданы выборные «советы по делам племен». Эти советы решают местные дела, но губернатор Ассамы может приостановить и отменить любое их решение⁵⁴. Таким образом, эти формы управления в районах, населенных адиваси, не означают региональной национальной автономии.

На нужды адиваси выделяются специальные средства: 174 млн. рупий по первому пятилетнему плану, 506 млн. — по второму и 599 млн.

⁵⁰ «The Programme of Communist Party of India. § 96. Tribal problem», New age, 10.1.1965. О позиции Коммунистической партии Индии в решении проблемы адиваси см., например: S. N. Mazumbar, *Tribal peoples of India*; P. Bora, *Nagas: the real story*, New Delhi, 1956; T. Dutt, *The problem of Bihar tribals*, — «New age» (monthly), vol. 9, 1960, № 6.

⁵¹ Раздел XVI и приложения 5 и 6 Конституции. См. «Конституция Индии», М., 1956, стр. 223—229, 287—306.

⁵² «India...», 1963, p. 120. Как правило, зарегистрированные места от адиваси занимают представители реакционной верхушки, которые демагогическими приемами завоёвывают голоса. Например, в Бихаре почти все голоса адиваси получила реакционная партия «Джхаркханд», блокирующаяся со «Сватантрой». Однако в Манипуре и Трипуре адиваси в большинстве голосуют за коммунистов.

⁵³ «Report of the Commissioner... for the year 1957—58», p. 120.

⁵⁴ Ibid., p. 133.

рупий — по третьему⁵⁵. Эти средства расходуются как на социальные мероприятия (строительство школ, больниц и т. д.), так и на экономическое развитие.

В период первого пятилетнего плана для детей адиваси было открыто около 4000 школ различного типа, второй пятилетний план предусматривал создание материальных условий для обучения 300 тыс. учащихся⁵⁶.

В области развития экономики основные усилия сосредоточены на организации постоянного земледелия, для чего создаются опорные опытные пункты и опытные фермы, ведутся ирригационные работы. Создаются сбытовые и производственные кооперативы, развивается домашняя промышленность.

С помощью государства создаются специальные земледельческие колонии для адиваси, которые переходят от подсечно-огневого к постоянному земледелию. За 10 лет (1951—1961) несколько тысяч семей перешли к постоянному земледелию, например, в Трипуре — свыше 13 тыс. семей, в Ориссе — около 3 тыс., в Бихаре — свыше 1500 и т. д.⁵⁷

Одной из форм работы в области экономического развития адиваси является организация «блоков развития племен». Создаваемые на территории адиваси, они соответствуют «проектам общинного развития» в других районах Индии. Каждый такой блок объединяет группу деревень с территорией около 200 кв. миль и населением примерно 25 тыс. человек. За период второго пятилетнего плана созданы 43 таких блока, на третью пятилетку запланировано создать еще 331 блок⁵⁸.

Не следует преуменьшать значение той большой и зачастую самоотверженной работы, которую ведут среди адиваси их искренние друзья — научные и социальные работники, а также государственные служащие. Однако речь идет, как правило, лишь о частных улучшениях: вопрос о коренных экономических преобразованиях, о самоопределении отсталых народностей большей частью и не ставится. Работа среди адиваси часто имеет неприятный оттенок благотворительности.

Аграрная проблема не решена, эксплуатация и национальное угнетение адиваси продолжается. Далеко не все новые земледельческие колонии процветают. По-прежнему большинство детей адиваси не учатся. Ассигнования на нужды малых народностей и племен в пересчете на душу населения очень невелики.

Однако и первые мероприятия по подъему жизненного уровня положительно сказываются на жизни адиваси. В частности, сократилась смертность среди этой категории индийцев и доля адиваси в населении Индии возросла.

В целом можно считать, что на пути решения проблемы малых народностей и племен сделаны первые шаги.

⁵⁵ «India...», 1961, p. 150; 1962, p. 137; 1963, pp. 122—124.

⁵⁶ «India...», 1959, pp. 164—166. В школах Бихара, Ассама, Манипура, Нагаленда стремятся вести обучение на родном языке, вводя региональный язык штата на II ступени, а хинди — на III. В других штатах преобладает обучение на региональном языке.

⁵⁷ «India...», 1963, p. 122.

⁵⁸ Ibid.

С. А. Маретина

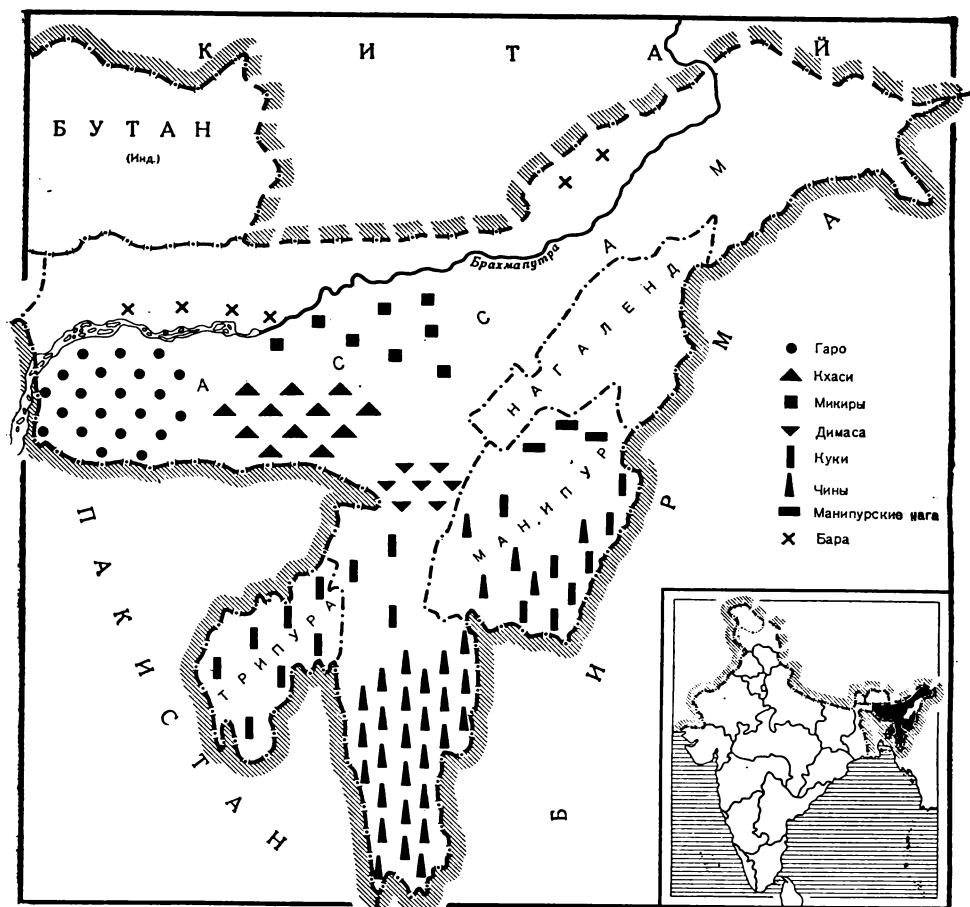
МАЛЫЕ НАРОДЫ АССАМА (ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ)

Ассам — северо-восточный штат Индийской Республики. Его горные районы населяют многочисленные племена и народности, которые образуют особую группу в многонациональной семье индийских народов. Эта группа представляет большой интерес как по своему географическому положению, так и ввиду исключительного этнографического своеобразия. Этнически к горному Ассаму примыкают две союзные территории — Манипур и Трипура, в прошлом небольшие княжества.

Географически Ассам включает плодородную аллювиальную долину, образованную Брахмапутрой и ее притоками, и горы, обрамляющие эту долину с севера, востока и юга. Вдоль южного берега Брахмапутры, ограниченное с юга рекой Сурмой, с запада на восток тянется Ассамское плато, в состав которого входят горы Гаро, Кхаси и Джайнтья. Это сильно расчлененное скопление сравнительно невысоких (средняя высота — 1000—1500 м) гор и холмов, по происхождению представляющих собой оторвавшуюся часть полуостровной глыбы. Ассамское плато круто обрывается к югу, северные же его склоны спускаются полого и почти лишены растительности.

На востоке расположен хребт Бараил, который связывает Ассамское плато с Ассамо-Бирманскими горами рядом параллельных хребтов у восточной границы Индии. В 1960 г. эта область была выделена в особый штат Нагаленд. Между горами Бараил на западе и бирманской границей на востоке они образуют Манипурское плато, расположенное на высоте 1500 м, с большой межгорной котловиной. Самая южная, вытянутая мысом горная часть Ассама носит название гор Лушен, к которым с запада (со стороны Бенгалии) примыкает Трипура. Продолжением Ассамо-Бирманских гор на юге служит Большая Араканская дуга Бирмы.

В большей своей части Ассамские горы до высоты 1000 м покрыты тропическими лесами, в которых богато представлены многие ценные породы деревьев (сал, тик и др.), пальмы, дикие фруктовые деревья. Выше по склонам тропические леса сменяются хвойными, переходящими в альпийские луга. Вершины нигде не достигают снеговой линии, и реки зависят исключительно от дождевого режима. Ассам — район очень высокой влажности: достаточно сказать, что именно здесь, в районе Черрапунджи, находится самое влажное место земного шара, — коли-

Расселение малых народностей Ассам

чество осадков достигает 12 тыс. мм в год. Подсечно-огневое земледелие, которым издавна занимаются населяющие горы племена, привело к истреблению значительных массивов высокоствольных джунглей, на смену которым пришли в ряде мест вторичные бамбуковые и кустарниковые поросли. Однако и теперь Ассам остается одним из наиболее лесистых районов Индии.

Горные районы Ассам являются местом обитания нескольких десятков малых народностей и племен. Из них одни кхаси принадлежат к мон-кхмерской языковой семье. Все остальные народы по языку относятся к китайско-тибетской семье языков, которая представлена в Ассаме двумя ветвями тибето-бирманской группы — ассамо-бирманской (народы бодо, нага, куки-чин, микир) и североассамской (народы северного горного Ассам). Все эти народы принадлежат к различным вариантам южномонголоидной малой расы, у которых монголоидные признаки (уплощенное лицо, эпикантус, прямые и жесткие волосы, желтоватый оттенок кожи) смягчаются влиянием некоторых австралоидных и европеоидных черт.

По своему происхождению народы горных районов Ассам связаны с Восточной Азией, точнее — с районами, лежащими к югу от Янцзы. Наиболее ранними переселенцами на рассматриваемую территорию бы-

ли, по-видимому, мон-кхмерские народы, которые на рубеже III—II тысячелетий до н. э. распространились на территории современных Бирмы и Ассама¹. Здесь они должны были столкнуться с аборигенным населением, скорее всего веддоидным по типу². В настоящее время мон-кхмеры представлены пятнами изолированных языков в Бирме, Индокитае, Южном Китае и Ассаме (горы Кхаси и Джайнтья).

Следующее мощное переселение на территорию современного Ассама относится к концу II — началу I тысячелетия до н. э. Это было переселение тибето-бирманских народов, которые несколькими волнами распространились на юг, последовательно занимая южные предгорья Гималаев (тибето-гималайская и североассамская ветви), Бирму и Ассам (ассамо-бирманская ветвь)³.

В Ассам тибето-бирманцы пришли не все одновременно. Очень трудно сколько-нибудь уверенно говорить о конкретных путях миграций отдельных народов и точно определить направления, откуда они вступили на землю Ассама. Если говорить об общем направлении, то все переселенцы пришли с севера, однако, так как многие из них двигались через Бирму, в Ассам они проникали с разных сторон. По-видимому, первыми из тибето-бирманских пришельцев были бодо, которые, по мнению большинства исследователей⁴, пришли непосредственно с севера, со стороны Тибета (название «Бод» по-тибетски означает «Тибет»⁵), что подтверждается легендами самих народов и отдельными чертами их культуры. Следующими по времени были нага, занявшие горные области восточного Ассама (теперь Нагаленд). Наиболее поздними тибето-бирманскими переселенцами следует считать куки-чинов⁶. Они пришли в Ассам из Бирмы, совершив путь с севера по долине реки Чиндвин, откуда они повернули на запад, через горы Чин и Аракан. Таким образом, куки-чины появились в Ассаме с юга, заняв Горную Трипуру, заселив горы Лушей, смежные с нага горные районы Манипура, Нагаленда и Ассама. Локальные миграции отдельных народов и групп продолжались долгое время; их и теперь нельзя считать окончательно прекратившимися.

В течение длительного времени тибето-бирманские народы составляли большинство населения всего Ассама, значительная часть которого находилась под властью народов бодо, имевших свои раннефеодальные объединения (государства качари, коччхов, чхутия)⁷. О длительности их господства говорят данные топонимики, свидетельства китайских путешественников первых веков нашей эры и некоторые другие факты⁸. Объединения бодо сохраняли свои позиции и в XIII в., когда в Ассам влились потоки тайскоязычных ахемов (шанов), выходцев из Бирмы, которые постепенно оттеснили своих предшественников в горные районы. Одновременно продолжалось медленное проникновение в Ассам арийскоязычных народов с запада, через Бенгалию, начавшееся еще в

¹ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, *Древнее расселение человечества в восточной и юго-восточной Азии*, — сб. «Происхождение и древнее расселение человечества», Труды ИЭ, т. XVI, М., 1951, стр. 340.

² Там же, стр. 338.

³ Там же, стр. 345.

⁴ G. Olivier, *Anthropologie des Naga, chasseurs des têtes de l'Assam*, Paris, 1955. (Extrait du Bulletin de la Société d'Anthropologie, t. 6, X sér); J. H. Hutton, *The Lhota Nagas (by J. P. Mills)*, London, 1922, p. XVI (Preface).

⁵ G. Olivier, *Anthropologie des Naga...*, p. 375.

⁶ Ibid.; J. H. Hutton, *The Lhota Nagas*, Preface, p. XVII.

⁷ L. W. Shakespear, *History of Upper Assam, Upper Burma and North Eastern Frontier*, London, 1914, pp. 12—27.

⁸ E. Gait, *A history of Assam (chapter Duration of Bodo domination)*, Calcutta, 1926; «Census of India, 1901», vol. I, Calcutta, 1903, p. 263.

первые годы нашей эры; их язык и религия были восприняты формирующейся ассамской народностью, в создании которой в той или иной степени приняло участие большинство народов, переселившихся в Ассам. Что касается тех племен, которые были оттеснены последующими завоевателями в горы, то они оказались на многие века в стороне от общего развития народов Индии и сохранили многие самобытные черты культуры и социальной организации.

Из-за многочисленных переселений и сложности миграционных путей в горных районах Ассама, даже внутри отдельных групп, наблюдается исключительная этническая пестрота. При этом следует учитывать тот факт, что на сравнительно ранних этапах миграций, до того как племена были оттеснены в труднодоступные горные районы, имели место взаимные контакты различных расовых и этнических групп (мон-кхмерских, веддоидных, малайско-полинезийских⁹ и др.), что повлекло за собой большое разнообразие отдельных явлений культуры и социальных институтов.

Все малые народы Ассамских гор принадлежат к хозяйственно-культурному типу мотыжных земледельцев. Основные культуры — рис многих сортов, просо, кукуруза и другие злаковые, бобовые; в качестве товарных культур распространены картофель, мандарины, хлопок. Традиционный способ земледелия в горах — подсечно-огневой, обозначаемый в Ассаме местным термином *джхум*; этот способ родился у племен, живущих в лесах, и до сих пор встречается у всех местных народов. Джхум, при котором землю не пахут и единственным удобрением является зола от сожженного леса, катастрофически истощает почву и приводит к сокращению пригодных для обработки земель¹⁰. Через каждые два-три года поле приходится покидать на 15 и более лет, ибо земля больше не способна давать урожай. Лес на этих землях растет хуже, на смену ему появляются бамбуковые заросли, после которых земля родит еще меньше. В результате в последние десятилетия в связи с ростом населения и сокращением лесных массивов недостаток земли дает себя знать все острее. В наши дни в горах Ассама все большее развитие получает террасное земледелие, которое у некоторых племен было известно еще в прошлом веке (апа-тани, некоторые манипурские нага). Распространению террасного земледелия усиленно содействует правительство Индии, обеспечивая растущим обезземеливаемым горных народов¹¹. Как и джхум, террасное земледелие — палочно-мотыжного типа.

В социальной организации большинства народов в силу длительной изоляции сохранились многие пережитки первобытнообщинного строя (в том числе и материнского рода), хотя община у всех племен уже достигла стадии соседской. Разные народы стоят на различных уровнях общественного развития; у одних сохраняется система родовых подразделений, родовые группы активно вмешиваются в семейные и брачные дела, в то время как у других народов родовые пережитки практически исчезли и соседско-общинные отношения тоже постепенно сходят на нет. В последние годы в жизнь всех народов, в том числе и пригималайских племен, проникают товарно-денежные отношения; по мере исчезновения обособленности горных районов все более интенсивным становится влияние товарных отношений на хозяйство ассамской долины.

⁹ J. H. Hutton, *The Lhota Nagas*, Preface, p. XXIII; W. C. Smith, *The Ao Naga tribe of Assam*, London, 1925, pp. 174—175.

¹⁰ B. C. Gohain, *Shifting cultivation among the Abors*, — «Report of the 2-nd Conference for Tribes and Tribal Areas, 1953», Delhi, 1954, p. 256.

¹¹ V. Elwin, *Nagaland*, Shillong, 1961, p. 97.

По религии малые народы Ассама — анимисты; у каждого свои варианты обычаев и верований, свои особенности погребального обряда, но основные категории духов и основные суеверия и церемонии в целом очень близки. Большая часть горных народов не имела своей письменности.

* * *

На крайнем западе Ассамского плато расположены горы Гаро, населенные в основном народностью гаро (свыше 300 тыс. человек)¹². Самоназвание гаро — ачик манде (букв. «горный человек» от ачик — горец, манде — человек¹³). Название гаро происходит от самоназвания одной из групп гаро. Язык гаро относится к группе бодо (тибето-бирманской семьи), куда кроме него входят также языки качари (в том числе язык димаса — горных качари и бара — равнинных качари), коччх, чхутия, хаджонг, типпера и ряд более мелких языков. Большинство народов бодо почти полностью утратили свою этническую самостоятельность; гаро в наибольшей степени сумели сохранить свою самобытную организацию.

Гаро — земледельцы, обрабатывающие землю подсечно-огневым способом, с помощью простейшей мотыги. Основными сельскохозяйственными культурами у гаро являются зерновые (рис, кукуруза, просо), хлопок, посевные площади которого в последние годы растут даже в ущерб рисовым полям, картофель. У гаро развиты необходимые ремесла (ткачество, плетение, гончарство, плотничество), ноковка руды в прошлом им не была известна, хотя готовые изделия они умели переплавлять. Живут гаро в больших свайных домах, величина которых, по-видимому, говорит о существовании в недалеком прошлом неразделенных семей; сейчас семья у гаро, как и у других народностей центрального Ассама, малая. Материальная культура гаро (основные орудия, детали одежды и украшений) имеет много общего с нага.

Большой интерес исследователей вызывает матрилинейная структура гаро¹⁴. Отпечаток материнского рода лежит на соседской общине гаро. Земельные отношения в общине характеризуются общинной собственностью при индивидуальном владении; сейчас у гаро, как у большинства других горных народов, идет процесс становления частной собственности на землю. Матрилинейность гаро в наши дни выражается в сохранении пережиточных форм материнских родов (махари), в матрилинейном счете родства и матриликальности брака¹⁵. Только женщина может владеть собственностью; наследницей семейного имущества является младшая дочь — *нокна*, которая остается жить вместе с родителями. При этом матрилинейная структура гаро породила в высшей степени своеобразную систему — так называемую «систему нокром»¹⁶, регулирующую имущественные отношения в семье. Суть ее сводится к тому, что муж дочери-наследницы должен обязательно принадлежать к тому же роду, что и отец наследницы. Таким образом, из

¹² Все цифры (кроме особо оговоренных) приводятся по переписи Индии 1961 г.

¹³ A. Playfair, *The Garos*, London, 1909, p. 7.

¹⁴ См. работы: G. Costa, *The Garo code of law*, — «Anthropos», vol. 49, 1954; J. Bose, *The Garo law of inheritance*, — «Anthropological papers», 1941, а также статьи Боса, Ходсона, Мукерджи и др.

¹⁵ С. А. Болдырева (Маретина), *Черты материнско-родовой организации у гаро и кхаси (Ассам)*, — «Труды Института этнографии», Индийский этнографический сборник, новая серия, т. XV, М., 1961.

¹⁶ J. Bose, *The Nokrom system of the Garos of Assam*, — «Man», 1936, March; B. Mookerjee, *The Nokrom system of the Garos of Assam*, — «Man», 1939, № 167.

поколения в поколение поддерживается связь двух родов — отца и матери, которые совместно контролируют имущество своих членов; тем самым задерживается окончательное освобождение семьи от влияния рода.

Среди анимистических верований гаро выделяется культ камней — асонгов, с которыми связаны определенные религиозные церемонии. Своих покойников гаро кремируют.

Ближайшими соседями гаро на востоке являются кхаси. Занимают они горы Кхаси и Джайнтья, входящие в Ассамское плато. Кхаси насчитывается свыше 350 тыс. По языку мон-кхмеры-кхаси резко выделяются среди окружающих народов. Среди кхаси имеется несколько локальных подразделений, которые отличаются незначительными вариациями в обычаях и иногда в языке. Около 290 тыс. составляют собственно кхаси; к другим группам относятся синтенг, или пнар (около 55 тыс.), джайнтья (около 12 тыс.), вар (около 4 тыс.) и менее многочисленные бхои и нон-тунг.

Природа гор, населенных кхаси, более сурова, чем в горах Гаро: здесь много каменистых склонов, часто дуют резкие ветры. У кхаси еще до прихода европейцев существовало свое раннефеодальное княжество, которое позднее распалось на ряд мелких феодальных владений во главе с сиемами (мелкими феодальными вождями).

Кхаси — земледельцы, сейчас у них имеются как подсечно-огневые, так и террасные поля. Многие кхаси разводят фруктовые сады. Дополнительными занятиями являются охота и рыбная ловля, причем кхаси единственные в горах Ассам пользуются при охоте луком и стрелами¹⁷. Ремесла у кхаси развиты сравнительно слабо. Дома небольшие, часто на каменном фундаменте.

Кхаси замечательны тем, что они при сравнительно высоком общем развитии общества и культуры сохраняют многие черты материнского рода. Это сближает их порядки с социальной организацией гаро, хотя в остальных областях культуры, не говоря уже о языке, у них мало общего. Матрилинейные группы кхаси, восходящие к материнскому роду, носят название *кур*. Старшая женщина кура — так называемая мать рода — пользуется влиянием во многих семейных и внутренних делах, связанных с наследованием или ритуалом¹⁸. Вопрос о причинах сохранения матрилинейной организации у кхаси и гаро, сравнение их обществ вызывает большой интерес среди этнографов¹⁹. Кхаси относятся к числу народов с мегалитической культурой, — по всей их стране можно встретить группы камней, разнообразных по форме и величине²⁰. Характерной чертой анимизма кхаси является культ предков; у некоторых групп населения прослеживается культ богини-матери. Значительное распространение в горах Кхаси получило христианство; миссионеры начали свою деятельность здесь еще в прошлом веке, а в начале XX в. имело место массовое обращение в христианство целых групп кхаси.

Дальше на восток живут микиры (свыше 150 тыс. человек). Они населяют горы того же названия, которые составляют восточную оконечность Ассамского плато. Микиры по многим чертам своей материаль-

¹⁷ J. H. Hutton, *Races of Further Asia*, — «Man in India», vol. XII, 1932, № 1. В прошлом лук и стрелы имелись также у тхадо куки.

¹⁸ B. Mukherjee, *Social groupings among the Khasis of Assam*, — «Man in India», vol. 38, 1958, pp. 207—212.

¹⁹ O. R. Ehrenfels, *Monther-right in India*, Heyderabad, 1941; O. R. Ehrenfels, *Three-matrilineal groups of Assam*, — «The American Anthropologist», 1955, vol. 57, № 2; T. C. Hodson, *The Garo and Khasi marriage systems contrasted*, — «Man in India», vol. 1, 1921.

²⁰ G. Bertrand, *Secret lands where women reign*, London, 1958, p. 166.

ной и духовной культуры близки как к нага, так и к бодо; это не давало основание объединять их в одну группу с этими народами. Например, во время переписи 1901 г. их включили в группу нага-бодо (впоследствии сама эта группа была разделена на нага и бодо)²¹, а в последней переписи 1961 г. их рассматривают как одну из подгрупп бодо.

У микиров далеко зашло расслоение общины, земля практически целиком перешла в руки малых семей, экзогамные родовые группы сохранили свое значение лишь в регулировании брака. Видную роль в общине микиров играют дома холостяков, которые выступают в роли деревенских клубов для юношей и не только не противостоят вождю, как это было свойственно институту мужских домов, но находятся под его покровительством²².

Южнее микиров живут димаса, или горные качари (немного более 30 тыс.); они населяют горы Северного Качара. По языку димаса, как и гаро, входят в группу бодо. «Горными качари» димаса называют в отличие от равнинных качари — бара и меч. Димаса — единственная народность из группы бодо (кроме гаро), которая сумела сохранить некоторые черты своей социальной организации, хотя постепенно и здесь все больше утрачивается этническая самостоятельность.

Димаса практикуют джхум. Хотя скотоводство у них не получило интенсивного развития (как и у других малых народов Ассамских гор), однако отдельные семьи димаса владеют небольшими стадами митхенов (митхен — ассамская разновидность быка, *Bos Frontalis*), которые являются своеобразным сберегательным фондом и средством обмена²³. Разложение деревенской общины зашло у димаса значительно дальше, чем у родственных им гаро, родовые подразделения и институты исчезли почти полностью. Пахотная земля принадлежит индивидуальным семьям, права общины на эту землю являются чисто формальными. В отличие от гаро, димаса, как и другие народы группы бодо, патрилинейны, брак у них патрилокальный.

Вся южная часть горного Ассама, а также сопредельные территории Горной Трипуры и Манипура являются областью расселения многочисленных племен и народностей группы куки-чин; родственные им народы встречаются также в горах Нагаленда и в соседней Бирме. Кроме того, в горах Манипура живет группа племен нага — так называемые манипурские нага, родственные нага Нагаленда и Бирмы. Если гаро, кхаси, микиры имеют свои этнические территории, то племена и народности южных гор Ассама настолько смешаны, что далеко не всегда можно говорить о компактных локальных поселениях отдельных племен. Поэтому характеристику этих народов приходится давать на основании их этнической классификации, отступив от использованного выше принципа территориального размещения народов.

Группу куки-чин принято подразделять на три крупные подгруппы: мейтхен, чин, куки. Мейтхен, или манипури, — основная народность Манипура (637 тыс. человек). Мейтхен представляют собой развитую народность с давно сложившимися феодальными отношениями. Мейтхен — искусные земледельцы; у них развито и суходольное и поливное земледелие; склоны гор разбиты на многоступенчатые террасы — поля, которые мейтхен продают и сдают в аренду некоторым горным куки²⁴.

²¹ «Census of India, 1901», pt 1, p. 267.

²² F. Stack, *The Mikirs*, London, 1908, p. 11.

²³ C. A. Soppitt, *At historical and descriptive account of the Kachari tribes in the North Cachar Hills*, Shillong, 1885, p. 25.

²⁴ T. Das, *The Purums: an old Kuki tribe of Manipur*, Calcutta, 1945, p. 14.

В долинах применяют плуг. Особенностью хозяйства меитхеев является наличие у них специализированного коневодства, хотя и в небольших масштабах. Издавна меитхеи были знакомы с плавкой руды; высокого развития достигло ткачество. В настоящее время в ремесленном производстве интенсивно развивается кооперирование закупок и сбыта. В социальной жизни меитхеев господствуют феодальные отношения, которые в последнее время постепенно уступают место отношениям капиталистическим.

Религия меитхеев — вишнуизм (культ Кришны). Лишь у небольшой группы сохранилась старая, доиндуистская религия. Обращение в индуизм началось с конца XIX в. Еще до индуизма меитхеи имели свою письменность на индийской основе, позднее большинство меитхеев приняло бенгальскую письменность. В последние годы наблюдается быстрый рост культуры и экономики этой народности, которая в своем развитии значительно опередила соседние племена. Меитхеи славятся своим замечательным танцевальным искусством; танец манипури принадлежит к одному из четырех классических стилей индийских танцев²⁵. С каждым годом расширяется сеть школ и колледжей, на языке манипури издаются газеты и журналы. В Манипуре имеются организации всех основных индийских партий. В 60-х годах меитхеи выступили за создание своего ответственного правительства.

Выделение среди куки-чин подгрупп чин и куки основывается в первую очередь на лингвистических особенностях; вместе с тем между двумя группами имеются и известные различия в уровне развития их общин.

Подгруппа чин включает свыше двух десятков²⁶ небольших народностей, населяющих сопредельные районы горного Манипура и южного Ассама. Точные границы их расселения провести трудно, так как бок о бок с ними часто живут племена куки и нага. Наиболее многочисленной народностью чин являются л у ш е и (115 тыс.). Их самоназвание — мизо, которое в последние годы стало и их официальным названием. Лушей имеют свою этническую территорию: они занимают одноименные горы в самой южной части Ассама. Основное занятие лушеев — подсечно-огневое земледелие. Ремесла развиты сравнительно слабо. Дома у лушеев свайные, деревни еще недавно периодически переносились с места на место²⁷, что было связано с подсечно-переложным характером земледелия; с сокращением свободных земель поселения стали оседлыми. Сейчас вопрос о земле у лушеев стоит более остро, чем у других горных народов Ассама, и недостаток земли дает себя знать все больше.

Социальная организация лушеев характеризуется наличием влиятельных наследственных вождей общин. Эта черта присуща социальной организации большинства чин и отличает их от куки и других горных народов Ассама. Все вожди лушеев принадлежат к одному роду — *Сайло*, занимающему привилегированное положение²⁸. В руках вождей из рода Сайло постепенно сосредоточилась большая часть земель общин, что поставило юстальных общинников в экономическую зависимость от вождей; по существу вожди Сайло образуют сейчас класс помещиков-землевладельцев, против которых на протяжении последних десяти лет периодически происходят вооруженные выступления безземельных общинников. У лушеев, единственных из группы чин, сохранились дома

²⁵ K. Ambrose, *Classical dances and costumes of India*, London, 1952, p. 84.

²⁶ Не все группы чин учтены; это относится также к горным куки, нага и некоторым другим племенам.

²⁷ H. E. Kauffmann, *Landwirtschaft bei den Bergvölkern von Assam und Nord-Burma*, — «Zeitschrift für Ethnologie», 1934, Heft 1/3, S. 80.

²⁸ A. G. Mc Call, *Lushai chrysalis*, London, 1949, p. 96.

холостяков; такой дом имеет свою землю, которую обрабатывают обитающие в нем юноши. Однако в последнее время молодежь все более отрывается от мужских домов. Лушей патрилинейны, наследует обычно младший сын ²⁹. Еще в прошлом веке в горах Лушей развернули активную деятельность христианские миссионеры, и сейчас до 85% лушеев исповедуют христианство. У лушеев издается своя литература на языке лушей с использованием латиницы. Лушей принимают самое живое участие в борьбе за выделение горных народов Ассама в особый штат.

Кроме лушеев, в подгруппу чин входят народности лакхер (около 10 тыс., Ассам), пайте (свыше 18 тыс., Манипур), ряд мелких народностей, насчитывающих по несколько сотен или даже десятков человек (ральте, мату и др.). К этой же группе обычно относят и так называемых «новых куки» — тхадо (около 30 тыс., Манипур), которые по языку ближе не к куки, а к народам чин. По особенностям своей социальной организации они также примыкают к группе чин.

У большинства народностей чин, как и у лушеев, наблюдается сравнительно далеко зашедший процесс феодализации общества. Наследственные вожди являются собственниками деревенских земель ³⁰, общинные порядки почти не сохранились. Институты родового строя у этих народов полностью исчезли. Все чины патрилинейны; за исключением лушеев, наследует везде старший сын. Своей литературы чины (кроме лушеев) не имеют.

В подгруппу куки входит множество мелких горных народностей и племен, разбросанных в горных районах южного Ассама, Манипура и Трипуры; родственные им племена можно встретить в соседней Бирме. Некоторые племена куки, как и чины, насчитывают всего десятки человек. Кроме того, к группе куки относится также народность типпера, которая составляет основное население бывшего княжества Трипура. Типпера (около 300 тыс.) развитая народность, у которой уже давно сложились феодальные отношения. По языку типпера принадлежат к группе бодо, однако по своей этнической характеристике они ближе к куки. Типпера — земледельцы, дома их деревень построены на сваях ³¹. В XX в. у типпера имело место помещичье землевладение, при котором основная масса землевладельцев находилась на положении крестьян-арендаторов. После образования республики у типпера была введена земельная система райотвари ³². Земельная проблема в Трипуре не решена. Крестьянский совет — Кисан сабха — возглавляет кампанию за раздел государственных земель между безземельными крестьянами ³³. Свыше 20% типпера грамотные, число школ превысило тысячу. Типпера активно участвуют в общественной и политической жизни страны. Как и меитхей, они настойчиво добиваются выборного законодательного правительства. Большое влияние среди типпера имеет Коммунистическая партия.

К горным куки относятся племена хмар (около 25 тыс.), вайпхей (около 9 тыс.), аноль (5 тыс.), чиру (3,5 тыс.), ряд малочисленных племен — пурум, аймоль, кхелма и др. Большая их часть живет в деревнях, разбросанных по горам Манипура, часть — в соседних горах Ассама и Горной Трипуры. В Манипуре горные куки населяют преимущественно районы, пограничные с Бирмой. У горных куки в большей степени, чем

²⁹ Ibid., p. 113.

³⁰ N. E. Parry, *The Lakhsers*, London, 1932, p. 248.

³¹ W. C. Smith, *The Ao Naga tribe of Assam*, London, 1928, p. 130.

³² С. А. Болдырева и Н. Р. Гусева, *Народы Ассамских гор*, — «Народы Южной Азии», М., 1963, стр. 502.

³³ Сообщения о ходе этой борьбы появляются на страницах газет непрерывно начиная с середины 50-х годов.

у других горных народов этого района, сохраняется общинное землевладение и демократические принципы управления³⁴. Продолжают практиковаться переделы общинных земель, осуществляемые под руководством деревенского старосты. В то же время родовые институты исчезли почти полностью. Живут горные куки небольшими общинами, занимаются подсечно-огневым земледелием; еще в начале нашего века некоторые куки вели полуоседлый образ жизни. В последние годы нередки случаи, когда наиболее зажиточные семьи некоторых манипурских куки покупают у мейтхеев поливные поля в долине и обрабатывают их при помощи плуга; но это доступно лишь немногим общинникам³⁵. Все горные куки патрилинейны, у некоторых имеет место миноратное наследование. На манипурских куки (так же, как и на некоторых народностях чин) чувствуется влияние мейтхеев: оно дает себя знать, например, в наличии многочисленной деревенской администрации (например, восемь чиновников в одной деревне пурум³⁶, существование которых никак не оправдывается в условиях обычной сельской общины).

Кроме народов куки-чин горные районы Манипура населяет ряд племен группы нага — так называемых манипурских нага. Общая их численность достигает примерно 90 тыс.³⁷. Это единственные нага, не вошедшие в состав штата Нагаленд. К манипурским нага относятся тангкуль (около 45 тыс.), кабуи (30 тыс.), близкородственные которым качча нага живут у границ Манипура, в горах Северного Качара (отдельные деревни) и в южных районах Нагаленда, а также более мелкие племена меме (около 5 тыс.), пхойно (около 500 человек) и др. Этим народностям нага уже издавна знакомы наряду с подсечно-огневым и террасное земледелие. В их общинах сохраняются многочисленные пережитки отцовскородовой организации. В каждой деревне есть дом холостяков — морунг, молодежь которого образует военные дружины и рабочие группы.

Таковы основные народы, населяющие горные районы Центрального и Южного Ассама. Кроме того, отдельные группы малых народов образуют некомпактные поселения в различных частях ассамской равнины. Эти группы с каждым годом все больше растворялись в окружающем населении и постепенно утратили свою этническую самобытность. Наиболее многочисленными сегодня являются группы равнинных бодо — остатки тех бодо, которые после прихода ахомов и других поздних переселенцев не были оттеснены в горы, а остались на своих прежних местах расселения. К их числу относятся равнинные качари или бара (свыше 300 тыс.)³⁸, западную их часть иногда выделяют под названием меч. Бара не образуют локального целого; их селения разбросаны по территории Гоалпары, Камрупа, Ноугонга, Дарранга, т. е. в районе западной и северо-западной границ Ассама; на севере бара можно встретить в непальских тераях³⁹. Среди бара, как и среди других, более малочисленных групп равнинных бодо, очень интенсивно идут процессы ассимиляции их окружающим ассамским населением.

³⁴ T. C. Das, *The Purums*, p. 54.

³⁵ *Ibid.*, p. 13.

³⁶ *Ibid.*, p. 172.

³⁷ В переписи 1961 г. приводятся цифры по отдельным племенам манипурских нага; так как учтены не все нага, общая численность всей группы может быть выведена лишь приблизительно.

³⁸ Эта цифра не отражает те ассимиляционные процессы, которые идут среди бодо.

³⁹ Тер аи — болотистые джунгли у подножия Гималаев.

В настоящее время горные народы Ассама переживают период ускоренного, хотя и трудного развития. Исключительная этническая пестрота, десятки различных языков, разница в уровнях развития отдельных народов — все это ставит этот район в особое положение. В Ассаме ведется большая культурно-просветительская работа. За последние годы появилось несколько сот школ в горных районах, в которых преподавание ведется на местных языках; языками просвещения являются также ассам и хинди. Строятся дороги. Но перед администрацией остается ряд важных проблем, из которых самой насущной является решение земельной проблемы. Очень остро стоит также вопрос о государственном языке Ассама. Когда на повестку дня встал вопрос об утверждении ассам в качестве официального языка штата, большая часть горных народов выступила против этого, требуя сохранить в этой роли английский язык с последующей заменой его хинди.

Рост национального самосознания малых народов Ассама наиболее полно выразился в событиях 60-х годов, когда ряд народов выдвинул требование создания отдельного штата горных народов⁴⁰. Тем самым они хотели добиться признания их прав как самостоятельных национальных групп. Активное участие в этом движении принимали лушей, гаро, кхаси и многие другие. Дело не раз доходило до кровавых столкновений с правительственными войсками. Национальный совет Коммунистической партии не поддержал требования горных народов о выделении особого штата ввиду чрезвычайной разбросанности их национальных территорий.

Много лет продолжалась борьба восточных нага за самоопределение, которая привела к созданию Нагаленда.

⁴⁰ А. М. Дьяков, *Национальный вопрос в современной Индии*, М., 1963, стр. 86.

М. К. Кудрявцев

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ СЛУЖБА ИНДИИ

Задачи экономического, культурного и общественного развития многочисленных народов Индии, принадлежащих к разным расовым типам, говорящих на разных языках, исповедующих разные религии, стоящих на разных уровнях социально-экономического развития, требуют от правительства и общественности особого подхода. Необходим специальный учет традиционных особенностей культуры и быта отдельных народов и сложившихся между ними этнических и национальных взаимоотношений. Органы государственной администрации, хозяйственные, просветительные и культурные организации нуждаются в постоянной квалифицированной помощи и консультации по конкретным вопросам переустройства жизни отдельных народов. В учреждениях и организациях, ведущих практическую работу в гуще многонационального населения Индии, широко представлены индийские антропологи¹.

Научное обоснование планов социально-экономических и культурных преобразований в жизни различных народов и разных социальных групп разрабатывается при участии специально для того созданной Антропологической службы Индии (Anthropological Survey of India).

До 1961 г. это учреждение именовалось Департаментом антропологии правительства Индии (Department of Anthropology, Government of India).

В Индии нет единого научно-организационного центра типа Академии наук, поэтому Антропологическая служба, как и многие другие научные учреждения, организационно подчинена Министерству просвещения Индийской Республики. Глава Антропологической службы одновременно является официальным советником центрального правительства республики по антропологии. Эту должность в 1964—1966 гг. занимал доктор Д. К. Сен (D. K. Sen) — физический антрополог по специальности. Его предшественником был известный антрополог и социолог проф. Нирмал Кумар Бос (N. K. Bose).

Большинство сотрудников Антропологической службы принадлежат к сравнительно молодому поколению индийских ученых, получивших образование в индийских же университетах. Некоторые из сотрудников

¹ Так называют в Индии не только собственно антропологов, но прежде всего этнографов и социологов, работающих среди малых народов и отсталых групп населения. В дальнейшем термин «антропология» употребляется именно в этом его толковании.

проходили дополнительную стажировку в английских или американских университетах. Однако, несмотря на заметные влияния англо-американских научных концепций на отдельных ученых, индийская антропология в целом становится все более самостоятельной. Так, Антропологическая служба Индии, будучи центральной, общендийской организацией ученых, ведет работы по актуальным и очень своеобразным проблемам индийской антропологии, опираясь преимущественно на индийские научные традиции.

Основоположником этих традиций следует считать Сарат Чандра Роя (S. C. Roy), создавшего за 25 лет, начиная с 1912 г., ряд фундаментальных монографий о мунда и других народах Чхота-Нагпура, фактически основавшего первые периодические издания по антропологии ("Journal of Bihar and Orissa Research Society", "Man in India"), положившего начало преподаванию этой науки в индийских университетах и воспитавшего плеяду крупнейших индийских антропологов. Последователями и продолжателями дела С. Ч. Роя были Анантакришна Айяр (Anantakrishna Aiyar), А. Айяпан (A. Aiyappan), Н. К. Бос, Д. Н. Маджумдар (D. N. Majumdar), К. П. Чаттопадхьяй (K. P. Chattopadhyay) и многие другие видные ученые, создавшие индийскую школу антропологов. Большинство современных индийских антропологов вообще и сотрудников Anthropological Survey, в частности, являются воспитанниками этой школы.

Подготовка научных кадров по антропологии сосредоточена в антропологических департаментах (нечто среднее между нашим факультетом и кафедрой) некоторых университетов (Калькутты, Дели, Ранчи, Лакнау и др.). По окончании университета студенты проходят своеобразную аспирантуру (Post graduate studentship) и защищают магистерские и докторские диссертации. Из таких молодых ученых и состоит ядро Антропологической службы Индии.

В Калькуттском центре Антропологической службы давно сложилась сильная группа специалистов по физической антропологии, занимающихся исследованиями как в области палеоантропологии, так и современными проблемами расового и антропологического состава населения, изучением групп крови, особенностей кожного покрова, питания и диеты народов и другими практическими и теоретическими вопросами. В их распоряжении имеются соответствующие хорошо оборудованные лаборатории.

Исследованием ископаемых костных остатков человека и особенно костяков из раскопок в области культуры древнего Инда занимаются доктор Б. К. Чаттерджи (B. K. Chatterjee), Г. Д. Кумар (G. D. Kumar), П. Гупта (P. Gupta), П. Ч. Датта (P. C. Dutta), А. Басу (A. Basu). Эти ученые имели возможность детально изучить наиболее полную коллекцию черепов из Мохенджо-Даро и Хараппы, хранящуюся в фондах Индийского музея в Калькутте. Результаты краниологических исследований культуры древнего Инда публиковались и ранее, но в 1962 г. вышло капитальное исследование скелетов человека из раскопок Хараппы, выполненное коллективом сотрудников Антропологической службы². Оно подводит итог многолетней работе и дает историкам и археологам научно проверенный и тщательно систематизированный материал.

В антропологических учреждениях Индии большое значение придается исследованию групп крови. Результаты таких исследований

² P. Gupta, P. C. Dutta, A. Basu, *Human skeletal remains from Harappa*, — «Anthropological Survey of India», Memoir № 9, Calcutta, 1962.

используются и для решения некоторых проблем этногенеза и при проведении массовых мероприятий по здравоохранению. В Антропологической службе группами крови занимаются многие сотрудники, в том числе и доктор Д. К. Сен. Интенсивно ведется изучение диеты разных народов, и результаты его регулярно публикуются: например, работы Дж. К. Роя (G. K. Roy), Р. К. Рао (R. K. Rao), С. К. Бисва (S. K. Biswas) и др.

Специалисты в области социальной и культурной антропологии, т. е. этнографы, заняты преимущественно современными проблемами, а многие из них — чисто практическими вопросами переустройства жизни и быта основной массы индийского населения. В работах этой группы ученых все большее место занимают исследования деревни и сельского населения в разных частях страны, а также проблемы урбанизации и этнографии городского населения. Однако основным объектом изучения по-прежнему остаются малые народы и культурно отсталые группы населения. После специально проведенных регистраций (schedule) этих народов и социальных групп их официально стали именовать соответственно «зарегистрированными племенами» (scheduled tribes) и «зарегистрированными кастами» (scheduled castes). Особое внимание к проблемам малых народов со стороны индийской антропологической науки сами индийцы объясняют тем, что у индийских антропологов нет пока ни сил, ни средств, чтобы охватить всесторонним изучением крупные народы, насчитывающие миллионы и десятки миллионов человек, тогда как ликвидация социально-экономической и культурной отсталости многочисленных малых народов, племен и низших каст является неотложной задачей всего индийского общества.

Значительная часть научных сотрудников Антропологической службы занята изучением материальной и духовной культуры народов, их социальной организации, искусства, религии. Так, материальную культуру изучали Б. К. Дасгупта (B. K. Dasgupta), Х. Н. Банерджи (H. N. Banerjee), П. Гангули (P. Ganguly), А. Пал (A. Pal), С. Ч. Синха (S. C. Sinha); социальные отношения — доктор М. Наг (M. Nag), Б. Мукерджи (B. Mukherjee), Дж. Д. Гупта (G. D. Gupta) и многие другие. Здесь работают также языковеды, фольклористы, специалисты по народному искусству.

Сотрудники Антропологической службы имеют возможность проводить регулярные полевые исследования, иногда совместно с работниками других антропологических учреждений. Собранные материалы хранятся обычно в антропологическом отделе Индийского музея, являющегося материальной базой для Антропологической службы. Кроме обширных фондов этнографических коллекций здесь есть большая фонотека с записями устного народного творчества и музыки самых разнообразных жанров. Строго специализированная научная библиотека является едва ли не самым полным собранием антропологической литературы в Индии. Здесь представлены и основные труды мировой антропологической литературы на разных языках и почти все, что касается народов Индии. К сожалению, мало в этой библиотеке литературы на русском языке. Библиотека выписывает основные зарубежные периодические издания по специальности, в том числе и журнал «Советская этнография».

Есть здесь и фото-кинолаборатория с небольшой, но регулярно пополняемой фильмотекой и реставрационные мастерские. Таким образом, Антропологическая служба имеет возможность немедленной обработки в своих лабораториях и мастерских самых разнообразных полевых материалов, начиная от костяков из раскопок и кончая фонограммами.

Сотрудники Службы публиковали свои работы в собственном журнале "Bulletin of the Anthropological Survey of India" (до 1960 г. он назывался "Bulletin of the Department of Anthropology, Government of India"), выходявшем два раза в год. Периодически выходят труды Антропологической службы под названием "Memoirs". Здесь обычно печатаются монографические работы отдельных ученых или коллективные работы. Кроме того, сотрудники печатали свои работы в других периодических изданиях, как, например, в издающемся в г. Ранчи журнале "Man in India", в выходящем в Лакнау „Eastern Anthropologist“, в популярном журнале „Vanyajati“ и в др. Некоторые статьи индийских антропологов печатаются за рубежом, в европейских и американских издательствах.

В полевых исследованиях Антропологическая служба сотрудничает с антропологическими департаментами университетов, с институтами по изучению племен и с другими научными учреждениями. Так, ее сотрудники приняли деятельное участие в создании серии монографий по отдельным деревням в разных частях страны. Эта серия издавалась центральным демографическим ведомством, руководимым генеральным регистратором (Registrar General). Издание призвано помочь практическим работникам в реализации так называемых планов общинного развития в сельском хозяйстве.

Антропологическая служба имеет четыре региональные станции в разных частях страны (три на территории континентальной Индии и одна в порту Блер на Андаманских островах). Во время пребывания в Индии в 1964 г. нам удалось познакомиться с работой трех станций. Самая крупная из них — Центральноиндийская в г. Нагпуре, другая в Шиллинге (Ассам) и третья, южноиндийская, в Майсуре.

В задачу станций входит всестороннее систематическое изучение народов соответственно Центральной, Восточной и Южной Индии, т. е. областей, где сосредоточена основная масса малых народов и племен. Задача эта необычайно сложная, так как в каждой области живут множество разноразличных народов, весьма различных по типу хозяйственной деятельности, образу жизни и культурному развитию. Сотрудникам станций приходится изучать различные бесписьменные языки и работать иногда в совершенно необычных условиях. Однако следует сказать, что большинство индийских антропологов — это самоотверженные энтузиасты, готовые на любые лишения во имя культурного прогресса изучаемых народов.

На Центральноиндийской станции было около 30 сотрудников разных специальностей. Возглавлял ее лингвист, доктор С. Бхаттачарья (S. Bhattacharya). В сферу деятельности этой станции входит значительная часть Центральноиндийского нагорья в штатах Мадхья Прадеш и Махараштра. Здесь расселены многочисленные группы гондов, говорящих на разных диалектах языка гонди, относящегося к дравидийской языковой семье. Значительная часть их уже давно подверглась имущественному и социальному расслоению и по хозяйству, уровню культуры и социальным отношениям мало чем отличается от таких крупных соседних народов, как маратхи, телугу, раджастанцы и др. Но есть еще группы гондов, сохранивших родо-племенную организацию с пережитками первобытнообщинных отношений. На западе нагорья живут бхилы, говорящие на языке индоевропейской семьи, сохраняющие в быту много интересных, присущих только им этнографических особенностей. В восточной части нагорья широко расселены многочисленные народы группы мунда. По культуре и уровню социально-экономического развития они составляют комплекс не менее сложный, чем

гонды. Таким образом, в сфере научных исследований Центральноиндийской станции оказываются десятки народов и племен, не говоря уже об отдельных социальных группах и кастах из состава крупных народов Индии.

Группа языковедов и фольклористов во главе с доктором С. Бхаттачарья (S. Bhattacharya) вела большую работу по изучению языков, составлению грамматик, словарей, по собиранию и записи фольклора, по составлению языковых карт, давала консультации государственным органам и практическим работникам по разным вопросам, в частности, рекомендации по языкам школьного обучения у разных народов в этой части страны.

В Центральной Индии необычайно разнообразен антропологический состав населения, поэтому большая группа сотрудников станции представлена физическими антропологами [Х. К. Ракшит (H. K. Rakshit), Д. К. Бос (D. K. Bose), Р. С. Ногги (R. S. Negi) и др.]. Особенно интенсивно изучаются здесь группы крови, для чего создана хорошо оборудованная лаборатория. Есть также лаборатории по обработке и реставрации предметов материальной культуры. Собранные коллекции экспонируются в организованном при станции музее. Культурной и социальной антропологией на станции занимались, например, К. А. Разек (K. A. Razeq), Д. Хазра (D. Hazra), Б. Н. Сарасвати (B. N. Saraswati). Широко проводятся разнообразные полевые исследования. Для осуществления этих работ имеется необходимое оборудование, научная аппаратура, транспорт.

Библиотека станции располагает солидным фондом литературы по антропологии и смежных дисциплин и регулярно пополняется литературой, в том числе и периодическими изданиями из разных стран мира.

При станции есть фотосекция. Она ведет съемки документальных этнографических кинофильмов, а также обеспечивает иллюстративными материалами музей и публикуемые в разных изданиях научные работы сотрудников.

Таким образом, Центральноиндийская станция представляет собой как бы отдельный научно-исследовательский институт в системе Антропологической службы Индии.

Ассамская станция в Шиллонге меньше только что описанной, однако перед коллективом ее сотрудников стоят не менее сложные задачи. Не менее сложен и объект изучения — горные народы Ассама, включая такие необычайно интересные с этнографической точки зрения, как гаро и кхаси, большая группа восточногогималайских племен с территории Северо-Восточного Пограничного Агентства (NEFA) и племена группы нага из штата Нагаленд.

Штат Ассамской станции в два раза меньше коллектива Центральноиндийской. Возглавлял ее доктор Н. С. Сьямчоудри (N. K. Syamchoudri). Здесь работает и упоминавшийся ранее Б. К. Дасгупта. Может быть, в силу сравнительной однородности антропологического состава населения (большинство народов принадлежит к монголоидному антропологическому типу), физическая антропология на Ассамской станции представлена в значительно меньшем объеме. Основное место в исследованиях занимают хозяйство и материальная культура разных групп населения, социальная организация, взаимоотношения между народами и некоторые проблемы этногенеза.

В Шиллонге выделилась особая группа сотрудников, сосредоточившая свое внимание преимущественно на народах NEFA. Здесь живут абор, дафла, апатани, мири, мишми и другие слабо или совсем не изученные народы.

При Ассамской станции также есть лаборатории, небольшая библиотека и очень интересный музей, содержащий этнографические коллекции, предметы народных промыслов искусства и культовый инвентарь. Заведует музеем П. Ч. Датта (P. C. Datta). Значительный вклад в работу станции и музея внес покойный доктор В. Элвин (V. Elwin) — автор многочисленных работ по индийской этнографии, в частности и по восточногомалайским народам.

Южноиндийская станция в Майсуре насчитывала в 1964 г. всего семь сотрудников и была единственной научно-исследовательской организацией по антропологии во всей Южной Индии. Сложный этнический состав населения этой части страны и наличие большого числа отсталых и малоизученных племен и народов лишает Антропологическую службу возможности получать от Майсурской станции научный материал, равноценный получаемому от Центральноиндийской и даже Ассамской. Тем не менее Южноиндийская станция работает с полным напряжением сил, однако преимущественно в области физической и социальной антропологии штата Майсур и некоторых прилегающих районов штатов Мадрас и Керала.

Возглавлял станцию доктор М. Ч. Прадхан (M. C. Pradhan). Под его руководством велось изучение тода, кота, бадага и некоторых других народов области Нильгири, некоторых отсталых племен Кералы и разных кастовых группировок в штате Майсур. Непосредственным помощником руководителя станции был П. К. Мисра (P. K. Misra). Исследованиями по физической антропологии занимался Р. Д. Сингх (R. D. Singh), уже собравший большой антропометрический материал по разным группам населения Южной Индии.

Работу Южноиндийской станции затрудняет и то обстоятельство, что большинство ее сотрудников — выходцы из Северной Индии, еще не освоившие местные языки, тогда как изучаемые ими народы говорят на своих языках и в лучшем случае знают один из дравидийских.

С работой недавно основанной станции на Андаманских островах нам не удалось познакомиться. Однако известно, что небольшая группа антропологов ведет регулярные исследования местного населения на Малых Андаманах и на Никобарских островах. Пока опубликованы только общие описания поселений, быта и предметов материальной культуры. Изучение социальной организации, духовной культуры и религиозных представлений андаманцев задерживалось до сих пор из-за незнания учеными языков этих народов. Изучение этих языков составляет одну из первых задач сотрудников антропологической станции. Около десяти лет ведутся наблюдения над небольшим народом онге, одним из уцелевших андаманских племен, большинство которых вымерло за последнее столетие. В центральном отделении Антропологической службы в Калькутте есть интересный цветной фильм, снятый антропологами и дающий представление об этом маленьком народе, пребывающем еще в первобытном состоянии.

В будущем Антропологическая служба Индии намерена охватить страну систематическими исследованиями, создав несколько новых станций в северных областях страны, на западе и на юге.

Само существование государственной Антропологической службы с ее станциями, диапазон ее теоретических и практических работ, квалифицированные кадры научных сотрудников, наличие хорошо оборудованных лабораторий, музеев, прекрасно укомплектованные библиотеки, большая печатная продукция — все это говорит о том, какое важное значение придают антропологической науке правительство и общественность Индии.

М. К. Кудрявцев

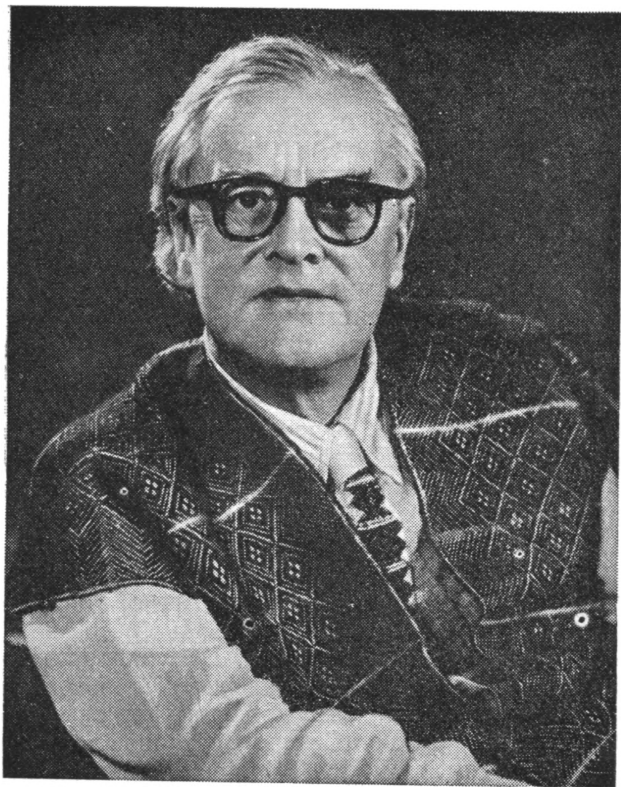
ДОКТОР ВЕРРЬЕ ЭЛВИН

22 февраля 1964 г. в Дели умер выдающийся этнограф, неутомимый и самоотверженный исследователь малых народов Индии доктор Веррье Элвин.

Доктор Элвин 37 лет прожил в Индии в непосредственном общении с малыми народами. 30 лет он изучал их как этнограф и опубликовал за это время более 20 монографий, большое количество научных статей и 2 романа из жизни племен. Вместе с тем доктор Элвин всю жизнь вел разностороннюю практическую работу по развитию народного образования, здравоохранения и культуры наиболее отсталых групп индийского населения. Он был самым авторитетным консультантом правительственных и общественных организаций, проводивших социально-экономические, культурные и другие мероприятия у малых народов. В предисловии к одной из книг Элвина Джавахарлал Неру признался, что своими представлениями о действительном положении племен в Индии он в значительной мере обязан работам доктора Элвина. Официальным признанием заслуг Элвина было назначение его на пост советника правительства по делам племен в необычайно пестрой по этническому составу области — Северо-Восточном Пограничном Агентстве (NEFA). Занимая этот пост в течение последних десяти лет жизни, доктор Элвин возглавил группу молодых ученых, систематически изучавших жизнь народов этой малоисследованной области.

В. Элвин родился в 1902 г. в семье англиканского епископа. Получив образование в Англии, он и для себя первоначально выбрал духовную карьеру и даже был некоторое время священником в Оксфорде. Но уже в 1927 г. молодой священник оставил свой приход и в составе англиканской миссионерской организации уехал в Индию. С самого начала его деятельности Индия и индийцы целиком завладели разумом и сердцем Элвина. Таким образом, с 25-летнего возраста Веррье Элвин окончательно и прочно связал свою судьбу с народами Индии.

Первоначально Элвин с большим рвением приступил к своим миссионерским обязанностям, но скоро понял, что индийцам нужны не проповеди, а реальная помощь в борьбе с нищетой, культурной отсталостью и несправедливостью. Знакомство с идеями индийского национального движения, а затем и лично с его руководителями, особенно с Ганди, привело Элвина к решению посвятить себя служению самой обездоленной части индийского населения — культурно отсталым племенам. Но

Доктор В. Элвин

увлечение молодого священника национально-освободительным движением и личные связи с его руководителями оказались несовместимыми с его духовным саном. Церковные власти потребовали от Элвина отказаться от участия в национально-освободительном движении. Но Элвин не мог изменить своему призванию. Он занимался не столько проповедью христианства, сколько организацией школ и лечебниц. Например, в дистрикте Мандла Элвин вместе со своим индийским другом Шамрао Хивале основал школу и лепрозорий для гондов. Все это делалось на собственные средства и добровольные пожертвования. Сбор их естественно расширял связи Элвина с прогрессивной индийской общественностью, а это обостряло его конфликт с церковью. Но к этому времени он уже сделал свой выбор и отказался от духовного сана.

Уже в начале 30-х годов Элвин хорошо знал несколько индийских языков и, живя одной жизнью с местным населением, располагал обширным материалом по этнографии центральноиндийских племен. Элвин понял, что его материалы, опыт и знания приобретают особое значение для решения судьбы племен в будущей независимой Индии; он понял также необходимость осмысления, научной систематизации и публикации собираемых материалов. Так началась его научная деятельность.

Со второй половины 30-х годов Элвин регулярно выступает в печати сначала с художественными и публицистическими, а затем с научными работами по этнографии. С тех пор почти каждый год выходила его новая книга, обычно насыщенная оригинальным материалом, всегда

интересно интерпретированным. Здесь можно назвать только важнейшие из них.

Первые книги Элвина скорее можно отнести к беллетристике, но уже монография о племени байга («Baiga»), вышедшая в 1939 г., была строго научным этнографическим исследованием. За ней последовала серия других этнографических монографий, например, о племени агариа («The Agaria», 1942), о гондском племени муриа («Muria and their Ghotul» 1947), о небольшом орисском племени бондо «Bondo Highlander» 1950). Глубокое и полное изображение жизни малых народов находим мы даже в работах, посвященных частным вопросам, например, в книге об убийстве и самоубийстве у племени мариа («Maria Murder and Suicide» 1943) или в книге под названием «Религия индийского племени» («The Religion of an Indian Tribe»). 1955).

Элвин много сделал для изучения фольклора народов Индии. И в этой области он создал серию выдающихся работ, особенно по фольклору народов Центральной Индии («Folk-songs of the Maikal Hills», 1944; «Folksongs of Chhattisgarh», 1946), по изучению мифологии малых народов («The Myths of Middle India», 1949; «Tribal Myths of Orissa», 1954; «Myths of the North-East Frontier of India», 1958) и, наконец, две книги, посвященные народному искусству племен Центральной и Восточной Индии («The Tribal Art of Middle India», 1951; «The Art of the North-East Frontier of India», 1959).

Почти четверть века Элвин прожил в Центральной Индии, но весьма плодотворным был и ассамский период его жизни, начиная с 1954 г. Кроме названных работ по искусству и фольклору он написал здесь два общих обзора положения племен Северо-Восточной пограничной области («India's North-East Frontier in the Nineteenth Century», 1959; «A Philosophy for NEFA», 1959) и последнюю свою книгу, своеобразную автобиографию, излагающую его опыт изучения племен («The Tribal World of Verrier Elwin: an Authobiography», 1964).

Содержание работ Элвина всегда шире их названий. Однако ни в одной работе, посвященной частной проблеме или одному народу, он не пытался устанавливать какие-то общие закономерности развития племенной организации в Индии или предсказывать судьбы малых народов. Элвин вообще не любил теоретизировать в отрыве от конкретного материала.

Отсутствие у Элвина специального антропологического образования, его независимость от каких-либо теорий и школ, его особый подход к изучению народов — все это вначале давало повод видеть в нем дилетанта. Но очень скоро пришло всеобщее признание его выдающегося положения в индийской этнографии. В течение пяти лет (1943—1948) он был редактором главного и старейшего в Индии этнографического журнала «Man in India». С 1946 по 1949 г. он занимал должность заместителя директора Департамента Антропологии правительства Индии, как тогда называлась Антропологическая служба Индии. Наконец, по инициативе Джавахарлала Неру Элвин был назначен и, как уже упоминалось, в течение десяти лет занимал официальный пост советника правительства по делам племен в Северо-Восточном Пограничном Агентстве. Признанием его заслуг было и присуждение ему в 1946 г. степени доктора Оксфордским университетом. Его труды многократно отмечались медалями различных ученых обществ. Он был также удостоен одной из высших наград правительства Индии (Padma Bhushan). С 1954 г. Элвин принял индийское гражданство.

При всей симпатии к индийским племенам Элвин был далек от идеализации их настоящей или прошлой жизни, от поисков «золотого

века» в их истории. И вместе с тем он был гуманистом в лучшем смысле слова и романтиком в науке. Своей симпатией к маленьким людям неведомого племени он заражает читателя. Своеобразна его манера изложения материала, его литературный стиль. Он как бы вводит читателя в деревни, в дома, знакомит с жителями, и здесь, на месте, то взволнованно и страстно, то лирично, совершенно доверительно ведет рассказ о делах и людях, очень близких и автору и читателю.

Характеристика доктора Элвина была бы неполной, если не сказать о нем как о собирателе. Многие музеи обязаны ему своими коллекциями по материальной культуре, искусству и религии малых народов Индии. Его дом, во всяком случае дом в Шиллонге, был полон предметами быта, искусства, орудиями труда и оружием, театральным реквизитом и предметами культа разных народов, собранными любовью и знанием дела за многие годы. Согласно его воле все эти коллекции, насчитывающие около 15 тыс. экспонатов, перешли в фонды Национального музея в Дели.

Люди, лично знавшие доктора Элвина и работавшие с ним, говорят, что это был энергичный и жизнерадостный человек, лишенный всяких предрассудков и ханжества, любивший жизнь и не отказывавший себе в удовольствиях, считавший себя счастливым гражданином, мужем и отцом. Жена его принадлежит к одному из центральноиндийских племен, и у них три сына.

Смерть доктора Элвина является тяжелой утратой не только для этнографической науки, для всех, кто изучает население Индии, но и для стоящего перед сложными национальными проблемами Индийского государства.

И. П. Труфанов

К ВОПРОСУ О ВНЕШНИХ МИГРАЦИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ИНДИИ

Эмиграция индийцев в другие страны мира продолжалась немало лет и имеет свою историю. Индия наряду с Италией, Англией, Японией, Голландией, Алжиром считалась одним из важных центров эмиграции рабочей силы. В зарубежной литературе тема миграций населения Индии получила широкое освещение, более того, интерес к ней все возрастает. Ей посвящены многочисленные работы, в которых в разных аспектах рассматривается миграционное движение индийского населения. В советской литературе этот вопрос пока не нашел должного отражения¹, если не считать работ П. М. Шаститко и Д. М. Мухамедовой², в основном рассматривающих проблему расовой дискриминации индийцев в Южной Африке. Этому вопросу у нас посвящены лишь отдельные статьи и незначительные разделы в монографиях, отображающие положение индийских эмигрантов в некоторых странах³.

В настоящей статье мы попытаемся осветить только общие черты внешних миграционных движений индийского населения, а также остановимся на механизме миграционной техники и современном положении индийских иммигрантов в некоторых странах. Дать систематический и подробный анализ внешних миграционных процессов населения Индии задача необычайно трудная. Ее трудность состоит прежде всего в том, что рамки исследования чрезвычайно обширны. Во-вторых, обстоятельное и всестороннее изучение переселения миллионов масс индийцев в другие страны может быть осуществлено группой ученых, занимающихся такими науками, как география, история, этнография, социология, юриспруденция, демографическая статистика и некоторые другие.

Разделение Индии в 1947 г., осуществленное по религиозному признаку, на два независимых государства — Индию и Пакистан —

¹ В данной связи укажем, что общетеоретические положения о миграционных процессах населения капиталистических стран обстоятельно изложены в книге Э. П. Плетнева, *Международная миграция рабочей силы*, М., 1962.

² П. М. Шаститко, *Сто лет бесправия*, М., 1963; Д. М. Мухамедова, *Из истории расовой дискриминации индийцев в Южной Африке*, Ташкент, 1965.

³ См.: А. Д. Дридзо, *Индийцы острова Тринидад*, — «Страны и народы Востока», вып. II, М., 1961; В. А. Жеребилов, *Иммиграция как средство формирования рабочей силы в Малае до второй мировой войны*, — «Проблемы экономики стран Юго-Восточной Азии», М., 1959; Л. И. Бонифатьева, Ю. А. Ершов, *Цейлон*, М., 1962; В. В. Петров, *Население Индии. Демографический очерк*, М., 1955; В. И. Кочнев, *Население Цейлона*, М., 1965, и некоторые другие работы.

оказало влияние и на индийцев, живущих за границей. Некоторые из них, исповедующие мусульманскую религию, считают себя пакистанскими подданными. Следует, однако, подчеркнуть, что Пакистан проявляет мало интереса к мусульманам-иммигрантам, общая численность которых в общем и целом весьма невелика⁴. Касаясь современного положения индийских эмигрантов, мы не подразделяем их на индийцев и пакистанцев, а рассматриваем как единую, связанную историческими корнями группу, ведущую происхождение из одного географического района.

Индия с далеких времен имела связи с другими странами. Д. Дж. Е. Холл, например, указывает, что связи Индии и Юго-Восточной Азии, по всей вероятности, восходят к первым векам нашей эры. Индийские купцы и мореплаватели уже тогда посещали портовые города Юго-Востока Азии, в которых образовались небольшие поселения индийских торговцев⁵. К этому же времени относится проникновение в Юго-Восточную Азию индуистских и буддийских миссионеров. В ряде государств, возникших на Индокитайском полуострове и на островах Малайского архипелага, получили широкое распространение индийская религия, искусство и некоторые обычаи, а санскрит стал в них священным языком. Нельзя не упомянуть о том, что в этот период индийское влияние проявлялось в Юго-Восточной Азии преимущественно в культурной, а не в политической сфере⁶. Однако тогда эмиграция из Индии носила весьма ограниченный характер.

Эмиграция индийского населения в XIX в. была в первую очередь обусловлена социально-экономическими условиями, сложившимися в начале прошлого века в самой Индии. Эмиграция из Индии приняла массовый характер в результате разложения феодализма и общего экономического упадка. Эти процессы были значительно ускорены усилением эксплуатации Индии капиталистической Англией. Начиная с 30-х годов в Индии шел интенсивный процесс разложения общины, обезземеливания крестьянства и упадка ремесел, что вело к относительному аграрному перенаселению. Это, а также политическое бесправие трудящихся, хронические голодовки, переживаемые Индией с 1770 г.⁷, и кастовая система, запрещающая овладение некоторыми профессиями, традиционными для других каст, обусловили подвижность многих миллионов индийцев. Они любыми путями пытались найти средства к существованию, в том числе и за пределами своей родины. Экономическое положение подавляющего большинства индийских трудящихся было настолько тяжелым, что оно само по себе побуждало их к эмиграции.

В данной связи нельзя не указать на то, что некоторые зарубежные авторы, разбирая вопрос о причинах эмиграции индийского населения, недооценивают или вовсе игнорируют экономическое положение Индии. Так, К. Дэвис ошибочно полагает, что основными факторами, оказавшими влияние на эмиграцию индийцев, были законодательство в Индии и состояние экономики в странах иммиграции⁸. Нет особой необходимости подробно останавливаться на ошибочной точке зрения К. Дэвиса, так как совершенно очевидно, что такой сложный вопрос, как эмигра-

⁴ На Цейлоне, например, в 1953 г. только 5749 человек из числа индийских иммигрантов были пакистанцами, тогда как 984 327 человек были зарегистрированы как граждане Республики Индии. См. В. Н. Farmer, *Ceylon. A divided nation*, New York—London—Bombay, 1963, p. 4.

⁵ D. G. E. Hall, *A history of South-East Asia*, London, 1964, p. 12.

⁶ Ibid., p. 4.

⁷ C. Kondapi, *Indians overseas, 1838—1949*, New Delhi, 1951, p. 4.

⁸ K. Davis, *The population of India and Pakistan*, Princeton, 1951, p. 99.

ция из Индии, можно правильно понять, лишь исходя из совокупности социально-экономических условий, присущих самой Индии и тем странам, в которые был направлен поток индийской эмиграции. То, что некоторые страны были центрами притяжения индийских рабочих, несмотря на их географическую отдаленность от Индии, лишний раз свидетельствует о решающем значении социально-экономических условий, сложившихся в Индии и странах иммиграции.

Массовая эмиграция индийского населения началась в 30-х годах XIX в., когда в английских колониях, вовлеченных в орбиту мирового капиталистического рынка, было отменено рабство. Бывшие рабы отказывались работать, а стремительно развивающееся в колониях плантационное хозяйство нуждалось в дешевой рабочей силе, которую теперь не всегда возможно было найти на месте. Поэтому английские плантаторы обращались к колониальным властям Великобритании с просьбой разрешить им вербовать рабочую силу в Индии.

В обширной литературе, посвященной внешним миграциям индийского населения, приводятся различные даты о начале систематической эмиграции. К. Дэвис указывает 1834 г., т. е. следующий год после отмены рабства в английских колониях⁹. Индийский исследователь С. Кондапи, однако, считает, что организованная эмиграция индийцев началась только в 1839 г.¹⁰ М. Ж. Дюваль, занимавшийся исследованиями международных миграций еще в середине XIX в., писал, что первая партия индийских рабочих отправлена из Калькутты в 1815 г.¹¹ Вместе с тем следует отметить, что в ряд стран индийцы эмигрировали значительно позднее. Так, А. Майер сообщает, что на Фиджи первая партия индийских рабочих прибыла только в 1879 г.¹²

Мы не будем останавливаться на рассмотрении этого вопроса, так как сейчас нам важно подчеркнуть лишь тот факт, что с 30-х годов прошлого столетия количество эмигрантов из Индии неуклонно возросло. Об этом свидетельствуют следующие данные. С 1834 г. по 1937 г. число индийцев, эмигрировавших в различные страны, составило 30 191 тыс., а число «обратных переселенцев» за этот период достигло 23 941 тыс.¹³ Таким образом, миграционный баланс за 103 года составил 6250 тыс. человек. Однако в действительности точный учет эмиграции, и особенно реэмиграции, никогда не велся, поэтому приведенные выше данные, заимствованные нами у К. Дэвиса, имеют приблизительный характер. Сам К. Дэвис замечает, что приводимые им цифры, вероятно, завышены, поэтому он предполагает, что общий объем миграций, т. е. баланс эмиграции и реэмиграции, за указанный период не превышает 3,5—4 млн. человек¹⁴, что составляло не более 1% всего населения Индии. Видимо, эта цифра близка к реальной действительности, тем более что и С. Кондапи приводит примерно такие же данные¹⁵. Правда, надо иметь в виду, что его исчисление относится к несколько более позднему периоду (преимущественно к 1946—1948 гг.).

Основываясь на этих данных, можно констатировать, что число индийцев, эмигрировавших в другие страны, было значительно меньше,

⁹ Ibid.

¹⁰ C. Kondapi, *Indians overseas*, p. 5.

¹¹ M. J. Duval, *Histoire de l'émigration européenne, asiatique et africaine au XIX siècle; ses causes, ses caractères, ses effets*, Paris, 1862, p. 378.

¹² A. C. Mayer, *Peasant in the Pacific. A study of Fiji rural society*, Berkeley and Los Angeles, 1961, p. 1.

¹³ K. Davis, *The population of India and Pakistan*, p. 99.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ C. Kondapi, *Indians overseas*, pp. 527—528.

чем, например, эмигрантов-китайцев, которых в 1930-х годах насчитывалось 8—10 млн.¹⁶ Начиная с 1929 г. и вплоть до настоящего времени эмиграция из Индии резко замедлилась. На ее сокращение наряду с другими причинами сильное влияние оказал экономический кризис 1929—1933 гг. и вторая мировая война. В послевоенный период количество возвращающихся в Индию неизменно превышает число выезжающих из страны.

Число «обратных переселенцев» всегда было высоким, достигая 80% эмигрантов¹⁷, что является отличительной чертой внешних миграций населения Индии. Такой большой процент возвращающихся вызван рядом причин. Во-первых, большинство индийцев, не выдержав тяжелых условий труда в странах иммиграции, стремились вернуться на родину. Во-вторых, они почти повсеместно встречались с политикой расовой дискриминации, проводимой колонизаторами. Наконец, в-третьих, многие индийские рабочие ехали в некоторые страны на условиях краткосрочных контрактов и не были эмигрантами в буквальном смысле слова.

С другой стороны, нельзя не указать на то, что часть эмигрантов, вернувшихся в Индию после долгого пребывания за границей, были встречены в своих деревнях с неприязнью. Тогда многие шли в город, но, не найдя там работы, вынуждены были вновь отправиться в страны иммиграции. Так случилось в 1920-х годах с группой индийских рабочих, вернувшихся с о-вов Фиджи¹⁸.

Согласно данным, приводимым в ряде источников, численность индийцев, живущих за границей, определяется не более чем в 4,5 млн. человек¹⁹, из которых свыше 1,5 млн. приходится на страны Юго-Восточной Азии²⁰. Они сосредоточены большими компактными массами на Цейлоне, в Бирме, Малайе и Сингапуре, Южной и Восточной Африке, Гвиане, Тринидаде, а также на о-вах Фиджи и Маврикий. Кроме того, индийцев можно встретить почти в 50 странах, где их насчитывается от нескольких десятков тысяч (Индонезия, Ямайка, Таиланд и др.) до нескольких сот человек (Турция, Сирия, Израиль)²¹.

Страны с наибольшим количеством индийских иммигрантов, за исключением Южной Африки, лежат в зоне тропиков, где сильно развито плантационное хозяйство. В данной связи нельзя не подчеркнуть, что приток иммигрантов в эти страны был обусловлен не только сходными климатическими условиями, но и, как указывалось выше, экономическими причинами. Следует выделить такие страны, как Цейлон, Бирма, Малайя и Сингапур, где сосредоточено особенно много индийцев. История иммиграции индийцев в эту часть земного шара может быть предметом специального исследования. Поэтому мы отмечаем лишь некоторые моменты, благоприятствующие широкому использованию здесь труда индийских рабочих. Это — географическая близость Индии и упомянутых стран, интенсивное развитие таких экспортных сельскохозяйственных культур, как чай, каучук, рис и т. д., применение сезонной рабочей силы.

¹⁶ R. Mukerjee, *Migrant Asia*, Roma, 1936, p. 23, цит. по кн.: K. Davis, *The population of India and Pakistan*, p. 100.

¹⁷ K. Davis, *The population of India and Pakistan*, p. 100.

¹⁸ A. C. Mayer, *Indians in Fiji*, London—Melbourne—Bombay, 1963, p. 35.

¹⁹ «India. A reference annual, 1959», New Delhi, 1959, p. 48.

²⁰ S. B. Mookherji, *Indian minority in S. E. Asia*, — «Eastern World», vol. XIX, London, 1965, № 8/9, p. 14.

²¹ C. Kondapi, *Indians overseas*, pp. 527—528.

99,6% индийских эмигрантов²² поглощались колониями, входившими в состав Британской империи²³. Помимо английских владений индийцы эмигрировали во французские и голландские колонии. Отмена рабства во французских колониях в 1849 г. положила конец применению местной рабочей силы в сахарной промышленности на о-ве Реюньон и Антильских островах. Тогда французское правительство обратилось к английским колониальным властям за разрешением набирать рабочих в Индии. К 1851 г. на Реюньоне уже насчитывалось около 23 тыс. индийских рабочих²⁴. Голландия также ввозила индийских рабочих в свои колонии, в которых с 1863 г. было запрещено рабство²⁵. Заметим, что въезд индийцев во многие страны осуществлялся преимущественно водным путем. Их доставляли туда на переполненных пароходах, а на Цейлон они часто прибывали даже на самодельных лодках, совершенно не приспособленных для пассажирских перевозок. Приехавшим в порт Манаар индийским рабочим, обычно следовавшим в центральные районы Цейлона, затем приходилось идти пешком до Канди, покрывая расстояние в 250 км. Такой длинный путь изматывал людей. Кроме того, частые эпидемии холеры убивали людей прямо на дорогах.

Нельзя также не сказать о том, что горные барьеры и необжитые районы на многих участках индийской территории сильно затрудняли эмиграцию через сухопутные границы даже в соседние с Индией страны. Однако в Бирму попадали не только морским путем, но и по суше. Особенно это было характерно для района Аракан. Перед второй мировой войной от 20 до 40 тыс. индийских рабочих приходили в Акьяб из Читтагонга во время уборочных работ²⁶. Но это были сезонные рабочие, возвращающиеся в Индию после уборки урожая. Потому об этом районе можно говорить лишь в порядке исключения.

В настоящее время в некоторых странах индийские иммигранты образовали большинство или значительную часть их населения. Так, на о-ве Маврикий они уже в 1940 г. составляли 67% всего населения этой английской колонии²⁷. В 1961 г. индийцы были самой крупной по численности этнической группой и на о-вах Фиджи, где они составляли свыше 50% всего населения²⁸. Индийцы образуют почти половину населения Гвианы, где их было 296 770 человек из 602 600 всех жителей по оценочным данным за 1962 г.²⁹ На Цейлоне в 1961 г. насчитывалось 1052 тыс. индийских тамиллов и 49 тыс. индийских мавров из 10 168 тыс. жителей этой страны³⁰, т. е. 10%. В Малайзии и Сингапуре на конец 1962 г. было соответственно 831 132 и 142 900 индийцев, т. е. 11 и 8% всего населения этих стран³¹. В Бирме их число определяется в 800 тыс. человек³², т. е. значительно меньше, чем до начала второй мировой войны³³. Следует также отметить Тринидад и Тобаго, где в 1960 г. из

²² K. Davis, *The population of India and Pakistan*, p. 99.

²³ См. T. M. Campston, *A survey of Indian immigration to British tropical colonies to 1910*, — «Population studies», vol. 10, 1956, № 2.

²⁴ C. Kondapi, *Indians overseas*, p. 6.

²⁵ Ibid.

²⁶ E. H. Jacoby, *Agrarian unrest in Southeast Asia*, New York, 1949, p. 91.

²⁷ K. Davis, *The population of India and Pakistan*, p. 101.

²⁸ S. B. Mookherji, *The exodus of the overseas Indians*, — «Eastern World», vol. XVIII, London, 1964, № 11, p. 14.

²⁹ «The statesman's year-book, 1964—1965», New York, 1964, p. 150.

³⁰ Ibid., p. 461.

³¹ Ibid., pp. 493, 499.

³² S. B. Mookherji, *Indian minority in S. E. Asia*, p. 14.

³³ В 1931 г. число индийцев в Бирме определялось в 1 017 825 человек из 14 667 146 всех жителей. См. V. Thompson, *Labour problems in Southeast Asia*, New Haven, 1947, p. 35.

827 957 жителей насчитывалось 301 946 индийцев, т. е. 36% всего населения³⁴, и Южную Африку, где индийцев было 477 125 человек из 16 002 797 всех жителей³⁵. В странах Восточной Африки (Кения, Танганьика, Уганда, Занзибар) в послевоенное время проживало свыше 184 тыс. индийцев³⁶.

В США, Канаде, Австралии и некоторых других странах насчитывается всего лишь по несколько тысяч человек индийского происхождения, хотя эти страны считаются, как уже упоминалось, основными центрами применения эмигрантской рабочей силы³⁷. Въезд индийцев в эти страны искусственно ограничивался из-за расовой дискриминации. То же самое можно сказать и об Англии³⁸, где в послевоенные годы проживало не менее 10 тыс. индийцев³⁹. В странах Ближнего и Среднего Востока индийских эмигрантов очень мало, несмотря на географическую близость этого района к Индии.

В некоторых местах, где некогда проживало много индийцев, число их со временем уменьшилось. Так, в XIX в. индийцы наряду с китайцами, были ввезены на остров Мадагаскар для строительства железных дорог, где им пришлось работать в малярийных районах. Изнурительный труд и болезни уносили жизни тысяч рабочих. Поэтому те, кто выживал, стремились репатрироваться в Индию. К 1950 г. на Мадагаскаре насчитывалось не более 15 тыс. жителей индийского происхождения⁴⁰.

Для разъяснения вопроса о численности индийских иммигрантов следует прибавить, что они состоят из: а) лиц, сохраняющих гражданство Республики Индии, б) лиц, родившихся в Индии, но натурализовавшихся в странах иммиграции, в) лиц, родившихся в странах иммиграции, но ведущих свое происхождение из Индии. В ряде стран подавляющее большинство индийцев являются местными уроженцами: они принадлежат ко второму, третьему или даже к четвертому и пятому поколениям. Примером может служить Южная Африка, где 90% индийцев родились в этой стране⁴¹.

После этих общих сведений полезно рассмотреть достаточно сложный вопрос о миграционной «технике», т. е. совокупности приемов и организационных форм, получивших свое развитие в процессе миграций населения Индии. Понимание этого вопроса поможет более глубоко осмыслить самую суть природы внешних миграций индийского населения.

* * *

Условия найма, транспортировка, размещение индийцев по странам и распределение по различным отраслям хозяйства отличаются некоторым своеобразием. Это обусловливается помимо экономических факто-

³⁴ «The statesman's year book, 1964—1965», p. 538.

³⁵ Ibid., p. 1379.

³⁶ C. Kondapi, *Indians overseas*, p. 527.

³⁷ См. следующие работы, дающие представление о положении индийцев в перенаселенных странах: E. Chandrasekhar, *Indian emigration to America*, New Delhi, 1945; K. B. Kalyan, *East Indian immigration into America*, — «Modern Review», CXVI, 1964, № 5; H. S. Malic, *Indians in Canada*, — «A. I. C. C. Economic Review», 1956, № 4; A. T. Yarwood, *Asian migration to Australia: the Background to exclusion, 1896—1923*, Melbourne—London—New York, 1964, и другие работы.

³⁸ О положении индийцев в Англии см.: R. Desai, *Indian immigrants in Britain*, London, 1964; «Commonwealth immigrants in Britain», — «Commonwealth survey», vol. II, 1965, № 21.

³⁹ C. Kondapi, *Indians overseas*, p. 528.

⁴⁰ Ibid., p. 527.

⁴¹ «The Indian as a South African», Johannesburg, 1956, p. 73.

ров, историческими и национальными особенностями развития Индии. В связи с тем, что эмиграция из Индии прошла несколько стадий, менялись и методы миграционной «техники».

В первой и особенно во второй половине XIX в. широкое распространение получила долгосрочная кабальная контрактная система, т. е. скрытая форма принудительного труда. С. Кондапи, например, указывает, что она была близка к рабству или, в лучшем случае, ее можно охарактеризовать как полурабство⁴². Такого же мнения придерживается и другой индийский исследователь — М. Н. Чаттерджи, занимавшийся проблемой миграций индийского населения в Южную Африку⁴³. По сути дела кабальная контрактная система была чем-то средним между рабством и свободным трудом. Европейские колонизаторы называли индийских рабочих «кули», вкладывая в этот термин, как указывает цейлонский демограф Н. К. Саркар, пренебрежительный и оскорбительный для индийцев смысл⁴⁴. В проводившейся в 1881 г. на о-вах Фиджи переписи индийцев называли «кули», и только в 1891 г. их стали именовать в официальных документах «индийцами»⁴⁵.

С точки зрения юридической кабальная контрактная система базировалась на добровольно подписанном контракте. Документ этот, однако, не был обычным, так как он предполагал, что подписавший его рабочий лишается личной свободы не менее чем на три-пять лет. Во многих случаях человек, завербованный по кабальной контрактной системе, не имел представления о сроке. Плантаторы часто этим злоупотребляли. Нередко при этом подписавший контракт не знал также характера и условий труда, которым ему предстояло заниматься. Это значит, что уже при подписании контракта индеец становился жертвой обмана или насилия со стороны вербовщиков и предпринимателя⁴⁶. К. Дэвис совершенно справедливо замечает, что подобные контракты были лишь простой фикцией⁴⁷. Факты, приводимые в других работах, посвященных миграциям индийских трудящихся, наглядно это подтверждают. А. Майер пишет: «Агенты часто говорили доверчивым неграмотным крестьянам, что Фиджи — это место вблизи Калькутты»⁴⁸.

Предприниматели стремились выжать из рабочего все силы, оплачивая при этом его труд по самой низкой цене. Европейские плантаторы назначали из среды рабочих надсмотрщика — «сардара». Основная задача его состояла в том, чтобы следить за выполнением дневной нормы рабочими и поддерживать среди них порядок⁴⁹. В конце срока предприниматели старались возобновить соглашение, если рабочий был еще в состоянии работать, или избавиться от него, если он оказывался нетрудоспособным. В Южной Африке индеец должен был проработать не пять, а десять лет, прежде чем он мог вернуться на родину или получить клочок земли. Есть примеры, подтвержденные официальными документами, свидетельствующие, что людей задерживали даже после десятилетнего срока⁵⁰.

Гопал Кришна Гокхале — один из выдающихся политических лиде-

⁴² С. Kondapi, *Indians overseas*, p. 8.

⁴³ M. N. Chatterjee, *Auswanderung aus Indien. I. Auswanderung nach Südafrika*, Leipzig, 1931, S. 7.

⁴⁴ N. K. Sarkar, *The demography of Ceylon*, [S. 1.], 1957, p. 182.

⁴⁵ A. C. Mayer, *Indians in Fiji*, p. 17.

⁴⁶ M. N. Chatterjee, *Auswanderung aus Indien...*, S. 9.

⁴⁷ K. Davis, *The population of India and Pakistan*, p. 103.

⁴⁸ A. C. Mayer, *Indians in Fiji*, p. 14.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 5.

⁵⁰ «The Indian as a South African», p. 58.

ров Индии — в послании к Имперскому Законодательному Совету, говоря о положении индийских рабочих, так охарактеризовал основные черты кабальной контрактной системы: «...все те, кто был завербован, во-первых, обязывались ехать в отдаленную и неизвестную страну, языка, уклада жизни и обычаев которой они не знали и где у них не было ни друзей, ни родственников. Во-вторых, они обречены работать там на любого предпринимателя; к нему они попадали по жребию, они не знали его, а он их; права на выбор его у них не было. В-третьих, они обречены жить там в поместье предпринимателя, они не могут никуда уйти без специального разрешения и должны выполнять любое задание, возложенное на них, каким бы тяжелым оно ни было. В-четвертых, обязательство было на определенный срок — пять лет. В течение этого времени они не могут по своему желанию расторгнуть контракт и ни при каких условиях избежать трудностей, как бы они ни были невыносимы. В-пятых, они обречены в течение этого периода работать за гораздо более низкую заработную плату, чем заработная плата свободного рабочего, работающего рядом с ними. И шестое по счету, но не по важности, — это то, по моему мнению, самая отвратительная черта этой системы, — это то, что они должны подчиняться закону, написанному на непонятном для них языке и не объясненному им до того, как они покинули Индию. По этому закону их привлекают к уголовной ответственности за самые мелкие нарушения, касающиеся контрактов. На основании этого закона их могут заключить в тюрьму с тяжелым режимом труда на срок продолжительностью до двух, а в некоторых случаях до трех месяцев, и не только за обман, но и за халатность и за небрежность и... даже за дерзкое слово или жест хозяину или его надсмотрщику»⁵¹.

Следствием кабальной контрактной системы явилась диспропорция в половом соотношении в целом ряде стран, куда был направлен поток индийских мигрантов, хотя при ввозе законтрактованных рабочих условиями договора предусматривалось, что в каждой их партии должно быть определенное количество женщин. В первоначальный период эмиграции из Индии женщины составляли менее 30% эмигрантов. Поэтому в некоторых странах, например на о-вах Фиджи, стала процветать торговля женщинами и получила широкое распространение проституция. Это обстоятельство не могло не привлечь внимания индийских властей, стремившихся как-то урегулировать сложившееся ненормальное положение. Однако трудности с выездом женщин и даже жен и детей иммигрантов так и не были полностью разрешены.

Известия о тяжелом положении индийских рабочих, попавших во многие страны на основании кабальной контрактной системы, вскоре проникли не только на страницы английской печати, но и в Индию, где эта система стала особенно непопулярной после 1900-х годов. Индийские колониальные власти были вынуждены прибегнуть к некоторым законодательным мерам, чтобы ограничить эмиграцию по кабальной контрактной системе. Сокращению вывоза индийских рабочих по этой системе способствовало и то, что к началу XX в. в английских колониях все шире использовался труд коренных жителей и сезонных иммигрантов. Некоторое влияние оказал также и мировой экономический кризис, разразившийся в начале XX в., сильно подорвавший плантационное хозяйство в тропических странах, где работало подавляющее большинство индийских переселенцев.

В 1920 г. кабальная контрактная система была окончательно уничтожена. Но к этому времени получила развитие другая система найма

⁵¹ Цит. по кн.: K. Davis, *The population of India and Pakistan*, pp. 103—104.

индийских рабочих — система «кангани», т. е. «старшего рабочего» или «картельного старосты». Она была особенно характерна для близлежащих к Индии стран, в первую очередь для Цейлона. Название она получила от слова «кангани», что на тамильском языке означает «начальник», который был и вербовщиком и надсмотрщиком созданной им артели, как правило, состоящей из 25—30 человек. Кангани было невыгодно иметь артель с меньшим числом работающих, так как в этом случае ему самому пришлось бы работать.

Предприниматель или плантатор, выбрав из числа опытных рабочих кангани, посылал его в Индию для рекрутирования новых рабочих, обычно вербовавшихся в его родной деревне или в знакомом ему районе. Большую часть вновь завербованных составляли родственники, друзья или соседи кангани. Со временем, вместо того чтобы самому вербовать новых рабочих непосредственно на месте, кангани предпочитал это делать через своих родственников, оставшихся в Индии. Таким образом, рассматриваемая система носила в известной степени патриархальный характер, так как кангани часто был старшим членом своей семейной группы, в которой работали другие семьи из его собственной или соседних деревень. Причем эти чужие семейные группы также имели своего начальника, называемого «силара-кангани».

Набор рабочей силы по системе «кангани» способствовал концентрации в некоторых странах рабочих, ведущих происхождение из одних и тех же штатов, которые превращались в своеобразных поставщиков рабочей силы в определенные страны. В настоящее время среди индийцев, обосновавшихся в Юго-Восточной Азии, насчитывается много выходцев из таких штатов, как Уттар Прадеш, Гуджарат, Пенджаб, Мадрас и Андхра Прадеш, а также отошедшего после раздела Индии в 1947 г. к Пакистану Синда⁵². В Юго-Восточной Азии, за исключением Бирмы, очень мало мигрантов из Бенгалии; можно сказать, совершенно отсутствуют переселенцы из Бихара, Ассамы, Ориссы, Майсура, Кералы, Мадхья Прадеша и Раджастанана. Что касается Бирмы, то там, например, в 1931—1932 гг. более четверти всех индийских иммигрантов были из Восточной Бенгалии, особенно из района Читтагонга.

На Цейлоне преобладают в основном выходцы из южных штатов, особенно из Мадраса, а в Южной и Восточной Африке — из штатов Западной Индии, а также из Мадраса. Подавляющее большинство индийцев, эмигрировавших после 1920 г. на о-ва Фиджи, были мигрантами из Пенджаба и Гуджарата. В странах Карибского моря: в Гвиане, Тринидаде и Тобаго — насчитывается много уроженцев Уттар Прадеша, Бихара и Западной Бенгалии. На о-ве Маврикий можно встретить выходцев не только из Мадраса, Уттар Прадеша, Бихара, но и из Гуджарата, Махараштры и т. д.

Следует указать на то, что районы, в которых интенсивно проводилась вербовка рабочей силы, не оставались неизменными. Уже упоминавшийся нами А. Майер указывает, что в первоначальный период эмиграции из Индии основной центр тяжести приходился на провинции или районы Нижнегангской равнины (Бенгалию и Бихар). В то время в Центральной и Западной Индии рабочая сила почти не рекрутировалась. Однако затем главный центр набора рабочих стал передвигаться на северо-запад, особенно в штат Уттар Прадеш. Но к концу XIX в. вербовка в Северной Индии, натолкнувшись на некоторые трудности, переместилась в Южную Индию, где рекрутировались как тамилы, живущие

⁵² Те синдхи, которые по вероисповеданию не были мусульманами, после 1947 г. мигрировали из Пакистана в Индию.

в близлежащих к Мадрасу деревнях, так и жители из северных районов, где говорят на языке телугу, а также из Малабара на западном побережье Индии⁵³.

В отличие от контрактной системы кангани, как правило, заключал не письменный, а устный краткосрочный договор на срок обычно не более чем 30 дней. Он был обязан обеспечить вновь завербованных рабочих пищей, одеждой и проездом к месту работы. Кроме того, кангани мог оплачивать небольшие долги или оставить некоторые суммы денег их родственникам.

Кангани был по сути дела единственным посредником между завербованными им рабочими и предпринимателями и плантаторами. Он осуществлял финансирование своей артели, а также решал все вопросы бытового характера и даже семейные конфликты. В оплату за свои услуги кангани получал вознаграждение за каждого завербованного им рабочего и ежедневную компенсацию за всех рабочих, появившихся на работе. В дополнение к этому ему часто выплачивали фиксированную заработную плату и дополнительное вознаграждение⁵⁴. Завербованный кангани рабочий брал на себя обязательство выплатить в течение двух лет сумму, авансируемую ему на проезд к месту работы. По закону он имел право уйти из своей артели через 30 дней, но в действительности ему было практически невозможно подыскать другую работу, если он не оплатил свои долги, т. е. он надолго оказывался привязанным к своей артели, работавшей на определенного плантатора. Н. К. Саркар подчеркивает, что рабочий, завербованный кангани, часто оставался всю жизнь в долгу, особенно если учесть, что рабочие помимо предпринимателя оказывались еще и должниками ростовщиков⁵⁵. Следует отметить, что с течением времени долги рабочего не уменьшались, а наоборот, увеличивались. В немалой степени этому способствовала так называемая система «тунду», особенно распространенная на Цейлоне.

В тех случаях, когда управляющий плантацией видел, что у него оказывалось больше рабочих, чем ему требовалось, он выдавал письменное согласие — «тунду» — на увольнение определенного количества рабочих, которые должны были возместить сумму выданного им ранее аванса. Кангани подыскивал нового плантатора, получая у него более высокий аванс, чтобы рассчитаться со старым управляющим. Система «тунду» была выгодна кангани, но вела к увеличению долгов рабочего. Подобная практика способствовала обогащению кангани, должность которого со временем превратилась в наследственную. Некоторые кангани, особенно через одно-два поколения, сами становились собственниками земельных участков, обрабатываемых наемной рабочей силой.

Одной из разновидностей системы «кангани» была система «Майстри», на основании которой производился набор рабочих для Бирмы. Побудительным мотивом эмиграции в этом случае служили авансы, выдаваемые рабочему и становившиеся по приезду в Бирму неоплаченным долгом. Отличительной чертой этой системы является наличие целой армии посредников между рабочими и предпринимателями, а также многочисленные незаконные, помимо обусловленных условиями найма, вычеты из заработной платы рабочих.

Основной рабочей единицей в Бирме была артель (*Gang maistry*), состоявшая из 10—20 рабочих. Несколько таких артелей объединялись в свою очередь в группы (*Charge maistry*), из которых состояла вся

⁵³ A. C. Mayer, *Peasants in the Pacific*, p. 3.

⁵⁴ См.: K. Davis, *The population of India and Pakistan*, p. 104; C. Kondapi, *Indians overseas*, p. 30.

⁵⁵ N. K. Sarkar, *The demography of Ceylon*, p. 175.

производственная организация фирмы или компании (Head maistry). Кроме того, назначался управляющий (Labour contractor), под руководством которого осуществлялась вербовка рабочей силы и определялись условия найма. Управляющий был влиятельным человеком, располагавшим большими финансовыми средствами. Система, применяемая для набора рабочих в Бирму, строилась так, что «в действительности, — как замечает С. Кондапи, — рабочий был слугой своего вербовщика, а не плантаций или фирмы»⁵⁶. В данном случае наглядно проявляется фигура эксплуататора-посредника.

Хотя система «кангани» просуществовала до 1938 г., однако ее значение начало уменьшаться гораздо раньше. В конце 1920-х годов основной поток эмигрировавших из Индии состоял уже из незавербованных рабочих, покидавших страну с помощью Индийского иммиграционного комитета, учрежденного еще в 1907 г. Этот комитет оказывал эмигрантам не только финансовую поддержку, но и осуществлял общий контроль над ходом эмиграции из Индии. В 1934 г. число индийцев, въехавших без предварительной вербовки в Малайю, составило около 96% всего числа эмигрантов, тогда как в 1920 г. оно достигало всего лишь 12%⁵⁷. При оформлении выезда в Малайю незавербованные эмигранты обращались в трудовые бюро, созданные в городах Негапатаме и Авади, где после медицинского обследования, устанавливавшего работоспособность эмигранта, ему выдавали денежную сумму для оплаты проезда к месту назначения.

Часть индийских трудящихся въезжала в некоторые страны, особенно на Цейлон, не имея на то специального разрешения, т. е. в данном случае мы сталкиваемся с практикой так называемых незаконных выездов.

Разбирая вопрос о внешних миграциях населения Индии, нельзя не остановиться на эмиграции торговцев, коммерсантов, лавочников и финансовых дельцов, имевшей место наряду с эмиграцией рабочих. Они обычно располагали капиталом, позволявшим им развернуть торговую или финансовую деятельность. В качестве примера приведем четтиаров из Мадраса, марвари из Раджпутаны, банья из Соединенных провинций, патанов с Северо-Запада⁵⁸. Среди них насчитывается больше мусульман, чем в общей массе индийских эмигрантов, и много ростовщиков.

В годы массовой эмиграции, особенно в XIX в., колониальные власти Индии часто не имели надлежащей информации о положении эмигрантов, что было обусловлено как слабыми связями, так и отдаленностью многих стран иммиграции. Индийское правительство не могло иметь во всех странах своих постоянных иммиграционных представителей, и поэтому оно было вынуждено опираться лишь на доклады чиновников, специально посылавшихся в одну из стран с каким-либо заданием. Между тем, переселение больших масс индийского населения в другие страны выдвигало много сложных проблем.

Английское правительство вообще не считало нужным заниматься индийскими мигрантами. Что касается колониальной администрации Индии, то она была вынуждена не раз защищать права индийцев, разбросанных по разным странам. В центре внимания колониальной администрации стояли такие вопросы, как необоснованное уголовное преследование индийских рабочих со стороны предпринимателей и плантаторов, принуждение к возобновлению срока на основании кабальной конт-

⁵⁶ С. Kondapi, *Indians overseas*, p. 47.

⁵⁷ «Indians in Malayan economy», New Delhi, 1950, p. 24.

⁵⁸ K. Davis, *The population of India and Pakistan*, p. 105.

раковой системы, насильственная репатриация; запрещение повторного въезда в некоторые страны, диспропорция между числом мужчин и женщин и особенно расовая дискриминация индийцев. Она приостанавливала эмиграцию в любой район или применяла даже экономические санкции в отношении ряда стран.

Колониальной администрации Индии удалось в конце концов добиться того, что вербовку рабочих в Индии должен был проводить эмиграционный комиссар страны иммиграции. Он нес ответственность за все стадии вербовки, осуществляемой им от имени его страны или колонии. Он отвечал за информацию о своей стране и за инспекторов и агентов, непосредственно занимавшихся набором рабочих, т. е. лиц, посещавших индийские деревни, особенно в неурожайные годы, или вербовавших рабочих, скопившихся во время религиозных праздников в паломнических центрах. В портах погрузки эмигрантов назначался специальный чиновник (*Protector of emigrants*), который должен был выдавать каждому отъезжающему так называемое вербовочное удостоверение. Он выдавал его, если эмигрант имел на руках письменное разъяснение условий найма.

В некоторых странах, где расселились выходцы из Индии, особенно в Южной Африке, характерным явлением стала расовая дискриминация. Некоторые зарубежные авторы, в их числе К. Дэвис, разбирая этот вопрос, пытаются свести острую и сложную проблему расовой дискриминации лишь к неким культурным конфликтам⁵⁹. В действительности же это была преднамеренно проводимая английскими колонизаторами дискриминационная политика расовых ограничений по отношению к индийцам и другим народам британских колоний.

Контроль колониальных властей Индии за внешними миграциями был недостаточным. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что только в 1922 г. появился акт, разграничивший труд квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Лишь в 1923 г. было установлено, что лицам моложе 18 лет не оказывается помощь для выезда за границу, если они намеревались эмигрировать без родителей. В условиях колониального режима было трудно противостоять политике английских колонизаторов, позицию которых четко сформулировал Томас Хислоп: «Мы хотим видеть индийцев законтрактованными по кабальной системе вербовки, а не в качестве свободных людей»⁶⁰.

В свете приведенного выше материала видно, что формы внешних миграций населения Индии отличаются некоторым разнообразием. Так, например, в Малайю рабочие рекрутировались по кабальной контрактной системе, через кангани и на основании свободной иммиграции. Для Цейлона в основном характерна система «кангани», но широкое распространение получила и система «гунду» и т. д. Но, несмотря на различие миграционной техники, все виды внешних миграций индийских трудящихся осуществлялись в интересах капиталистических нанимателей, нещадно эксплуатировавших завербованных рабочих.

* * *

В настоящее время индийцы, живущие за границей, социально неоднородны. С одной стороны, они образуют многочисленные отряды рабочего класса, занятого в самых различных отраслях экономики. С другой стороны, среди них насчитывается довольно большое число ферме-

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Цит. по кн.: С. Kondapi, *Indians overseas*, p. 7.

ров и представителей мелкой буржуазии, а также лиц, занятых в сфере интеллигентного труда. На более высоких ступенях социальной лестницы буржуазного общества — в среде крупных капиталистов — индийцы представлены в небольшом числе. В некоторых странах сейчас образовалась довольно крупная прослойка средней буржуазии.

подавляющее большинство индийских рабочих-иммигрантов находит применение своему труду на плантациях и в самых различных отраслях промышленности, большей частью выполняя неквалифицированные и полуквалифицированные работы. Заслуживающих доверия источников, на основании которых можно было бы установить численность индийских рабочих-иммигрантов, в нашем распоряжении, к сожалению, не имеется. Поэтому сейчас мы ограничимся лишь отдельными примерами.

В 1954 г. в странах Юго-Восточной Азии рабочие составляли около 80% всех индийских иммигрантов⁶¹. В Малайе, например, индийцы служили основным резервом рабочей силы на каучуковых плантациях и в разнообразных отраслях промышленности. В Бирме индийцы преимущественно заняты на промышленных предприятиях, погрузочно-разгрузочных работах в портах, а также в сельском хозяйстве, охоте и рыболовстве. На Цейлоне индийцы составляют основную массу сельскохозяйственных рабочих, связанных с плантационным хозяйством⁶². В промышленности Цейлона индийцев работает сравнительно немного. На о-ве Тринидад индийцы сосредоточены в сельском хозяйстве, транспорте и в сфере обслуживания. В больших городах, только что перечисленных, а также в ряде других стран насчитывается довольно много индийских ремесленников (портных, парикмахеров, сапожников и т. д.) и лиц, занятых в сфере обслуживания. Процент квалифицированных специалистов среди индийских рабочих повсеместно невелик.

В Южной Африке, Гвиане и на о-вах Фиджи, Маврикий, Тринидад получила распространение культура сахарного тростника, а в связи с этим развилась и сахарная индустрия. Большинство индийских рабочих здесь заняты именно в этой отрасли, имеющей важное значение в экономической жизни этих стран. Индийцы внесли крупный вклад в развитие культуры риса в Бирме. На о-ве Занзибар они участвовали в работах по выращиванию гвоздики, идущей на экспорт, покрывающий 80% мирового спроса на этот вид пряностей⁶³.

Условия труда, с которыми пришлось столкнуться индийским рабочим, почти повсеместно были очень тяжелыми. Продолжительность рабочего дня по сути дела до недавнего времени не регулировалась. Так, например, в Бирме была установлена 60-часовая рабочая неделя; в Малайе работало по 9 часов в день, а в Британской Гвиане — до 18 часов⁶⁴. Однообразный труд без специальной защиты в условиях тропического климата был уделом большинства индийских рабочих. Плантаторы, особенно с конца XIX в., широко применяли «урочную» работу: за невыполнение нормы не только взыскивали штрафы, но и наказывали палками. Почти везде большой процент индийских рабочих подвергался наказанию за невыполнение рабочих норм. Из-за невыносимых условий труда в ряде стран, например в Гвиане, на Ямайке, Тринидаде,

⁶¹ V. Thompson and R. Adloff, *Minority problems in Southeast Asia*, Stanford, 1955, p. 59.

⁶² О распределении индийцев в плантационном хозяйстве Цейлона см.: С. Ф. де Сильва, *География Цейлона*, М., 1955, стр. 168.

⁶³ C. Kondapi, *Indians overseas*, p. 328.

⁶⁴ Ibid., p. 95.

наблюдался высокий процент самоубийств⁶⁵. Следует особо сказать о расистском характере экономической эксплуатации индийцев в такой стране, как Южно-Африканская Республика, где им платят меньше, чем белым, за выполнение равноценной работы в любой категории труда.

Только после окончания первой мировой войны были предприняты некоторые меры, направленные на улучшение условий труда индийских рабочих. В некоторых странах под давлением рабочего движения было принято трудовое законодательство. В ряде случаев индийские рабочие боролись за свои права совместно с коренным населением или с иммигрантами-рабочими из других стран, например китайцами в Малайе. Лишь благодаря выступлению рабочих происходило повышение заработной платы, некоторое улучшение условий труда (регулирование ночной работы для женщин и подростков, компенсация за увечье, распространяемая не только на промышленных, но и на сельскохозяйственных рабочих, и т. д.).

Некоторые зарубежные авторы, например Э. Джекоби, тем не менее утверждают, что трудовое законодательство создавалось якобы под влиянием идей, зародившихся в Англии, а также в Новой Зеландии⁶⁶. Об ошибочности подобных взглядов свидетельствует и вывод С. Кондапи, который подчеркивал, что законы о труде, регулировавшие условия труда индийских рабочих в Малайе и на о-вах Фиджи, Тринидад, Маврикий и Цейлон, были явно недостаточными, так как они не основывались на принципах современной экономики и стандарте жизни⁶⁷.

Во многих странах рабочие-индийцы не могли сколько-нибудь сносно существовать на получаемую ими заработную плату. Это относится к Бирме, Малайе и некоторым другим странам. Среди индийских рабочих в Бирме, Малайе и Сингапуре и т. д. наблюдается безработица, которая принимает значительные размеры, особенно после второй мировой войны, когда массы сельскохозяйственных рабочих, потеряв работу, двинулись в города, пополняя там и без того многочисленную армию безработных.

Тяжелые условия труда и низкий жизненный уровень индийских рабочих-эмигрантов были в значительной мере обусловлены тем, что они фактически вплоть до начала второй мировой войны были очень слабо организованы в профессиональном отношении и не имели связи с коренным населением страны иммиграции. В последнее время индийские рабочие принимают активное участие не только в политическом и экономическом движении, но и в борьбе против расовой дискриминации и ее социальных последствий в таких странах, как Южно-Африканская Республика.

Как уже упоминалось, в целом ряде стран индийские иммигранты образовали довольно большой слой мелких фермеров. В Южной Африке, Гвиане, на о-вах Фиджи, Маврикий часть индийцев, получив наделы, стали собственниками небольших земельных участков. В некоторых местах индийцы со временем даже сосредоточили в своих руках значительные земельные площади. В качестве примера сошлемся на положение, сложившееся на о-ве Маврикий, где к 1937 г. им принадлежало 64 525 акров, или 35,8% всей обрабатываемой земли⁶⁸.

Сравнительно небольшое число индийских иммигрантов занято в сфере интеллигентного труда, образуя прослойку конторских и государственных служащих, адвокатов, учителей, врачей и т. д. В последние

⁶⁵ Ibid., p. 27.

⁶⁶ См.: E. H. Jacoby, *Agrarian unrest in Southeast Asia*, p. 122.

⁶⁷ C. Kondapi, *Indians overseas*, p. 96.

⁶⁸ Ibid., p. 312.

десятилетия индийцы внесли свой вклад в формирование местной интеллигенции в таких странах, как Малайя, Тринидад, Тобаго и др.⁶⁹. Прежде индийцы занимали привилегированное положение в административной службе и полиции Бирмы. Достаточно указать на то, что там в 1931 г. из 1000 военнослужащих и полицейских 400 человек были лицами индийского происхождения и только 296 бирманцами⁷⁰. Однако уже в годы второй мировой войны доля индийцев в бирманской администрации начала быстро снижаться. Довольно большое число индийцев было также сосредоточено в правительственных учреждениях и в управленческом аппарате частных фирм Цейлона.

Сейчас значительно сократилось число представителей индийской буржуазии по сравнению с периодом до второй мировой войны. Особенно это характерно для прослойки ростовщиков, оказывавших сильное влияние на финансы и экономику некоторых стран. Как правило, ростовщики происходили из торгово-ростовщических каст, в недрах которых формировалась буржуазия в самой Индии⁷¹.

Явлением, характерным для индийских ростовщических кругов, оказались четтиары — члены торгово-ростовщических каст Мадраса. Поэтому мы кратко остановимся на их деятельности в Бирме. Следует отметить их гибкую организацию и почти неограниченные кредиты, которыми четтиары располагали благодаря тесной и многолетней связи с крупными английскими банками, а также отличное знание местных условий. Это позволяло им подавлять своих конкурентов и монополизировать в некоторых районах Бирмы всю банковскую систему, а также скупать огромные земельные площади. Только в 1930 г. четтиары инвестировали в производство риса в Нижней Бирме 500 млн. рупий (190 млн. долл.)⁷². В последующие годы их капиталовложения еще более возросли. В результате этого к 1936 г. четтиары владели 2,5 млн. акров рисовых полей в Нижней Бирме⁷³.

Однако, несмотря на огромные капиталовложения, кредитная система четтиаров не могла быть экономически эффективной для развития бирманского сельского хозяйства, так как она имела целью не развитие сельскохозяйственного производства, а получение стабильных и высоких доходов. Естественно, концентрация земли в руках четтиаров и эксплуатация ими крестьянских масс вызывали неприязнь не только бирманского населения, но и эксплуатируемых ими индийских мелких собственников земли, осевших в Бирме.

Сильны были позиции четтиаров, особенно в период второй мировой войны, в Малайе и Сингапуре. В 1940 г. в Сингапуре насчитывалось около 50 крупных фирм, принадлежавших четтиарам, с общим капиталом в 30—40 млн. долл.⁷⁴, не считая оперировавших там многочисленных мелких ростовщиков. Четтиары сумели взять под свой контроль большие земельные площади и на Цейлоне преимущественно в период 1930—1936 гг.⁷⁵. В Юго-Восточной Азии, Восточной Африке и в других странах отношение к четтиарам резко отрицательное. Поэтому, например, на Занзибаре сразу же после завоевания независимости правительство и Революционный совет осуществили важные экономические рефор-

⁶⁹ См.: S. W. Jones, *Public administration in Malaya*, London, New York, 1953, p. 4; А. Д. Дридзе, *Индийцы острова Тринидад*, стр. 99.

⁷⁰ «Census of India», 1931. Chapter VIII. Subsidiary table VII-B, p. 115. Цит. по кн.: Е. Н. Jacoby, *Agrarian unrest in Southeast Asia*, p. 95.

⁷¹ См. В. И. Павлов, *Формирование индийской буржуазии*, М., 1958, стр. 146.

⁷² F. H. Jacoby, *Agrarian unrest in Southeast Asia*, p. 72.

⁷³ Ibid., p. 83.

⁷⁴ V. Thompson and R. Adloff, *Minority problems in Southeast Asia*, p. 108.

⁷⁵ N. K. Sarkar, *The demography of Ceylon*, p. 185.

мы, которые привели к заметному ослаблению позиций ростовщических кругов индийской буржуазии, в прошлом поддерживавших проколонизаторский режим ⁷⁶.

Бедственное социально-экономическое положение подавляющей массы индийских мигрантов наложило отпечаток и на уровень грамотности. Подавляющее большинство их не имели никакого образования, так как плантаторов и предпринимателей вполне устраивали неграмотные рабочие. Только в конце XIX в. колониальные власти разрешили открывать для них школы, часто контролируемые христианской церковью. Поступление в английские школы для индийцев было почти невозможно. Но по мере увеличения численности индийских иммигрантов и в результате их упорной борьбы за свои права, в том числе и за получение образования, в ряде стран, особенно в Малайе, открывались индийские общеобразовательные школы, финансируемые местными правительствами. К 1955 г. в Малайе функционировало 898, а в Сингапуре 21 такая школа со штатом учителей соответственно 1648 и 49 человек ⁷⁷.

Индийский эмигрант и его семья почти постоянно страдали от хронического недоедания ⁷⁸.

На материальные условия жизни индийских иммигрантов сильный отпечаток накладывает процесс урбанизации. Но вместе с тем многие положительные стороны городского быта, например в Южной Африке ими не усваиваются из-за расовой дискриминации и сегрегации.

При любой серьезной попытке разобраться в процессе внешней миграции населения Индии, разумеется, нельзя обойти проблемы ассимиляции индийцев, которая заслуживает специального рассмотрения. Прежде всего следует отметить, что многие исследователи этого вопроса указывают на то, что индийцы в очень незначительной степени ассимилируются с коренными жителями или с другими иммигрантами, образуя отдельные общины со специфической религией и культурными формами. Это обусловлено социальными, религиозными, культурными, а в определенной степени и политическими особенностями развития Индии и стран иммиграции. Необыкновенная сложность ассимиляции для индийцев объясняется многими особенностями в языке, обычаях, пище, брачных институтах индийцев.

Примером, иллюстрирующим религиозную принадлежность индийских иммигрантов, может служить Южная Африка, где индуисты составляют около 70% всего индийского населения, а остальные являются в основном мусульманами (16%) и христианами (6%) ⁷⁹. Сильны и языковые различия в среде южноафриканских индийцев, говорящих на языках дравидской семьи языков (тамилский и телугу) и индоевропейской семьи языков (гуджаратский и хиндустани). Однако, несмотря на различия, имеется много общих черт, присущих индийцам, в первую очередь в таком важном институте, как семья ⁸⁰.

В настоящее время полигамия, можно сказать, не распространена и осуждается во всех слоях индийских иммигрантов, хотя она и не запрещена традиционным кодом индуизма и заповедями корана. Среди консервативной части индуистов полигамия допускается тогда, когда первая жена бесплодна или у нее нет сына. Однако в таких случаях стало обычаем брать на воспитание сына, а не вводить в дом вторую жену.

⁷⁶ S. B. Mookherji, *The exodus of the overseas Indians*, p. 14.

⁷⁷ N. Ginsburg and C. F. Roberts Jr., *Malaya*, Seattle, 1958, p. 346.

⁷⁸ E. H. Jacoby, *Agrarian unrest in Southeast Asia*, p. 130.

⁷⁹ «The Indian as a South African», p. 15.

⁸⁰ Ibid., p. 14.

Обратимся к некоторым конкретным данным на этот счет. Так, в г. Дурбане в Южно-Африканском Союзе из 600 семей, исповедующих индуизм, только в четырех оказались две жены, причем вторые жены не были зарегистрированы и не имели законного статуса⁸¹. Следует указать на то, что детские браки стали редкостью, число разводов небольшое, браки устойчивы, количество холостяков и незамужних среди индийских иммигрантов незначительно.

Во многих случаях под влиянием новых условий жизни индийские иммигранты отходят от старых национальных обычаев и традиционного жизненного уклада, строго соблюдающегося в самой Индии. Это относится не только к материальной стороне быта индийцев, где изменения более или менее легко прослеживаются. Это проявляется также и в кастовой системе. Традиционная кастовая структура претерпевает серьезные изменения. Ее разрушение началось еще в первые годы эмиграции из Индии, когда законтрактованных рабочих заставляли совместно работать на плантациях независимо от их кастовой принадлежности. В капиталистических странах в силу законов, действующих в современной экономике, выбор профессии уже не может регулироваться кастовыми традициями. То же самое можно сказать и об обычае принимать пищу только в обществе людей своей касты. Следует указать лишь на стойкость кастовой эндогамии, т. е. регулирования брачных норм в соответствии с принадлежностью к определенной касте.

Почти повсеместно наблюдается отход от национальной религии и принятие христианства, особенно среди представителей низших каст. В некоторых странах, например в Вест-Индии, запрещается сжигать трупы умерших, что оказало влияние и на изменение похоронных обрядов. В ряде стран часть индийских иммигрантов утрачивает свой родной язык, что наряду с принятием христианства накладывает отпечаток и на их имена. Так, например, на о-ве Тринидад сейчас насчитывается уже немало индийцев, носящих чисто английские имена⁸².

Индийские мигранты почти повсеместно слабо организованы как национальная группа. Их разобщенность обусловливается различием места рождения, религией и кастовой принадлежностью. С точки зрения организации и финансового положения они значительно уступают, например, китайским иммигрантам⁸³. Слабость организационных форм вызвана во многих случаях тем, что индийцы не проявляют желания поселяться постоянно в странах, где они живут в течение ряда лет, а иногда и целых поколений. Это в известной мере можно объяснить тем, что индийские иммигранты полны оптимистических воззрений насчет будущего Индии. Поэтому они часто (хотя и не везде) не хотят отказываться от индийского подданства и принимать гражданство стран, в которые они иммигрировали.

Сложное внутреннее положение, сложившееся в ряде стран, особенно проживание компактными массами обособленно от коренного населения, с которым часто не поддерживается никакого социального контакта, также способствует отсутствию стремления к смене гражданства. Некоторые индийские авторы, например С. Б. Мукерджи, подчеркивают и тот факт, что индийцы непопулярны во многих странах. Это объясняется тем, что индийцы часто появлялись в стране вслед за колонизаторами. Поэтому в ряде случаев на них смотрят как на коллаборационистов —

⁸¹ Ibid., p. 17.

⁸² См. D. J. Crowley. *Plural and differential acculturation in Trinidad*, — «American Anthropologists», vol. 59, 1957, № 5, p. 821.

⁸³ По этому вопросу см. S. B. Mookherji, *Indian minority in S. E. Asia*, pp. 14—15.

иностранных захватчиков⁸⁴, хотя в действительности основная масса индийских иммигрантов подвергалась, подобно коренным жителям, самой жестокой и беззастенчивой эксплуатации и расовой дискриминации.

В настоящее время условия, в которых находятся индийские иммигранты, далеки от того, чтобы их можно было считать удовлетворительными. Отношение к ним со стороны некоторых правительств оставляет желать много лучшего. Остро стоит проблема гражданства, которая до получения Индией независимости не была столь злободневной для ее подданных, проживавших в доминионах и колониях Британского содружества наций. На основании действовавших тогда законов население английских колоний и доминионов имело право на получение британского подданства. В настоящее время положение изменилось, потому что Индия, Пакистан, Цейлон, Малайя стали независимыми государствами, а Бирма даже вышла из стран Британского содружества наций. В силу этих обстоятельств свободная Индия не могла не столкнуться с проблемой индийцев, живущих за границей⁸⁵.

Политика индийского правительства по отношению к своим эмигрантам сводится к тому, чтобы они принимали гражданство и подчиняли свои интересы общим интересам стран иммиграции. Подобная позиция определяется в немалой степени тем, что сейчас индийское правительство вынуждено заниматься проблемой переселенцев из Пакистана, которая сопряжена с немалыми финансово-экономическими трудностями. Если к миллионам беженцев из Пакистана будут добавлены индийцы, репатрируемые из других стран, то это может еще более усугубить трудности, стоящие перед Индией в связи с устройством репатриантов.

В настоящее время индийские мигранты должны сделать выбор относительно гражданства. Индийское правительство стремится избежать двойного подданства, которое, как известно из практики международного права, часто вызывает довольно серьезные осложнения между странами. Если иммигрант желает сохранить индийское подданство, то он не может рассчитывать на какие-либо привилегии в стране его проживания; его права должны быть ограничены точно так же, как и права других иностранцев. Правительство Индии обязуется следить за тем, чтобы с индийскими гражданами обращались не хуже, чем с другими иностранцами. В случае нарушения индийцами законов стран иммиграции они не могут рассчитывать на защиту со стороны правительства Индии.

Нельзя не отметить и национальный антагонизм между индийскими иммигрантами и коренным населением. К сожалению, он существует в ряде стран. Нужно, однако, подчеркнуть, что в тех странах, которые раньше были английскими колониями, антагонизм возник в результате колониального господства Англии и проводимой ею традиционной политики «разделяй и властвуй». Так, например, Г. Мендис, исследуя историю Цейлона, указывает, что в этой стране среди народных масс различных национальностей не было вражды на национальной, социальной и религиозной почве до прихода английских колонизаторов⁸⁶. Наряду с этим приходится констатировать, что положение индийцев в некоторых странах, получивших независимость, стало одним из самых острых политических вопросов. Особенно это относится к Бирме, Цейлону, Занзибару и Фиджи.

По некоторым оценочным данным, только в 1964 г. не менее 80 тыс., т. е. более 11% всех индийцев, живущих в Бирме, зарегистрировались в

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ См. J. S. Bains, *India's international disputes, A legal study*, London, 1962.

⁸⁶ G. C. Mendis, *Ceylon today and yesterday. Main currents of Ceylon history*, Colombo, 1957, p. 134.

индийском посольстве в Рангуне для репатриации в Индию⁸⁷. Более того, число желающих вернуться в Индию непрерывно возрастает, что создает серьезную проблему для индийского правительства, обязавшегося обеспечить суда для перевозки своих граждан. Индийцы, покидающие Бирму, обязаны депонировать все свои денежные средства и ценности в Банк Бирмы. Их возвращение владельцам в будущем будет предметом специальных переговоров между правительствами Индии и Бирмы.

Выше уже упоминалось о начавшейся репатриации индийцев с Занзибара. Следует сказать о трудном положении, складывающемся для индийцев на о-вах Фиджи. Индийская крестьянская ассоциация Фиджи, например, телеграфировала в 1964 г. генеральному секретарю ООН У Тану, что 80 тыс. индийцев вынуждены будут покинуть Фиджи в силу их неустойчивого положения⁸⁸. В данном случае основным фактором, влияющим на реэмиграцию индийцев с Фиджи, служат противоречия, возникшие между индийцами и англичанами, стремящимися сохранить свое господство и боящимися их конкуренции в экономике.

На Цейлоне около 650 тыс. индийцев объявлено «бесподданными» или «нелегальными иммигрантами»⁸⁹. В последние годы из этой страны под различными предлогами уже депортировано в Индию свыше 90 тыс. человек⁹⁰. Следует кратко остановиться и на позиции Цейлона в этом вопросе, история которого началась с 1948 г. — с момента получения Цейлоном независимости⁹¹. Правительство Цейлона определило срок репатриации в 15 лет, в течение которых 300 тыс. индийцев должны получить цейлонское подданство. Кроме того, оно обязалось обеспечить нормальные условия жизни индийцев и сохранить за ними выполняемую ими работу. Таким образом, непосредственное разрешение проблемы индийцев, живущих на Цейлоне, отложено, хотя и определены общие пути ее решения. Сейчас пока еще трудно судить о том, как она будет окончательно осуществлена.

Здесь мы еще раз хотим подчеркнуть, что в рамках настоящей работы нельзя дать всесторонний анализ политического статуса индийских иммигрантов, так как это возможно произвести лишь на примере отдельных стран с учетом реально сложившейся в них обстановки. По приведенным нами фактам можно судить о крупном вкладе индийских иммигрантов в экономическое развитие целого ряда стран. Поэтому можно с достаточным основанием утверждать, что было бы несправедливо пытаться вынудить их вернуться в Индию путем принудительной репатриации, которую, кроме того, весьма трудно осуществить. С другой стороны, нельзя забывать и то, что массовый выезд индийцев из таких стран, как Цейлон, Южно-Африканская Республика, и других, страдающих от нехватки рабочей силы в некоторых отраслях промышленности и сельского хозяйства, не будет отвечать интересам их экономики. Трезвый подход к этому вопросу, основанный на тщательном учете интересов самих индийцев и стран иммиграции, может помочь избежать не только ненужных человеческих страданий, но и острых политических конфликтов.

Таковы лишь некоторые контуры затронутой нами проблемы, полное и всестороннее раскрытие которой еще ждет своего исследования.

⁸⁷ S. B. Mookherji, *The exodus of the overseas Indians*, p. 13.

⁸⁸ Ibid., p. 14.

⁸⁹ Ibid., p. 15.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Некоторые данные о национальном вопросе на Цейлоне содержатся в статье: A. Sievers, *Die Völkischen Spannungen in Ceylon und ihre Grundlagen*, — «Geographische Rundschau», 14, Jahrgang 1964, № 9.

Ю. В. Маретин

ПО ПОВОДУ ИНДИЙСКИХ ВЛИЯНИЙ В БАЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Из населяющих Индонезию — «страну трех тысяч островов» — многочисленных народов балийцы — жители небольшого о-ва Бали — обладают наиболее яркой культурой. Недаром индонезийцы называют Бали «жемчужиной из жемчужин Индонезии». Культура балийцев представляет собой одно из удивительных и уникальных творений человеческого гения. Будучи индонезийской, эта культура в то же время несет в себе столько индийского, связанного в первую очередь с индуизмом, что многие исследователи индийской культуры называют Бали «музеем средневековой Индии».

Расположенный к востоку от Явы и отделенный от нее нешироким, в самой узкой части не превышающим двух километров, проливом о-в Бали имеет площадь всего 5621 кв. км. На этом острове сейчас живет более 2 млн. человек, в абсолютном большинстве балийцы. Основное занятие населения — земледелие (заливное рисоводство) и животноводство; очень высоко развиты различные ремесла и искусства¹. Балийцы, единственный из крупных народов Индонезии, исповедуют своеобразную разновидность индуизма, сохраняя в то же время в религии многие доиндустские представления и ритуалы.

Изучение проблем, связанных с культурой балийцев, имеет значение не только для понимания особенностей культурного и исторического развития одного из народов Индонезии. Бали — это тот уголок Малайского архипелага, где встретились две великие культуры — индонезийская и индийская, породив новую, неповторимую в своем своеобразии культуру, которую в большинстве случаев называют индо-балийской. Следовательно, изучение культуры Бали дает также возможность индологам проследить, как распространялась индийская культура, какие ее элементы усваивались наиболее полно, как и в какой степени эти элементы трансформировались на местной почве. Кроме того, для историков культуры и социологов представляет несомненный интерес изучение конкретного материала о контакте двух оригинальных культур.

В связи с выходом в свет книги Л. М. Демина «Остров Бали», в какой-то мере восполняющей пробел в наших представлениях о культуре балийцев, уместно рассмотреть весь комплекс проблем, связанных с

¹ См. *экономико-географический очерк Бали* в кн.: I Gusti Gde Raka, *Monografi Pulau Bali*, Djakarta, 1950.

так называемой индо-балийской культурой. В своей книге Л. М. Демин освещает важнейшие вопросы политической истории балийцев, касается их религии, искусства, отчасти этнографии. Основное внимание автор уделяет освещению духовной культуры балийцев: религии балийцев и их искусству посвящены пять глав из семи и значительная часть «Введения» и «Заключения»². Из многих частных вопросов, связанных с культурой балийцев и затронутых в той или иной степени в данной книге, нас привлекла одна общая проблема — проблема характера индо-балийской культуры и путей ее возникновения. Не ставя перед собой задачу рецензировать эту книгу, мы остановимся на вопросе о роли индийской культуры в становлении культуры балийской³.

Проблема взаимодействия индийских и индонезийских элементов в индонезийской культуре, в том числе и в культуре Бали, где индийские влияния проявляются особенно отчетливо, — одна из коренных в истории культуры Индонезии. В буржуазной науке распространены различные теории о несамостоятельном характере индонезийской культуры. Основную роль в ее формировании большинство ученых отводили на ранних этапах истории Индонезии индийским, а на более поздних — арабским и европейским влияниям. При этом изучение внешних влияний, в частности индийских, стало содержанием работ многих ученых, тогда как изучение самого индонезийского общества и основ его культуры отступало на задний план или вообще выпадало из поля зрения историков и искусствоведов.

Так, некоторые ученые приписывали индийцам распространение в Индонезии (и в других странах Юго-Восточной Азии) не только религий — буддизма и индуизма, а также письменности, сюжетов индийского эпоса, что является вполне справедливым, но и многих элементов материальной культуры и даже решающую роль в формировании общинной структуры и «насаждении» государств. Крайнее выражение концепция «индийской колонизации» нашла в теории «военного завоевания». Наибольшее же распространение получила теория «мирного проникновения» индийцев — как купцов, так и религиозных проповедников⁴. Среди индийских ученых теория «индийской колонизации» имеет множество сто-

² Л. М. Демин, *Остров Бали*, М., 1964, 304 стр. — Ранее Л. М. Демин посвятил культуре балийцев четыре главы своей книги «Южнее экватора» (Л. М. Демин, *Южнее экватора*, М., 1961, стр. 185—228, гл. XXI—XXIV). Материал книги разбит на следующие главы: Введение (стр. 3—13), гл. I — «История острова» (стр. 14—81), гл. II — «Социальные отношения» (стр. 82—122), гл. III — «Религия» (стр. 123—161), гл. IV — «Селения и храмы» (стр. 162—192), гл. V — «Обряды, связанные с жизнью и смертью балийца» (стр. 193—216), гл. VI — «Музыка, танцы, театральное искусство» (стр. 217—256), гл. VII — «Ремесло, прикладное и изобразительное искусство» (стр. 257—294), Заключение (стр. 295—298).

³ Несмотря на то что нам придется в значительной мере оперировать фактами, собранными Л. М. Деминим, мы избегаем частых ссылок на его книгу и потому, что некоторые факты являются общезвестными среди специалистов, и для того, чтобы не загромождать текст.

⁴ Сторонниками теории «индийской колонизации» являются почти все европейские ученые XIX в. (Т. Раффлз, Д. Кроуфорд, Й. Керн и др.), значительное число европейских ученых XX в. (Н. Кром, Г. Руффар, Г. Ферран, Й. Мунс, К. Шнитгер и др.; в небольшой степени это относится и к таким видным ученым, как Р. Хайне-Гелдерн и Ж. Кёдэ), большинство индийских ученых нашего столетия, в том числе и работающих в наши дни (Р. Мукерджи, О. Канголи, Б. Чаттерджи, А. Кумарасвами, Р. Маджумдар, Б. Чхабра, К. А. Састри, К. Паниккар, Б. Луния и др.). Для работ названных авторов характерно отсутствие интереса к общественной и экономической истории Индонезии, изложение ее политической истории вне рамок всемирной истории, а также рассмотрение преимущественно яванской культуры и истории, а не культуры и истории всех народов, населяющих Индонезию, — т. е. в них отсутствует сама концепция индонезийской культуры.

ронников и по сей день⁵. Очевидно, подобные взгляды в их крайних проявлениях уязвимы для самой разносторонней критики, и прежде всего с методологической стороны.

Материалы, накопленные за последние десятилетия, позволяют критически пересмотреть теорию «индийской колонизации» архипелага. Начиная с 20-х годов нашего века многие ученые на Западе пришли к пониманию необходимости изучать прежде всего развитие самого индонезийского общества⁶. Этот подход постепенно становится преобладающим.

Развивающаяся историческая наука в Республике Индонезии стремится показать развитие индонезийской культуры как национальной, имеющей свои характерные традиционные черты. Этой теме посвящены работы историков М. Ямина, Р. Сучипто Вирьосупарто, Суджатмоко, Войовасито, этнографа Д. Авз, археолога Р. Сукмоно.

Вопрос о правильном освещении роли индийской культуры в формировании культуры ряда народов Юго-Восточной Азии был поставлен в последнее время и в советской литературе на примере культурных связей Индии с Таиландом⁷, Малайей⁸, Бирмой⁹, Камбоджей¹⁰ и Индонезией¹¹.

Процессы и результаты взаимодействия индийских и индонезийских элементов можно во всех деталях проследить там, где соприкосновение двух культур было особенно полным, — на о-ве Бали. В своей книге о Бали Л. М. Демин правильно освещает эту проблему в целом. Автор показывает, что культура балийцев не явилась результатом некоего культуртрегерского акта древних индийских завоевателей или переселенцев, а самостоятельно развивалась в течение веков, впитывая разнообразие внешние влияния, среди которых важнейшими оказались влияния из Индии. В общих чертах балийская культура сложилась к концу XVI в. (стр. 9).

Что послужило стимулом к восприятию многих элементов культуры Индии? Отвечая на этот вопрос, Л. М. Демин пишет, что в условиях распада первобытнообщинных отношений и начавшегося формирования раннеклассовых государств возникающее феодальное общество нуждалось в новой идеологии. Идеологией такого общества является в первую очередь религия. Автор, таким образом, связывает проникновение индийских религий в Индонезию, в частности на Бали, со становлением

⁵ См., например, R. C. Majumdar, *Hindu colonies in the Far East*, 2nd ed., rev. enl., Calcutta, 1963.

⁶ Это голландские ученые Ф. Бос, В. Рассерс, В. Стюттерхейм, П. ван Стайн Калленфелс, Б. Схрике, И. ван Лёр, заслуги которого особенно велики, К. Берг, В. Вертхейм, И. де Каспарис, Г. Ресинк; английские ученые Д. Холл, Х. Кворич Уэлз, К. Трегониинг; мексиканский ученый М. Коваррубиас, американский ученый Ю. ван дер Круф, индонезийский ученый старшего поколения Р. Пурбачарака.

⁷ Э. О. Берзин, *К вопросу о формировании культуры Таиланда*, — «Вестник истории мировой культуры» (далее — ВИМК), 1958, № 5.

⁸ В. А. Тюрин, *К вопросу об истоках малайской культуры*, — ВИМК, 1959, № 3.

⁹ И. В. Можейко, *Зарождение и истоки бирманской культуры*, — ВИМК, 1961, № 1.

¹⁰ Л. А. Седов, *К вопросу о варнах в Ангкорской Камбодже (IX—XII вв.)*, — сб. «Касты в Индии», М., 1965. См. также: Ю. Д. Лебедев, *Фулан и начало истории Камбоджи*, — «Советская этнография» (далее — СЭ), 1956, № 4; Ю. В. Лебедев, *Ангкор Великий* — ВИМК, 1957, № 3.

¹¹ Ю. А. Сотников, *Колониальная политика Голландии и аграрные отношения в Индонезии (автореф. дисс.)*, М., 1958, стр. 6; Ю. В. Маретин, Реч. на: D. Woodman, *The Republic of Indonesia*, London, 1955, — СЭ, 1958, № 6, стр. 175; Ю. В. Маретин, *Самобытность индонезийской культуры и индийские влияния*, — «Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии», Л., 1964; Н. А. Симония, *Буржуазия и формирование нации в Индонезии*, М., 1964, стр. 8, прим. 3; С. А. Маретина, *Трансформация индийских варн на острове Бали*, — сб. «Касты в Индии», М., 1965.

феодализма и со стремлением феодальных правителей использовать эти религии в качестве идеологического оружия в борьбе за упрочение своего господства (стр. 22, 124). Автор строит собственную схему периодизации развития балийского общества, стремясь привлечь во внимание весь комплекс социально-экономических и исторических факторов, внешних культурных влияний и связей и констатирует решающее значение культурных связей с Явой, через которую в основном и проникали на Бали индийские влияния (стр. 8).

Обычно, говоря о распространении индийской культуры на Бали, ссылаются на религию, обряды жизненного цикла, искусство, некоторые элементы социальной организации (например, так называемые балийские касты, а в прошлом — на особое, граничащее с обожествлением почитание раджей), ибо именно здесь влияние Индии выступает наиболее ярко.

Однако последовательный анализ этих различных явлений показывает, что на Бали произошло оригинальнейшее слияние местной основы с привнесенными извне элементами.

В подавляющем большинстве работ о Бали религия балийцев определяется как индо-балийская или просто как индуистская. В целом Л. М. Демин разделяет эти взгляды, он пишет: «Религия Бали заимствовала основной пантеон богов из индуизма» (стр. 126). Далее он дает характеристику этого пантеона. Л. М. Демин отмечает, что большую роль в религии балийцев играет вера в переселение душ, и указывает на некоторые другие черты, характерные для индуизма или — реже — буддизма.

К сожалению, автор не показывает, какой вид принял индуистский пантеон на Бали, какие трансформации он претерпел за время своего существования на этом острове. Более того, может сложиться впечатление, что именно тот собственно индуистский пантеон, который охарактеризован автором (стр. 126), и существует на Бали. Между тем индуистские боги на балийской почве претерпели значительные изменения¹². Например, Вишну на Бали — это не олицетворение вечно живой природы, не символ сохранения сущего, а младший брат Шивы и одновременно бог вод и владыка подземного мира¹³. Сама божественная триада (тримурти), т. е. Брахма, Вишну и Шива, на Бали перестала быть таковой, ибо культ Шивы на Бали «поглотил культы всех других индуистских богов. Шиве отданы все их имена и атрибуты. Вишну и других богов балийцы признают, но считают их лишь воплощениями Шивы. Но и культ Шивы на Бали в значительной степени остается достоянием высших классов. Народ же в своем ежедневном ритуале больше чтит «мать риса», а также священную гору — Гунунг Агунг»¹⁴. Это изменение сущности религиозных представлений не могло не отразиться на значении некоторых религиозных санскритских имен и терминов, которые распро-

¹² Существует и обширная литература, посвященная характеристике специфики балийской религии как в целом, так и в отдельных ее аспектах. Не имея возможности привести здесь сколько-нибудь подробный список работ этого рода, сошлемся на недавно изданную книгу голландского исследователя Х. Хоойкааса «Агама Тиртха», в которой автор с исключительной глубиной и эрудицией трактует некоторые стороны религии балийцев и которая имеет основательную библиографию: С. Hooycaas, *Agama Tirtha: Five studies in Hindu-Balinese religion*, — «Verhandelingen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen afd. Letterkunde», n.r., d. LXX, Amsterdam, 1964, № 4.

¹³ R. Goris, P. L. Dronkers, *Bali: Atlas kebudajaan. Cults and customs, Cultuur-geschiedenis in beeld*, Djakarta, 1956, p. 195, ill. 4-09, 4-14.

¹⁴ С. А. Маретина, *Балийцы*, — в кн.: «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966, стр. 488—489.

странившись на Бали, приобрели иной смысл, чем они имели и имеют нередко сейчас в самой Индии¹⁵.

Не упомянул автор и о духах — наследии древнего анимизма и более поздних ведических божествах, вошедших в пантеон индуизма в процессе его развития на территории самой Индии, — факт, имевший также огромное значение в процессе возникновения балийской религии, о чем подробнее — несколько ниже.

Л. М. Демин очень верно замечает: «Если на философскую сторону индо-балийской религии оказал значительное влияние индуизм и в меньшей степени буддизм, то обрядовая, ритуальная сторона сохранила много местных национальных корней» (стр. 125). Однако автор не дает достаточно четкой характеристики философско-теологических основ индуизма вообще и балийской религии, в частности, что затрудняет сравнение этих двух религий¹⁶. Между тем все дальнейшее описание религии балийцев в книге Л. М. Демина показывает, что философские и теологические ее основы чрезвычайно своеобразны, а в ряде моментов совершенно оригинальны.

Л. М. Демин уделяет большое внимание доиндийским компонентам балийской религии, прежде всего тем, которые связаны с первобытными верованиями. Действительно, балийская религия буквально пронизана анимизмом, культом предков и магией, причем в таких формах, которые в значительной степени являются общими для большинства народов Индонезии. Современный американский исследователь культуры Явы и Бали К. Геерц [Гирц] отмечает, что Бали является, «вероятно, наиболее богатым хранилищем изящных и красивых магических верований и ритуалов в Юго-Восточной Азии»¹⁷. Автор рассматриваемой нами книги привлекает многочисленные свидетельства, показывающие анимистические основы балийской религии. Он пишет: «Различные одухотворенные силы природы, связанные с анимистическими представлениями древних балийцев, не были отвергнуты впоследствии индо-балийской религией, а были воплощены в более конкретные и очеловеченные образы второстепенных богов индо-балийского пантеона» (стр. 20) и перечисляет некоторые из этих божеств (стр. 126)¹⁸.

Автор отмечает, что балийцы не поклоняются изображениям богов, в том числе и главных, — обстоятельство, отличающее их от индуистов Индии (стр. 130). В качестве храмов балийцы часто используют свои общинные дома бале агунг (стр. 110).

Большое внимание уделено в книге культу предков как одной из древних черт духовной культуры балийцев. Оценивая место культа предков в балийской религии, автор пишет: «Одним из краеугольных камней индо-балийской религии является культ предков, с его жертво-

¹⁵ См., например: С. Hooycaas, *Weda and sisya, rsi and bhujangga in present-day Bali*, — «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde» (далее — BTLV), d. 120, 1964, afl. 2, pp. 231—244.

¹⁶ Тема эта сегодня уже не является белым пятном в специальной литературе. Первой серьезной публикацией, подготовленной на современном научном уровне, была докторская диссертация голландского ученого Р. Гориса «К познанию старо-яванской и балийской теологии» (R. Goris, *Bijdrage tot de kennis der Oud-Javaansche en Bali-neesche theologie*, Leiden, 1926), за которой последовал ряд работ других авторов.

¹⁷ С. Geertz, «*Internal conversion in contemporary Bali*», — in: «*Malayan and Indonesian studies. Essays presented to Sir R. Winstedt*». Ed. by J. Bastin and R. Roolvink, Oxford, 1964, p. 282 (Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, даны наши переводы).

¹⁸ В связи с этим перечислением следует заметить, что на Бали имеются не «боги и богини урожая», а одна богиня урожая — Девы Сри. Кроме того, нередко, когда автор говорит о богах, в действительности речь идет о духах, которые иногда поднимаются до уровня божков.

приношениями и верой в бессмертие, в непрерывное возрождение и переселение душ. Это основные идеи верований и мировоззрения балийцев и до знакомства их с индуизмом» (стр. 18). Культ предков присутствует почти во всех религиозных обрядах, совершаемых балийцами (стр. 19 и далее), для предков строят специальные алтари и храмы на усадьбе и в общих святилищах (стр. 167—168). Своеобразным проявлением культа предков является распространенный в прошлом на Бали культ умерших раджей, имеющий очень много общего с аналогичным культом на средневековой Яве. В то же время наличие в храмах алтарей и жертвенников, принадлежащих отдельным группам родственников (потомкам некогда существовавших родов) или представителям отдельных сословий и варн, говорит как о сохранении элементов культа предков, так и о пережитках родовой организации (стр. 184, 190).

Разделяя подобное понимание одной из сторон религии балийцев, мы должны отметить одну неточность: для анимизма характерно одухотворение живой и мертвой природы, характерна вера в множественность и вечность душ и духов и в возможность для них вселяться по желанию в любые существа или предметы; вера же в «непрерывное возрождение и переселение душ» — это один из догматов индуизма¹⁹.

Жертвоприношения, роль которых в балийской религии и в жизни балийцев огромна, носят анимистический характер как по форме, так и по своему существу. Самая множественность их, — а жертвоприношения совершаются на Бали более двухсот раз в течение одного года²⁰, — говорит, на наш взгляд, об их анимистической основе (автор приводит примеры: стр. 144—145, 153—154). Если совершаемые балийцами частые жертвоприношения животных, в том числе буйволов и коров, своим богам имеют анимистический характер, то не менее частые жертвоприношения своим предкам говорят о сохранении культа предков. В то же время в Индии убийство животного с ритуальными целями — особенно коровы — запрещается религией (за редкими исключениями: некоторые культы Южной Индии и культ богини Кали, не являющиеся в сущности индуистскими). Любопытно, что свою религию балийцы, как об этом свидетельствует Л. М. Демин, называют «мембантен дан мембакти» — «делать жертвоприношения богам и чтить их» (стр. 141), т. е. обязательно связывая исповедание своей религии с жертвоприношением.

В жертвоприношении часто сочетаются индуистские и анимистические элементы. Р. Горис приводит следующий пример: в десе (соседской общине) Тимбрах специально для ритуальных целей ежегодно выращивают четырех кабанов, а как известно, жертвоприношение свиньи — так же как буйвола и курицы — является широко распространенным обычаем у народов Малайского архипелага. Однако каждый из кабанов носит имя, соответствующее одной из четырех жизненных сил, признаваемых индуизмом, — силам происхождения, существования, очищения и развития²¹. (Этот пример есть и в книге Л. М. Демина, стр. 99). Во время богослужения, совершаемого шиваитским жрецом, можно увидеть среди жертвоприношений собачью голову²². Очень часто шиваит-

¹⁹ J. Hooycaas, *A Journey into the realm of death*, — BTLV, d. III, 1955, afl. 3, pp. 236—273; K. C. Cruick, *Biidrage tot de kennis van het Balisch doodenritueel*, Santpoort, 1928; P. Wirz, *Der Totenkult auf Bali*, Stuttgart, 1928.

²⁰ Л. М. Демин, *Южнее экватора*, стр. 221.

²¹ R. Goris, *The religious character of the village community*, — in: «Bali, Studies in life, thought, and ritual», The Hague — Bandung, 1956, p. 96.

²² C. Hooycaas, *The Balinese sengguhu-priest, a shaman, but not a sufi, a saiva, and a vaisnava*, — in: «Malayan and Indonesian studies...», p. 276.

ский ритуал сопровождается представлением театра теней, музыкой оркестра гамелана, петушиными боями²³.

В книге Л. М. Демина есть материал, показывающий, что обрядовая сторона празднеств, связанных с жизненным циклом, а именно: обряды, совершаемые в период беременности (стр. 193—194), при рождении ребенка (стр. 196—197), в том числе при рождении близнецов (стр. 194—195), возрастные инициации, свадебные обряды (стр. 199—203) — носит яркий отпечаток древних анимистических верований. При этом многие детали обрядов являются общими для всех индонезийских народов (например, перерезание пуповины бамбуковым ножом и др.).

Многие запреты, существующие в балийской религии и перечисленные автором (стр. 117), носят отчетливый тотемистический характер, хотя Л. М. Демин не употребляет этого термина при их описании. Элементы тотемизма сохранились и в прикладном искусстве, например, в отделе крисов²⁴.

Говоря о влиянии индуизма на балийскую религию и обычаи, очень часто ссылаются на красочный обряд кремации, распространенный на Бали и являющийся несомненно индуистским обрядом. По-видимому, обычай сожжения трупов был на Бали заимствован сравнительно поздно — когда здесь уже был принят пантеон основных индуистских богов²⁵. Несомненно, вопрос о времени появления обычая кремации на Бали имеет определенное значение для суждения о характере развития культуры балийцев. Но, по нашему мнению, главное в этом индуистском обряде — равно как и в обрядах, совершаемых в определенные сроки после смерти, а также после обряда самой кремации — заключается в том, что во всех этих обрядах имеется огромное количество элементов доиндуистских, т. е. в данном случае анимистических (стр. 206—216). Именно факт сохранения древних балийских элементов в обряде кремации, наиболее индуистском из всех обрядов индуизма, говорит о чрезвычайно жизненной силе, которую имели — и имеют — традиционные представления балийцев.

Наиболее пышно проходит кремация жреца, принадлежавшего к касте браминов (брахманов), т. е. к высшей касте балийского общества²⁶. Тело жреца предают сожжению в гробу, сделанном в форме быка, что, по-видимому, восходит к древнему обычаю жертвоприношения буйвола, распространенного у многих народов Юго-Восточной Азии; но убийство буйвола или коровы строго запрещено индуизмом (об исключениях сказано выше). Факт сожжения в некоторых случаях изображения умершего, а не его тела, — тогда, когда между смертью и кремацией проходит много времени и тело не сохраняется (стр. 207), — лишний раз подтверждает анимистические элементы в этом индуистском обряде. Наконец, в обряде кремации есть еще один аспект — социальный: в празднестве принимают участие все родственники и свойствен-

²³ Ibid., pp. 275, 277.

²⁴ M. Covarrubias, *Island of Bali*, 7th ed., New York, 1956, p. 200. Это мнение М. Коваррубаса, автора одной из наиболее солидных монографий о Бали, разделяет и Л. М. Демин (стр. 263—264).

²⁵ Возможно, в период с XII по XIII в. н. э. (Ph. H. Hiss, *Bali*, New York, 1941, p. 49). Бали-ага — группа балийцев, сохранившая до наших дней свою первоначальную культуру и оставшаяся не затронутой влиянием индуизма и буддизма, — до сих пор не признает обычая кремации.

²⁶ M. Covarrubias, *Island of Bali*, pp. 374—375; R. Coris, P. L. Dronkers, *Bali... ills*, 4—85, 4—86; J. Cuisinier, *La crémation du radja de Bangli*, — «France-Asie», № 175—176, Septembre—Décembre 1962. Поскольку вопрос о так называемых балийских кастах рассмотрен несколько ниже, здесь достаточно отметить, что брамины — это единственная социальная группа в обществе балийцев, которую можно считать именно кастой.

ники покойного, а также его односельчане, при этом все они присутствуют на равных друг с другом основаниях. «Подобная кремация на Бали, — пишет К. Хоойкаас, — имеет характер скорее потлача, чем простого и быстрого удаления чьих-либо останков у индуистов...»²⁷.

Что касается самосожжения вдов, практиковавшегося прежде в аристократических балийских семьях, то этот местный обычай имеет, возможно, индуистскую основу. Однако следует иметь в виду, что убийство или экзотическое самоубийство жен и наложниц, а также слуг могущественного правителя — это обычай, распространенный повсеместно во время формирования деспотических государств, когда выдвинувшийся племенной вождь, облеченный светской и религиозной властью, становится деспотом, которому оказывают божественные почести.

В сфере искусства, как и в религии, индийские влияния очень ощутимы. Большое количество индийских сюжетов — в первую очередь религиозных и заимствованных из индийского эпоса — отражено в танцевальных пантомимах, в архитектуре, скульптуре, орнаментике, живописи. В то же время автор приводит значительный материал, показывающий самобытные черты в балийском искусстве. Л. М. Демин справедливо замечает, что многие балийские танцы происходят от доиндуистских ритуальных обрядов (стр. 226). Р. Горис, на исследования которого опирается Л. М. Демин, пишет: «Относительно танцев и театра, которые всецело пронизаны музыкой, можно утверждать с достаточной уверенностью, что определенные жанры пришли частично из Индостана и частично с Явы... Многие виды храмовых танцев, однако, являясь, как нам представляется, танцами дрезного местного происхождения, хотя, может быть, имеются привнесенные элементы в их современных костюмах и украшениях»²⁸. На наш взгляд, важно отметить также, что наряду с отношением к танцу как к развлечению до наших дней в полной мере сохранилось представление о танце как о ритуальном обряде. Это представление связано с древним верованием в магические свойства танца, существовавшим у балийцев задолго до контактов с индийской культурой²⁹.

Широко распространенный на Бали и на соседней Яве театр плоских кожаных кукол («театр теней» — «*wajang kulit*»), по мнению большинства исследователей, — индонезийского происхождения³⁰. Основное содержание сюжетов этого театра составляют индонезийские варианты индийских эпических произведений «Махабхараты» и «Рамаяны», причем общий характер поведения героев, их костюмы носят отчетливый индийский отпечаток. Но при этом в спектаклях театра *ваянг кулит* на Бали имеются отдельные эпизоды и некоторые герои, которых нет в индийском эпосе и которые связаны с местной фольклорной традицией. Следует отметить, что в сюжетах балийского театра *ваянг кулит*, по всей вероятности происходящего от яванского театра этого же жанра, имеются и свои сюжетные варианты, не связанные не только с Индией,

²⁷ C. Hooycaas, *Weda and sisya...*, p. 235.

²⁸ R. Goris, P. L. Dronkers, *Bali...*, p. 42.

²⁹ J. Cuisinier, *La danse sacrée à Bali et à Java*, — «Sources orientales», t. 6, Paris, 1963; J. Belo, *Trance in Bali*, New York, 1960; J. Coast, *Dancing out of Bali*, London, [1954].

³⁰ M. Covarrubias, *Island of Bali*, pp. 236—237; J. Cuisinier, *Le théâtre en Indonésie*, — in: «Conférences du théâtre des nations (1958—1959), Journées d'études de Royumont (28 Mai — 1er Juin 1959)», Paris, 1961, p. 225. (Французская исследовательница отмечает в этой работе, что балийский театр сохранил более древние черты, чем яванский).

но и с Явой. Много своеобразия также и в театре актеров в масках — ваянг топенг: в облике масок, манере игры актеров, в сюжетах³¹.

Чрезвычайно показателен тот факт, что если в сюжетах и в форме танцев и пантомим имеется значительное число элементов, связанных с Индией, то в музыке, сопровождающей все танцы и представления, нет ничего заимствованного: она является совершенно оригинальной и в общих чертах напоминает музыку многих индонезийских народов, имея ярко выраженное сходство с музыкой яванской. Музыкальные инструменты балийцев — исконно индонезийские: это разновидности ксилофонов с резонаторами, различные ударные инструменты, ангклунги и др. Представляется неточным утверждение автора о том, что эти инструменты пришли на Бали с Явы (стр. 217), так как большая часть этих инструментов распространена у различных народов Индонезии (например, ангклунг, являющийся одним из элементов общеиндонезийской культуры). Автор сам несколькими строками ниже говорит о древности ангклунга на Бали, ссылаясь на наличие его у бали-ага, наилучшим образом сохранившим древние традиции (стр. 217—218). Что касается оркестра гамелана, то вполне возможно, что — в своем полном составе — он сложился сначала на Яве, а потом на Бали, в эпоху расцвета яванской средневековой культуры (в XI—XIII вв.), а может быть, и ранее (в VIII—IX вв.).

Если общие контуры балийской храмовой архитектуры напоминают очертания некоторых южноиндийских построек, то планировка балийских храмов является оригинальной и не имеет параллелей в Индии (стр. 20—21, 180—181); в значительной степени оригинально и декоративное оформление храмов³². Некоторые исследователи справедливо рассматривают в конструкции балийских храмов сходство с мегалитическими постройками древних индонезийцев³³. Храмы-меру, имеющие вид высоких построек с многоярусными последовательно уменьшающимися в размерах крышами, по представлению балийцев, символизируют горы, на которых обитают их многочисленные боги.

Чрезвычайно сильны доиндуистские мотивы в скульптуре и особенно в живописи. В скульптуре образы, связанные с традиционной анимистической мифологией, едва ли не более часты, чем образы, навеянные индуизмом. Прообразами балийских скульптур явились, по-видимому, деревянные и каменные фигуры предков — в первую очередь вождей, старейшин и жрецов, что в свое время отметил голландский ученый В. Стюттерхейм³⁴. Балийская живопись является абсолютно традиционной по технике исполнения и во многом — по своим сюжетам³⁵.

Еще одно обстоятельство позволяет говорить о неповторимой оригинальности балийской культуры — это всеобщая распространенность искусства на Бали, что само по себе заслуживает особого внимания и исследования. «Без преувеличения балийское искусство можно назвать массовым, всенародным, — пишет Л. М. Демин. — Почти каждый балиец занимается живописью или ваянием, играет в оркестре, танцует или участвует в массовых представлениях. И все это рассматривается не

³¹ Подробнее см. М. Covarrubias, *Island of Bali...*, pp. 243—255.

³² Ibid., pp. 263—270, 308—310.

³³ R. Goris, P. L. Dronkers, *Bali...*, p. 28.

³⁴ W. F. Stutterheim, *Indian influences in old Balinese art*, London, 1935, pp. 5—6 (цит. по: Л. М. Демин, *Остров Бали*, стр. 281).

³⁵ М. Covarrubias, *Island of Bali*, pp. 188—194. Несомненно прав Л. М. Демин, когда он отмечает глубокую связь скульптурных и орнаментальных мотивов, характерных для художников Бали, с причудливой природой, окружающей балийца (Л. М. Демин, *Остров Бали*, стр. 294; Л. М. Демин, *Южнее экватора*, стр. 211—212).

как профессиональное занятие, а как общественная обязанность, долг перед общиной и религией» (стр. 4). Другой советский автор, изучавший балийское общество, пишет: «...в часы, свободные от работы на савахе (заливном рисовом поле.— Ю. М.), балийский крестьянин становится... художником. Именно художником, а не ремесленником. На Бали очень трудно определить, где кончается ремесло и где начинается искусство. Художник — это тот же крестьянин. Сегодня он вместе со всеми сажает рис, а завтра — вырезает изысканные фигурки мифических героев и богов»³⁶.

Никакие внешние влияния не в состоянии так щедро обогатить искусством повседневную жизнь всей общины в целом и каждого члена ее. Такая эстетически насыщенная атмосфера может быть только результатом естественного и очень длительного самостоятельного развития, когда каждый внешний импульс преобразуется, усваивается и вплетается в местную жизнь, выполняя свою функциональную роль.

Область общественных отношений, а именно: структура деса — балийской общины, организация труда и управления в общине, сословия и классы, существующие у балийцев, семейно-брачная жизнь и т. д. — в своей основе является результатом самостоятельного развития³⁷. Именно тот факт, что социальная структура балийцев является самобытной и отлична от индийской общественной организации, в частности от различных типов индийской общины (рассматриваемой, разумеется, в сравнительно-историческом разрезе), — все это подтверждает тезис о самобытности балийской культуры.

Если говорить о социальной сфере, то в качестве самого веского доказательства индийского влияния на общественный строй балийцев всегда приводят балийские касты. Действительно, на Бали до наших дней все население делится на четыре группы, именуемые в подавляющем большинстве работ о Бали кастами. Называет эти группы кастами и Л. М. Демин в своей работе. Но группы эти правильнее называть варнами. Указанные четыре варны — брамины (брахманы), ксатрии (кшатрии), велья (вайшья), судры (шудры) — ведут свое происхождение от индийской системы варн и появились на Бали впервые, по-видимому, еще до периода Маджапахита, сложившись окончательно в XIV—XV вв., т. е. во время интенсивного влияния Маджапахита³⁸.

Но что представляют собой варны («касты») на Бали? В специальной статье, посвященной этому вопросу, С. А. Маретина пишет: «На Бали тривангсу (то есть систему трех варн — брахманов, кшатриев и вайшья, являвшихся высшими сословиями, тогда как все остальное население входило в одну варну шудр.— Ю. М.)... приняли прежде всего князья и их окружение, с которыми слились высокопоставленные переселенцы с Явы. Основная же масса балийцев, по существу все трудящееся население острова, продолжало жить согласно старому адату (местному праву)»³⁹. Войдя впоследствии в четвертую варну судр (шудр), или джаба по-балийски, подавляющее большинство балийцев —

³⁶ С. Маретина, *Остров Бали — жемчужина Индонезии*, — «Глобус», Л., 1964, стр. 187.

³⁷ Об общественном и семейном строе балийцев см.: V. E. Korn, *Het adatrecht van Bali*, 's Gravenhage, 1932; M. Covarrubias, *Island of Bali*, ch. III—IV, pp. 39—87, ch. VI, pp. 120—159; Cl. Geertz, 1) *Form and variation in Balinese village structure*, — «American Anthropologist», vol. 61, 1959, № 6; 2) *Peddlers and princes*, Chicago, [a. o.], 1963; 3) *Tihingan: A Balinese village*, — BTLV, d. 120, 1964, afl. 1.

³⁸ R. Goris, *The Position of the blacksmiths*, — in: «Bali: Studies in life thought, and ritual», p. 293 ff.

³⁹ С. А. Маретина, *Трансформация индийских варн на Бали*, стр. 187.

свыше 90% ⁴⁰ — остались в стороне от сословно-варновых ограничений. «Кастовая, во многом умозрительная система вступила в соприкосновение с древними балийскими обычаями, освященными адатом. Произошло своеобразное наложение системы «трех варн» на живые институты балийского общества. Непосредственно общинную организацию она (система варн. — Ю. М.) почти не затронула: кастовые различия не коснулись рядовых общинников» ⁴¹, — пишет С. А. Маретина.

Таким образом, так называемые балийские «касты» носят чисто внешний характер и касаются очень малой части балийцев, они не имеют — за исключением сословия жрецов — практического функционального значения. Для сравнения можно обратиться к другой стране Юго-Восточной Азии, испытавшей сильное влияние Индии, — Камбодже. В Камбодже в период средневековья существовало девять варн, но, как показал Л. А. Седов, термином варна обозначались привилегированные родовые коллективы ⁴².

Все же другие социальные институты — прежде всего община, составляющая основу существования балийского общества ⁴³, а также семейно-брачные нормы — все это является результатом многовекового развития самого балийского общества. И если даже в религии и искусстве, испытавших наибольшее воздействие индийской культуры, мы можем под внешними наслоениями обнаружить неразрушенный и мощный исконно индонезийский пласт, то в социальной организации балийцев сохраняются многие черты от периода общинно-родового строя, не прикрытые никакими последующими наслоениями. К сожалению, в рассматриваемой нами книге самобытная социальная организация балийцев не получила достаточного освещения. Автор предпочел остановиться лишь на некоторых общественных институтах бали-ага, сохранивших, как уже говорилось, наиболее древние черты балийской культуры, в том числе и в социальной сфере. Хотя этих примеров в книге немного, но и они имеют существенное значение для понимания традиционной социальной структуры балийцев.

В деревне бали-ага Тенгана Пегерингсинган, изученной голландским ученым Корном ⁴⁴, сохраняется демократизм в общинном управлении и судопроизводстве, эндогамия деревни, союзы молодежи (Л. М. Демин применяет менее точный термин «молодежные ассоциации»), деление на сословия, характерные для начального периода классообразования, и другие черты, которые в разной степени можно проследить и в других деревнях балийцев, помимо деревень бали-ага. Например, традиционные деревенские собрания, дома молодежи (их автор называет «общественными домами молодых мужчин») и т. д.

⁴⁰ Cl. Geertz, *Form and variation in Balinese village structure*, — «American Anthropologist», vol. 61, 1959, № 6, p. 997; C. Hooycaas, *Weda and sisya...*, p. 239.

⁴¹ С. А. Маретина, *Трансформация индийских варн на Бали*, стр. 198.

⁴² Л. А. Седов, *К вопросу о варнах в Анкорской Камбодже*, стр. 180.

⁴³ Основными социально-экономическими подразделениями балийского общества являются *деса*, *банджар* и *субак*. Община *деса* — это экономически самостоятельная самоуправляющаяся единица, созданная по территориальному принципу и в значительной мере сохранившая демократические традиции в управлении и коллективистские начала в производстве. *Банджар* — объединение того же типа, что и *деса*, но сложившееся внутри разросшейся *десы*; в *десе* обычно бывает несколько *банджаров*. *Субак* — традиционная кооперативная организация владельцев савахов, пользующихся водой для орошения из одного общего источника (см. «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966, стр. 485, 486).

⁴⁴ V. E. Korn, *De dorpsrepubliek Tnganan Pagringsingan*, Santpoort, 1933 (под заглавием «The village republic of Tênganan Pêgèringsingan» большая часть работы переведена на английский язык в издании: «Bali: Studies in life, thought, and ritual», op. 301—368).

О сохранении весьма древних социальных институтов у бали-ага говорит следующий факт: деление всех сословий в обществе бали-ага на две половины — «правую» и «левую» стороны. Существует правило, согласно которому староста, как и некоторые другие члены деревенской администрации, должен принадлежать к правой стороне высшего сословия (у автора неточно: «к высшему сословию правой стороны» — стр. 117), а его первый заместитель — к левой стороне того же сословия. Но такое деление на правую и левую стороны сохранилось и в других деревнях; в горных районах оно сохранилось и до наших дней, что отметили В. Корн⁴⁵ и Р. Горис⁴⁶. По нашему мнению, это деление на «стороны» отражает бывшее дуальное деление балийского общества на две фратрии (или на две половины — *meities*). Если признать, что в деревенском управлении были представлены обе половины (а они должны были быть представлены в условиях общинно-родового демократизма!), тогда станет понятным наличие двух лиц на некоторых должностях.

Факты совмещения в одном лице функций старейшины и священнослужителя, о чем пишет автор на стр. 109, по-видимому, связаны с сохранившимися еще пережитками периода разложения общинно-родового строя, когда вождь рода являлся одновременно и священнослужителем, объединяя в одном лице светскую и духовную власть.

Таким образом, рассмотрение некоторых фактов, приведенных в книге Л. М. Демина, в совокупности с фактами, собранными другими исследователями культуры балийцев, показывает, что большинство социальных институтов балийцев уходит корнями в эпоху общинно-родового строя. Это значит, что и в сфере общественных отношений балийская культура является самобытной.

В подавляющем большинстве своем все примеры, приведенные нами из книги Л. М. Демина и из других работ, относились к сфере духовной и социальной культуры. Но есть еще сфера материальной и экономической культуры. Однако книга, послужившая основой для данной статьи, не дает сколько-нибудь достаточного материала для освещения самобытности этих сторон культуры балийцев. Между тем все элементы материальной культуры (орудия труда, жилище, будничная народная одежда и др.), так же как и экономической (характер производства), дают пример полной независимости балийцев от каких бы то ни было влияний и демонстрируют единство балийцев — в этом отношении даже больше, чем в других, — с родственными индонезийскими народами. В данном случае вполне подтверждается положение, высказанное голландским ученым Й. ван Лёром еще в 1934 г.: «Индийская культура коснулась лишь верхнего слоя индонезийского общества и даже здесь — лишь определенных аспектов жизни... При ближайшем рассмотрении оказывается, что само индонезийское общество является источником всех технических достижений — от возделывания савахов до конструкции храмов, от обработки металлов до заморской торговли»⁴⁷.

В связи с трактовкой характера балийской культуры и роли индийских влияний в ней неизбежно встает вопрос о том, как ее именовать — индуистской, индо-балийской или балийской? Авторы XIX — начала XX в. утверждали, что эта индуистская культура, большинство авторов последних десятилетий нашего столетия склонны считать ее индо-балийской. В целом, по-видимому, такой же точки зрения придерживается

⁴⁵ V. E. Korn, *The village republic of Těnganan Pěgěringingan*, pp. 330 ff.

⁴⁶ R. Goris, *The religions character...*, pp. 90—92.

⁴⁷ J. van Leur, *Indonesian trade and society*, The Hague—Bandung, 1955, p. 14f

и Л. М. Демин. Хотя прямо он нигде не высказывается по этому вопросу, но именно «индо-балийскую религию» он называет на стр. 123 «одним из важнейших факторов становления этой культуры» (т. е. культуры балийцев. — Ю. М.). Автор постоянно употребляет термин «индо-балийская» в применении к религии. Однако, говоря об искусстве, он пользуется термином «балийское». Если продолжить мысль автора, то можно предположить, что, по мнению Л. М. Демина, на Бали имеется самобытная балийская культура, наиболее ярко проявляющаяся в балийском искусстве, которое при этом сильно индуизировано, но — индо-балийская религия.

Определяя балийскую культуру в целом, автор пишет, что это — «сложное явление, продукт многих наслоений и влияний. Имея в своей основе местный, балийский элемент, культура острова подвергалась значительному воздействию соседней Явы, индийскому культурному влиянию, проникавшему через Яву, и в некоторой степени влиянию Индо-Китая и Китая» (стр. 12). Это общее определение сложного характера балийской культуры, данное Л. М. Деминим, является вполне справедливым, но необходимы два уточнения. Во-первых, индийское культурное влияние достигало Бали двумя путями: как непосредственно из Индии, так и главным образом опосредованно, т. е. через Яву, — как влияние яванской средневековой культуры, впитавшей в себя многочисленные элементы индуистской и буддийской культур Индии. Иначе говоря, индийские влияния, шедшие через Яву, были скорее влияниями яванской культуры, обогащенной элементами индийской культуры (отмечая в другом месте роль Явы, автор не развивает этого положения, — стр. 8). Во-вторых, «влияние Индо-Китая и Китая», даже при оговорке «в некоторой степени», явление чрезвычайно сложное и спорное, ибо собственно китайские (ханьские) влияния никак не затронули Бали (как, впрочем, они почти не оказали влияния на формирование культуры и других народов Индонезии, находившихся с Китаем и китайцами в несравненно более тесных связях, чем балийцы). О влиянии же Индокитая (кстати, это определение чрезвычайно расплывчато: какого Индокитай? Там живут и жили народы разных языковых групп и разных культур) можно говорить только, имея в виду этногенез индонезийцев, т. е. период II—I тысячелетий до н. э., когда предки индонезийцев, в том числе и предки балийцев (двигавшиеся в составе так называемого дейтероиндонезийского потока), пройдя через Индокитайский полуостров, постепенно населяли архипелаг⁴⁸.

Что касается характера балийской религии, то автор дает, насколько нам известно, определение ее трижды в разных своих работах, причем определения эти не вполне тождественны. «Бали оказался последним в Индонезии оплотом индуизма, смешавшегося здесь с буддизмом и местными древними доиндуистскими культами, — пишет Л. М. Демин в книге „Остров Бали“. — Результатом этого смешения стала единственная в своем роде индо-балийская религия, распространенная в настоящее время на Бали и частично на Ломбоке. При этом не была подавлена местная культура, сохранились местные обычаи» (стр. 4). Сходное определение дано автором в другой — ранней работе⁴⁹. Последнее по времени публикации определение звучит так: религия балийцев, пишет Л. М. Демин, — это «синтез индуизма, буддизма,

⁴⁸ Потомками тех протоиндонезийцев, которые задержались в материковой Юго-Восточной Азии, являются народы Индокитая, говорящие на индонезийских языках и принадлежащие к индонезийской культурной общности, — это джарай, радэ, раглай чамы и др.

⁴⁹ Л. М. Демин, *Южнее экватора*, стр. 187.

а также местных древних обычаев и ритуальных обрядов. Большую роль в индо-балийской религии играет заимствованное из индуизма верование в переселение душ, а также деление общества на касты»⁵⁰.

Если составные элементы процесса становления балийской религии и их взаимная роль показаны автором в целом правильно, то сам процесс изображен неточно. Поскольку характеристики индо-балийской религии, данные Л. М. Деминным в первом и втором определениях, являются типичными для многих современных исследований, представляется небезы-interесным остановиться на них подробнее. Но сначала — несколько замечаний теоретического характера.

Понимание культуры того или иного народа или отдельного культурного явления, бытующего у данного народа в течение многих столетий, — будь то религия или отдельный вид искусства, социальный институт или отдельный элемент материальной культуры, — невозможно, если представлять себе эту культуру или это явление только как результат простого механического «смешения». Признавая акт «смешения» в качестве условия для формирования новых явлений культуры, приходится прибегать к чисто арифметическому решению. Например, если исходить из авторских определений религии балийцев, то получается примерно следующая схема: древние балийские культы + влияния индуизма и буддизма = индо-балийская религия. При таком арифметическом подходе остается в тени — либо совсем не рассматривается — сам процесс становления культуры или отдельного нового культурного явления, которое в большинстве случаев входит неотъемлемой частью в общий комплекс духовных и материальных ценностей данного народа, именуемый его культурой⁵¹.

Использование таких понятий, как «заимствование», «перенос», «смешение» и тому подобные при характеристике явлений культуры (если применение их не является доказанной необходимостью) представляется нам неточным как с точки зрения методологической⁵², так и с точки зрения фактического развития. Процесс формирования балийской культуры — как и индонезийской культуры вообще — происходил в результате естественного развития самого балийского — и индонезийского в целом — общества. При этом нельзя упускать из виду, что

⁵⁰ Л. М. Демин, *Искусство Индонезии*, М., 1965, стр. 34.

⁵¹ Говоря о понятии «культура», мы придерживаемся того определения, которое дано этому понятию советским философом А. А. Зворыкиным: «Культура — все то, что создано человеком в отличие от того, что создано природой. Культура развивается через борьбу новых прогрессивных форм, отражающих поступательное развитие человечества, с формами отживающими, тормозящими общественный процесс. Совокупная культура распадается на материальную, социально-экономическую и политическую, интеллектуальную, эстетическую, а также культуру, связанную с физическим совершенствованием самого человека — культура труда, мышления, речи, поведения» (А. А. Зворыкин, *Определение культуры в общей культуре*, — Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964, стр. 3).

⁵² Представление о том или ином явлении культуры только как о результате заимствования или миграции из определенного центра и взгляд на возникновение новых культур как на результат механического смешения различных культурных элементов местной и пришлых культур лежит в основе методологии культурно-исторической школы в этнографии. Эта школа, виднейшими представителями которой были В. Гребнер и В. Шмидт, разработала теорию «культурных кругов», согласно которой каждое явление возникло однажды и затем распространялось из центра к периферии — как бы кругами — среди других народов. Советские этнографы (а также ряд этнографов зарубежных стран) подвергли теоретические положения этой школы, равно как и некоторые практические выводы, глубокой критике. Напомнив здесь о теоретических установках культурно-исторической школы, мы лишь обращаем внимание на тот факт, что неточное употребление такого термина, как «смешение», может привести к ошибочному пониманию существа процесса культурных контактов.

культура любого общества не есть только статичное явление, это еще и процесс. Следовательно, культура находится в непрерывном изменении, приобретая новые черты и теряя некоторые из старых. Это постоянное развитие — одно из основных свойств культуры. Значит, нужно изучать ее в развитии, в процессе становления, обогащения и изменения, а не фиксировать внимание, как это случается со многими исследователями, на статичных стереотипах, неких неизменных образцах, тем более не стереотипах, «пересаживаемых» с одной почвы на другую.

При обсуждении вопроса о характере «индо-балийской» религии — как и «индо-балийской» культуры в целом — следует также иметь в виду, что распространенный в литературе на русском языке перевод термина «Hindu-Bali» как «индо-балийский» не всегда точен. Дело в том, что слово «Hindu» в индонезийском, а также в английском, голландском и других языках не является однозначным: у индонезийцев оно означает «индиец», «индийский» и «индус», «индуистский», в европейских же языках это слово означает преимущественно (но не единственно) «индус» и «индуистский»⁵³. Лишь из контекста можно установить (притом не всегда), имеет ли автор — например индонезийский, когда он пишет «agama Hindu-Bali», — в виду «индуистско-балийскую» или «индо-балийскую» религию. Таким образом, перевод «индо-балийский» был бы адекватным, если бы в оригинале было «Indo-Bali».

Нам представляется удачным и правомерным при характеристике таких сложных явлений, как религия балийцев, обращаться к понятию «синтез». Однако в приведенном нами выше последнем определении балийской религии, сделанном Л. М. Деминим, при общем правильном подходе (с включением понятия синтеза) содержится ряд неточностей. Во-первых, на первое место в синтезе балийской религии следует поставить местные верования и культы. Во-вторых, выражение «местные древние обычаи» неточно, так как далеко не все эти обычаи связаны с религиозными представлениями. В-третьих, выражение «ритуальные обряды» является тавтологией, так как ритуал — это и есть обряд. В-четвертых, из индуизма заимствовано не «верование в переселение душ», а вера в непрерывное возрождение и переселение их. Наконец, в-пятых, так называемое «деление на касты», как было показано выше, — это неточность — результат формального понимания определенных аспектов социальной жизни балийцев, в которой собственно касты практически отсутствовали.

Подобные неточности свойственны многим работам о балийцах. Подходя в целом правильно к определению индо-балийской религии как к явлению синтетическому, сложившемуся на местной основе, многие авторы все-таки не могут до конца отрешиться от представлений о «„смешении“ элементов разных культур». Так, в опубликованной в 1960 г. книге «Бали — остров богов», являющейся официальным изданием индонезийского правительства, говорится: «На Бали индуистско-буддийская религия получила определенную форму и приспособилась к социальной структуре острова и его самобытной культуре. Постепенно она стала тем, что представляет собой в настоящее время, — уникальной индо-балийской религией. Балийцы твердо придерживаются этой

⁵³ См., например: E. Pino, T. Wittermans, *Kamus Inggeris, pt. II: Indonesian—English*, Djakarta—Groningen, 1955, p. 58; A. L. Kramer, *Kamoes Indonesia*, s'Gravenhage—Batavia, 1948, blz. 67; «Индонезийско-русский словарь». Сост. Р. Н. Коригодский [и др.] М., 1961, стр. 282; «Голландско-русский словарь». Под общим руководством С. А. Миронова, М., 1958, стр. 347; «Полный англо-русский словарь, составленный А. Александровым», изд. 3-е, испр. и доп., СПб., 1899, стр. 355 и др.

с меси (разрядка наша. — Ю. М.) индуизма и буддизма с элементами самобытного характера островитян»⁵⁴.

На наш взгляд, наиболее удовлетворительным определением балийской религии из известных нам является то, которое дано одним из виднейших исследователей балийской культуры М. Коваррубисом: «Балийская религия является красочным анимистическим культом, в который вплетены эзотерические принципы и философия индуизма. Однако подобное явление никоим образом не ограничивается Бали. Яванский индуизм был такого же типа, и даже в Индии мы находим параллель в одновременном поклонении примитивным демонам, предкам и силам природы, которое свойственно низшим классам дравидийского общества. — Ю. М.), и все это в смешении с философией брахманов»⁵⁵.

Когда мы знакомимся ближе с религиозным ритуалом балийцев, мы обнаруживаем в нем не смешение разнородных элементов, а органический синтез элементов, действительно различных по происхождению, но происходивший на местной основе и приведший к образованию стройного гармонического целого. При этом бывает трудно разграничить индуистские и буддийские компоненты, а те и другие вместе взятые — от местных. На Бали большая часть жрецов считается служителями индуистского культа (его шиваитского толка). Жрецов — служителей буддийского культа в 1959 г. было, по материалам К. Хоокааса, всего 17⁵⁶. При этом те и другие в равной мере относятся к высшему сословию («касте») браминов и называются *педанда*. Однако наибольшее число жрецов составляют *пемангку*, — их тысячи; они не относятся к сословию браминов и в своей повседневной жизни несут часто те же обязанности, что и простые крестьяне. На некоторых балийских празднествах ритуал совершают одновременно шиваитский и буддийский жрецы (*педанда* Шива и *педанда* Бода), причем нередко им помогает жрец-сенггуху — так называют жрецов из низшего сословия, заклинающих силы подземного мира⁵⁷. На других празднествах в ритуале участвуют два жреца — *педанда*, т. е. жрец из сословия браминов и *сенггуху* — жрец из низшего сословия⁵⁸. В ритуале буддийского жреца есть шиваитские элементы, тогда как ряд ритуалов, совершаемых жрецом из низшего сословия, совершенно схож с ритуалами, совершаемыми шиваитским *педандой*⁵⁹. В повседневной жизни к жрецам шиваитского и буддийского культов обращаются одинаково: «мое солнце»⁶⁰.

⁵⁴ «Bali: The Isle of Gods» (Department of Information, Republic of Indonesia. Special issue № 56), Djakarta, 1960, p. 14 (цит. по: Л. М. Демин, *Остров Бали*, стр. 38).

⁵⁵ М. Cavarrubias, *Island of Bali*, p. 306.

⁵⁶ C. Hooycaas, *Bauddha brahmins in Bali*, — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», vol. XXVI, 1963, pt. 3, p. 455. О буддийских элементах в религии балийцев см.: P. de Kat Angelino, T. de Kleen, *Mudras auf Bali: Handhaltungen der Prieseter*, Hagen—Darmstadt, 1923; F. D. K. Bosch, *Buddistische gegevens uit Balische handschriften*, — «Mededeelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen, afd. Letterkunde», d. 68, 1929, № 2, blz. 34—77 (под названием *Buddhist data from Balinese texts and their contribution to archaeological research in Java* переведено на английский язык в кн.: F. D. K. Bosch, *Selected studies in Indonesian archaeology*, s'Gravenhage, 1961, pp. 109—133).

⁵⁷ C. Hooycaas, *Weda and sisya...*, p. 244; J. L. Swellengrebel, *Introduction*, — in: «Bali: Studies in life, thought, and ritual», p. 45. О роли и положении жреца-пемангку в балийском обществе см. также М. Covarrubias, *Island of Bali*, pp. 270—271.

⁵⁸ C. Hooycaas, *The Balinese sengguhu-priest...*, pp. 276—277; R. Goris, P. L. Dronkers, *Bali...*, ill. 4—09.

⁵⁹ C. Hooycaas, *Bauddha brahmins in Bali*, pp. 546—547; *The Balinese sengguhu-priest...*, pp. 274 ff.

⁶⁰ C. Hooycaas, *Bauddha brahmins in Bali*, p. 545.

Следовательно, мы имеем дело с балийской религией не только потому, что она сегодня распространена у балийцев, но и по существу и в значительной степени по форме. В то же время сам термин «индобалийская» может быть сохранен в применении к религии как дань тому обстоятельству, что религия эта впитала в себя многие индийские элементы: в первую очередь индуистские, затем — буддийские. Однако, по нашему мнению, более правильным является иное определение: балийский индуизм. Это определение позволяет, во-первых, отнести религию балийцев к определенной мировой религии, признаки которой представлены в данной религии наиболее отчетливо. Во-вторых, наличие определения, сформулированного таким образом, показывает специфику этого индуизма, его балийский характер, включая в первую очередь местные культы и верования, а также те немногие элементы буддизма, которые были синтезированы в единую балийскую религию, по-видимому, на самом Бали.

Этому процессу, так же как и ассимиляции индийских культурных элементов в целом, способствовало то обстоятельство, что в основе своей ранний индуизм в Индии и анимизм в Индонезии имели общие черты. Индуизм, впитавший в себя многие элементы религии ведического периода и некоторые культы дравидийской Индии, насыщенные анимизмом (в том числе элементами культа предков, верой в духов, широко распространенными жертвоприношениями, в том числе и животных, и т. д.), был близок этими своими сторонами религии индонезийцев — анимизму. Поэтому-то с такой легкостью происходил процесс включения богов и героев индуистского пантеона в анимистический пантеон балийцев (а также яванцев и других народов Индонезии и Юго-Восточной Азии)⁶¹. В то же время господствующий класс — в первую очередь феодальная и жреческая верхушка — воспринял в особых, опосредованных формах и поставил себе на службу философско-догматическую сторону индуизма (и отчасти буддизма). В результате возникла своеобразная религия, в истоках своих синкретическая, но в процессе развития ставшая цельной и органической балийской религией — балийским индуизмом. По-видимому, имелись также какие-то сходные, появившиеся в результате конвергентного развития элементы и в других областях культуры (особенно социальной), что также облегчило контакт индонезийской — в данном случае балийской — и индийской культур, но это — предмет особого исследования⁶².

Как было отмечено выше, Л. М. Демин показал в общих чертах, почему балийское общество восприняло индуизм и некоторые другие стороны культуры Индии. Не углубляясь в эту проблему, освещенную автором в целом правильно, проследим лишь хронологию проникновения индийских влияний на Бали. До VIII в. о таких влияниях на Бали

⁶¹ См., например, R. O. Winstedt, *The Malay magician being shaman, saiva and sufi*. Rev. and onl. ed., London, 1951.

⁶² Чрезвычайно интересны исследования древнейших связей — и, возможно, родства — протоиндонезийской и протондийской (доарийской, или дравидийско-мундской) культур (работы В. Шмидта, С. Леви, Ж. Пшилуского, Р. Хайне-Гелдерна, П. Багчи и др.). Существует гипотеза пратихоокеанской общности, «из которой выделились австронезийские (малайско-полинезийские), австралонезийские (мунда-мон-кхмерские) и китайско-тибетские языки» (С. А. Арутюнов, *Проблемы классификации языков народов Восточной Азии в свете их этнической истории*, — Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964, стр. 9—10). Следует отметить, что некоторые ученые пытаются приспособить гипотезу о древней культурной общности протоиндонезийцев и протондийцев к обоснованию теории «индийской колонизации» (см., например, R. C. Majumdar, *Hindu colonies in the Far East*, p. 6).

вообще не приходится говорить. С VIII до конца X в. они были слабыми. Особенно же много элементов культуры доисламской Индии в их яванизированной форме появилось на Бали после завоевания острова яванцами, которое имело место при Гаджа Маде в 1343 г., в период расцвета Маджапахита. Но и в середине XIV в. ни о каком непосредственном влиянии индийских индуизма и буддизма на Яве говорить нет оснований, ибо интенсивные контакты Явы с индуистской и буддийской Индией прекратились не позднее XIII в. В XIV же веке Индонезия испытывала интенсивные мусульманские влияния, в том числе и из Индии (из района Гуджарата).

К концу XV в. яванская империя Маджапахит пала под ударами бывших вассальных государств, многие из которых приняли ислам и сделали его знаменем в борьбе с индуизированным Маджапахитом. На Бали же местная религия со всеми ее индуистско-буддийскими элементами не только сохранилась после падения Маджапахита, но напротив — еще более упрочилась.

Все эти обстоятельства показывают, что так называемая индо-балийская культура, равно как и индо-балийская религия — наиболее индуизированная часть этой культуры, — являются результатом органического развития балийского общества. Развитие это было оплодотворено влиянием Индии. Эффект взаимодействия при этом определялся не степенью влияния, а степенью восприятия. Сошлемся здесь на высказывание видного голландского историка, специалиста по древней и средневековой истории Индии и Индонезии Й. де Каспариса, являющегося, на наш взгляд, ключевым для понимания механизма восприятия культурных явлений индонезийцами: «Индийское влияние в Индонезии, — пишет он, — было не столько результатом усилий индийцев распространить свою культуру, сколько индонезийской инициативой в ассимиляции тех элементов индийской культуры, которые их привлекали»⁶³.

Таковы некоторые соображения о характере индийских влияний на балийскую культуру, вызванные книгой Л. М. Демина «Остров Бали».

Итак, можно ли назвать культуру балийцев индо-балийской? По-видимому, нет. Во-первых, балийская культура — это оригинальная культура самих балийцев, а не индо-балийцев, культура, развивавшаяся на протяжении веков, что мы пытались показать на материале книги Л. М. Демина и на некоторых других материалах. При рассмотрении процесса формирования балийской культуры, в частности — вопроса о месте и роли в нем индийских влияний, — мы, понимая известную условность нашего сравнения, не можем не сопоставить этот процесс, шедший на Бали (как и в некоторых других районах Индонезии), с распространением латыни в средневековой Европе и элементов византийско-греческой культуры в Киевской Руси.

Во-вторых, сам термин «индо-балийский» буквально означает «индийско-балийский» и является, как уже говорилось, неправильным переводом термина «Hindu-Bali», последний же означает в подавляющем большинстве случаев «индуистско-балийский». Что же касается индуизма на Бали, то выше мы старались показать, что в действительности скрывается за индуизмом балийцев.

В-третьих, даже при уточненном переводе термин «индуистско-балийский» — равно как и «индо-балийский» — не может быть применен

⁶³ J. G. de Casparis, *Historical writing on Indonesia (early period)*, — in: «*Historians of South-East Asia*». Ed. by Prof. D. G. E. Hall, London, 1962, p. 156.

ни к материальной, ни к экономической, ни к социальной формам культуры, а лишь к сфере религии и к некоторым формам искусства, но и здесь с большими оговорками. Ибо и в этих областях культуры обнаруживаются целые пласты древних индонезийских верований, представлений, навыков, которые сохранились на протяжении многих и многих столетий⁶⁴. Поэтому мы с полным основанием можем говорить о балийском искусстве. Лишь к религии определение «индо-балийская» можно применить с некоторым основанием, но, как уже говорилось, более приемлем термин «балийский индуизм».

Таков, на наш взгляд, в самом общем виде ответ на вопрос о характере индийских влияний на балийскую культуру и о характере этой культуры.

Последние десятилетия привели к большим изменениям в балийском обществе, затронув прежде всего сферу общественных отношений: были ликвидированы феодальные княжества, осуществлены реформы административного и общинного управления и т. д. Эти изменения отразились и в сфере духовной культуры, например, на содержании танцев, театральных представлений, на обрядности и некоторых сторонах живописи и скульптуры. Появились светские танцы, свободные от религиозного содержания (стр. 241—244), в театральных представлениях наметились поиски новых форм (стр. 256). Любопытные изменения произошли в некоторых ритуалах. Индонезийский автор Катоппо пишет: «...в последнее время делаются попытки модернизировать церемонию изгнания злых духов, поднять ее, так сказать, до уровня современной техники. В Сингарадже, например, в этот день проводится вокруг города шествие на велосипедах, мотоциклах и автомашинах. Огонь факелов заменяют светом автомобильных фар. Шум, который должен испугать злых духов, производят автомобильными гудками». Л. М. Демин пишет о новых тенденциях в живописи (стр. 266, 268, 275). Факт этот отмечают и другие авторы. Например, английская журналистка и историк Дороти Вудмэн рассказывает, как в одном из балийских храмов среди пышного традиционного орнамента, изображающего тропическую растительность и стилизованные фигуры мифических героев, она увидела орнамент из современных автомобилей⁶⁵.

В последнее время произошли некоторые сдвиги и в традиционном отношении к религии. Этому процессу посвятил специальную статью К. Геерц, назвав ее «Внутреннее обращение на современном Бали». В то же время Геерц констатирует, что для балийца «мир все еще остается зачарованным и (оставляя пока в стороне некоторые недавние

⁶⁴ Присутствие в культуре балийцев идей и образов, уходящих корнями в глубокое прошлое, вплоть до периода общинно-родового строя, объясняется целым рядом исторических, географических и этнопсихологических причин, рассмотрение которых не входит в нашу задачу, так как в книге Л. М. Демина эта проблема не поставлена. Автор касается здесь лишь одного фактора этнопсихологического порядка, а именно: глубочайшей приверженности к традициям, распространенной среди балийцев и поддерживаемой целым комплексом особых исторических и экономико-географических условий, в которых существовало и отчасти продолжает существовать балийское общество. Об этой приверженности к традициям можно судить не только по письменным свидетельствам о Бали, оставленным европейскими путешественниками и учеными, начиная с рубежа XVI—XVII вв., но и по сохранившимся оригинальным письменным памятникам балийцев более раннего периода. Так, ряд обычаев, зафиксированных в документах (эти документы датированы 1204 г.), сохраняются в неизменном виде до наших дней (стр. 182—183).

⁶⁵ E. Katoppo, *Bali-Puluu Kahyangan*, Bandung [etc.], 1955, hal. 74—76 (цит. по кн.: Л. М. Демин, *Остров Бали*, стр. 151); D. Woodman, *The Republic of Indonesia*, 2nd printing, London, 1956, p. 121.

волнения) сложная сеть магического реализма (magical realism) остается почти полностью неприкосновенной, лишь кое-где нарушаемая сомнениями и размышлениями отдельных лиц»⁶⁶.

Но изменения эти пока не затрагивают основ культуры балийцев. Она по-прежнему остается яркой и самобытной балийской культурой, в формировании которой огромную роль сыграли переработанные и органически усвоенные элементы индийской культуры — как индуистской, так и буддийской⁶⁷. Книга Л. М. Демина, несмотря на некоторые недо-

⁶⁶ С. Geertz, *«Internal conversion» in contemporary Bali*, p. 287.

⁶⁷ Статья была уже набрана, когда в журнале «Народы Азии и Африки» (1967, № 2, стр. 195—204) появилась обширная рецензия Б. Б. Парникеля на ту самую книгу Л. М. Демина, которая послужила своеобразным стимулом для написания нашей статьи. Это обстоятельство обязывает нас откликнуться на рецензию. Автор рецензии, озаглавленной «Некоторые вопросы балийской истории и культуры (по поводу одного издания)», ведет критику по четырем направлениям: история, социально-экономические проблемы, религия, искусство. Ввиду того что значительная часть конкретных сюжетов, обсуждаемых в рецензии, не имеет прямого отношения к теме нашей статьи, мы не можем входить здесь в рассмотрение всех ее положений независимо от нашего к ним отношения, тем более что наша статья не является рецензией на книгу Демина. Отметим лишь то отрадное для нас обстоятельство, что в оценке роли индийских влияний и характера балийской культуры точки зрения рецензента и наша в целом совпадают, равно как и в ряде частных вопросов (например, в характеристике некоторых аспектов религии балийцев, но только некоторых).

В то же время нельзя согласиться с рецензентом, когда он, отвечая «нет» на вопрос о том, «изменилась ли коренным образом обстановка на Бали с распространением там индуизма» (стр. 200), и приведя интересные соображения по этому поводу, пишет о «дуализме балийской религии» и «космическом дуализме», характерном для Индонезии накануне нашей эры, вслед за Х. Кворичем Уэлсом объясняя появление этого дуализма «совмещением хтонических верований индонезийских землевладельцев эпохи неолита и уранических религиозных представлений шаманистов-донгмонцев» (стр. 199). При таком подходе балийцы оказываются отнесенными к первопришельцам на Малайском архипелаге, стоявшим на неолитическом уровне и подвергшимся влиянию позднейших пришельцев-«донгшонцев» — носителей культуры бронзы. Однако данные этнографии, антропологии и археологии не позволяют отнести балийцев к первым южно-монголоидным мигрантам в Индонезии, т. е., употребляя распространенную до настоящего времени терминологию, к протондонезийцам («протомалайцам»), ибо они появились здесь в составе одной из волн более позднего широкого южномонголоидного потока, именуемого, с некоторой долей условности, дейтероиндонезийским («дейтеромалайским»). Следовательно, балийцы относятся к тому же широкому антропологическому и культурно-историческому пласту, что и «донгшонцы», и, естественно, должны были иметь «уранические представления». И то, что, как пишет Б. Б. Парникель, «сегодняшняя наука считает распространение донгшонской культуры в Индонезии установленным фактом» (стр. 199), в действительности означает установление факта распространения и на архипелаге одной из волн древних индонезийцев из дейтероиндонезийского (или просто позднейшего) потока (подробнее см.: Н. Н. Чебоксаров, *Первоначальное заселение и древнейшая этническая история*, — в кн.: «Народы Юго-Восточной Азии», стр. 53, 56—58).

Однако и вне зависимости от этого этногенетического аспекта подход к изучению культуры древних балийцев с позиций «распространения донгшонской культуры», рассматриваемой как «влияние извне», означает, во-первых, неоправданно резкое противопоставление отдельных волн южномонголоидов (тем более из одного потока!) друг другу (см.: Н. Н. Чебоксаров, *Первоначальное заселение...*, стр. 58—59); во-вторых, это ведет к рассмотрению культуры балийцев не как результата (и одновременно процесса) самостоятельного развития, а как результата «смешения» («совмещения») у Б. Б. Парникеля) различных элементов культуры, принадлежащих единому в расовом и культурно-историческом отношении древнему этносу. Наконец, космологические дуалистические теории ученых Лейденской школы (В. Рассерса и др.), явившиеся основой для построения учеными этой же школы всякого рода дуалистических концепций в религии, социальной организации и пр. и сочувственно рассматриваемые автором рецензии, к настоящему времени подвергнуты глубокой и разносторонней критике учеными разных этнографических и социологических школ и направлений [между прочим, и К. Геерцом (Гирцом), на работы которого имеются неоднократные ссылки в рецензии, правда, в другой связи].

статки, объясняемые прежде всего теоретической неразработанностью проблемы возникновения балийской культуры в исторической науке, равно как и в искусствоведении и истории религии, — дает возможность увидеть эту культуру во всей ее сложности и красочности.

Есть у нас возражения и против некоторых других положений рецензента (например, вопрос о состоянии общинных подразделений — десы, банджара и субака — на Бали и роли каждого из них), однако это тема специальной дискуссии.

Что же касается общей оценки книги Л. М. Демина, мы уверены, что вывод, сделанный Б. Б. Парникелем, является слишком суровым. Нам представляется, что работа Л. М. Демина послужит полезным и нужным пособием для всех, кого интересуют проблемы истории и культуры балийцев, равно как проблемы индонезийской истории и культуры вообще. Многие же недочеты ее являются результатом как неразработанности и спорности обсуждаемых сюжетов, так и недостаточности имеющихся материалов по некоторым коренным проблемам истории балийской культуры.

А. Д. Дридзо

ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ ОБ ИНДИЙЦАХ ТРИНИДАДА¹

Хотя первые иммигранты из Индии прибыли на Тринидад более 100 лет назад и ныне индийцы составляют значительную часть населения острова, история и этнография этой группы населения до последних лет не привлекала внимания исследователей. Даже в общих работах (по истории Вест-Индии, по вопросам иммиграции с п-ова Индостан и т. п.) о данной категории тринидадцев говорится немного. Чаше всего они упоминаются в связи с историей индийского населения Британской Гвианы², либо когда речь идет обо всем этническом составе современного Тринидада³. Работ же, специально посвященных тринидадским индийцам, до последних лет не было. Можно сослаться лишь на небольшую статью автора этих строк, помещенную в сборнике «Страны и народы Востока», выпуск II (1961)⁴. К сожалению, при работе над ней не было возможности воспользоваться рецензируемым изданием; оно поступило в наши библиотеки уже после того, как сборник был подписан к печати.

Молодой американский этнограф и социолог Мортон Класс собирал материал для своей книги в одной из населенных индийцами тринидадских деревень, проведя в ней целый год (с июня 1957 по июнь 1958 г.). Он обобщил собранный материал в диссертации, за которую Колумбийский университет присудил ему в 1959 г. докторскую степень, а также одну из университетских премий. В основу рецензируемой работы и легла эта диссертация; она опубликована издательством того же Колумбийского университета.

В теоретическом отношении книга М. Класса не содержит, пожалуй, ничего нового. Сторонник теории аккультурации, он строит свою работу в соответствии с принципами этой теории; не случайно автор предисловия, калифорнийский ученый Конрад Эренсберг, посчитал не-

¹ Morton Klass, *East Indians in Trinidad, A Study if Cultural Persistence*, New York and London, 1961, 265 pp.

² См., например: Н. Glasenapp, *Die Inder in Guayana und Westinden*, — «Ibero-Amerikanisches Archiv», Jg. VII, 1933, Heft 3; Dwarka Nat, *A History of Indians in British Guiana*, London, 1950.

³ D. F. Crowley, *Plural and differential acculturation in Trinidad*, — «American anthropologist», vol. 59, 1957, № 5; I. E. Augelli and H. W. Taylor, *Race and population patterns in Trinidad*, — «Annals of the Association of American geographers», vol. 50, 1960, № 2.

⁴ А. Д. Дридзо, *Индийцы острова Тринидад*, — «Страны и народы Востока», вып. II, М., 1961, стр. 89—102.

обходимым подробно охарактеризовать в связи с упомянутой работой исследования Р. Редфилда, одного из основоположников теории аккультурации (стр. XII—XIII). Не случайно и то, что в выборе объекта исследования и в методике Класс следует примеру другого ученого, также сыгравшего решающую роль в создании этой теории, — М. Герсковица. В 1947 г. Мелвил Дж. Герсковиц в соавторстве со своей женой опубликовал монографическое описание тринидадской деревни, населенной неграми⁵. М. Класс неоднократно обращается к трудам своего маститого предшественника. Исследование о деревне, населенной индийцами, должно было, видимо, дополнить труд Герсковица, посвященный, как только что отмечалось, деревне негритянской. Следует признать, задача эта автору, в общем, удалась.

Деревня, которая описана в книге Класса, обозначена условным названием «Эмити». Известно лишь, что она расположена в графстве Карони. Автор, как отмечает он сам во введении, выбрал для исследования такой именно населенный пункт, который «дал бы возможность изучить все аспекты сельской жизни индийцев в физико-географических границах одной общины» (стр. XX). В некоторых деревнях, поясняет он, не было рисовых полей, другие не имели храмов и т. п. «Эмити» же располагала решительно всем, что требовалось исследователю.

Если не считать предисловия Эренсберга и вступления, принадлежащего самому автору, книга состоит из семи глав.

Первая из них, вводная (стр. 1—26), содержит материал главным образом о рабстве в Вест-Индии, о ввозе законтрактованных рабочих из Индостана, об индийцах на всем Тринидаде. Автор приводит данные Робертса⁶ относительно общей численности индийцев, ввезенных на остров (143 900); однако он не упоминает других данных, в частности, приведенных Кингсли Дэвисом (116 000)⁷ — может быть, потому, что книга этого исследователя осталась ему неизвестной; во всяком случае, в списке литературы ее нет.

М. Класс собрал интересные материалы об этническом, кастовом составе и пунктах вывоза индийцев, завербованных на Тринидад. Самое ценное в этих разделах — данные, почерпнутые из бесед со стариками, которым самим еще пришлось пройти процедуру вербовки. Автор не отмечает, однако, того существенного факта, что первые индийцы, привезенные на остров, принадлежали, по всей видимости, к племенам группы мунда⁸ и — второе важное обстоятельство — что жителей приморских районов среди иммигрантов всегда было немного (обитатели указанных местностей имели хотя бы некоторое представление о том, что ожидало их за океаном)⁹.

Автор полагает, далее, что выходцы из высших каст составляли среди переселенцев больший процент, чем обычно считают. С ним, однако, трудно согласиться. Здесь следует вспомнить и запрет брахманам пересекать море, и то, что на Тринидаде и в Британской Гвиане их ожидали главным образом занятия, запретные для этой касты¹⁰, и то, что брахман мог оказаться в безвыходном положении не так уж часто; и то, наконец, что для верующего индуиста высшей касты решение пе-

⁵ M. J. Herskovits and E. S. Herskovits, *Trinidad village*, New York, 1947. За десять лет до этого М. Герсковиц выпустил подобного же рода книгу на материале Гаити (*Life in Haitian valley*, New York, 1937).

⁶ См. G. W. Roberts, *The population of Jamaica*, Cambridge, 1957.

⁷ K. Davis, *The population of India and Pakistan*, Princeton, 1951, p. 101.

⁸ A. Dwarka Nat, *A history of Indians*, p. 10; А. Д. Дридзо, *Индийцы острова Тринидад*, стр. 91—92.

⁹ А. Д. Дридзо, *Индийцы острова Тринидад*, стр. 92.

¹⁰ Там же, стр. 95.

решагнуть через все эти запреты было тогда явлением экстраординарным.

Лучшей частью первой главы следует признать страницы, посвященные условиям труда и быта законтрактованных рабочих. Привлекательная работа 70—90-х годов прошлого века, давно уже ставшие библиографической редкостью, автор рисует картины тяжелого труда и угнетения; достаточно сказать, что рабочий день продолжался для законтрактованных рабочих 12, 14 и даже 16 часов (стр. 15).

Вторая глава (стр. 27—64) посвящена описанию деревни в общем плане. Дается очерк географии округа, подробно описывается история деревни с момента ее возникновения (конец 1886 г.) до наших дней. Затем следует характеристика каждого из районов этого значительного, почти с четырехтысячным населением поселка: центрального (Бекарри Род, Ллойд Стрит, Перзад Патх, Коконат); Томас Род; Касеку; Джангли Тола, Бэрраквил. Если первые два благоустроены и служат местом жительства наиболее богатым обитателям деревни, а Касеку теперь уже не очень от них отличается, то Джангли Тола — это район бедняков, а Бэрраквилем называют ту часть деревни, где сосредоточены трущобы (стр. 41—44).

Интересен раздел о наиболее характерных постройках деревни. Автор выделяет три наиболее распространенных типа: «аджупа» (глинобитный дом, «считающийся в Тринидаде типичным для бедного индийского крестьянина», — стр. 45), «криол» (более благоустроенный) и «современный», где живут самые богатые люди. Заслуживает самой положительной оценки попытка автора связать это деление с социальной структурой деревни (сделано это весьма подробно, по каждому району).

Заключает главу раздел о кастовом строе. М. Класс справедливо отмечает, что многие кастовые ограничения среди индийцев на Тринидаде уже отошли в прошлое (это касается прежде всего связи определенной профессии с определенной кастой, кастовой сегрегации и т. п.). Границы между кастами размываются, и переход из низшей в высшую становится не только возможным, но и все более и более легким. Любопытен в этом плане пример с камаром по кастовой принадлежности, который, переехав в другую часть острова, выдал там себя за брахмана и несколько лет занимался отправлением религиозного культа. Когда его опознал кто-то из бывших односельчан, он вернулся в Эмити и снова стал рабочим на плантации (стр. 58). Очень интересен анализ так называемых «джатов» — сложившихся в деревне 39 эндогамных групп, генетически связанных с кастами, но им не равнозначных (стр. 55). Насколько нам известно, до Класса подобных исследований не производил еще никто. Вместе с тем автор справедливо отмечает, что о полном исчезновении каст говорить пока рано.

Третья глава — «Эмити за работой» (стр. 65—92) — рассматривает экономическую структуру населенного пункта. Данные сгруппированы по занятиям («Работа на плантации», «Мелкие земледельцы», «Рисоводство», «Огородничество и скотоводство», «Прочие занятия»). Особенно ценными представляются сведения о заработной плате и подробнейшим образом описанный семейный бюджет (стр. 78, 79, 89—90, 91 и др.). Глава насыщена интереснейшим материалом, впервые — применительно к данной этнической категории — введенным в научный оборот.

Четвертая глава — «Брак и семья» (стр. 93—136) начинается детальнейшим анализом систем родства. Собранные автором материалы, в частности терминологические, дают всестороннюю картину, значение которой, думается, выходит за географические рамки описываемого им

острова (см. стр. 94—108). Раздел о семье начинается с указания на Закон о браках индийцев (1946 г.), до издания которого государство признавало решительно все браки, какой бы пандит ни совершал соответствующую церемонию; с 1946 г., однако, действительным считается только такой брачный союз, который освящен пандитом, имеющим соответствующую лицензию. О всех иных семьях на Тринидаде говорят, что эти муж и жена «обвенчаны под бамбуком». Подробно рассматривая все виды семьи в Эмити, автор приходит к выводу, что многоженство является в деревне редким исключением; что более 60% семей — это союзы, где муж и жена вступили в брак впервые; что в Эмити распространены различного рода незарегистрированные браки; что, наконец, кастовая принадлежность продолжает еще играть известную роль в этой области (попытка перешагнуть кастовые запреты приводит еще иногда к трагическим последствиям — стр. 117). Особый раздел посвящен «жизненному циклу», подробнее всего описывается свадьба (стр. 121—127) и положение женщины в семье. Заключительные разделы кратко освещают вопрос о главе семьи (обычно это старший из мужчин) и о порядке наследования.

В пятой главе описывается религия (стр. 137—183). Почти все жители деревни — индуисты, мусульман всего несколько семей. Исследуя вопрос об их взаимоотношениях, автор приходит к выводу, что особых трений между этими группами нет. В то же время отношения между индуистами и христианами (их в деревне тоже очень много, это пресвитериане и приверженцы так называемой «Божьей церкви») — несколько напряженнее. Большинство этих последних приняло христианство вынужденно, — чтобы получить с помощью миссионеров образование и места учителей (школы в Эмити и в соседних деревнях содержат преимущественно миссионеры). Любопытно, что когда в Эмити открылась индуистская школа, созданная союзом «Санатан Дхарма Махасабха», то несколько учителей, принявших в свое время пресвитерианство, вернулись к индуизму и устроились в эту школу. Один из них откровенно признался автору, что стал христианином только для того, чтобы избежать судьбы плантационного рабочего (стр. 140—141). Не удивительно, что у жителей деревни выработалось несколько недоверчивое отношение к христианизировавшимся односельчанам.

Автор подробно характеризует, далее, индуистскую религию в той форме, которая бытует в Эмити, а также касается вопроса о существующих там сектах (Рамананди, Агхор и др.). В деревне сейчас два пандита (священнослужителя), но один из них — брахман только по отцу; мать его принадлежала к касте шудра. Хотя корова и пользуется еще почетом и почти никто в деревне не ест говядины, отношение к ней все же не такое, как у крестьян в Индии. Корову нельзя убить; ее нельзя продать мяснику на убой, но можно сделать это через посредника, через третье лицо (стр. 153). Дается детальное описание праздников (дивали, холи и др.) и церемоний отправления религиозного культа, которые автор делит на три категории: общественные, получастные и частные. Глава завершается кратким описанием магических церемоний.

Рассмотренные главы, построенные, как и почти вся книга, на левых исследованиях автора, представляют большой интерес.

Шестая глава посвящена общественной жизни деревни (стр. 186—229). Построение ее представляется не совсем удачным. Автор начинает с описания досуга, отношений, складывающихся в быту, и затем только (стр. 192 и т. д.) переходит к структуре деревенской общины, излагая историю панчаята (собиравшегося в последний раз около

1950 г. — стр. 194) и вопросы поддержания порядка в деревне (стр. 195—199). Затем исследуются отношения, которые М. Класс обозначает индийским словом «праджа» и определяет (стр. 200, прим.) как взаимные обязанности, связывающие людей «высшего» и «низшего» положений. После этого автор обращается к внутрисемейным конфликтам и затем к конфликтам между соседями и вообще между отдельными жителями деревни. Материал этих разделов представляет несомненный интерес, но изложен он сумбурно; чем вызвана такая композиция, понять трудно. Это обстоятельство значительно снижает ценность фактов, собранных М. Классом.

Особо выделим последний раздел, посвященный политическим вопросам. Значение его возрастает еще и потому, что автор был свидетелем выборов 1958 г. Раздел содержит интересные данные об индийско-негритянских отношениях и их влиянии на политическую жизнь страны. Очень существенно указание автора на то, какую роль еще до сих пор играет принадлежность кандидата к высшей касте. М. Класс отмечает, в частности, что почти все индийские члены Законодательного совета острова в 1958 г. принадлежали либо к касте брахманов, либо к касте каттри (стр. 266, прим.).

Наконец, заключительная глава (стр. 230—249) посвящена подведению итогов исследования. Дается краткое изложение глав с выделением тех моментов, которые кажутся автору наиболее существенными. Весьма плодотворным следует признать сопоставление с Индией; к сожалению, М. Класс прибегает к нему лишь в данной главе, а не в основной части своего исследования. К общему его выводу, что жители Эмити это «не индийцы, но индийские жители Вест-Индии» (стр. 248), безусловно можно присоединиться.

К книге приложена библиография (стр. 251—256), никак не исчерпывающая, однако, литературу по теме (см., например, сноску 4).

В целом же можно сказать, что исследование М. Класа — первая в мировой литературе монография об индийцах Тринидада, — несмотря на отмеченные выше недостатки, представляет большой интерес. Обильный материал, собранный автором и впервые введенный им в научный оборот, значительно обогащает литературу по этнографии Вест-Индии. Изучать население Тринидада, не прибегая к работе М. Класа, теперь уже невозможно.

Л. И. Бонифатьева

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ УРОВНЯ УРБАНИЗАЦИИ ИНДИИ

Процесс урбанизации, непрерывно нарастающий во всем мире, выражается, с одной стороны, в опережающем по отношению ко всему населению росте городов и приобретении ими первенствующего значения в экономической, политической, культурной жизни человечества и, с другой стороны, — в расширении и усложнении связей между городом и деревней, распространении на деревню разностороннего и многообразного воздействия города.

Первоначальное появление города, как населенного пункта, функционально, а затем и морфологически коренным образом отличного от деревни, генетически связано с отделением ремесла от сельского хозяйства, с возникновением и развитием классового общества. Города складывались еще в древности, в рабовладельческую эпоху. Но интенсивный рост городов и городского населения начался в эпоху промышленного капитализма, по мере дальнейшего углубления и усложнения общественного разделения труда и классовой структуры общества. Капитализм принес с собой такие мощные факторы урбанизации, как возникновение и развитие крупной фабрично-заводской промышленности (сосредоточенной почти полностью в городах) и непрерывно нараставшее аграрное перенаселение в деревне, приводившее к пролетаризации громадных масс мелких производителей, устремлявшихся в города. Увеличение роли непроизводственной сферы в жизни общества сопровождалось ростом торговых, распределительных, финансовых функций городов, что также стимулировало процесс урбанизации. Мощным толчком для роста городов оказалось развитие политики, науки и образования в капиталистическом обществе.

Урбанизация имеет совершенно определенное экономико-географическое выражение. Складываясь в процессе территориального разделения труда, города в своем развитии сами оказывают активное, часто решающее влияние на размещение производства. Нередко развитие городов определяет выбор тех или иных природных ресурсов, которые используются обществом в определенное время на определенной территории (хотя часто наблюдается и обратное — рост городов в связи с использованием природных ресурсов). Территориальная организация производительных сил органически связана с конфигурацией сети городов, многие из которых выступают как фокусы, ядра формирования экономи-

ческих районов. Развитие урбанизации выражается в коренных изменениях в размещении населения. Происходит расширение городских территорий при относительном сокращении сельского населения.

Урбанизация играет важную роль в формировании специфических особенностей политической и социальной географии капиталистических стран. Города являются ведущими центрами политической жизни. В капиталистических городах чрезвычайно резко проявляются классовые контрасты и острые социальные противоречия и проблемы.

В молодых развивающихся государствах Азии урбанизация в настоящем и будущем приобретает большое значение в связи со многими особенностями этих стран. Актуальной задачей этих стран является индустриализация. В то же время процессы индустриализации и урбанизации тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Чрезвычайно важно правильное определение темпов индустриализации и, соответственно, урбанизации, которые отвечали бы и национальным интересам и экономическим возможностям страны. В условиях преобладания аграрной экономики и широкого распространения негородского уклада большое значение имеет установление рационального соотношения между городами и сельскими населенными пунктами. В развивающихся странах, где во многих районах процесс урбанизации находится в начальной стадии и в некоторых случаях регулируется государством, возникает возможность преодоления противоречий между городом и деревней еще до того, как эти противоречия приобретут особо острый характер.

Само собой понятно, что рост народного образования, культуры, науки неизбежно повлечет за собой и рост городов.

Следует особо отметить, что для развивающихся стран Азии со значительным населением (в первую очередь это относится к Индии) урбанизация имеет немалое значение в решении сложных демографических проблем. Развитие городов — постоянных центров притяжения рабочей силы — может в известной мере способствовать решению очень острой в современных молодых государствах проблемы — обеспечения работой массы трудоспособного населения. Во многих развивающихся странах Азии отмечается стремление ограничить рост населения путем сокращения рождаемости. Такие мероприятия, проводимые изолированно, не приводят и не могут привести к ощутимым результатам. Сложные демографические проблемы могут быть решены только комплексно, путем интенсивного развития экономики (что позволит достичь необходимого соответствия между темпами роста населения и производством материальных благ), путем подъема культуры. В решении демографических проблем большое место принадлежит индустриализации и ее неизбежному спутнику — урбанизации. Индустриализация, урбанизация, подъем культуры должны способствовать повышению жизненного уровня народа. Кроме того, эти же процессы, как показывает опыт более развитых стран, неизбежно приводят к сокращению темпов роста населения.

Процесс урбанизации непосредственно связан с уровнем и особенностями экономического, политического, социального, культурного развития стран. С другой стороны, достигнутый уровень и характерные черты урбанизации являются важным мерилom для определения социально-экономического и политического типа капиталистической страны. Показатели уровня урбанизации приобретают синтетическое значение, поскольку они вбирают в себя и отражают, как в фокусе, многие демографические, экономические, политические, культурные и исторические особенности страны. Таким образом, выявление уровня урбанизации приобретает определенный смысл при экономико- и политико-географическом изучении страны.

Обычным, наиболее распространенным мерилем уровня урбанизации является удельный вес городского населения ко всему населению страны. Однако использование этого показателя сильно затрудняется тем, что до сих пор отсутствует общепринятый международный критерий для определения города.

Принятые в разных странах критерии существенно различаются. Их содержание определяется во многом конкретными историческими, экономическими, социальными, политическими и культурными условиями страны, особенностями ее административно-территориального деления. Во многих странах в основу критерия города положен административный принцип: городами считаются те населенные пункты или административно-территориальные единицы, которые официально отнесены к числу городских постановлениями соответствующих государственных организаций. В других странах в основу причисления населенных пунктов к разряду городских положена определенная, обусловленная их населенность. В одних странах принимается в расчет только численность населения, без каких-либо дополнительных показателей, в других учитывается также наличие определенных «городских качеств» населенного пункта: его морфологические, демографические и социально-экономические особенности. В некоторых странах принципы выделения городов вообще официально не объявлены. Естественно, отсутствие единого критерия города в разных странах очень сильно затрудняет (а иногда делает и вовсе невозможным) сопоставление уровня их урбанизации. Тем не менее, несмотря на условность и ограниченность использования этого показателя, он остается до сих пор основным мерилем уровня урбанизации.

Итак, судя по удельному весу городского населения, Индия оказывается в числе наименее урбанизованных стран мира. В 1961 г. городское население Индии не достигало и 18%. По удельному весу городского населения Индия уступает не только развитым странам Западной Европы и Америки, но и некоторым развивающимся странам Азии.

Как видно из табл. 1, по удельному весу городского населения Индия занимает в несоциалистической Азии промежуточное положение между странами низкого и среднего относительного уровня урбанизации. Из таблицы также следует, что целый ряд развивающихся стран Азии обогнал Индию по доле городского населения. Урбанизация развивающихся стран Азии, отличающихся наиболее высоким процентом городских жителей, связана в первую очередь с развитием в них промышленности по добыче и первичной обработке минерального и сельскохозяйственного сырья, вывозимого на мировой рынок, а также с большим значением торгово-финансовых функций (которые в свою очередь определяются высокой экспортностью горнодобывающей промышленности и плантационного хозяйства, а в некоторых случаях — особым транспортно-географическим значением крупных морских портов в тех или иных странах).

В Индии, несмотря на ее относительно более высокий уровень экономического развития по сравнению с другими несоциалистическими странами Азии, во многих районах преобладает застойная аграрная экономика. А это ведет к замедленному росту городского населения. В начале текущего столетия горожане составляли десятую часть всего населения страны, через 60 лет они не составляли и одной пятой. Таким образом, за промежуток времени, превышающий полвека, удельный вес городского населения Индии повысился менее чем в два раза¹.

¹ См. подробнее Л. И. Бонифатьева, *Миграция населения Индии из деревни в город*, — «Страны и народы Востока», вып. III, М., 1964.

Таблица 1

**Удельный вес городского населения в развивающихся
странах Азии ***

Страна	Год	Городское население, %
Самый низкий уровень урбанизации (городское население менее 10%)		
Непал	1961	2,8
Йемен	Конец 50-х годов	5,0
Саудовская Аравия	Конец 50-х годов	5,0
Низкий уровень урбанизации (городское население от 10 до 30%)		
Таиланд	1960	11,8
Камбоджа	1958	12,8
Пакистан	1961	13,1
Индонезия	1961	14,8
Цейлон	1963	14,9
Бирма	1960	15,0
Индия	1961	18,0
Средний уровень урбанизации (городское население от 30 до 50%)		
Иран	1956	31,4
Турция	1960	31,9
Филиппины	1956	35,3
Кипр	1960	35,9
Ирак	1957	39,2
Иордания	1961	47,4
Ливан	1959	49,8
Высокий уровень урбанизации (городское население свыше 50%)		
Сингапур	1957	63,1
Бахрейнские острова	1959	65,5
Израиль	1961	77,9

* Таблица составлена по: «Demographic yearbook», 1962; справочник «Население мира», М., 1965; «Численность и распределение народов мира», М., 1962.

В целом удельный вес городского населения отражает некоторые особенности урбанизации Индии, связанные с относительно медленным развитием ее производительных сил.

Определяя уровень урбанизации Индии, совершенно необходимо учитывать не только долю, но и абсолютную численность городского населения. Специфической особенностью урбанизации Индии является сочетание низкой доли городского населения и весьма значительных его абсолютных размеров. В 1961 г. городское население Индии составило 79 млн. человек. Насколько весома эта величина, можно судить по тому, что число горожан в Индии значительно превосходит все население таких стран, как, например, Великобритания или ФРГ, и примерно равно численности населения Бразилии — страны, занимающей по количеству жителей восьмое место в мире.

Следовательно, для Индии с ее огромной численностью населения только один удельный вес городских жителей явно не показателен для определения уровня урбанизации. Близкие по своим значениям такие показатели для Индии и, скажем, Бирмы имеют совсем разный «вес», если учесть, что общее число жителей Индии составило 439 млн. человек в 1961 г. и 453 млн. в 1962 г., а в Бирме — 21 млн. в 1960 г. и 24 млн. в 1963 г.²

Таблица 2 показывает размеры относительного уровня урбанизации и абсолютной численности городского населения в тех зарубежных странах, которые по общему числу жителей входят на земном шаре в первый десяток.

Таблица 2
Городское население в крупнейших по числу жителей
странах мира *

Страна	Год	Общая численность населения, млн. человек	Городское население	
			млн. чело. эк	% ко всему населению
Китай	1956	621	86	13,8
Индия	1961	439	79	18,0
СССР	1959	209	100	50,0
СССР	1964	226	119	52,0
США	1960	179	125	69,9
Индонезия	1961	96	14	14,8
Пакистан	1961	94	12	13,1
Япония	1960	93	59	63,5
Бразилия	1960	71	32	45,1
ФРГ	1961	54	42	77,8
Великобритания	1961	53	42	78,1

* «Demographic Yearbook»; «Население мира».

Из табл. 2 явствует, что по абсолютным размерам городского населения Индия уступает лишь немногим странам земного шара. По численности городских жителей Индия значительно превосходит не только крупнейшие развивающиеся страны, находящиеся на низком или среднем уровне урбанизации (Индонезия, Пакистан, Бразилия), но и такие страны высокой урбанизации, как Япония, Великобритания и Федеративная Республика Германия.

Высокая абсолютная численность городского населения Индии, связанная прежде всего с общей очень большой численностью ее населения, придает особую значимость процессам урбанизации страны, поскольку ими охватываются десятки миллионов людей. Города Индии обладают значительными людскими ресурсами, которые при их полном и рациональном использовании могут иметь очень большое значение для развития производительных сил страны. Даже по минимальным расчетам трудоспособное население индийских городов составляет в настоящее время не менее 40 млн. человек³. Это на несколько миллионов больше всего

² Справочник «Население мира», М., 1965.

³ Эта цифра получена, исходя из предположения, что в городах, как и во всей стране в целом, трудоспособные (в возрасте 15—60 лет) составляют немногим более половины всего населения. Фактически в городах эта пропорция должна быть выше, так как в городском населении несколько понижена для детей (в связи с более низкой рождаемостью) и повышен процент юношеских и молодых возрастов (в результате преимущественного переселения из деревни молодых трудоспособных мужчин).

трудоспособного населения Великобритании. Трудовые ресурсы городов могут явиться важной предпосылкой для развития в Индии промышленности современных масштабов.

Возникает и ряд серьезных проблем, связанных с ростом городского населения. Одна из них — необходимость общего и профессионально-технического образования городских жителей⁴. Другая не менее важная задача — обеспечение полной занятости трудоспособных, ищущих работу. Недостаточное развитие в индийских городах таких характерных для современного города отраслей экономики, как промышленность и транспорт, и переполнение рынка труда неквалифицированными сельскими переселенцами, ищущими заработков в традиционных отраслях — торговле и в сфере услуг, вызывают хроническую безработицу среди городского населения. В результате — характерная для сегодняшней Индии низкая доля экономически активного населения во всем городском населении: в 1958/59 г. она составляла лишь одну треть⁵, тогда как трудоспособные составляют не менее половины всех городских жителей. Названные и другие проблемы приобретают особое значение ввиду очень большой численности населения городов.

При характеристике уровня урбанизации необходимо также учитывать и другой важный показатель — степень развития крупных городов (с населением в 100 тыс. человек и более). Крупные города знаменуют собой достижение высокой стадии урбанизации, высокую степень концентрации и локализации городских функций. Развитие крупных городов обычно сопровождается ростом городских агломераций — групповых форм городского расселения, характерных для стран наиболее высокой и «зрелой» урбанизации. В целом развитие крупных городов — очень важный не только количественный, но и, так сказать, качественный показатель степени урбанизации, достигнутой в той или иной стране.

Таблица 3 позволяет сопоставить Индию с некоторыми крупными, наиболее урбанизованными странами мира по развитию больших городов.

Таблица 3

Крупные города
(с населением в 100 тыс. человек и более) *

Страна	Год	Число крупных городов	Население крупных городов		
			млн. человек	% от всего городского населения	% общей численности населения
Индия	1961	107	35	44,5	8,3
США	1960	131	52	41,6	29,0
Великобритания	1962	62	21	50,0	39,6
ФРГ	1963	54	17	40,5	31,0
Япония	1961	120	42	71,2	44,6

* Таблица составлена по справочникам: «Население мира», М., 1965; Шигер А. Г., *Современная карта зарубежного мира*, М., 1965.

⁴ В 1958/59 гг. во всем экономически активном городском населении Индии неграмотные и малограмотные составили 88%; лишь 3% обладали каким-либо профессионально-техническим образованием. («The national sample survey. Fourteenth round: July 1958 — June 1959», Number 85, Calcutta, 1964).

⁵ «The national sample survey. Fourteenth round: July 1958 — June 1959», Number 85.

Из табл. 3 видно, что по развитию больших городов Индия находится на уровне крупных высокоурбанизованных капиталистических стран. По численности населения крупных городов и их числу Индия уступает Соединенным Штатам и Японии, но значительно превосходит Великобританию и ФРГ. По удельному весу населения крупных городов во всем городском населении Индия стоит примерно на одном уровне со всеми странами, указанными в табл. 3, за исключением Японии, которой она значительно уступает. При этом Индия резко отстает от всех упомянутых в табл. 3 высокоурбанизованных стран по доле населения крупных городов в общей численности населения. Как и низкий процент всего городского населения, этот показатель отражает низкий относительный уровень урбанизации Индии.

Следует отметить, что на протяжении XX в. непрерывно нарастает концентрация городского населения в крупных городах, а число их жителей увеличивается значительно быстрее, чем население всех городов в целом. Можно сказать, что в урбанизации Индии происходят те же количественные и качественные сдвиги, что и в развитых капиталистических странах высокого уровня урбанизации.

Таблица 4 свидетельствует об увеличении роли крупных городов в процессе урбанизации Индии.

Таблица 4

Крупные города Индии
(100 тыс. жителей и более) *

Год	Число крупных городов	Население крупных городов		Рост населения сравнительно с 1901 г.	
		млн. человек	% от всего городского населения	в крупных городах	во всех городах
1901	27	6	23,1	—	—
1911	25	6	23,1	4,9	0,8
1921	28	7	25,0	17,6	9,0
1931	32	8	23,5	40,5	30,2
1941	49	14	31,1	140,0	72,0
1951	74	24	38,7	304,4	140,9
1961	107	35	44,5	498,4	204,9

* Таблица составлена на основе «Census of India, Paper № 1, Final population totals», Delhi, 1962.

Из табл. 4 следует, что за 60 лет текущего столетия население крупных городов Индии выросло примерно в пять раз, а все городское население — в три раза. Если в начале века в крупных городах размещалось менее $\frac{1}{4}$ всех индийских горожан, то в настоящее время на долю крупных городов приходится почти половина всего городского населения страны. Все эти данные свидетельствуют о постепенном увеличивающемся значении крупных городов в экономической, политической и культурной жизни Индии.

Среди крупных городов следует особо выделить города-«миллионеры», с населением в 1 млн. человек и выше. Среди зарубежных стран Индия попадает в число первых пяти, где имеется наибольшее количество городов-«миллионеров».

По количеству городов-«миллионеров» и их суммарному населению Индия стоит вровень с Великобританией и Японией. Эта особенность также сближает Индию с высокоурбанизованными странами мира.

Т а б л и ц а 5.

Крупнейшие города в зарубежных странах
(1 млн. жителей и более) *

Страна	Год	Крупнейшие города	
		количество	население, млн. человек
США	1960	14	53
КНР	1957	14	32
Япония	1962	6	19
Индия	1961	7	18
Великобритания	1962	6	18

* Таблица составлена по данным справочника «Население мира», М., 1965, и «Census of India. Paper № 1...».

В тех случаях когда имелись данные о численности населения города-«миллионера» с пригородами, использовались эти цифры. Население Калькутты определено в 4,5 млн. человек (население собственно Калькутты, по переписи 1961 г., — 2,9 млн. и население ее промышленных пригородов — 2,9 млн. — по данным кн.: В. В. Петров, *Население Индии*, М., 1965). В некоторых случаях (данные по КНР и большинству городов Японии) численность населения городов-«миллионеров» — в пределах городской черты.

Подводя итог, следует сказать, что вопрос об уровне урбанизации Индии сложен и противоречив и не может быть решен однозначно. С одной стороны, такой важнейший показатель, как доля городского населения во всем населении страны, свидетельствует о низком относительном уровне урбанизации Индии. По этому показателю Индия бесспорно оказывается в числе наименее урбанизованных стран мира. Но другие показатели, характеризующие особенности ее урбанизации, ставят Индию в один ряд с наиболее урбанизованными странами мира. Как видно из приведенных выше данных, Индия занимает одно из первых мест в мире по абсолютной численности городского населения, по числу крупных городов и их населению. Эти абсолютные показатели, так же как и некоторые относительные — например, удельный вес крупных городов во всем городском населении, темпы роста населения этих городов — сближают Индию с высокоурбанизованными странами.

Двойственность, противоречивость различных показателей, характеризующих уровень урбанизации Индии, отражают сложность, противоречивость и даже, можно сказать, полярность, проявляющиеся в процессе урбанизации страны. Эти явления непосредственно связаны с многоукладностью индийской экономики.

Широкое распространение мелкотоварного уклада, связанного со слабым развитием производительных сил и в свою очередь препятствующего их подъему, является тормозом для быстрой урбанизации. Рост национального капитала, главным образом торгового, вызвал к жизни преимущественно малые и средние города — местные торговые и ремесленные центры. Некоторые из таких городов в течение длительного времени проходят начальные стадии функционального отделения от сельских населенных пунктов и сохраняют непосредственную связь с сельскохозяйственным производством. В общем количестве городов Индии преобладают малые города (с населением до 20 тыс. человек): в 1961 г. малых городов было 1927 из общего числа 2690. Несмотря на такое

большое число, их суммарное население составляло лишь 18,5 млн. человек, что было связано с малой населенностью каждого из городов⁶. Не обладая достаточной градообразующей базой, малые города показывают медленный рост населения. Замедленность развития малых, а также и некоторых средних городов (с числом жителей от 20 до 100 тыс. человек) и определяет низкий относительный уровень урбанизации в Индии.

Но, с другой стороны, проникновение в страну в течение 200 лет иностранного капитала и рост крупнокапиталистического производства привели к значительному развитию крупных городов, ознаменовавших достижение высоких стадий урбанизации. Рост крупных городов исторически связан с вовлечением Индии в систему мирового капиталистического хозяйства, с установлением ее тесных связей с внешним рынком. Кроме того, развитие некоторых из крупных городов связано с многовековой историей страны. Ряд городов — это древние исторические и культурные центры, сложившиеся и выросшие в очагах орошаемого земледелия. Сочетание больших городов, порожденных капиталистическим развитием, со старинными региональными центрами, развившимися еще в докапиталистическую эпоху, и позволило Индии занять одно из ведущих мест в мире по числу крупных городов и размерам их населения. Среди всех городов Индии крупные — обнаруживают опережающий рост, что определяет появление ряда показателей урбанизации, по которым Индия приближается к высокоурбанизованным странам.

При рассмотрении характерных черт урбанизации Индии необходимо учитывать большие (часто даже полярные) различия между мелкими, нередко полусельскими, и крупными городами; некоторые из которых по своим особенностям приближаются к городам высокоразвитых стран⁷. Следует принимать во внимание диалектическое единство между этими столь различными группами городов, соотношение которых и определяет противоречивость процесса урбанизации Индии.

⁶ Все цифры — из «Census of India 1961, Paper № 1».

⁷ О контрастности урбанизации стран Южной Азии (и в том числе Индии) см. Л. И. Бонифатьева, *Некоторые особенности городской сети в странах Южной и Юго-Восточной Азии*, — «Вопросы географии», сб. 66, М., 1965.

Г. В. Сдасюк

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РАЙОНОВ В ИНДИИ

Империалистическая эксплуатация пагубно отразилась на хозяйстве бывших колоний, привела к одностороннему развитию их производительных сил. На Женевской конференции ООН (1962 г.) по вопросу о применении научных и технических знаний для удовлетворения потребностей менее развитых районов отмечалось: «Слаборазвитые страны, бывшие колонии, были втянуты в мировой товарооборот и международное разделение труда; они стали производителями сырья и продовольствия для индустриально развитых стран. Их экономическое развитие приобрело односторонний характер. Вместо всестороннего развития потенциально богатых природных и человеческих ресурсов экономическое развитие их направлялось в сторону снабжения метрополии и мирового рынка каким-либо специфическим видом сырья. Слаборазвитые страны стали своеобразной мировой деревней для индустриально развитых стран»¹.

Индия — громадная страна, превосходящая по численности населения Африку, Латинскую Америку и Австралию, вместе взятых. Экономически это наиболее развитая страна среди бывших колоний. С середины 1950-х годов в Индии происходит ускоренное развитие тяжелой индустрии. Ее опыт представляет богатейший материал для научного исследования. Он весьма важен, так как многие из проблем, связанных с индустриализацией и формированием экономических районов, актуальны для бывших колониальных стран, стремящихся создать национальную экономику.

К моменту завоевания политической независимости экономика Индии имела типично колониальную структуру. Индия была отсталой аграрной страной: более 70% ее населения непосредственно зависело от сельского хозяйства. В промышленности в 1950/51 г. было занято 15,3 млн. человек — около 10% самостоятельного населения, из них 11,5 млн. приходилось на мелкую и кустарную промышленность и лишь 3,8 млн. человек — на фабрично-заводскую и горнодобывающую². Фабричное производство было представлено главным образом хлопчатобумажными, джутовыми, сахарными, маслодельными, кожевенно-обувными и другими предприятиями легкой и пищевой промышленности. В сумме на тек-

¹ «Промышленное развитие» (Доклады Генерального секретаря конференции), 39/GR; 81/D, Женева, 1962.

² «India. A Reference Annual», Delhi, 1961, p. 174.

стильную и пищевую промышленность приходилось свыше $\frac{2}{3}$ всех фабричных рабочих. Некоторое развитие получила горнодобывающая промышленность. Индийский экспорт составляли в основном сельскохозяйственная продукция (чай, специи, кожи и шкуры, растительные масла, табак, хлопок), минеральное сырье — марганец, слюда, железо и др.; важной статьёй экспорта служили лишь два вида продукции обрабатывающей промышленности — джутовые и хлопчатобумажные изделия. Ряд ведущих отраслей хозяйства — джутовая промышленность, производство чая, добыча марганца и слюды — почти целиком работал на экспорт. В то же время основные отрасли производства средств производства — машиностроение, химия, металлургия — почти отсутствовали, что ставило индийскую экономику в полную зависимость от импорта иностранных машин, оборудования, материалов.

Такой характер структуры народного хозяйства определял и главные особенности размещения производительных сил. Около 75% всей фабричной промышленности страны концентрировалось в трех крупнейших портах — в Калькутте, Бомбее и Мадрасе. Эти главные промышленно-портовые центры стимулировали экономическое развитие тяготеющих к ним территорий. Последние резко превосходили все другие части страны по уровню экономического развития. Здесь производилась основная масса как экспортной продукции, так и продукции, поступавшей на внутренний рынок.

Таблица 1

Размещение фабрично-заводской обрабатывающей промышленности в Индии в 1948 г., % к итогу *

Штат	Доля занятых в промышленности, %	Общая стоимость чистой продукции	Стоимость чистой продукции промышленности			
			хлопчатобумажной	сахарной	общего машиностроения и электротехники	химии
Западная Бенгалия	31,7	23,7	3,7	—	43,8	41,0
Бихар	6,1	7,2	—	14,3	9,7	4,2
Орисса	0,4	0,3	—	1,1	—	—
Махараштра и Гуджарат	34,7	44,8	70,7	18,6	32,3	39,6
Мадрас и Андхра Прадеш	10,3	8,5	11,2	18,6	6,8	6,6
Уттар Прадеш	9,7	10,0	7,6	55,6	1,9	7,1
Панджаб	1,3	0,9	0,3	—	2,2	—
Дели	1,2	1,6	2,6	—	1,3	0,6
Мадхья Прадеш	3,1	2,0	2,7	—	1,3	—
Прочие штаты	1,5	1,0	1,2	1,7	0,7	0,9
Итого Индия	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Таблица составлена по данным «Census of manufacturing industries», приводимым в статьях: Harish Chandra, *Regional development of Industries*, — «Economic times», 19.III.1963; «Concerted efforts needed to decentralise industries», — «Economic times», 22.III.1962.

На Северо-Востоке с центром в Калькутте вырабатывалась вся продукция джутовой промышленности (производство которой целиком концентрировалось в Калькутте и ее пригородах), почти вся продукция угольной и горнодобывающей промышленности, а также большая часть общендийского производства чая. В этом районе еще до завоевания

Индией независимости возникли первые предприятия черной металлургии страны.

На Западе (Махараштра, Гуджарат) с Бомбеем в качестве главного центра вырабатывалось около $\frac{2}{3}$ хлопчатобумажных тканей фабричного производства и размещалось примерно 25% всех маслодельных предприятий.

Южный район (штаты Мадрас, Керала, Майсур, Андхра Прадеш), тяготеющий к г. Мадрасу, значительно уступал по промышленному значению Северо-Восточному и Западному районам. Однако именно здесь производилась большая часть всей остальной индийской хлопчатобумажной и чайной продукции. Юг поставлял свыше $\frac{2}{3}$ общего количества кож и шкур. Здесь находилось более 40% маслодельных предприятий, были развиты и другие отрасли пищевой промышленности.

Три указанные крупные части страны обладали важными признаками, характеризующими экономический район. В Индии эти территории являлись районами наиболее развитого капитализма. Их хозяйство имело четко выраженную специализацию общегосударственного значения. Однако эта специализация в основном являлась результатом разделения труда между колонией и метрополией, а не между районами страны. Транспортно-экономические связи носили односторонний характер и тяготели к портам. Хотя главные виды производства были взаимосвязаны, эта связь в основном ограничилась специализацией сельского хозяйства прилегающих территорий на поставках сырья для ведущих отраслей промышленности, сосредоточенных в портах. Почти отсутствовала тяжелая индустрия — важнейшее звено общественного воспроизводства, связывающее хозяйство района, как и всей страны, в единое целое. Поэтому даже в трех главных, наиболее оформившихся экономических районах Индии не существовало завершенного цикла производства.

Для всей остальной обширной территории страны был характерен крайне низкий уровень экономического развития, почти полное отсутствие крупных центров фабрично-заводской промышленности, полунатуральное сельское хозяйство, слабость как межрайонных, так и внутрирайонных связей. На этом общем фоне на севере несколько выделялась территория Индо-Гангского бассейна, крупнейшего сельскохозяйственного района страны с отдельными центрами сахарной, рисоочистительной, хлопчатобумажной, кожевенно-обувной, стекольной промышленности (Канпур, Агра, Варанаси и др.).

С достижением политической независимости главной задачей бывших колониальных стран становится индустриализация, которая обеспечивает экономическую самостоятельность, создает фундамент развития всей экономики, ликвидирует диспропорции в структуре народного хозяйства. «В настоящее время все слаборазвитые страны считают индустриализацию своей первейшей задачей... Индустриализация — это реорганизация всех отраслей народного хозяйства страны на базе современной науки и техники, индустриализация является осью, становым хребтом всего процесса преобразования слаборазвитых стран. Только индустриализация, развиваясь в условиях, специфических для каждой страны, может привести к реорганизации всех остальных отраслей экономической, социальной и культурной жизни народов»³. Индустриализация является мощным фактором формирования экономических районов, служит средством устранения неравномерности в размещении производительных сил и развития отсталых территорий. Курс на индустриализацию был принят в независимой Индии со второго пятилетнего

³ «Промышленное развитие...».

плана (1955/56—1960/61)⁴. В докладе Генерального секретаря Плановой комиссии Индии доктора С. Р. Сена на Женевской конференции ООН 1962 г. говорилось: «...было решено, что наиболее подходящим является принятие альтернативной системы, развитой Махаланобисом, в которой была проведена грань между капиталовложениями в производство средств производства и капиталовложениями в производство предметов потребления. Важность помещения возможно **большей доли капиталовложений** в производство средств производства была еще раз подтверждена фактом, что в результате такого размещения капиталовложений были получены максимальные накопления. Обеспечению максимального развития в будущем и скорейшему достижению той стадии, когда можно будет встать на самостоятельный путь развития, придавалось еще большее значение, нежели максимальному увеличению существующих темпов развития»⁵.

В Индии, где уже существовали отдельные сравнительно развитые отрасли фабричной легкой промышленности, особенно резко ощущались диспропорции общественного производства — отсутствие важнейших отраслей I подразделения, поэтому здесь было особенно необходимо первоочередное создание тяжелой индустрии.

Промышленное производство в Индии за 1950/51—1964/65 гг. увеличилось почти в 2,4 раза. Особенно высокими темпами развивались новые отрасли тяжелой индустрии: так, производство стали за этот период выросло в 3,2 раза, производство азотных удобрений — в 26 раз, производство станков — почти в 70 раз и т. д.⁶ В первом пятилетнем плане на развитие фабрично-заводской и горнодобывающей промышленности было отпущено лишь около 4% общих ассигнований (0,7 млрд. рупий), во втором и третьем — по 20% (соответственно 9 и 15,2 млрд. рупий) по проекту четвертого пятилетнего плана — 26,7% (62,9 млрд. рупий)⁷.

Новые отрасли тяжелой промышленности создаются в Индии путем сооружения (обычно с иностранной помощью) мощных современных предприятий, спроектированных, как правило, в соответствии с последними научно-техническими достижениями. Обычно такие предприятия отличаются весьма крупными размерами. Они оказывают глубокое воздействие на экономику прилегающих территорий, «обрастая» комплексом связанных с ними производств. Строительство и эксплуатация таких предприятий привлекают десятки тысяч рабочих. Сельское хозяйство прилегающих территорий также подвергается изменениям: усиливается его товарность, увеличивается интенсивность использования земель, формируется пригородная специализация. Крупные новостройки тяжелой промышленности и энергетики выступают в качестве важнейших районообразующих факторов. Созданные в отсталых районах, они становятся базой подъема и развития их экономики.

Индия — союз семнадцати национальных штатов. Эти штаты созданы в результате длительной и упорной борьбы индийских народов. Добившись политического равенства и автономии, индийские народы теперь стремятся достичь и экономического равенства, покончить с крайне неравномерным размещением производительных сил, унаследованным

⁴ См. книгу «Развитие промышленности независимой Индии», М., 1964. Из индийских обобщающих источников на эту тему следует отметить книгу: Tulsi Ram Sharma and S. D. Singh Chauhan, *Indian industries (development, management, finance and organisation)*, Agra, 1965.

⁵ С. Р. Сен, *Организация планирования в Индии*, 39/Н/19, Женева, 1962.

⁶ «Fourth five year Plan, a draft outline», Delhi, 1966, pp. 39—40, 63—71.

⁷ «Third five year plan», Delhi, 1961, pp. 33, 58; «Fourth five year plan», p. 41.

от колониального прошлого. В этих условиях размещение новых объектов строительства проходит при определенной борьбе национальных штатов. Решение о размещении каждой крупной новостройки государственного сектора — не только важная технико-экономическая проблема, но и острый национальный, социально-политический вопрос внутренней политики, находящийся в центре внимания индийской общественности.

В независимой Индии все эти вопросы могут быть решены в интересах экономического развития страны. Основные принципы официальной политики индийского правительства в области размещения промышленности и планирования развития экономических районов, провозглашены в важнейших правительственных документах: в резолюции о промышленной политике 1956 г., во II и III пятилетних планах. В III пятилетнем плане говорится: «Сбалансированное развитие различных частей страны, экономический прогресс в менее развитых районах и широкое рассредоточение промышленности являются важнейшими задачами планового развития»⁸. Планирование районное и планирование общегосударственное рассматриваются как две неразрывные стороны единого процесса создания независимой экономики страны, поскольку национальная экономика должна базироваться на возможно более полном использовании природных, трудовых, экономических ресурсов каждого района. Одним из главных средств «сбалансирования» развития районов и более равномерного размещения производительных сил признается рассредоточение строящихся предприятий тяжелой промышленности. «Крупная промышленность, особенно тяжелая индустрия, обычно служит основой интенсивного и многостороннего развития»⁹. При этом отмечается: «благотворное влияние крупных новостроек на население прилегающих районов увеличивается в значительной мере в тех случаях, когда одновременно осуществляется строительство ряда связанных с ними или дополняющих их объектов. Поэтому каждую крупную новостройку следует рассматривать как ядро комплексного развития района в целом, что должно стать существенной чертой планирования»¹⁰.

Индийское правительство располагает действенными средствами для проведения в жизнь провозглашенных принципов, в первую очередь посредством размещения государственных предприятий тяжелой индустрии, а также воздействуя на размещение частных предприятий путем выдачи лицензий на их строительство, через систему железнодорожных тарифов, регулирование отпускных цен на ряд товаров, налоговую политику.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗМЕЩЕНИЯ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Энергетика, имеющая «постоянно-непрерывные и всеобъемлющие связи со всеми отраслями народного хозяйства»¹¹, оказывает большое воздействие на размещение промышленности (играя решающую роль в размещении энергоемких отраслей) и является одним из важнейших районообразующих факторов. Среди промышленных источников энергии в Индии абсолютно преобладает уголь.

⁸ «Third five year plan», p. 142.

⁹ Ibid., p. 143.

¹⁰ Ibid., p. 149.

¹¹ Е. А. Пробст, *Размещение социалистической промышленности. Теоретические очерки*, М., 1962, стр. 195.

Таблица 2

Тенденции изменения структуры энергопотребления в Индии
(в переводе на условное топливо), %*

Год	Уголь	Нефть	Гидро- энергетика	Непромыш- ленные виды энергия	Всего	Абсолютная величина условного топлива, млн. т
1953/54	18,5	11,9	1,4	68,2	100	184,5
1962 63	22,2	18,9	3,9	55,0	100	269,3
1970 71 (оценка)**	18,2	25,4	11,2	45,2	100	404,3

* Таблица составлена по данным: «Report of the Energy Survey of India Committee», Delhi, 1965, pp. 11—77.

** Данный вариант оценки исходит из предполагаемого среднегодового роста промышленного производства — 8,5%.

Угледобыча¹². Индия обладает довольно крупными запасами угля: разведанные запасы — 50 млрд. т, предполагаемые (включая угли низших сортов) — 150—180 млрд. т. Однако два «природных недостатка» неблагоприятно отражаются на индустриальном развитии и размещении тяжелой промышленности страны: неравномерность размещения угольных месторождений и ограниченность запасов коксующихся углей¹³.

Каменные угли Индии невысокого качества. Их месторождения, связанные с отложениями пермского возраста, концентрируются на северо-востоке полуостровной части страны. Главный угольный бассейн — долина р. Дамодара располагает более чем половиной общих запасов. Свыше 20% общих запасов сосредоточено в Центральной Индии (долина р. Пенча и др.) Отдельные месторождения каменного угля существуют в окраинных штатах: в Ассаме — на северо-востоке, Джамму и Кашмире — на северо-западе. Южная граница распространения каменных углей — бассейн р. Годавари (угольный бассейн Сингарени), запасы которого оцениваются менее чем в 5 млрд. т. На обширных территориях юга и в западной части страны месторождения углей пока не обнаружены, за исключением лигнитов на юго-восточном побережье (месторождение Нейвели в штате Мадрас с запасами 2 млрд. т).

В Индии чрезвычайно ограничены запасы коксующихся углей — всего 2,8 млрд. т, вместе с полукоксующимися — 15 млрд. т. Все известные месторождения коксующихся углей сосредоточены в Дамодарском бассейне (Джхария, Бокаро, Ранигандж, Гиридикх). Это неблагоприятно отражается на развитии индийской черной металлургии, а тем самым — на всей экономике страны.

Добыча угля в стране распределяется еще более неравномерно, чем ее угольные месторождения. Шахты и разрезы, сконцентрированные примерно на протяжении 300 км в долине р. Дамодара (штаты Бихар и Западная Бенгалия), дают около $\frac{3}{4}$ всего добываемого угля. Освоение угольных месторождений, расположенных вне Дамодарского бассейна, — одна из официально поставленных экономических задач в Индии. Четвертым пятилетним планом, при увеличении общего производства с

¹² «Report of the Energy survey of India committee», Delhi, 1965.

¹³ Подробнее об этом см.: Г. В. Сласюк, *Актуальные проблемы географии энергетики Индии*, — в сб.: «Страны и народы Востока», вып. III, М., 1964.

68 млн. т (в 1965/66 г.) до 106 млн. т, предусматривается снижение удельного веса добычи угля в Дамодарском бассейне до 67% (к 1971 г.). Угледобыча должна быть значительно расширена (главным образом за счет развития государственного сектора) в Центральной Индии и в бассейне Годавари. Поскольку большинство месторождений вне Дамодарского бассейна обладает углями низкого качества (большой зольности, повышенного увлажнения), их эффективное использование может быть достигнуто путем комплексной переработки на местах; необходимо, следовательно, строительство угольнообогатительных фабрик, химических заводов, крупных тепловых электростанций, работающих на отходах. Такого рода энерго-химические комбинаты создаются в Южной Индии: на митингах Нейвели (Мадрас), в Котхагудаме (Андхра Прадеш).

Нефтяная промышленность — одна из решающих, динамичных отраслей экономики XX в., в колониальной Индии почти отсутствовала. Хотя на местном нефтяном месторождении в Дигбое (верхняя часть долины Брахмапутры в Ассаме) англичане еще в конце XIX в. построили нефтеперерабатывающий завод — одно из первых нефтеперерабатывающих предприятий мира, — однако на этом развитие нефтяной промышленности страны в колониальный период практически остановилось. Накануне завоевания независимости нефтедобыча существовала лишь в Верхнем Ассаме, вся добываемая нефть перерабатывалась на Дигбойском заводе мощностью 0,5 млн. т.

Воспользовавшись острой нуждой в нефтепродуктах, которую страна испытывала в первые годы независимого существования, западные монополии, вопреки решению индийского правительства развивать нефтяную промышленность только в государственном секторе, навязали Индии кабальное соглашение, разрешавшее им строительство трех нефтеперерабатывающих заводов, которые и были созданы в 1954—1957 гг. Два из них — принадлежащие американской компании «Эссо» и английской «Бирма Шелл» — размещаются в Бомбее; один — собственность американской «Калтекс ойл» — в Висакхапатнаме. Суммарная мощность частных нефтеперерабатывающих предприятий достигнет к 1968 17,75 млн. т.

Эти заводы — неоколониалистское средство эксплуатации страны империалистическими силами. Предприятия работают на импортной нефти, которую по высоким ценам доставляют нефтяные монополии, орудующие в странах Ближнего Востока. Хозяева в Индии западные компании установили монопольные цены на вырабатываемые нефтепродукты. Создание национальной нефтяной промышленности, освобождение от засилья империалистических монополий — необходимое условие достижения экономической самостоятельности Индии.

Большой победой явилось открытие в Индии в конце 1950-х годов с помощью СССР месторождений нефти на западе — в Гуджарате (территория близ Камбейского залива, Анкleshvar) и на северо-востоке — в «старом» нефтяном Ассаме. На базе открытых месторождений развертывается добыча нефти, строятся крупные государственные нефтеперерабатывающие заводы, «обрастающие» предприятиями нефтехимии. На базе ассамской нефти, кроме существующего завода в Дигбое, в 1962 г. начал работать первый государственный завод в Нунмати (Гаухати — Ассам), построенный с помощью Румынии (1,25 млн. т). В северном Бихаре, в Барауни, с помощью СССР построен НПЗ мощностью 2 млн. т. На юге Гуджарата, в местечке Кояли, близ Бароды, также с советской помощью сооружается государственный нефтеперерабатывающий завод на 2 млн. т. Он будет главным потребителем гуджарат-

ской нефти, которая отчасти будет поставляться и на бомбейские предприятия.

В 1960-х годах в Индии начали действовать первые трубопроводы. Самый крупный действующий трубопровод Нахоркатья — Нунмати — Барауни (1152 км) доставляет нефть из верхней долины Брахмапутры к нефтеперерабатывающим заводам (НПЗ) Ассама и северного Бихара. НПЗ в Нунмати (Гаухати) соединен продуктопроводом (420 км) с Силигури. Поскольку ассамской нефти оказалось недостаточно для питания НПЗ в Барауни, к нему был проложен нефтепровод от Халдии (530 км), а в обратном направлении (от Барауни к Калькутте) построен продуктопровод. Заканчивается сооружение продуктопровода Барауни — Канпур (680 км).

Гораздо короче сеть трубопроводов, сооружаемая в Гуджарате: это газопроводы Камбей — Дхуваран (26 км), Анклешвар — Утран (42 км), Анклешвар — Барода (98 км); нефтепровод Анклешвар — Кояли (98 км) и продуктопроводы Кояли — Ахмадабад (120 км) ¹⁴.

К 1971 г. добыча нефти в Индии должна возрасти до 9,5 млн. т (с 0,6 млн. т в 1961 г.). Общие же потребности в нефтепродуктах на этот период оцениваются в 22 млн. т. Дефицит будет по-прежнему покрываться за счет импорта. Поэтому в Индии наряду с развитием внутренних ассамского и гуджаратского нефтяных районов сохраняется тенденция размещения нефтеперерабатывающей промышленности в портах: заканчивается строительство государственного нефтеперерабатывающего завода в керальском порту Кочин (первоначальной мощностью 2,5 млн. т); государственные нефтеперерабатывающие заводы такой же мощности строятся в Мадрасе и Халдии (новый порт, сооружаемый к югу от Калькутты).

Электроэнергетика. Опережающее развитие электроэнергетики — необходимое условие индустриализации. В Индии более 70% электричества, отпускаемого потребителям, поглощается промышленностью. В период независимости мощность электростанций только общего пользования возросла к 1965 г. в 3,7 раза и достигла 8,6 млн. кВт; предполагается, что к 1971 г. она составит 20 млн. кВт.

В колониальной Индии местоположение электростанций определялось главным образом запросами крупнейших городов. Так, почти половина мощности тепловых электростанций приходилась на Калькутту и прилегающие к ней территории; около 60% мощности ГЭС — на три электростанции, построенные в верховьях р. Кришны к востоку от Бомбея для обслуживания его нужд.

В годы независимости центральное место в энергетическом строительстве занимает сооружение относительно крупных государственных электростанций мощностью в несколько сот тысяч кВт. Местоположение таких электростанций определяется наличием благоприятных природных энергетических ресурсов. Естественно, что наибольшее число ТЭС строится в Дамодарском угольном бассейне (мощности в Мвт): Дургапур (две ТЭС—435 и 365), Бандел (330), Патрату (400), Чандрапура (420) и др. Отдельные ТЭС сооружаются на базе месторождений угля в разных частях страны: Талчер (250) в Ориссе, Сатпура (312), Корба (290) в Центральной Индии; Нейвели (600), Котхагудам (240) на Юге. Наряду со строительством новых ТЭС значительно расширяются тепловые электростанции, существующие в крупных городах — в Калькутте, Мадрасе, Дели и др.

¹⁴ «Committee on transport policy & coordination, Final Report», Delhi, 1966, pp. 152—153.

В центрах нефтепереработки строятся ТЭС, использующие отходы нефтепереработки и попутный газ (в районах нефтедобычи): в Бомбее (340), в Нахоркатье (70), в Ассаме; в Гуджарате строится Джуворан ТЭС (530) — самая крупная электростанция этого штата, испытывающего острый энергетический дефицит.

В Индии заметно возрастает роль ГЭС. Если в 1950 г. их мощность — 0,5 млн. кВт — составляла менее 25% суммарной мощности всех электростанций страны, то к 1966 г. на них приходилось около 42% (4,14 млн. кВт) общей мощности¹⁵. Строительство гидравлических электростанций в Индии обладает особыми важными преимуществами по сравнению с тепловыми. Расходы иностранной валюты на импорт оборудования при сооружении ГЭС в два-три раза ниже, чем для ТЭС. Большая часть расходов при гидротехническом строительстве приходится на «гражданские» работы — сооружение плотин, каналов, подготовку водохранилищ и т. д. В Индии, где, по официальным оценкам, в 1966 г. насчитывалось 9—10 млн. чел. полностью безработных, всячески поощряются трудоемкие виды работ. Многие ГЭС входят составной частью в комплексные гидротехнические узлы, основным назначением которых является орошение. Развитию же ирригации — важнейшему средству подъема сельскохозяйственного производства — в стране придается первостепенное значение.

Благоприятно то, что гидроэнергетические ресурсы довольно равномерно распределены по территории страны, концентрируясь в горных районах. Общий гидроэнергетический потенциал Индии, экономически и технически возможный для освоения, оценивают в 41 млн. кВт (при коэффициенте нагрузки 60%).

Гидроэнергетический потенциал распределяется следующим образом по главным речным бассейнам¹⁶:

	млн. кВт	% к итогу
Бассейн р. Ганга	4,83	12,0
» » Инда	6,58	15,9
» » Брахмапутры и других рек крайнего Северо-Востока	12,49	30,3
Реки Центральной Индии	4,35	10,5
» Южной Индии восточного направления	8,63	20,9
» Южной Индии западного направления	4,29	10,4
Итого . . .	41,17	100,0

В годы независимости гидроэнергетическое строительство разворачивается во всех главных речных бассейнах страны. Крупные комплексные гидроузлы, включающие мощные ГЭС, сооружаются в бассейне Инда: это Бхакра-Нангальский узел на р. Сатледже (полная мощность его ГЭС составит 1160 тыс. кВт, орошаемая площадь составит 1,4 млн. га); на р. Баисе начинается сооружение комплексного гидроузла, в перспективе еще более мощного. В бассейне Ганга комплексное гидротехническое строительство предпринимается в первую очередь на притоках, имеющих наибольшее экономическое значение: на юго-востоке на р. Дамодар (комплекс сооружений по борьбе с наводнениями: орошение — 400 тыс. га земель, ГЭС суммарной мощностью около 100 тыс. кВт), судоходный канал на юго-западе — на р. Чамбале (ГЭС суммарной мощностью около 300 тыс. кВт, ирригационные каналы). Строитель-

¹⁵ «Fourth five year plan...», р. 106.

¹⁶ Таблица составлена по данным «Third five year plan», р. 195.

ство крупных гидротехнических комплексов ведется и на левых гималайских притоках Ганга — на Коси, Гандаке, Рамганге и др. Первые, небольшие по размерам ГЭС появляются в бассейне Брахмапутры — в районе плато Шиллонг.

Начинается освоение рек Центральной Индии, протекающих по экономически наиболее отсталым территориям страны. В среднем течении р. Маханди завершается создание комплексного гидроузла Хиракуд (ГЭС суммарной мощностью 270 тыс. кВт, орошение 0,9 млн. га земель).

Еще до завоевания независимости гидроэнергетическое строительство в южной части страны отличалось ускоренными по сравнению с другими районами темпами. Оно стимулировалось тем, что на Юге гидроресурсы — это главный и для многих районов единственный местный энергетический источник. В то же время благодаря природным особенностям строить ГЭС здесь значительно проще, чем, например, в Гималаях. В годы независимости энергетическое строительство ведется в бассейнах всех крупных южных рек восточного направления. На р. Кавери реконструируется и расширяется Меттурский комплексный гидроузел (мощность его ГЭС достигает 250 тыс. кВт); на ее притоках в горном массиве Нилгири завершается создание каскада ГЭС (мощностью около 0,6 млн. кВт). В бассейне Кришны важнейшие новые центры энергетического строительства — на притоке Койна в Западных Гатах (мощность ГЭС составит около 860 тыс. кВт) и в среднем течении, где сооружается Шри-саилам ГЭС (440 тыс. кВт). Начинается освоение крупного энергетического потенциала бассейна Годавари, в нижней части которого (приток Силеру и др.) строится каскад ГЭС (суммарной мощностью около 1 млн. кВт).

На южных реках западного направления, коротких, бурных и относительно многоводных, впервые начинается сооружение таких крупных ГЭС, как Шаравати (на одноименной реке) — 890 тыс. кВт, Идикки — 520 тыс. кВт, Сабаригири — 300 тыс. кВт и др.

Мощные электростанции играют важную районообразующую роль. Главное назначение комплексных гидроузлов, строительство которых ведется по всей стране, — служить основой всестороннего подъема и экономического развития прилегающих территорий. Многие тепловые электростанции являются энергетической основой создаваемых энергопромышленных комбинатов. Крупные электростанции, вырабатывающие дешевую электроэнергию, становятся базой роста энергоемких производств.

В наиболее развитых частях Индии формируются районные энергетические системы¹⁷. Их создание диктуется как чисто технико-экономическими причинами (значительным повышением эффективности эксплуатации существующих электростанций), так и особенностями размещения энергетических ресурсов, которые образуют отдельные концентрации, окруженные территориями, бедными либо вовсе лишенными таких ресурсов. Вырисовываются как бы «природные энергетические районы», центрами которых служат концентрации гидроэнергетических потенциалов угольных либо нефтяных месторождений. Там, где потенциальная мощность природных энергоресурсов явно ниже потребностей окружающей территории, в Индии проектируется строительство атомных электростанций. На Западе, в местечке Тарапур, в 150 км к северу от Бомбея, заканчивается сооружение первой государственной атомной станции мощностью 380 тыс. кВт. Строительство второй атом-

¹⁷ Специально этой проблеме посвящена статья автора «Промышленное развитие Индии и формирование районных энергетических систем», — сб. «Вопросы географии», М., 1964, № 64.

ной электростанции (400 тыс. кВт) ведется на востоке Раджастанхана — в Ранапратап Сагаре. В Калпаккаме, к югу от г. Мадраса, проектируется сооружение третьей АЭС (400 тыс. кВт). Мощные гидравлические и тепловые электростанции строятся в местах, где имеются необходимые энергетические источники. Зачастую они отделены большими расстояниями от крупных промышленных центров — своих главных потребителей. Соединенные с последними высоковольтными линиями электропередач, они образуют остов развивающихся районных энергетических систем. Эти развивающиеся системы укрепляют хозяйственную взаимосвязанность территорий, являясь одной из материальных основ формирования крупных экономических районов.

Черная металлургия. По запасам железных (свыше 21 млрд. т) и марганцевых руд Индия является одной из богатейших стран мира. Среди железных руд наиболее распространены гематиты, связанные с архейскими осадочно-метаморфическими породами. Свыше $\frac{1}{3}$ общих железорудных запасов, причем руд самого высокого качества (с содержанием железа, как правило, более 60%) сконцентрировано на юго-восточной окраине плато Чхота-Нагпур, на северо-востоке полуостровной части страны. Почти $\frac{1}{3}$ железных руд также высокого качества приходится на Центральную Индию (основные месторождения находятся в юго-восточной части штата Мадхья Прадеш). Значительными железорудными запасами располагает Южная Индия (особенно штат Майсур, Гоа, территория Салема в Мадрасе, отдельные месторождения в Андхра Прадеше), где, правда, преобладают (за исключением Майсура) менее качественные магнетитовые руды. Добыча железной руды в Индии быстро растет (в млн. т):

Год	Добыча
1950/51	3
1964/65	15
1970/71 (план)	54

Причем 25 млн. т в 1970/71 гг. предполагается экспортировать¹⁸.

Широко распространены марганцевые руды. Их крупнейшие месторождения находятся в Центральной Индии.

Однако, как уже говорилось, все известные запасы коксующихся углей сосредоточены в Дамодарском бассейне. Именно здесь, в районе бассейна Дамодар — плато Чхота-Нагпур, где крупнейшие месторождения высококачественных железных руд сочетаются с единственными месторождениями коксующихся углей, уже в колониальный период, в начале XX в., возникли первые частные металлургические комбинаты: «ТИСКО» в Джамшедпуре и «ИИСКО» близ Асансола. Однако к моменту завоевания независимости их суммарная мощность составляла всего около 1 млн. т стали в год.

В годы независимости производство черных металлов в Индии существенно возрастает: в 1964/65 г. в стране было выплавлено 6,1 млн. т стали; к 1971 г. эта цифра должна увеличиться до 11,7 млн. т. Особенно заметное увеличение выплавки черных металлов произошло в Индии в конце 1950-х годов, когда вступили в строй три государственных металлургических комбината: Бхилаи, Роуркела и Дургапур (первоначальная мощность каждого — 1 млн. т).

Черная металлургия по-прежнему концентрируется на северо-востоке полуостровной части страны. Мощность действующих здесь частных

¹⁸ «Fourth five year plan...», pp. 65, 280.

комбинатов значительно увеличивается (по проекту четвертой пятилетки¹⁹: «ТИСКО» — до 2,2 млн. т, «ИЙСКО» — до 1,3 млн. т). Дургапурский комбинат (его мощность к 1971 г. расширяется до 3,4 млн. т) размещается на восточной окраине Дамодарского бассейна. Роуркела (проектируемая на 1971 г. мощность — 2,5 млн. т) находится на юго-восточной окраине плато Чхота-Нагпур. В Бокаро, в западной части Дамодарского бассейна, с помощью СССР будет строиться четвертый, самый крупный государственный металлургический комбинат.

В этом же районе (Дургапур, Джода и др.) в годы независимости развивается производство качественных сталей и ферросплавов.

Индийское правительство стремится рассредоточить черную металлургию. Это в известной мере нашло свое отражение в создании в центральной части страны на местной железорудной базе государственного металлургического комбината Бхилаи, мощность которого к 1971 г. достигнет 3,2 млн. т. От месторождений углей Дамодарского бассейна комбинат расположен почти в 750 км. Бхилаи — это форпост индийской черной металлургии, созданный с помощью СССР. Он — ближайший поставщик черных металлов для обширных территорий Южной, Западной и Северо-Западной Индии.

Однако дальнейшее рассредоточение черной металлургии затрудняется отсутствием коксующихся углей за пределами Дамодарского бассейна.

Единственное предприятие черной металлургии, расположенное вне северо-восточной и центральной частей страны, — это небольшой металлургический комбинат в Бхадравати, принадлежащий правительству южного штата Майсур. Его мощность увеличивается с 30 до 100 тыс. т в год. Комбинат работает на древесном угле. На нем все более расширяется применение электроэнергии в производственных процессах. Помимо работающей на древесном угле доменной печи чугун получают здесь также в электропечах. Рентабельность существования этого небольшого предприятия при наличии быстро растущих крупных комбинатов сохраняется благодаря специализации его на производстве качественной стали и ферросплавов, в которых Индия испытывает острый дефицит. Четвертым пятилетним планом предусматривается перевод Бхадравати на выпуск только специальных и качественных сталей.

Нехватку коксующихся углей ощущают многие страны, о чем специально говорилось в докладе Генерального секретаря секции черной и цветной металлургии Женевской конференции ООН. Однако там же отмечалось, что «быстро развивающиеся процессы электрометаллургии и прямого восстановления исключают необходимость в высококачественных коксующихся углях и могут успешно осуществляться на базе использования самых различных сортов низкокачественных топлив»²⁰. Современный технический прогресс постепенно уменьшает «привязанность» черной металлургии к месторождениям коксующихся углей. В Индии поставлена задача изучить возможность применения лигнитов Нейвели для низкошахтного доменного производства, с тем чтобы создать в Южной Индии на их базе сталеплавильный завод мощностью 0,5 млн. т. Развитие массового производства черных металлов в Южной Индии имело бы исключительно важное перспективное значение для изменения к лучшему общей картины размещения производительных сил страны.

¹⁹ Ibid.

²⁰ «Черная и цветная металлургия» (Доклад Генерального секретаря конференции...), 39/GR/ 90/D.

Цветная металлургия. Индия обладает достаточными запасами сырья для алюминиевой промышленности. Общие запасы бокситов в стране оцениваются специалистами в 250 млн. т, разведанные запасы с содержанием окиси алюминия выше 50% — в 31 млн. т²¹. Индийские бокситы — латеритного типа. Они представляют собой продукты выветривания базальтовых покровных пород, которые широко распространены в полуостровной части страны. Основные разведанные месторождения бокситов находятся на юго-востоке плато Чхота-Нагпур (Бихар) и на прилегающих плато Центральной Индии (Мадхья Прадеш); в Южной Индии — на Деканском плато близ Западных Гат (на границе Майсура и Махараштры) и на юго-востоке близ Салема (Мадрас). В годы независимости крупные месторождения высококачественных бокситов обнаружены на полуострове Катхиавар (Гуджарат). Добыча бокситов увеличилась в Индии за годы независимости почти в девять раз, составив 590 тыс. т в 1964 г. Крупнейшие поставщики бокситов в стране: Бихар (свыше 50% общей добычи), Гуджарат (порядка 20%) и Мадхья Прадеш (16%); остальная добыча приходится на Южную Индию — штаты Мадрас и Майсур (в сумме 8—9%)²².

Как известно, определяющий фактор размещения алюминиевой промышленности — наличие источников дешевой электроэнергии. В колониальной Индии существовали лишь два небольших алюминиевых завода, построенных в 1940-х годах: один на юго-западе, близ Алвае (Керала), другой — на северо-востоке, близ Асансола (Западная Бенгалия). В 1951 г. их суммарная мощность составляла всего 3,7 тыс. т. В годы независимости (особенно с 1960-х годов) в Индии происходит быстрое развитие алюминиевой промышленности. Так, выплавка алюминия в 1964/65 г. составила 54 тыс. т, к 1966 г. она должна достигнуть 330 тыс. Предполагается, что страна не только полностью будет удовлетворять свои потребности в алюминии (который служит в Индии важным заменителем других цветных металлов), но сможет и экспортировать как металл, так и изделия из него.

Развитие алюминиевой промышленности прямо связано с широким гидроэнергетическим строительством, предпринятым в независимой Индии. Поскольку крупные ГЭС сооружаются в самых разных частях страны, правительство имеет возможность осуществлять в этой области провозглашенную политику децентрализации производства. Алюминиевые комбинаты создаются в северной части страны у Хиракуд ГЭС в Ориссе (мощностью 20 тыс. т), у Риханд ГЭС (проектная мощность — 60 тыс. т), на юго-востоке Уттар Прадеша; на юге — в центральной части Мадраса близ Меттур ГЭС (первоначальная мощность комбината будет 10 тыс. т). Государственные алюминиевые заводы будут строиться близ Койны ГЭС в Махараштре (50 тыс. т) и в Корбе (100 тыс. т), штат Мадхья Прадеш. Расширяются старые алюминиевые заводы.

Разведанные месторождения руд других цветных металлов чрезвычайно скудны. До последнего времени в Индии разрабатывалось единственное месторождение медной руды на юго-востоке плато Чхота-Нагпур (округ Сингхбхум), запасы — около 2,9 млн. т (содержание меди — 2,5%).

Ведется подготовка для добычи медной руды в районе Кхетри и Дарибо в Раджастанхана, а также в Сиккиме (для чего образована смешанная государственная индийско-сиккимская компания). Запасы в

²¹ «Indian minerals year book», 1959, Delhi, 1961, p. 77.

²² Подсчитано по данным: «Statistical Abstract of the Indian Union, 1965», Delhi, 1966.

Кхетри оцениваются в 28 млн. т (содержание меди — 0,8%); в Сиккиме (Рангпо) — около 0,35 млн. т, с содержанием металлов (меди, свинца, цинка) 6,24%²³. Производство меди в стране увеличивается медленно (в тыс. т): с 6,6 в 1950/51 г. до 9,7 в 1960/61 г. и, как намечается планом, до 37,5 в 1970/71 г. Минимальные же потребности на этот период оцениваются в 180 тыс. т²⁴. До последнего времени вся черновая медь производилась на заводе, принадлежащем английской компании в Гхатсиле (Бихар). Его мощность достигнет к 1971 г. 16,5 тыс. т. Здесь осваивается производство и рафинированной (электролитической) меди. Завод по выпуску электролитической меди строится в Раджастхане на базе месторождений Кхетри и Дарибо. Его проектируемая мощность — 10 тыс. т²⁵, на 1970/71 г. — 21 тыс. т; ведется подготовка для дальнейшего расширения.

Единственное разрабатываемое месторождение свинцово-цинковых руд находится в юго-восточной части Раджастхана, близ Удайпура (Завар). Его запасы оцениваются в 8,3 млн. т (содержание цинка — 3,6%, свинца — 1,5%). В Заваре вырабатываются свинцовые (5,8 тыс. т в 1962 г.) и цинковые (9,8 тыс. т) концентраты. Цинковые концентраты до последнего времени экспортировались. Лишь ныне в Заваре сооружается первый в Индии государственный цинковый завод (проектируемая на 1970/71 г. мощность — 18 тыс. т). Свинцовые концентраты перевозятся в Бихар, где в Тунду существует единственный свинцовый завод страны. Заканчивается сооружение частного завода по выплавке цинка в Керале (20 тыс. т), он будет работать на импортных концентратах. Таким образом, и к 1970/71 г. когда, по оценкам, потребности в цинке достигнут 117 тыс. т, Индия будет удовлетворять их за счет собственного производства (в том числе и на базе импортных концентратов) лишь примерно на 1/3. Потребности почти во всех остальных цветных металлах полностью покрываются за счет импорта. Главная задача, которая стоит перед Индией в области развития цветной металлургии, — поиски руд цветных металлов.

Машиностроение. Как отмечалось на Женевской конференции ООН 1962 г., «промышленное развитие... нельзя рассматривать... в отрыве от развития электротехнической и машиностроительной промышленности»²⁶.

До завоевания независимости в Индии металлообрабатывающая промышленность и машиностроение были представлены главным образом ремонтными и сборочными предприятиями, которые работали на импортных деталях и узлах. Производства отдельных элементов оборудования для отраслей легкой и пищевой промышленности часто являлись придатками действовавших предприятий этих отраслей и потому территориально располагались в непосредственной близости от них. Вследствие этого большинство машиностроительных предприятий концентрировалось в трех главных портово-промышленных центрах: в Калькутте, Бомбее и Мадрасе.

Индустриализация независимой Индии требует прежде всего создания развитого машиностроения. В годы III пятилетнего плана был провозглашен лозунг: «Строить машины — строить Индию!». Машиностроение развивается в стране быстрее, чем большинство других отраслей промышленности. Производство оборудования для сахарной, чайной,

²³ «Programmes of industrial development 1961—1966», Delhi, 1962, pp. 54—55.

²⁴ «Fourth five year plan...», p. 263.

²⁵ Ibid.

²⁶ «Технология и организация машиностроения. Тяжелое машиностроение» (Доклад Генерального секретаря конференции), 39/GR; 35/D.

джутовой, цементной промышленности в современной Индии удовлетворяет нужды страны. Однако потребности хлопчатобумажных фабрик в оборудовании удовлетворяются за счет отечественного производства еще не полностью. К 1961 г. выпуск станков вырос примерно в 12 раз, но в стране не изготовлялось тяжелых станков и за счет импорта покрывалось 70—80% потребностей в станках этого типа. В период независимости благодаря развитию соответствующих отраслей машиностроения почти прекращается импорт локомотивов и пассажирских вагонов, но внутреннее производство не обеспечивает еще потребностей в товарных вагонах. Быстро растет выпуск мелкого электрооборудования. Во все возрастающих количествах из Индии экспортируются электронасосы, вентиляторы, мелкие электромоторы и т. п.

Развитие металлургии создает сырьевую базу для роста машиностроения. Однако, по сути, проблема, которая состоит в необходимости создания базы черной металлургии и в других частях страны, помимо северо-восточной и центральной, не решена.

Какая-либо одна группа факторов не имеет решающего значения для размещения большинства машиностроительных предприятий в такой мере, как для многих других отраслей промышленности (в том числе тяжелого металлоемкого машиностроения, тяготеющего к сырьевой базе); благодаря этому возможно их широкое рассредоточение. Машиностроению в Индии придается исключительное значение в решении проблемы более равномерного размещения производительных сил и хозяйственного развития отсталых районов. Так, например, в III пятилетке провозглашен принцип: «Каждому штату — станкостроительный завод». Однако сосредоточение черной металлургии на северо-востоке Индостанского полуострова не может не затруднять развитие машиностроения и металлообработки на большей части территории страны. Чтобы содействовать децентрализации этих производств, правительством с 1956 г. введены единые отпускные цены на сталь на всех железнодорожных станциях страны.

География машиностроения Индии продолжает в большой степени определяться сложившимся характером размещения производительных сил. Калькутта, Бомбей, Мадрас остаются ведущими центрами этой отрасли промышленности. Машиностроение ускоренно развивается и в городах, расположенных в непосредственной близости от них. В трех главных портово-промышленных центрах расширяется прежде всего производство машин и оборудования для легкой и пищевой промышленности, крупнейшими средоточениями которых и являются сами эти города. Так, все заводы по выпуску оборудования для джутовой промышленности и большая часть предприятий по изготовлению оборудования для чайной промышленности размещаются в Калькутте²⁷. В Бомбее находится более половины предприятий, выпускающих хлопчатобумажное, текстильное оборудование. Включая Ахмадабад и Бароду, на Западный промышленный пояс приходится свыше $\frac{2}{3}$ этого вида производства. В Бомбее, Калькутте, а также в Мадрасе развиваются химическое машиностроение, производство оборудования для сахарной, бумажной промышленности и др. В этих городах продолжают расти сборочные предприятия, зависящие от импорта деталей и узлов (например, автомобилестроение). Являясь главными научно-техническими центрами страны с многочисленными кадрами квалифицированной рабочей силы, Бомбей, Калькутта и Мадрас притягивают большое число частных предприя-

²⁷ См. «Production and Programmes of manufacture of machines and equipment in 1960 and in the Third five year plan of India», Govt. of India, Ministry of Commerce and Industry, Delhi, 1961.

тий электротехнической промышленности, станкостроения, инструментального производства, приборостроения.

Подобно трем главным городам, некоторые крупные сложившиеся центры легкой промышленности постепенно «обрастают» машиностроением, которое первоначально возникает для обслуживания нужд существующих предприятий, а затем приобретает и важное самостоятельное значение. Яркие примеры такого типа развития — Коимбатур на Юге; Ахмадабад, Барода на Западе. Коимбатур, крупный «хлопчатобумажный» город Индии, становится за годы независимости значительным центром текстильного машиностроения, а затем и электротехнической промышленности (здесь находится свыше $\frac{1}{3}$ предприятий по выпуску электромоторов, почти $\frac{1}{3}$ — по выпуску электронасосов и т. д.). В Ахмадабаде и Бароде наряду с текстильным машиностроением начинает развиваться химическое машиностроение, электротехника, автомобилестроение (в Бароде) и т. д.

Развивающееся тяжелое металлоемкое машиностроение тяготеет к главной угольно-металлургической базе страны на Северо-Востоке, концентрируясь в Дамодарской долине и на плато Чхота-Нагпур. На государственном заводе в Читтаранджане и на частном заводе Таты в Джемшедпуре сосредоточено почти все общендийское производство локомотивов. Комплекс машиностроительных предприятий Джемшедпура включает также заводы по производству труб, грузовых автомашин, экскаваторов, землеройных машин и т. п. В Дханбаде, Калькутте, Дургапуре сосредоточено все производство машин для угольной промышленности. В Дургапуре, в частности, с помощью СССР строится первый индийский государственный завод горношахтного оборудования. В Ранчи с советской помощью строится первый государственный завод тяжелого машиностроения, который будет выпускать в основном оборудование для черной металлургии. Он будет кооперироваться с сооружаемым рядом (с помощью Чехословакии) государственным заводом литья и поковок. В Ранчи также с помощью Чехословакии строится государственный завод тяжелых станков.

Появление в Центральной Индии Бхилайского металлургического комбината создает благоприятные условия для развития тяжелого машиностроения на тяготеющей к нему территории, особенно вдоль железнодорожной магистрали Калькутта — Бхилаи — Нагпур — Бомбей. Бхилаи, связанный прямой железнодорожной магистралью с Висакхапатнамом, расширил сырьевую базу расположенной там судостроительной верфи.

За годы независимости в разных частях страны — нередко в наиболее отсталых, глубинных территориях — появляются промышленные центры нового типа, основой которых служит машиностроение. Эти центры — прямой результат осуществления правительственной политики децентрализации: они создаются путем строительства крупных государственных машиностроительных предприятий. Город Бангалур, столица южного штата Майсур, — один из крупнейших машиностроительных центров страны. Во время войны английские власти, руководствуясь соображениями безопасности (удаленность от сухопутного театра военных действий с Японией), основали здесь ремонтные мастерские, в частности крупную авиаремонтную базу. В годы независимости в Бангалуре создаются уникальные государственные машиностроительные предприятия: авиационный завод, завод телефонной аппаратуры, электронного оборудования, крупнейший станкостроительный завод. Здесь построены отнюдь не крупные частные электротехнические предприятия, развивается текстильное машиностроение и т. д.

Три государственных завода тяжелого электрооборудования размещены в отсталых глубинных территориях. Первый из них с помощью Англии построен в Центральной Индии — в Бхопале, столице Мадхья Прадеша. Еще более мощные заводы тяжелого электрооборудования сооружаются на северо-западе, в горном районе Ришикеш (Уттар Прадеш) — с помощью СССР и в Южной Индии в Хайдарабаде — с помощью ЧССР. Тот же принцип децентрализации определяет размещение строящихся предприятий станкостроения и приборостроения. Так, в Пенджабе (в Сурадхпуре) строится крупный государственный станкостроительный завод по типу существующего в Бангалуре. В Раджастхане (Котах) сооружается первый государственный завод промышленных приборов и т. д. Следует особо выделить столичный район Дели как центр машиностроения. В столице и расположенных поблизости от нее (в радиусе примерно 200 км) городах Харианы (Рохтак, Сонепат, Панипат, Амбала и др.) и Уттар Прадеша (Гайзнабад, Мирут, Сахаранпур, Хардвар, Барейли и др.) за годы независимости строится довольно большое число машиностроительных предприятий. Роль этого района уже сегодня важна в ряде производств. Так, здесь расположены $\frac{1}{8}$ созданных предприятий по выпуску электромоторов (6), оборудования для сахарной промышленности (3), производства вагонов (2); около $\frac{1}{4}$ заводов дизельных моторов (7); $\frac{1}{3}$ предприятий сельскохозяйственного машиностроения (3)²⁸. Выгоды географического положения, широкие транспортные связи, громадная притягательная сила быстро растущей столицы — вот факторы, содействующие общему промышленному подъему и прежде всего развитию машиностроения этого района.

Химическая промышленность. В колониальной Индии химическая промышленность была представлена в основном немногими мелкими предприятиями, вырабатывавшими серную кислоту, красители, отбеливающие порошки и другие химикаты. Продукция этих предприятий, работавших почти целиком на импортном сырье и полуфабрикатах, потреблялась главным образом хлопчатобумажной промышленностью. На Калькутту и на Бомбей с прилегающими территориями приходилось почти 80% всего химического производства.

Химия является одной из наиболее быстро развивающихся отраслей промышленности современной Индии. Во много раз возрастает производство в основных отраслях неорганической химии. Органическая химия (нефтехимия, производство искусственного волокна, лекарств, инсектицидов и др.), по существу, возникла лишь в годы независимости²⁹.

Неорганическая химия. В Индии не обнаружено месторождений самородной серы, и потому страна испытывает большие затруднения с сырьем для выработки серной кислоты. Хотя под воздействием спроса сернокислотное производство растет довольно быстро, оно пока базируется на импортной сере. В Амджоре (Бихар) ведется строительство первого государственного завода по выработке серы из местных пиритов, содержащих 25—30% серы. Однако запроектированная мощность этого завода всего 12 тыс. т, в то время как потребности в элементарной сере (в основном для производства серной кислоты) превышают 0,5 млн. т в год³⁰. Сернокислотное производство тяготеет к потребителям. Поскольку серная кислота используется в различных химических и других процессах, ее производство существует почти во всех штатах. Однако естественно, что крупнейшими производителями серной кислоты являются

²⁸ Подсчитано по указанному источнику.

²⁹ Эти вопросы исследуются в книге «Развитие промышленности независимой Индии», М., 1964.

³⁰ «Programmes of industrial development 1961—66», New Delhi, 1961.

ся те штаты, в которых наиболее развита химическая промышленность: на Махараштру, Мадрас, Западную Бенгалию и Кералу приходилось в 1964 г. по 15—17% общего выпуска (179 тыс. т) ³¹.

Т а б л и ц а 3

Динамика развития ведущих отраслей химической промышленности, тыс. т *

Вид продукция	Производство, тыс. т		
	1950/51 г.	1964/65 г.	1970/71 г. (проект плана)
Серная кислота	101	695	2400
Каустическая сода	12	192	500
Кальцинированная сода	45	286	600
Азотные удобрения (в пересчете на связаный азот)	9	234	2000
Фосфорные удобрения (в пересчете на фосфорный ангидрид)	9	131	1000
Искусственный шелк	0,18	5,15**	67,0
Красители	0,18***	9,6**	14,0

* «Third five year plan», Delhi, 1961, pp. 505—507; «Fourth five year plan», Delhi, 1966, pp. 66—67, 289—293.

** Оценка на 1965/66 г.

*** 1955/56 г.

Для производства щелочей Индия располагает богатой сырьевой базой. В Гуджарате близость месторождений известняков к морскому побережью, где выпаривается поваренная соль, создает особо благоприятные условия для развития получения кальцинированной соды. В этом штате и сосредоточено почти все ее производство.

В отличие от этого производство каустической соды довольно рассредоточено. Поскольку при электролитическом способе ее получения необходимо наличие поваренной соли и дешевой электроэнергии, Мадрас, обладающий и тем и другим, является крупнейшим производителем каустической соды в Индии (около 31% общего выпуска), затем следуют Махараштра и Гуджарат (в сумме дающие примерно такое же количество) ³².

Благодаря тому что в химической промышленности используются самые разнообразные виды сырья и промышленных отходов, существуют большие возможности для рассредоточения этой отрасли хозяйства. Более полное использование побочных продуктов и отходов нефтяной, угольной, металлургической промышленности и других видов производства дает дополнительный экономический эффект и связано с развитием промышленных комплексов. В размещении предприятий минеральных удобрений индийское правительство в III пятилетке провозгласило принцип: «Каждому штату — комбинат минеральных удобрений».

В последние годы в Индии в качестве сырья для химической промышленности начинают использоваться низкосортные угли, месторождения которых далеко не так сконцентрированы, как запасы углей вышних сортов. Крупнейший комбинат углехимических производств создается в Южной Индии на базе лигнитов Нейвели. В местах угольных

³¹ Подсчитано по: «Monthly statistics of the production of selected industries of India for December, 1965», Calcutta, 1966.

³² Ibid.

разработок организуется производство азотных удобрений: в Котхагудаме (Андхра Прадеш), в Итарси (Мадхья Прадеш).

Развитие нефтедобычи и нефтепереработки при современной технологии создает основу для возникновения нефтехимических производств, выпускающих разнообразные продукты алифатического и ароматического ряда. Нефтехимия развивается в местах расположения мощных нефтеперерабатывающих заводов, а именно: на Западе, в полосе Бомбей — Ахмадабад, на востоке — у Висакхапатнама и на северо-востоке, в районах Дигбой — Нахоркатя, Нунмати — Гаухати и у Барауни.

Химическое производство создается также на базе развивающихся черной и цветной металлургии. Крупные комбинаты азотных удобрений строятся в Роуркеле, Дургапуре, налажен выпуск удобрений на Бхилаи. Строящийся цинковый завод в Заваре будет выпускать серную кислоту, необходимую для производства фосфорных удобрений (наметчено изготовление удобрений организовать на месте).

Наконец, энергоемкие виды химических производств развиваются в районах строительства крупных ГЭС, вырабатывающих дешевую электроэнергию. Так, например, крупный государственный комбинат азотных удобрений построен близ Бхакра-Нангальского гидроузла. Комбинаты азотных и фосфорных удобрений действуют в Алвае, получающем электроэнергию от Палливасал ГЭС.

Органическая химия. В ее развитии выделяется несколько основных направлений. Начинает создаваться отечественная сырьевая база для уже существующих химических производств. Так, например, в Гуджарате, в г. Булсаре, где действует крупнейшее предприятие по производству красителей, сооружается завод по выпуску химикатов, необходимых для изготовления пластмасс. Сырьем для него служат технический спирт, побочный продукт местной сахарной промышленности. В Махаращтре близ Панвела строится государственный завод полуфабрикатов фармацевтической промышленности.

В Индии, как и во всем мире, наблюдается быстрое внедрение в текстильную промышленность новых видов сырья — различных видов волокна, получаемых химическим путем. В стране с 1950-х годов возникает и быстро растет производство искусственного волокна из целлюлозной массы, главными потребителями которого становятся существующие хлопчатобумажные фабрики. Предприятия по производству искусственной пряжи основывают «текстильные магнаты» — владельцы крупнейших хлопчатобумажных компаний. Естественно, что предприятия искусственного волокна строят «по соседству» со старыми текстильными центрами. Их сосредоточение в приморских хлопчатобумажных районах стимулируется и тем, что до 1960-х годов основное сырье для этого производства — целлюлозная масса и сера — целиком импортировались. Производство каустической соды — третьего важнейшего вида сырья — также тяготеет к морским побережьям, где выпаривается поваренная соль.

Ведущие хлопчатобумажные районы, в первую очередь Бомбейско-Ахмадабадский, а также Южный и некоторые отдельные крупные центры хлопчатобумажной промышленности становятся главными производителями искусственного волокна. Мощным центром производства искусственного волокна для текстильной промышленности и высокопрочной пряжи, предназначенной для шинного корда, становится г. Кальян, расположенный в 60 км на северо-восток от Бомбея, где строят свои предприятия ведущие монополистические компании «Нейшнл рэйонс» и «Сенчури спиннинг энд мэнюфэкчурерс». Производство вискозного шелка возникло в Сурате (Гуджарат) — традиционном центре шелкоткацкой

промышленности. В гуджаратском порту Веравал строится новое предприятие искусственного волокна. Второй по значению хлопчатобумажный район страны — Южный — соответственно занимает второе место по развитию производства искусственного волокна. В Керале — в Перамбавуре — с 1951 г. действует первое индийское предприятие искусственного шелка. На севере Андхра Прадеша находится завод ацетатной пряжи и штапельного волокна «Сирсилк», принадлежащий монополистическому дому Бирла. В округе Коимбатур — главном хлопчатобумажном центре Южной Индии — пущен новый завод штапельного волокна и искусственной пряжи. Из других значительных центров хлопчатобумажной промышленности, где появилось производство искусственного волокна, следует отметить Канпур в Уттар Прадеше, Нагду на западе Мадхья Прадеша, близ Удджайна.

Отсутствие в Индии крупных массивов хвойных лесов и значительных посадок эвкалипта, из древесины которых обычно вырабатывается целлюлозная масса для изготовления искусственного волокна, ставило производство этого вида сырья в полную зависимость от импорта. Однако в стране предпринимаются попытки обходиться собственным сырьем, в частности разрабатывается технология получения целлюлозной массы из бамбука, отходов хлопкоочистки. Первый завод целлюлозной массы для искусственного волокна вступил в строй в конце 1963 г. в Керале (недалеко от Кожикода), где в изобилии растет бамбук и весьма благоприятны условия для его культивации. Мощность этого завода — 54 тыс. т готовой продукции в год (ежегодный импорт в начале 1960-х годов превышал 80 тыс. т). По оценкам специалистов, Индия имеет возможность достичь самоудовлетворения в этом основном виде сырья для промышленности искусственного волокна к 1970-м годам³³.

Организация в Индии производства синтетического волокна была затруднена отсутствием достаточно развитой нефтехимической промышленности, служащей поставщиком сырья, а также технической сложностью производства синтетических волокон. В последние годы по мере развития нефтехимии эта отрасль также начинает развиваться.

* * *

Итак, в Индии строятся мощные, технически совершенные предприятия тяжелой индустрии и энергетики (преимущественно в государственном секторе), которые становятся основой роста промышленных узлов и комплексов и приобретают ведущее районообразующее значение. Местоположение многих из них определяется размещением природных ресурсов. Индустриализация и освоение глубинных районов страны, наиболее экономически отсталых, но и наиболее богатых минерально-энергетическими ресурсами — взаимосвязанный процесс. В то же время новое строительство испытывает большое притягательное воздействие старых приморских промышленных территорий.

В ходе индустриализации по мере возникновения и распространения на территории страны новых крупных промышленных предприятий ускоряется процесс формирования экономических районов. Меняется структура и география хозяйства страны в целом и ее отдельных территорий. Индустриализация связана со сложными производственно-территориальными сдвигами, с вовлечением в промышленное развитие и межрайонное разделение труда «новых» и изменением характера развития «старых» экономических районов.

³³ «Commerce». An annual number, 1963, p. 95.

РОСТ ПРОМЫШЛЕННО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ — ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РАЙОНОВ

Северо-Восток (штаты Западная Бенгалия, Бихар, Ассам, Орисса). Исторически развитие этой территории было теснейшим образом связано с Калькуттой. До завоевания независимости специализация Северо-Востока определялась джутовой промышленностью, чайными плантациями и чайной промышленностью. Угледобыча в Дамодарском бассейне развивалась главным образом под воздействием спроса промышленности Калькутты и железных дорог. На плато Чхота-Нагпур добывалась основная масса минерального сырья (слюды, марганца, железа и др.), шедшего в основном на экспорт. В годы независимости наряду с этими старыми отраслями специализацию района все более определяют черная металлургия и создаваемое на ее основе тяжелое машиностроение, а также цикл нефтехимических производств.

«Стержень» этого района — четко оформившийся Калькуттско-Дамодарский промышленный пояс, который состоит из ряда промышленно-энергетических центров, расположенных вдоль долины р. Дамодара и связанных между собой единой энергосистемой, разветвленной сетью железных и шоссежных дорог, а также недавно выстроенным судоходным каналом. Калькуттская городская агломерация, численность населения которой в 1961 г. превысила 5,5 млн. человек, — крупнейший и старейший центр обрабатывающей промышленности, продолжающий быстро расширяться. Она по-прежнему сосредоточивает почти все производство джутовых изделий страны; общегосударственное значение имеют также стекольная, кожевенно-обувная, бумажная, керамическая, пищевая и другие отрасли легкой промышленности. За годы независимости большое значение приобретают машиностроительные предприятия, выпускающие оборудование для этих отраслей промышленности, а также электротехническая, станкоинструментальная промышленность, химическое машиностроение, производство железнодорожного оборудования и т. д.

Большинство других быстро растущих промышленных центров района связано с развитием угольно-металлургической базы. Среди них выделяется комплекс промышленных городов в средней части долины Дамодара на пограничных территориях штатов Западная Бенгалия и Бихар, где сосредоточена почти вся добыча угля, в том числе коксующегося. Это Дургапур, крупнейший промышленный город, выросший в годы независимости на месте деревни. Здесь построен государственный металлургический комбинат, развиваются связанные с ним химические производства (изготовление азотных удобрений), тяжелое машиностроение. Здесь сооружается государственный завод горношахтного оборудования, основная продукция которого — машины и оборудование для угольной промышленности — будет потребляться в том же поясе на углеразработках Дамодарского бассейна. В Дургапуре действует крупнейший частный завод тяжелого машиностроения «АВБ» (выпуск горношахтного оборудования, паровых котлов, оборудования для цементной промышленности и т. п.). В Дургапуре находится завод специальных и качественных сталей. Здесь сооружается завод оптического стекла и графитовый завод.

В группе городов Бурнпур — Култи — Асансол размещаются предприятия черной металлургии (комбинат «ИИСКО») и алюминиевой промышленности. На сравнительно небольшом расстоянии отсюда находится г. Читтаранджан, центр локомотивостроения, «химический город» Синдри Дханбад — центр угледобычи и машиностроения, специализированного на выпуске оборудования для угольной промышленности.

В западной части Дамодарского бассейна в Бокаро с помощью СССР будет строиться четвертый государственный комбинат черной металлургии.

Развитие черной металлургии было толчком для быстрого роста нового центра тяжелого машиностроения в Ранчи, расположенного примерно в центре плато Чхота-Нагпур. Здесь заканчивается сооружение комплекса металлоемких предприятий тяжелого машиностроения (завода тяжелого машиностроения, основная продукция которого предназначается для оснащения комбинатов черной металлургии; коопирующего с ним завода литья и поковок; завода тяжелых станков).

К тому же типу промышленных центров, базирующихся на черной металлургии, относится расположенный на юго-востоке Чхота-Нагпурского плато г. Джамшедпур — «арсенал» крупнейшей индийской монополии Тата. Здесь находятся татовский комбинат черной металлургии «ТИСКО» и комплекс связанных с ним предприятий тяжелого машиностроения (производство локомотивов, грузовых автомашин, труб, дорожно-строительного оборудования, бумагоделательного, химического оборудования и т. д.).

Черная металлургия является основой промышленного роста г. Роуркелы (где выстроен металлургический комбинат, сооружается комбинат азотных удобрений) и других центров Северо-Западной Ориссы: Джоды (ферромарганцевый завод), Раджганпура (производство огнеупоров и цемента) и др.

С 1960-х годов северный Бихар и крайний Северо-Восток (Ассам) приобретают важное промышленное значение в связи с созданием на базе нефтеперерабатывающих заводов центров нефтехимических производств. В верхнем Ассаме на базе нефтеперерабатывающего завода в Дигбое возникает комплекс нефтехимических производств, включающий государственный комбинат азотных удобрений и ряд частных предприятий — завод синтетического каучука, сажевый завод и др. Главным источником электроэнергии для этих предприятий явится строящаяся Нахоркатья ТЭС, которая будет работать на природном газе. Такого типа нефтехимические центры развиваются в Нунмати и Барауни.

Промышленное развитие Северо-Восточного района требует интенсивного строительства электростанций, которые, как правило, размещаются в главных промышленных центрах и работают на местном угле. В то же время происходящее за годы независимости развитие комплексного гидростроительства в свою очередь стимулирует рост промышленности. Характерный пример создания такого гидроэнергпромышленного центра в Северо-Восточном районе — Хиракудский гидроузел на средней Маханади (Орисса), на базе которого развивается алюминиевая промышленность.

Таким образом, в ходе индустриализации в Северо-Восточном районе складывается несколько ведущих циклов производств общегосударственного значения. С развитием текстильного машиностроения (главным образом производства оборудования для джутовой промышленности) и производства оборудования для различных отраслей пищевой и легкой промышленности восполняются в этом хозяйственном районе недостающие звенья в традиционных группах взаимосвязанных производств. Это прежде всего выращивание джута — джутовая промышленность — машиностроение, специализированное на выпуске оборудования для джутовых фабрик; чайные плантации — чайная промышленность — изготовление тары для чая — производство оборудования для чайных фабрик, производство удобрений для чайных плантаций. Все отчетливее форми-

руется цикл взаимосвязанных производств, основанных на использовании богатейших минеральносырьевых ресурсов района. Северо-Восток — главный горнодобывающий район, на который приходится около 80% общей стоимости продукции горнодобывающей промышленности Индии. Это главная и пока единственная угольно-металлургическая база страны. На этой базе развиваются разнообразные группы производств, между которыми существуют «вертикальные» и «горизонтальные» производственно-экономические связи. Сюда относятся: выплавка чугуна, стали, ферросплавов; коксохимическое производство, выработка удобрений и другой химической продукции; тяжелое машиностроение, специализирующееся на выпуске горношахтного и металлургического оборудования. Возникает цикл нефтехимических производств. Развиваются энергоемкие производства — алюминиевая промышленность, цветная металлургия.

Развитие этих ведущих производств означает усиление внутрирайонных производственных и экономических связей и оформление района как единого хозяйственного целого. Последнему в большой мере содействует растущая единая энергетическая система. Крупные тепловые электростанции Дамодарского бассейна объединены с группой тепловых электростанций Калькутты на юго-востоке и с тепловой электростанцией Джамшедпура на юго-западе, образуя замкнутую систему, конфигурация которой совпадает с направлением главного Калькуттско-Дамодарского промышленного пояса и других ведущих промышленных центров района. Проектируется объединение этой энергосистемы с формирующейся энергосистемой Северо-Западной Ориссы, основой которой является Хиракуд ГЭС.

Запад (штаты Махараштра и Гуджарат). На северо-западном побережье Индии выделяется четко оформившийся старый промышленный пояс, который простирается от Бомбея на север через Сурат, Броч, Бароду к Ахмадабаду. До независимости промышленность этой территории, уступавшая по объему производства лишь Северо-Востоку, была представлена почти исключительно хлопчатобумажными предприятиями. Ныне эта территория, сохраняя ведущую роль в текстильной промышленности, превращается в важнейший район разнообразных химических производств и машиностроения.

Развитие новых отраслей промышленности в этом районе в значительной мере связано с текстильным производством. Это прежде всего относится к химической промышленности. За годы независимости на Западе все большее значение приобретает производство искусственного волокна (из импортной целлюлозной массы) и изделий из него. Другие виды химии также тесно связаны с текстильной промышленностью: это производство отбеливающих порошков, красителей (на Западный район приходится почти 90% общего выпуска), серной кислоты (около 25% общего производства). Текстильная промышленность колониальной Индии базировалась почти исключительно на импортном оборудовании. Ныне в Бомбейско-Ахмадабдском районе быстро развивается текстильное машиностроение. Подобно тому как в области текстильного производства этот район играет главную роль в общендийских масштабах, и в области текстильного машиностроения и химических производств, связанных с текстильной промышленностью, он становится важнейшим.

В годы независимости большое общегосударственное значение приобретает развитие в Западном районе нефтепереработки и цикла нефтехимических производств. В развитии нефтехимической промышленности района выделяются два этапа, которые характеризуются и изменениями в географии этой отрасли. Созданная в середине 1950-х годов нефте-

перерабатывающая промышленность базировалась исключительно на импортной нефти, и потому два иностранных предприятия были размещены непосредственно в Бомбейском порту (на о-ве Тромбей). Здесь же развиваются нефтехимические производства. На базе побочных продуктов нефтепереработки в Тромбее сооружается крупный государственный комбинат азотных удобрений. Отходы нефтепереработки будут использоваться на строящейся ТЭС.

Новый этап начинается с 1960-х годов, с открытием нефти в Гуджарате. Создавая возможность для постепенного перехода бомбейских предприятий на переработку отечественной нефти (в 1963 г. в Бомбей из Анклешвара по железной дороге была доставлена первая партия в 730 тыс. т нефти), это открытие привело к строительству государственного нефтеперерабатывающего завода в Кояли (Гуджарат). В результате кроме Бомбейского нефтехимического комплекса возникает гуджаратский центр нефтедобычи, нефтепереработки и нефтехимии (территория Анклешвар — Кояли — Барода — Камбей — Ахмадабад).

Химическая промышленность Западного района базируется на переработке и других видов сырья. Гуджарат (особенно его западная часть — п-ов Катхиавар), располагающий разнообразным минеральным сырьем (поваренная и другие морские соли, известняки, гипсы и пр.), выступает как крупнейший производитель щелочей в стране.

Бомбей и другие города Махараштры (Панвел, Пуна) сосредоточивают основную массу предприятий тонкой химии (фармацевтических, парфюмерных и др.), существующих в стране. В годы независимости начинают развиваться производства по выработке сырья и полуфабрикатов, необходимых для этих предприятий, с тем чтобы уменьшить их зависимость от импорта.

Быстрое развитие химической промышленности вызывает появление химического машиностроения. Ряд уже существующих машиностроительных предприятий начинает специализироваться на выпуске химического оборудования. Строятся и специализированные заводы. Например, в Бомбее сооружается предприятие по выпуску оборудования для изготовления удобрений, серной кислоты, искусственных смол и пластмасс. В восточной, наиболее отсталой части Махараштры, в районе Нагпур — Видарбха, проектируется сооружение государственного завода емкостей и арматуры для химической промышленности. Новые предприятия химического машиностроения начинают создаваться в Гуджарате (в районе Бомбей — Барода).

Наряду с химическим производством машиностроение — также быстро развивающаяся новая отрасль промышленности Западного района, которая в большой степени определяет его специализацию в общегосударственном масштабе. Машиностроение этого района представлено средними и легкими, точными, неметаллоемкими видами производств. Бомбей — один из ведущих машиностроительных центров Индии, являющийся крупнейшим производителем оборудования и машин для текстильной и химической промышленности. Здесь изготавливается оборудование для сахарной и других отраслей пищевой и легкой промышленности. Значительное развитие получило мелкое электротехническое производство, станкостроение, автомобилестроение, отчасти производство сельскохозяйственного оборудования и т. д. Подобный разнообразный профиль машиностроения, правда в гораздо меньших размерах, характерен и для других крупных городов района — Ахмадабада, Бароды, Пуны.

В ходе индустриализации в Западном районе становится более завершенным цикл производств, связанных со старой ведущей отраслью —

текстильной промышленностью: хлопководство — хлопкоочистительная промышленность — прядильное и ткацкое хлопчатобумажное производство — швейная промышленность; группа химических производств, связанных с обслуживанием текстильной промышленности; текстильное машиностроение. Быстро развиваются группы производств, связанные с добычей и переработкой нефти, а также другого сырья для химической промышленности. Как и в Северо-Восточном районе, хозяйственной целостности Западного района содействует формирование единой энергосистемы. Ее центром является Бомбей и обслуживающие его гидравлические и тепловые станции. Энергоснабжение Бомбея значительно улучшилось с пуском Койна ГЭС, построенной примерно в 200 км к югу от Бомбея и связанной с ним линией электропередач. Проектируемое объединение бомбейских электростанций с растущей группой ТЭС района Ахмадабад — Камбей («через» будущую атомную электростанцию в Тарапуре) завершит в какой-то мере создание единой энергосистемы северной части западного побережья. Конфигурация этой системы, ее линейная вытянутость вдоль побережья определяется в значительной степени характером размещения главных промышленных центров Западного района.

Южная Индия (штаты Мадрас, Керала, Майсур, Андхра Прадеш). Традиционной специализацией этого района является фабричное хлопчатобумажное прядильное производство (продукция которого в основном потребляется широко разветвленной сетью местной кустарной ткацкой промышленности), койровая (изготовление пряжи и изделий из нее из волокон кокосовых орехов) и шелковая промышленность; пищевкусовая промышленность, представленная многочисленными предприятиями по выработке растительных масел, по очистке и упаковке орехов кэшью, сахарными заводами и т. д.; кожевенное производство.

В годы независимости на Юге развиваются текстильное машиностроение, электротехническая промышленность, станкостроение, а также химическая промышленность и выплавка алюминия. Развитию двух последних отраслей хозяйства способствует наличие дешевой электроэнергии ГЭС, природные запасы разнообразного химического сырья, а также бокситов. Довольно многочисленные кадры квалифицированной рабочей силы, развитая электроэнергетика, емкий местный рынок, с одной стороны, и проводимая политика децентрализации — с другой, содействуют возникновению на Юге машиностроения, которое хотя и оказывается здесь территориально оторванным от главной базы черной металлургии, но имеет некоторую «сырьевую базу» — развивающуюся алюминиевую промышленность и производство качественных металлов (Бхадравати).

В Южной Индии выделяется группа городов — центров фабричного хлопчатобумажного прядильного производства. В большинстве это старые промышленные центры, в которых потребности текстильных предприятий и других отраслей легкой промышленности (кожевенно-обувной, пищевой и др.), стимулировали возникновение обслуживающих их машиностроительных предприятий и некоторых химических производств. Постепенно машиностроение (главным образом тонкие, точные виды производств), а также химическая промышленность приобретают в этих городах большое самостоятельное значение.

Город Мадрас — наиболее характерный «представитель» промышленных центров этого типа. Являясь сосредоточием кожевенно-обувных, хлопчатобумажных, пищевых предприятий легкой промышленности, Мадрас и расположенные в непосредственной близости от него небольшие города становятся местом сооружения машиностроительных

предприятий: это государственный завод цельнометаллических пассажирских вагонов в Перамбуре (пригороде Мадраса), завод хирургических инструментов и точных приборов в Гуинди. Расширяются производства оборудования для текстильной, сахарной, цементной промышленности, выпуск автомашин, мотоциклов и велосипедов, электротехническая промышленность. Город Мадрас вместе с Коимбатуром и Мадурай, также расположенными в штате Мадрас, образуют старейший промышленный ареал Юга, специализирующийся на производстве хлопчатобумажной пряжи. Ведущая роль хлопчатобумажной промышленности определяет некоторое сходство в характере индустриального развития этого района в годы независимости с Западом. По производству искусственного волокна и изделий из него Юг стоит на втором месте после Запада. Текстильное машиностроение, концентрирующееся в Мадрасе, Коимбатуре, Бангалуре, по размерам производства уступает только Западному району.

Хайдарабад, столица Андхра Прадеша, один из шести индийских городов-«миллионеров», также имеет довольно разнообразную структуру промышленности, традиционной основой которой служит хлопчатобумажное производство, а также кожевенно-обувная и табачная промышленность. В годы независимости в Хайдарабаде расширяется станкостроение; строится крупный государственный завод электрооборудования. Поблизости в Санатнагаре с помощью СССР сооружается крупнейший государственный завод синтетических химико-фармацевтических препаратов.

В годы независимости в Южной Индии возникает новый тип промышленных центров, в которых ведущую роль играет машиностроение. Это прежде всего Бангалур, где размещается комплекс уникальных государственных машиностроительных предприятий, являющихся основой дальнейшего развития тонких и точных видов машиностроения. Так, в тесной производственной связи с существующим станкостроительным заводом будет действовать строящийся государственный часовой завод. Здесь развиваются электротехника, приборостроение.

Рост Висакхапатнама как промышленного центра связан с его портовым положением. В нем действует единственная в стране государственная судостроительная верфь; построен частный нефтеперерабатывающий завод, работающий на импортной нефти. На его базе развиваются химические производства (строится частный комбинат азотных удобрений). Примерно по такому же пути идет развитие третьего по величине и значению порта Южной Индии — Кочина, расположенного на юго-западе, в Керале. Здесь решено строить вторую государственную судоверфь; создается государственный нефтеперерабатывающий завод, ориентированный на импортную нефть.

В Южной Индии выделяется группа центров энергоемких производств, основой развития которых служат ГЭС. Алвае (Керала) — «старый», начавший формироваться с 1940-х годов, относительно сложившийся центр энергоемких производств, которые представлены алюминиевым комбинатом и группой химических предприятий (производство азотных, фосфорных удобрений, серной кислоты; здесь строится завод каустической соды). Энергетическая база Алвайского комплекса — находящаяся неподалеку Паллиवासал ГЭС. Близ расширяющихся ГЭС Меттурского гидроузла растет производство каустической соды и хлористых продуктов, строится алюминиевый завод. Новый центр энергоемких производств возникает в горах Нилгири (Мадрас), где завершается сооружение каскада ГЭС. Здесь построен и действует единственный в стране государственный завод кино- и фотопленки. В со-

седнем округе Коимбатур введен в строй один из крупнейших в стране частных комбинатов искусственного волокна. Все шире внедряется электрометаллургия на небольшом металлургическом комбинате в Бхадравати (Майсур), благодаря чему возможна специализация его на производстве качественной стали и ферросплавов, что исключительно важно для Индии в целом и для Южного района в особенности ввиду развивающегося здесь машиностроения. Бхадравати — небольшое, но хорошо оборудованное предприятие: здесь налажено производство некоторых видов металлоизделий (например, труб и др.), азотных удобрений, цемента.

С конца 1950-х годов в Южной Индии начинает развиваться углехимия, что имеет важнейшее значение для этого района, топливные ресурсы которого составляют месторождения низкокачественных углей бассейна Сингарени (на севере Андхра Прадеша) и месторождение лигнитов в Нейвели (побережье Мадраса). Комплекс углехимических предприятий Нейвели, сооружением которого ведает специально созданная государственная корпорация, — одна из крупнейших строек независимой Индии. Этот комплекс включает открытую добычу лигнитов (3,5 млн. т ежегодно), производство азотных удобрений на крупном строящемся комбинате; выработку из лигнитов карбонизированных брикетов (побочные продукты карбонизации — угольная пыль, фенол и др. пойдут в дальнейшем на химическую переработку). Энергетической основой этого комплекса служит сооружаемая ТЭС, которая ежегодно будет потреблять до 1,5 млн. т лигнитов. В угольном бассейне на севере района также развивается комплексное использование угля на месте добычи. Так, в Котхагудаме на базе местной угледобычи строится комбинат азотных удобрений и крупная ТЭС.

Таким образом, за годы независимости в Южном районе, как и в Западном (хотя и в значительно меньших размерах), развиваются группы производств, связанных с текстильной промышленностью. Быстрее всего растет машиностроение. Развивается разнообразная химическая промышленность. Формируются нефтехимические комплексы. Нефтехимический цикл в Южном районе является незавершенным и гораздо более слабым, чем на Северо-Востоке и на Западе, поскольку район не располагает собственными нефтью и газом. В то же время в Южной Индии быстрее, чем в других районах страны, развивается цикл энергоемких производств.

В целом по уровню экономического развития Южный район значительно отстает от Северо-Восточного и Западного. Промышленные предприятия здесь разнородны и разрозненны, межотраслевые связи слабы. Все это неизбежно проявляется в особенностях географии хозяйства района. На Северо-Востоке и на Западе взаимосвязанные системы промышленно-энергетических центров образуют четко выраженные промышленные пояса, которые служат экономическим и географическим стержнем соответствующих экономических районов. В Южной Индии подобные промышленные «сгущения» лишь намечаются (Мадрас—Салем—Коимбатур—Бангалур). Доминирующий элемент экономической географии этого района — отдельные индустриально-энергетические центры и узлы, возникшие и формирующиеся под действием различных факторов (портового положения, доступности дешевой электроэнергии и др.).

Важнейшим районообразующим фактором в Южной Индии служит гидроэнергетика. Само начало развития фабричной промышленности здесь (отстающее по времени от двух других старых промышленных районов) было непосредственно связано с гидроэнергетическим строи-

тельством. На Юге формируется крупнейшая в стране по территориальному охвату районная энергетическая система. Основа этой системы — существующие и строящиеся ГЭС на реках в пределах Западных Гат, в горном массиве Нилгири, на севере — в бассейне Годавари. Важную роль в обеспечении равномерного энергоснабжения района призваны сыграть крупные строящиеся ТЭС: Нейвели на юго-востоке, Котхагудам в северной половине. Конфигурация формирующейся Южной районной энергосистемы определяется размещением мощных электростанций и крупнейших городов — промышленных центров, основных потребителей электроэнергии. Создание этой системы существенно укрепит энергетическую базу района и явится одним из факторов усиления его внутренних связей.

В процессе индустриализации в глубинных частях территории Индии формируются новые экономические районы. Основой их роста служат крупные государственные новостройки энергетики и тяжелой индустрии. Контуры нескольких таких новых районов наметились уже достаточно ясно.

На Северо-Западе Индии сооружается крупнейший комплексный гидроузел Бхакра—Нангал на р. Сатледже (его I очередь введена в строй), который явится основой развития энергоемких производств: здесь построены мощный государственный комбинат азотных удобрений и завод тяжелой воды. Бхакра—Нангал служит главным источником электроэнергии для Дели, где в годы независимости ускоренно развиваются (несмотря на намерение правительства «уберечь» столицу от перегрузки промышленными предприятиями) текстильная, пищевая промышленность, разнообразные виды металлообработки и машиностроения. Дешевая электроэнергия Бхакры стимулирует промышленное развитие располагающегося недалеко от нее нового города — Чандигарха, превращающегося в важный машиностроительный центр (оборонный завод, производство бумагоделательного оборудования, электротехническая промышленность). В поясе городов Панджаба и Харианы (Амритсар, Лудхиана, Джалландар, Амбала и др.), протянувшемся от границы с Западным Пакистаном к Дели, традиционные отрасли шерстяного и хлопчатобумажного производств и др. дополняются быстро растущими новыми отраслями машиностроения. Бхакра—Нангал и Дели, соединенные между собой линиями электропередач, служат как бы спорными точками индустриализации и формирования экономического района на Северо-Западе Индии.

В северо-западной горной части Уттар Прадеша, в районе Хардвар—Ришикеш, с помощью СССР строится мощный государственный завод тяжелого электромашиностроения, а также создается ряд других предприятий. Источником энергии для этого нового промышленного центра будет служить сооружаемая Джамна ГЭС.

Вторая главная «точка роста», новый энергопромышленный комплекс, появляется и на юго-восточной окраине Уттар Прадеша, крупнейшего по населению, но промышленно отсталого штата страны. Основой формирования этого комплекса служат построенная Риханд ГЭС (250 Мвт) и сооружаемая Синграули ТЭС (250 Мвт). На этой энергетической базе возникает комплекс энергоемких производств: алюминиевый завод, комбинат минеральных удобрений, предприятие по выпуску каустической соды и других химических продуктов, а также бумажная фабрика, цементный завод и т. д.

В Уттар Прадеше проектируется создание единой энергетической системы путем объединения энергетических узлов Риханд и Синграули на юго-востоке со строящимися на северо-западе ГЭС — Джамна и

Рамганга. Линии электропередач пройдут через крупнейшие города штата, в которых работают ТЭС местного значения, и таким образом свяжут энергетическое хозяйство штата в единое целое.

Важный новый энергопромышленный центр формируется на юго-востоке штата Раджастан. Основа его — комплексный гидроузел на р. Чамбал. Город Котак, центр строительства Чамбальского гидроузла, расположенный на магистральных железнодорожных и шоссейных путях, пересекающих Восточный Раджастан, превращается в «промышленную столицу» штата с быстро растущей химической промышленностью и машиностроением. Радиальная система линий электропередач связывает Чамбальский узел с главными существующими и строящимися промышленными предприятиями прилегающих территорий Раджастана и Мадхья Прадеша. ЛЭП юго-западного направления связывает Чамбал с районом Удайпура, где развивается горнодобывающая промышленность и цветная металлургия; линия северного направления обеспечивает электроэнергией такие промышленные центры Раджастана, как Савая Мадхонур, где находится крупнейший в Индии цементный завод, и т. д.; линия юго-восточного направления идет в Бхонал, столицу Мадхья Прадеша, где находится крупный государственный завод тяжелого электромашиностроения.

В Центральной Индии, в восточной, наиболее отсталой части штата Мадхья Прадеш на «пустом месте» растет важнейший центр черной металлургии — Бхилайский комбинат. Его мощность, которая к 1966 г. достигнет 2,5 млн. т стали в год, в дальнейшем может быть значительно увеличена. Бхилайский комбинат вызвал к жизни целый комплекс связанных с ним производств: добычу железных руд, угля, известняков, производство огнеупоров, выпуск удобрений и т. д. В Бхилаи организуется промышленная колония (Industrial Estate), мелкие частные предприятия которой так или иначе будут связаны с комбинатом. Территории, тяготеющие к Бхилаи и расположенные вдоль проходящей через него железнодорожной магистрали, оказываются в благоприятных условиях для развития тяжелого машиностроения. Для обеспечения потребностей Бхилаи в электроэнергии помимо собственной заводской ТЭС примерно в 150 км на северо-восток от него на местных углях построена Корба ТЭС, мощность которой вслед за расширением мощности Бхилайского комбината увеличивается с 90 Мвт до 290 Мвт, благодаря чему она становится одной из крупнейших электростанций в Центральной Индии. Для обеспечения Бхилаи и этой электростанции топливом быстро возрастает угледобыча Корбы, которая, увеличившись за пятилетие в десять раз должна составить в 1965/66 г. 5,5 млн. т в год. Таким образом, Корба превращается в крупнейший центр угледобычи Центральной Индии. Электроэнергия Корбы ТЭС используется на местных угольных разрезах, в цементной промышленности и на других возникающих поблизости промышленных предприятиях. Такова «цепная реакция» промышленного развития, вызванная появлением ядра тяжелой индустрии — Бхилайского металлургического комбината. Его районообразующее значение иллюстрируется таким фактом: город Дург-Бхилаи за десятилетие с 1951 по 1961 г. показал рекордный в Индии прирост населения, увеличившись более чем в 5,5 раза (до 133 тыс. человек). Провинциальный городок превратился в крупный быстрорастущий, перспективный индустриальный центр.

ВЫВОДЫ

В процессе индустриализации Индии резко ускорилось формирование экономических районов. Старые относительно развитые территории (Северо-Восток, Запад, Юг) все более приобретают черты оформившихся экономических районов. Развитие в них тяжелой индустрии восполняет недостающие звенья в существовавших ранее циклах производств, связанных с переработкой сельскохозяйственного сырья. В то же время с индустриализацией связано изменение структуры экономики страны в целом и ее отдельных районов, возникновение в этих районах новых циклов производств: пирометаллургии, нефтехимии, гидроэнергетических комплексов и др. Районные энергетические системы, появляющиеся в наиболее промышленно «насыщенных» территориях и являющиеся в значительной мере результатом их развития, сами выступают как важнейший районообразующий фактор, «цементирующий» хозяйственное единство районов.

Меняется география как межрайонных, так и внутрирайонных связей. Если раньше они носили одностороннее направление «к портам», то теперь они приобретают все более разносторонний «центростремительный» характер. Если в колониальный период специализация районов определялась главным образом разделением труда между колонией и метрополией («экспортная» специализация Северо-Восточного района на джутовых изделиях и чае, а также некоторых видах минерального сырья, Западного района — на хлопке и хлопчатобумажных тканях, Южного — на хлопчатобумажной пряже, на выделке кож и шкур), то в ходе индустриализации все большее значение приобретают отрасли, работающие на внутренний рынок. Так, Северо-Восточный район превращается в главную угольно-металлургическую базу страны, в ведущий район тяжелого машиностроения, а также нефтедобычи и нефтехимии. Запад становится важнейшим районом нефтехимических и химических производств, а также среднего и легкого машиностроения и т. д.

Вместе с тем создаваемые в отсталых территориях крупные энергопромышленные центры (такие, как Бхакра—Нангал, Бхилаи) становятся основой формирования промышленно-территориальных комплексов, которые образуют «костяк» новых экономических районов.

Рост межрайонного разделения труда, усиление специализации районов на производствах, продукция которых предназначается для всей страны в целом, ускоряет общее экономическое развитие и формирование единого общего рынка Индии. В хозяйственную жизнь и общий товарооборот все более вовлекаются отсталые глубинные территории, в которых сосредоточены основные минерально-сырьевые и энергетические ресурсы страны. Развитие этих отсталых территорий в основном происходит путем строительства там крупных государственных предприятий тяжелой индустрии.

Однако размещение промышленности в Индии и формирование ее экономических районов — сложный, противоречивый процесс, происходящий в условиях ускоренного развития капитализма и стихийности экономического развития. Погоня за прибылью является «всеопределяющим» фактором капиталовложений (в том числе и их размещения) в частном секторе. Частные предприниматели, как правило, не идут на создание предприятий в отсталых районах из-за особо крупных первоначальных затрат капитала, необходимых в этих случаях. Поныне Бомбей, Калькутта, Мадрас остаются главными центрами деятельности частных индийских компаний и иностранных монополий, которые находят здесь готовую транспортно-энергетическую, промышленную,

научно-техническую, финансовую базы и другие благоприятные условия, облегчающие строительство новых промышленных предприятий. Сила «притяжения» крупнейших городов-«миллионеров», действующая повсеместно, исключительно велика в развивающихся странах на фоне их общей экономической отсталости.

Итак, в современной Индии явно определились тенденции нового типа экономического развития страны. Ускоренно развиваются отрасли тяжелой индустрии на фоне замедленного развития большинства традиционных отраслей легкой и пищевой промышленности и полужастойного состояния, в котором находится сельское хозяйство. Хотя Индия остается аграрной страной, однако развитие энергетики, тяжелой индустрии является наиболее динамичным фактором, воздействующим на все народное хозяйство страны и на формирование ее экономических районов.

Создание крупных государственных предприятий дает правительству возможность наиболее глубоко и активно влиять на ход экономического развития и изменение географии производительных сил. Все это определяет ведущую роль, которую играет тяжелая индустрия в формировании экономических районов Индии.

В. А. Пуляркин

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КАШМИРСКОЙ ДОЛИНЫ

Одна из самых крупных межгорных котловин в системе Гималаев, Кашмирская, или Сринагарская долина, в политическом и экономическом отношении представляет собой ведущий район Кашмирской провинции (включающей помимо самой долины также прилегающие горные местности) и всего штата Джамму и Кашмир. В долине сосредоточено 36% населения, приблизительно 40% посевных площадей (около 300 тыс. га), 30—35% поголовья крупного рогатого скота и почти все небольшое промышленное производство штата.

В котловине расположен крупнейший город, летняя столица Кашмира — Сринагар (1961 г. — 290 тыс. жителей), что сказалось на направлении сельского хозяйства прилежащего ареала. Долина обладает относительно развитой сетью дорог, обеспечивающих внутренние связи и выход местной продукции на рынки Индо-Гангской равнины (автомагистрали Сринагар — Равалпинди¹ и Сринагар — Джамму). В соответствии с запросами общиндийского хозяйства и в силу конкуренции с привозными товарами в Кашмирской долине в XX в. происходит расширение одних (садоводство) и сокращение других (хлопководство) сельскохозяйственных отраслей.

Все это содействовало развитию товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве долины, его большей, чем в других округах штата, связи с рынком. Однако о Кашмире в целом и о рассматриваемой территории, в частности, преждевременно еще говорить как о районах со сложившейся сельскохозяйственной специализацией. И хотя между отдельными частями штата существуют различия, прежде всего в структуре посевов, в соотношении земледелия и животноводства, в составе поголовья, они обусловлены при данном уровне развития производительных сил в первую очередь особенностями природных условий в разных частях Кашмира.

В самой Сринагарской долине основные пространственные различия в сельском хозяйстве проявляются, как правило, по вертикали, будучи связаны как с климатическими изменениями по высоте, так и, пожалуй, в еще большей мере с расположенными на разных гипсометрических уровнях основными элементами рельефа над уровнем мо-

¹ Сообщение с Равалпинди прекратилось с осени 1947 г.

ря. Таких характерных форм рельефа насчитывается три: аллювиальная равнина, древние террасы и горные склоны, и они по-разному используются в процессе производственной деятельности. Заметим, что окружающие горы с их пастбищными угодьями входят важной составляющей в природно-хозяйственный комплекс долины.

Кашмирская долина протянулась с юго-востока на северо-запад параллельно главным хребтам Гималаев на расстоянии 160 км при ширине 35—40 км (считая в обоих случаях по дну долины). Замкнутая со всех сторон хребтами долина напоминает чашу. Из нее имеется лишь один выход — в северо-западной части, где по глубокому ущелью к Панджабской равнине прорывается р. Джелам — главная водная артерия района. Притоки Джелама многочисленны, речная сеть имеет древовидный рисунок и обеспечивает благоприятные условия для искусственного орошения.

Аллювиальная равнина Джелама, включающая пойму и низкие террасы, представляет собой почти ровную на глаз поверхность, сложенную четвертичным аллювием (главным образом глина и ил), отлагающимся и поныне. В пределах долины река имеет падение лишь 0,6 м/км. При выходе на равнину, близ г. Анантнага, ширина Джелама достигает 40 м, глубина 3 м; река течет неторопливо, со скоростью около 2 км/час в низких песчаных берегах, образуя многочисленные меандры. Около Сринагара течение еще более замедляется и за городом становится едва заметным.

У Сринагара русло Джелама ограждено дамбами для защиты от паводков, так как берега реки почти не поднимаются над урезом воды. Однако весной и летом значительные земельные площади в долине оказываются затопленными; лишь зимой, в межень, они освобождаются от воды и их используют тогда как пастбища.

Аллювиальные почвы равнины очень плодородны, особенно на свеженаносных участках, лежащих в местах выноса ила притоками р. Джелама. Эти свеженаносные земли хорошо удерживают влагу и удобны для посева. Формируются преимущественно лугово-степные, в более влажных местах ниже по Джеламу их сменяют лугово-болотные, кое-где переходящие в торфяники. Но важнейшим моментом в характеристике этих почв остается их аллювиальное происхождение. Главные массивы пойменных земель находятся по левобережью Джелама.

Кашмирские крестьяне выделяют, основываясь на механическом составе местных почв, четыре главные их разновидности, ставя на первое место глинистые почвы², которые хорошо удерживают влагу и дают достаточно высокие урожаи в малождливые годы, особенно трудные для земледельца.

Естественный травяной покров на аллювиальной равнине сохранился на редких невозделанных участках, но весьма богат по количеству видов. Среди них особенно ценны клевера и прангос из семейства зонтичных, который служит зимним кормом для скота. Обширные площади в пойме вокруг озер заняты различными осоками и тростниками; в их зарослях нередко можно видеть лошадей, пасущихся по брюхо в воде.

В самой долине лесов нет. Но в результате многовековой деятельности человека появились многочисленные искусственные древесные насаждения, в которых распространены шелковица и различные фруктовые деревья.

² A. Raina, *Observations of soils and land utilisation in Kashmir Valley*, — «Geographical review of India», vol. XXV, 1963, № 3, p. 185.

По склонам долины и внутри ее расположены древние плоские возвышенные террасы; под местным названием «каревы» они вошли и в научную литературу. Каревы в большинстве своем приречены к горам и в отдельных случаях подняты на абсолютную высоту до 3,5 тыс. м, ширина их — 10—30 км. Подверженные энергичной эрозии, каревы не составляют непрерывного пояса, но тянутся на многие десятки километров вдоль склона окаймляющего долину с запада хребта Пир-Панджал и встречаются в разных частях описываемого района. Каревы сложены преимущественно песчаным, а также глинистым древнеаллювиальным материалом, но содержат также прослои ледниковых и, возможно, флювиогляциальных отложений³.

Каревы ввиду приподнятости над дном долины и характера формирующих их отложений прорезаны реками и ручьями, которые текут в узких, глубиной до 100 м дефиле. Поэтому ирригация карев — дело очень трудное и малораспространенное, осуществляется обычно при помощи небольших каналов, отводимых из сбегających по горным склонам ручьев. Рассеченность террас обеспечивает хороший дренаж, но ведет к засушливости, наложившей отпечаток ксерофитности на их ландшафт. Выйдя на слабонаклонную пойму, реки замедляют свое течение и некоторые из них теряются в болотах.

Земли карев довольно бедны минеральными веществами, и, хотя почвообразовательный процесс здесь близок к степному типу, накопление гумуса в почвах вряд ли бывает значительным.

Окружающие Кашмирскую долину горные цепи достигают в среднем 4 тыс. м. Хребет Пир-Панджал обращен к долине своим пологим склоном в отличие от окаймляющего ее с противоположной стороны Большого Гималайского хребта. Горы Пир-Панджала поросли великолепными густыми лесами, преимущественно хвойными (на высотах до 3200—3500 м). Их сменяет формация кустарникового типа, выше которой расположен пояс богатых субальпийских лугов — прекрасных пастбищ. Большие луговые участки — «марги» встречаются также в зоне лесов. На открытых палящему солнцу склонах Большого Гималайского хребта растут низкие травы и изредка кустарники, а лесная растительность развивается лишь в защищенных от солнца местах.

Обрабатываемые площади в горах незначительны и приурочены преимущественно к долинам рек, принадлежащих системе Джелама. Недостаток пахотных земель вынуждает крестьян все более сводить леса по склонам, и нижняя граница леса постепенно поднимается.

Вырубка лесов усиливает вынос грубого песчаного материала, как это наблюдается в бассейне р. Синда, что отрицательно сказывается на продуктивности почв аллювиальной равнины.

Для зоны хвойных лесов характерны подзолистые почвы. Они мало отличаются от подзолистых почв Европы и имеют типичный профиль. Гумусовый горизонт хорошо выражен и достигает мощности в 25—30 см. Сведение лесов ведет к оstepнению почв. Почвы из-под леса считаются кашмирцами вторыми по плодородию между почвами аллювиальной равнины и карев, но они быстро истощаются и после нескольких лет возделывания нуждаются в отдыхе.

Климатические условия Кашмирской долины многообразны в связи с высотой и местоположением отдельных районов. В собственно долине летние температуры высокие (в Сринагаре в июле +22,8°) и позволяют успешно возделывать такие типичные для субтропической

³ S. Bose, *Occupance in relation to geomorphology in the Vale of Kashmir*, — «Geographical review of India», vol. XXIII, 1961, № 2, p. 41.

зоны однолетние сельскохозяйственные культуры, как рис, хлопчатник. Полевые работы крестьяне начинают во второй половине марта — апреле, когда ведется пахота под культуры осенней жатвы, а завершают в октябре — ноябре уборкой риса и посевом озимых. Зимой в отдельные годы морозы достигают -20° , что ограничивает видовой состав плодовых насаждений. Наиболее успешно произрастают в долине фруктовые деревья южной полосы умеренных широт.

Снятие двух урожаев в году возможно лишь при определенном подборе культур: так, в ноябре сеют ячмень или рапс, которые убирают в середине — конце июня, после них успевают еще вырастить урожай кукурузы, проса или бобовых. По данным ценза 1941 г., вторично в течение года в Кашмирской провинции засеивалось всего лишь 5,1% пахотной площади (в провинции Джамму — 22,3%). Получение с одного участка двух урожаев сельскохозяйственных культур в году в Сринагарской долине мало распространено из-за рисоводческого направления земледелия. Рис не успевает вызреть после культур весенней жатвы, к тому же два урожая с рисовых полей за год привели бы к быстрому истощению почвы.

Увлажнение Кашмирской долины достаточное (коэффициент увлажнения >1) и позволяет выращивать без искусственного орошения все возделываемые культуры, кроме риса. Беднее других осадками аллювиальная равнина (Сринагар — 660 мм за год); в поясе каревых выпадает уже значительно больше (Барамула — 969 мм); самые обильные осадки (дожди и снег) выпадают в горах. В отличие от температурных колебаний, проявляющихся в основном по вертикали, распределение осадков во многом зависит от экспозиции склонов. Те из них, которые обращены к господствующим ветрам, получают, естественно, больше влаги (Сонамарг, в Большом Гималайском хребте, на высоте 2513 м — 1810 мм); поэтому на юго-западных склонах в Кашмире располагаются основные летние пастбища, а на противоположных склонах, где снеговой покров тоньше, сосредоточиваются зимние пастбищные угодья.

Характер выпадения осадков в течение года благоприятен для сельскохозяйственного производства. На февраль — апрель приходится 40—50% годовой суммы осадков, что обеспечивает хорошее естественное увлажнение и весенний полив полей. Последующие месяцы сравнительно сухие. В июле — августе в самой долине стоит преимущественно солнечная погода, дожди здесь редки. В горах же часто идут обложные дожди, продолжающиеся по нескольку дней. Осень — сухая и безоблачная, позволяет без потерь убрать урожай. Уже с октября в горах начинает выпадать снег, в ноябре весь район подвержен заморозкам (среднемесячная минимальная температура воздуха в Сринагаре $-0,5^{\circ}$), но лишь в январе приходит настоящая зима и начинаются сильные снегопады. Снег в долине лежит около двух месяцев, но температура днем часто поднимается выше 0° и поэтому снеговой покров относительно тонок, в 10—20 см. Однако в горах, где зарождаются реки, от которых зависит ирригационная сеть Кашмирской долины, мощность снегового покрова достигает многих метров. Весна наступает в марте, хотя погода еще переменчива.

Кашмирцы делят год на 6 сезонов: *сон* (весна) 15 марта — 15 мая; *гришем* (сухая и жаркая часть лета) 15 мая — 15 июля; *уахрат* (дождливая часть лета) 15 июля — 15 сентября; *харуд* (осень) 15 сентября — 15 ноября; *уандах* (зима) 15 ноября — 15 января; *шишир* (суровая часть зимы) 15 января — 15 марта.

Отметим, что в Кашмире в некоторые годы выпадает осадков в не-

сколько раз больше годовой нормы (например, в Сринагаре в 1899 г. их выпало 2764 мм, а число дождливых дней достигало 157). Провальные дожди, вызывающие в горах таяние и смыв снегов, ведут к наводнениям, которые наносят значительный ущерб полям. Так, в 1950 г. наводнением была уничтожена в Кашмирской долине треть урожая. сильное наводнение, приведшее к прорыву дамб, произошло и летом 1957 г.⁴ Неблагоприятно сказывается на сельском хозяйстве запаздывание влажного муссона; слабый снегопад зимой вызывает летом нехватку воды для орошения.

* * *

Аграрные отношения в Кашмирской долине отличались некоторыми особенностями по сравнению с другими частями княжества. До 1933 г. в Кашмирской провинции верховным собственником земли считался махараджа. Крестьяне, по кашмирской терминологии — *ассами*, аналоги индийским райатам, являлись постоянными наследственными арендаторами. Крестьянин по закону не мог быть согнан с земли до тех пор, пока он платил налоги, но права свободной купли — продажи земли ему не было дано. Все угодья, кроме пашни, находились в совместном пользовании общины. Помещики также формально не являлись собственниками земли, но могли сдавать ее в аренду и получали все выгоды фактического владения.

Данная система земельной собственности, которая тормозила капиталистическое развитие, постепенно пришла в противоречие с интересами торгово-ростовщических слоев и помещиков, требовавших полного права распоряжаться землей по своему усмотрению. Поэтому в 1938 г. под давлением этих социальных сил в Кашмирской провинции была введена частная собственность на землю. Проведенная в их интересах реформа привела к переходу земли в руки торгового капитала и ростовщиков путем скупки у крестьян земельных участков.

Сринагарская долина характеризовалась пониженной долей помещичьих земель. По данным ценза 1931 г. в Кашмирской провинции помещичьи владения составляли 2,3%, крестьян — наследственных арендаторов — 69,6 и крестьян — временных арендаторов — 28,1% всех хозяйств, тогда как для провинции Джамму соответствующие цифры равнялись 5,7%, 48,9 и 45,4% (к сожалению, аналогичные данные о распределении самой земельной площади отсутствуют). Для Кашмира был характерен тип помещика-абсентеиста, сдающего землю в аренду и не участвующего в процессе производства. Как и во многих других районах Индии, широко применялась субаренда. В связи с крестьянским малоземельем условия аренды здесь были очень тяжелыми — регламентации арендной платы не существовало, она доходила до 75% урожая. Постоянный отток средств из крестьянского хозяйства губительно сказывался на всей экономике Кашмира, в частности Сринагарской долины.

Борьба местных крестьян против феодализма и колониального режима особенно усилилась после второй мировой войны. В 1948 г. в Кашмире был ликвидирован ряд чисто средневековых привилегий помещиков, ограничен размер арендной платы. В ноябре 1950 г. в штате был принят закон об аграрной реформе, касающийся только пахотных угодий, по которому за помещиками сохраняются участки пашни в 9,1 га, а остальная пахотная земля отчуждается без компенсации.

⁴ «Kashmir», vol. VII, 1957, № 9, p. 241.

Крестьянин становится собственником земли, которую он раньше арендовал. Проведенная аграрная реформа имеет большое прогрессивное значение. Реформа подрывает феодальное землевладение и создает определенные возможности для подъема сельскохозяйственного производства в Кашмире. Всего в результате аграрной реформы в штате у помещиков отчуждается 180 тыс. га земли⁵.

Господствовавшая в княжестве система земельной собственности обусловила низкий уровень агротехники. Кашмирский крестьянин все еще вынужден довольствоваться простейшими сельскохозяйственными орудиями. Для пахоты применяют деревянный плуг или соху (лишь конец сошника оковывают железом), который тянет обычно пара волов. Тягловый скот в долине низкорослый, малосильный и с трудом справляется даже с легким деревянным плугом. Боронуют бревном, на котором для утяжеления стоит человек, или же комья земли просто разбивают деревянными молотками. Лопата у кашмирцев также деревянная, лишь край ее обит железом. Для рыхления полей пользуются маленькой мотыгой.

Жатву производят серпом, очень тщательно, чтобы не пропал ни один колосок. Молотьбу ведут цепями или с помощью нескольких быков, ходящих кругом по току. Вейние происходит на ветру, зерно подкидывают вверх лопатой. Урожай крестьяне переносят на своих плечах в больших ивовых корзинах.

Жители Кашмирской долины вынуждены ценить удобрения. Для унавоживания земли весной отары овец прогоняют перед их уходом на горные пастбища через поля, и каждый земледelec стремится заполучить отару на свой участок. На удобрение поступает лишь навоз, собранный за зиму, а навоз, который собран летом, смешивают с листьями чинары и ветками ивы, сушат и используют в качестве топлива. Для рисовых полей кашмирцы считают более ценным удобрением торф, который вносится раз в три года. Зеленые удобрения (если не считать запахиваемых сорняков) не применяются, минеральные — в небольших количествах стали ввозиться в Кашмир лишь в последние годы.

Севообороты не распространены. Обычно поле отводят под определенную культуру, которую возделывают до тех пор, пока земля не истощится; тогда эту культуру заменяют другой, менее требовательной к почве, или пускают участок под пар. Малые размеры наделов вынуждают крестьян постоянно стремиться к максимальному использованию всей земельной площади, и это препятствует расширению парового клина, введению в севооборот культур, повышающих плодородие почвы.

Урожайность на кашмирских полях, несмотря на большой объем труда, затрачиваемый земледельцами, низкая ввиду отсутствия севооборотов, недостатка удобрений, примитивности применяемых сельскохозяйственных орудий. Так, урожайность риса в Кашмире — около 10 ц/га, маиса — 8—10 ц/га, пшеницы — 7—8 ц/га.

Обеспеченность земель в Сринагарской долине выше, чем в других районах Кашмира, на одно хозяйство в среднем приходится около 1 $\frac{3}{4}$ га пашни. Пахотные угодья в долине охватывают около 60% земли, а по отдельным тахсилам приближаются к 80% территории. В пойме и на низких террасах Джелама непрерывно, на многие километры тянутся рисовые поля. Каревы используют слабее, так как оро-

⁵ «The Times of India directory & year book including who's who 1963-64», Bombay, 1964, p. 1328.

шение их требует больших затрат. С включением же горных ареалов общая распаханность округов Барамула и Анантнаг понижается до 20%.

Следует отметить, что классификация земель, сохранившаяся в Индии со времен английского колониального господства, совершенно не показывает роли кормовых угодий в земельном балансе страны и для Кашмира, где скотоводство имеет большое значение, явно неудовлетворительна. К тому же учет земли охватил только 35% территории района, оставив фактически необследованными его горные части.

Несмотря на крестьянское малоземелье, в Кашмирской долине еще остаются вне обработки 5—10% пахотнопригодных площадей. Это объясняется тем, что легко доступные участки распаханы уже давно; освоение же новых земель требует значительных средств. Феодалы и помещики, которые не вели своего хозяйства, в подобных работах не были заинтересованы, а крестьянам они были не под силу. Между тем дополнительная постройка дамб на берегах р. Джелама позволила бы осушить несколько тысяч гектаров болот и обезопасить от наводнений главный сельскохозяйственный район Кашмира.

Сеть оросительных каналов в Сринагарской долине обслуживает 60% посевных площадей, причем на аллювиальной равнине подавляющая часть посевов обеспечена ирригацией. В «нормальные» по климатическим условиям годы не возникает никаких трудностей с поливом. Разветвленная речная сеть и небольшой уклон поверхности облегчили проведение каналов, но сама р. Джелам для самотечного орошения не используется вследствие своего слабого падения и медленного течения. Таким образом, основные ирригационные системы приурочены к нижним участкам важнейших притоков Джелама. Целям орошения служат также многочисленные родниковые потоки, но вода в них холодна и не содержит плодородного ила.

Оросительные сооружения существуют в долине испокон веков; они в большинстве своем невелики, сооружены и поддерживаются силами одной или нескольких деревень. В колониальный период новое ирригационное строительство в долине почти не проводилось. Несколько крупных государственных каналов было построено преимущественно в предгорной полосе провинции Джамму — ареале расселения догров, господствовавшей в княжестве народности, к которой принадлежала правившая династия. Только в условиях независимой Индии стало уделяться должное внимание проблемам ирригации. За время действия первого и второго пятилетних планов пахотные площади в штате благодаря развитию орошения увеличились на 53 тыс. га⁶; в частности, большое строительство было проведено в долине р. Синда.

Главная отрасль сельского хозяйства в Кашмирской долине — земледелие. Оно служит основным источником существования для большинства местного населения.

Земледелие носит потребительский характер: в посевах господствуют зерновые, под которыми находится 85% всей пахотной площади. Технические культуры мало распространены. Причина этого кроется отнюдь не в природных условиях. Размещение технических культур в Индии сложилось под влиянием запросов метрополии, которой было выгоднее развивать их производство в районах, удобно расположенных для вывоза продукции.

⁶ «Statistical abstract of the Indian Union 1962», New Delhi, p. 1328.

Ведущая культура в земледелии Сринагарской долины — рис⁷. Важное место занимает также кукуруза. Долина была единственным районом в княжестве, обладавшим обычно излишками зерна. Вместе с тем структура растениеводства в долине несколько богаче, чем в других частях Кашмира. Долина — важнейший ареал садоводства и овощеводства, имеющих товарное значение. В значительных размерах производится посев масличных. На землях некоторых из карев выращивается шафран, который пользуется мировой известностью.

Рис занимает в Кашмирской долине до 130 тыс. га — 40% ее посевных площадей⁸. Аллювиальные земли долины почти целиком отведены под рис.

К производству этой важнейшей для него культуры кашмирский крестьянин относится с большим вниманием: возводит террасы, роет каналы, проводит ночи в поле, ожидая прихода воды, и, по выражению А. Снесарева⁹, готов целые дни возиться, копаясь и увязая в грязи. Поля под рис вспахивают по четыре раза (пахота начинается в марте), унавоживают, тщательно пропалывают.

В Кашмирской долине на поля высаживают преимущественно рассаду риса; непосредственный посев семян, дающий более высокий урожай, но одновременно более прихотливый и требовательный к влаге, применяют реже — при хорошо удобренной почве и обильном орошении. Высадка рассады на залитые водой поля под палящими лучами солнца — очень тяжелый и трудоемкий процесс. Один крестьянин с парой волов обслуживает за сезон только 0,8 га посевов риса.

Площади под рисом увеличиваются и уменьшаются в зависимости от наполнения каналов. Так, в 1956/57 г. посевы риса в Кашмире (а Сринагарская долина дает 75% сбора риса в штате) составляли 185 тыс. га, в 1957/58 г. — всего 141 тыс. га¹⁰. Если зимой выпало мало снега, а весна была без дождей, то часть рисовых полей приходится пускать под пар или засевать другими культурами (просяными, бобовыми, гречихой). Для хорошего урожая риса в долине нужны летом ясные теплые дни и прохладные ночи. Теплые ночи опасны для посевов — тогда растения поражаются болезнью. В сентябре требуется солнечная, нежаркая погода, причем умеренные дожди в первой половине месяца благоприятствуют урожаю. Осенью ущерб рисовым полям наносят ранние снегопады и заморозки.

Кашмир характеризуется большим разнообразием выращиваемых сортов риса — их возделывают 412, из которых 277 отечественных¹¹. Многие деревни известны своими собственными сортами риса. Это свидетельствует о древности культуры риса в Кашмире. Но по качеству кашмирский рис хуже, чем в целом по Индии: 75% собираемого зер-

⁷ Важно отметить, что основные культуры в разных районах Кашмира различны: в Сринагарской долине это рис, в предгорном районе провинции Джамму — пшеница, в горных районах Пир-Панджала — кукуруза, в высокогорных Пограничных округах — ячмень. Однако такое положение не есть свидетельство и выражение специализации сельского хозяйства этих районов, так как упомянутые культуры выращиваются в подавляющей степени для внутреннего потребления; это различие в сельскохозяйственных культурах связано с природными возможностями районов.

⁸ Данные о посевных площадях в округах Сринагар, Анантнаг и Барамула, включающих Кашмирскую долину с прилегающими горными местностями, см. в кн.: M. Randhawa & Prem Nath, *Farmers of India*, vol. I, Punjab, Himachal Pradesh, Jammu & Kashmir, New Delhi, 1959, pp. 291—292.

⁹ А. Снесарев, *Северо-Индийский театр (военно-географическое описание)*, ч. II, Ташкент, 1903, стр. 266.

¹⁰ «Abstract of agricultural statistics, India 1957», Delhi, 1959, p. 56.

¹¹ «Kashmir», vol. 6, 1956, № 1, p. 7.

на относится к грубым сортам, в то время как по Индии в целом — 55 %; высококачественных сортов в Кашмире нет совсем¹².

В последние годы правительство Индии уделяет большое внимание производству риса в Кашмире и проблеме расширения площадей под ним. Как показали недавно проведенные опыты, многие заболоченные участки долины вокруг озер даже сейчас годны для выращивания риса ассамских сортов, выносящих глубокое длительное затопление. В Кашмир были ввезены также высокоурожайные китайские сорта (они имеют урожайность на 60 % выше, чем у лучших местных разновидностей риса), которыми в 1950-х годах было засеяно уже свыше 30 % посевных площадей под этой культурой. Практически рис в Сринагарской долине возделывается только до высоты 2 тыс. м, так как с подъемом в горы возникает угроза заморозков и урожаи заметно снижаются, но один из местных и советские сорта риса оказались пригодными для выращивания на больших высотах¹³.

Под кукурузой в районе занято свыше 50 тыс. га. Температурный режим и увлажнение долины в общем благоприятны для вегетации этой культуры, но в центральной части долины может ощущаться недостаток осадков. Орошается менее 20 % посевов кукурузы. Она получила распространение в Кашмире как чисто продовольственная культура, но с конца XIX в. растительная масса начинает использоваться также на корм скоту (раньше стебли на зиму оставлялись в поле).

Кукуруза высевается в мае, через месяц женщины выходят на поля и рыхлят землю мотыгами, уборка происходит в сентябре — октябре.

Кашмирцы, признанные мастера рисоводства, к кукурузе относятся с меньшим вниманием. Почва под нее часто обрабатывается небрежно, борьба с сорняками ведется слабо, удобрения не вносятся, поэтому урожайность кукурузы в целом низкая.

Лучшими землями под эту культуру считаются осушенные болота по берегам Джелама. С таких плодородных и хорошо увлажненных участков снимают нередко богатейшие урожаи.

Качество посевов выше среднего также в гуджарских деревнях, расположенных по склонам Пир-Панджала, у нижней границы леса. У полукочевников-гуджаров достаточно скота, чтобы обеспечить удобрение своих сравнительно небольших полей. Верхний предел культуры лежит на высотах 2500—2700 м.

Под пшеницу отведено 10 % посевных площадей долины. Сравнительно с другими районами Кашмира в Сринагарской долине пшеница занимает скромное место. Это — культура осеннего посева (октябрь — ноябрь), урожай собирается в июле. В долине выращивается пшеница с мелким жестким малоценным зерном красноватого цвета. Часты случаи заболевания растений; возможно, на культуре пшеницы неблагоприятно сказывается близость грунтовых вод на аллювиальной равнине. Как и под кукурузу, поля под пшеницу обрабатывают плохо; ирригацией обеспечено менее десятой части посевов.

Другие зерновые имеют меньшее значение. К ним относятся в первую очередь неприхотливые ячмень и гречиха. Их возделывают и в самой долине (в частности, гречиху как скороспелую культуру осенней жатвы сеют в последний момент на рисовых полях, когда надежды на достаточное наполнение оросительных каналов не сбываются), и

¹² «Abstract of agricultural statistics of India 1936—37 to 1945—46», Delhi, 1949, p. 173.

¹³ «Kashmir», vol. 1, 1951, № 11, p. 233; vol. 2, 1952, № 2, p. 32; vol. 6, 1956, № 1, p. 7.

по горным склонам. Эти культуры встречаются вплоть до верхней границы земледелия, проходящей на уровне около 3 тыс. м.

Из технических в долине преобладают масличные. Основные площади отведены под рапс и горчицу — культуры, тяготеющие к осушенным болотным почвам, а также под масличный лен — по нижним склонам гор. По масличным культурам, имеющим в районе пищевое назначение, Сринагарская долина заметно выделяется на фоне всего Кашмира; отчасти это объясняется тем, что население долины мало потребляет топленого животного масла — *ghi*.

Отжим семян производят кустарным способом на мелких маслобойнях. Жмых скармливается скоту.

Табак выращивают на огородных участках. Под эту требовательную культуру отводят лучшие земли, которые тщательно удобряют. Распространены сорта нюхательного табака.

Карева у Пампура (15 км юго-юго-восточнее Сринагара) славится полями шафрана. Здесь, по-видимому, имеются специфические почвенно-климатические условия, позволяющие получать высокий урожай этой культуры (до 150 кг лепестков с 1 га), притом шафран необычайно высокого качества. Кашмирский шафран известен далеко за пределами страны. В прошлом он вывозился не только в другие области Индии, но и во многие государства Азии.

Шафрановые поля принадлежат государству и сдаются им в аренду. Земля используется исключительно под шафран и другими культурами не занимается. Шафран возделывают 3 года подряд, а последующие 3 года участок пустует. Поля под шафран разбиты на мелкие ровные площадки в 1 кв. м, каждая площадка — немного выше другой. При возделывании шафрана удобрения не применяют, орошение не требуется. Осенью поля шафрана, цветущего маленькими багряными цветами, необычайно красивы. В это время в окрестностях Пампура устраиваются народные гулянья, танцы. Сбор лепестков производится по утрам, до 11 часов дня; красные лепестки дают шафран высшего качества, желтые — похуже. Чтобы получить 400 г шафрана, надо оборвать 75 тыс. цветков. Шафран используется при религиозных церемониях, в медицинских целях, как приправа к маслу, в кондитерском деле и т. п.¹⁴

Овощеводство и садоводство широко развиты в Кашмирской долине, где мягкий теплый климат благоприятствует произрастанию многочисленных видов фруктовых деревьев, а наличие больших массивов пойменных земель открывает прекрасные возможности для овощеводства.

Кашмирцы замечательные овощеводы. Каждый крестьянин имеет огород, которому он уделяет много внимания. Высокий уровень грунтовых вод позволяет обеспечить полив огородов из колодцев.

Излюбленным овощем кашмирцев считается одна из местных разновидностей репы — *кхол*, корнеплоды которой заготавливают на зиму, а листья употребляют летом как шпинат. В больших количествах выращиваются обыкновенная репа, тыква. Очень распространены томаты; из других овощей следует отметить морковь, лук, спаржу, огурцы. Корнеплоды, тыкву, помидоры заготавливают на зиму, разрезая на части и высушивая на солнце. Умеренный климат долины позволяет выращивать картофель, который вывозится на равнины Индии.

Особенно выделяются овощеводством окрестности Сринагара, где каждый клочок земли используют под посев и хозяйство ведется очень

¹⁴ S. Bose, *Occupance in relation to geomorphology in the Vale of Kashmir*, p. 45.

интенсивно. Овощеводство здесь приобретает семеноводческое направление. Для удобрения полей широко используются городские нечистоты, а также торф. Для земледелия используют даже озера, где устраивают пловучие огороды — «плоты», сделанные из водорослей, на которые насыпают землю и ил. Огороды прикрепляют шестами ко дну. На них выращивают дыни, арбузы, помидоры, тыквы и другие овощи. Мелководные прибрежные участки болот и озер нередко огораживают земляными насыпями и засаживают ивами и реже — тополями. На осушенные таким образом участки завозят ил, водоросли и затем создают огороды. Подобные участки кашмирцы называют «демб». С них снимают отличные урожаи кукурузы, рапса, овощей.

С садоводством прямо или косвенно связана хозяйственная деятельность 30% населения долины¹⁵. Каждая деревня, каждый двор на равнине находятся в окружении фруктовых садов; по берегам каналов и рек растут фруктовые деревья, шелковица. Поэтому официальные данные о площади садов в районе — 7 тыс. га¹⁶ — вряд ли имеют в виду все плодовые насаждения.

Из плодовых и ягодных культур в долине распространены преимущественно виды, свойственные умеренной и субтропической зонам, например: яблоня, груша, слива, вишня, миндаль, грецкий орех, гранат, персик, смородина, малина, клубника. Преобладают местные сорта, часто — дикие, но в большинстве дающие плоды, хорошие на вкус, иногда не уступающие европейским сортам. Последние начали внедрять с середины XIX в. и особенно с 20-х годов XX в. Ныне большая часть яблонь, груш, вишен, миндаля принадлежит к этим сортам. В долине созданы питомники по выращиванию саженцев улучшенных пород. Бичом кашмирского садоводства являются широко распространенные болезни фруктовых деревьев.

В садоводстве Кашмирской долины главную роль играют яблоневые насаждения. Еще в 1911 г. было отмечено: «Кашмирские яблоки известны по всей Индии, они доходят до Бомбея и Калькутты. Яблоки — большие, красивые, привлекательные на вид, но не слишком хороши. Осенью тысячи повозок движутся в Равалпинди... Яблони осенью гнутся под тяжестью плодов, на одном дереве их насчитали 30 тысяч»¹⁷. Груши менее популярны, так как хуже выдерживают перевозку. Повсеместно распространен грецкий орех. Деревни в горных долинах на высоте до 2000—2250 м буквально окружены рощами грецких орехов. В больших количествах в Сринагарской долине растет миндаль — и горький и сладкий; но неустойчивые урожаи ослабляют интерес крестьян к этой культуре. Абрикос идет главным образом на масло, так как вкусовые качества местных сортов невысокие по сравнению с уроком из высокогорных долин Кашмира.

В 1930-х годах спрос Панджаба и других районов Индии на кашмирские фрукты увеличился. В садоводство были вложены значительные суммы, фруктовыми деревьями были засажены многие склоны и пустоши. Даже рисовые поля стали обращаться в сады. Высаживались преимущественно яблоневые деревья, а также груши. Крестьяне часто просто пересаживали дикие яблони и груши в свой сад. На сравнительно крутых склонах и других землях, непригодных для яблоневых деревьев, разбивались сады миндаля, грецкого ореха.

Торговля овощами и особенно фруктами приобрела важное значение для экономики района. Фрукты Кашмира до 1947 г. можно было

¹⁵ «Kashmir», vol. 5, 1955, № 9, p. 199.

¹⁶ M. Randhawa & Prem Nath, *Farmers of India*, p. 293.

¹⁷ F. Younghusband, *Kashmir*, London, 1911, pp. 196—197.

встретить на базаре почти каждого города Северной Индии. В 1942/43 г. было вывезено из княжества, прежде всего из Сринагарской долины, 18 тыс. т овощей и фруктов, преимущественно в свежем виде¹⁸. Главные предметы такого рода экспорта — яблоки, груши, клубника, а также миндаль, грецкий орех, сушеный абрикос. В годы после раздела Кашмира в связи с транспортными затруднениями вывоз свежих фруктов сократился, в долине были созданы предприятия по выработке джемов и мармелада, а также холодильные установки для хранения фруктов. Развитие в последние годы садоводства в соседнем Химачал Прадеше, где оно имеет направление, сходное с кашмирским, вызывает беспокойство садоводов долины вследствие возможной конкуренции на общеиндийском рынке¹⁹.

Животноводство в Кашмирской долине — подчиненная по отношению к земледелию отрасль. Собственной животноводческой продукцией район не обеспечен. В стаде преобладает крупный рогатый скот, необходимый для проведения полевых работ. Поголовье его в штате весьма значительно — 1,8 млн. голов, по оценке 1961 г.²⁰ Но колебания год от года в численности скота здесь велики вследствие эпизоотий, неурожаев и связанной с ними нехватки кормов, а также холодных зим, приводящих к большим сокращениям поголовья.

В Сринагарской долине, как в главном земледельческом районе Кашмира, где к тому же в посевах преобладает трудоемкий рис, сосредоточена $\frac{1}{3}$ всего поголовья крупного рогатого скота. Рогатый скот — зебувидной породы, черной или серой масти, небольшого роста, но неприхотливый и довольно выносливый. Работы по улучшению стада не ведутся; лишь на северо-западе долины скот имеет лучшие показатели вследствие скрещивания с животными панджабских пород, принадлежащих к числу лучших на субконтиненте. Почти 50% стада составляют вола, а среди коров старше трех лет лишь менее 40% — молочные²¹.

Тягловый скот используют только на полевых работах, в перерывах между которыми ему предоставляется отдых. Одна голова рабочего скота приходится в долине примерно на 1,2 га пашни. Удойность коров низкая: удовлетворительным считается удой — 4 л молока в день.

Крупный рогатый скот более других видов скота находится на стойловом содержании. Фураж его сравнительно разнообразен, хотя специально кормовые культуры почти не сеют. Главный корм — солома, особенно рисовая, кукуруза, жмых масличных культур, сено. Характерно, что в долине в ходу рисовая солома, тогда как пшеничную и ячменную солому считают малопитательным кормом и часто оставляют в поле (крестьяне в других районах Индии поступают наоборот). Сено в долине собирают с невозделанных полос между рисовыми полями и с луговых участков по склонам хребтов. Богаты кормовыми травами заболоченные пространства долины. Молодняк на лето выгоняют пастись в горы.

Поголовье буйволов — важнейшего вида молочного скота в штате — в Сринагарской долине незначительно. Разведение буйволов в Кашмире — монопольное занятие гуджаров, небольшое число которых

¹⁸ «Kashmir», vol. 1, 1951, № 9, p. 176.

¹⁹ «Kashmir», vol. 5, 1955, № 9, p. 199.

²⁰ «Statistical abstract of the Indian Union 1962», p. 75.

²¹ По данным: «Eighth All-India livestock census 1956 (summary tables)», Delhi. 1958, pp. 4—5.

проживает в горных деревнях по склонам хребтов, окаймляющих долину.

Овцеводство — вторая по значению отрасль животноводства в Кашмире. Поголовье овец в штате исчислялось в 1961 г. в 1,2 млн. голов, что обнаруживает снижение в сравнении с уровнем середины 1940-х годов²². Продуктивность пастбищ в штате оценивается достаточной для содержания 3,2 млн. овец²³. Многие кормовые угодья Сринагарского района, особенно в круто поднимающихся горах Большого Гималайского хребта, могут быть использованы только под выпас мелкого рогатого скота.

В долине сконцентрировано свыше половины поголовья овец всего Кашмира. Животные местных пород дают качественную по оценкам, принятым в Индии, шерсть (особенно шупиянские овцы, разводимые на отличных пастбищах на юго-западе долины, близ г. Шупияна), но сравнения с волокном из главных овцеводческих стран мира она не выдерживает. Настриг с одного животного в Кашмире крайне низок, по разным источникам — в среднем от 400 до 800 г в год. В 1954/55 г. в долине, в Банихале, открылась ферма по выращиванию и выведению новых пород мериносовых овец.

В Кашмирской долине овец разводят для удовлетворения собственных нужд крестьянских хозяйств в шерсти и мясе; только небольшие группы бакарвалов, кочующих в окружающих долину горах, поставляют шерсть на продажу. Весной и ранним летом животные пасутся на невозделанных участках долины, подбирают упавший тут; с наступлением жары пастухи выгоняют их в горы; зимой скот находится в первом этаже дома и получает на корм сено, заготовленные с лета листья чинары и ивы. Падеж овец в холодные месяцы бывает значительным.

Прядение шерсти, изготовление одеял и выработка тканей составляют важное занятие сельского населения долины в зимний период.

Другие виды животноводства не имеют столь существенного значения. Все же Кашмирская долина выделяется в штате своим коневодством (50 тыс. голов) и благодаря озерам богата водоплавающей птицей, мясо которой — заметное подспорье в рационе местных жителей.

Козоводство весьма развито в Кашмире, но в Сринагарской долине коз почти нет, они встречаются лишь у беднейших слоев населения. Попытки интродуцировать из высокогорного Ладакха коз, дающих «пашам» — тонкую шерсть для знаменитых кашмирских шалей, оказались неудачными.

Кашмир наряду с Майсуром относится к числу основных шелкопроизводящих районов Индии; при этом Сринагарская долина давала около 80% получаемого в княжестве шелка-сырца²⁴. Большое распространение шелководства в районе связано прежде всего с малоземельем крестьянства и избытком рабочих рук в деревне. Мягкий климат долины и наличие ровных участков с мелкозернистой, не щебнистой почвой создают благоприятные условия для развития местного шелководства.

Число тутовых деревьев в Кашмирской долине можно оценить приблизительно в 1,5 млн. Шелковичные деревья высажены по берегам рек и оросительных каналов, на крутых склонах. Тутовых рощ почти

²² «Statistical abstract of the Indian Union 1962», p. 75; Cp. «Livestock census of India 1945», Calcutta, 1949.

²³ M. Randhawa & Prem Nath, *Farmers of India*, p. 204.

²⁴ M. Ganju, *Textile industries in Kashmir*, Delhi, 1945, pp. 206—207.

нет: доходы от шелководства были недостаточны, чтобы отводить участок специально под шелковицу; выгоднее было разбивать яблоневые сады.

Гренаж проводится на правительственных предприятиях в Сринагаре и Банихале; выведение грены на частных заводах запрещено. Грену распределяют среди крестьян, которым выкармливание червей дает дополнительный к основному доход.

Мировой экономический кризис и конкуренция японского шелка-сырца на рынке Британской Индии в 1930-х годах нанесли сильный урон кашмирскому шелководству. В штате Кашмир предпринимаются большие усилия по подъему шелководства, в частности, из государственных питомников ежегодно распределяется по деревням до 150 тыс. саженцев шелковицы²⁵. Отрасль хорошо организована и находится под правительственным контролем, что облегчило достижение былого уровня производства шелка-сырца, составлявшего около 100 тыс. т (в 1961 г. — 97 тыс. т)²⁶.

Изучение сельского хозяйства Кашмирской долины показывает, что ему принадлежит ведущее место в экономике штата. В последние десятилетия в долине весьма интенсивно происходил процесс развития товарно-денежных отношений, экономика района шире включалась в систему общендийского рынка.

Однако сельское хозяйство района продолжает оставаться отсталым. Узость отраслевой структуры и недостаточная взаимосвязь отраслей ведут к далеко не полному использованию имеющихся природных ресурсов. Слабое развитие территориального разделения труда проявляется в малом объеме торговли Сринагарской долины с другими областями Кашмира.

Вместе с тем проведенные в штате аграрные преобразования открыли перспективы роста сельскохозяйственного производства. Развитие различных отраслей сельского хозяйства было предусмотрено и пятилетними планами Индии. В частности, в третьем пятилетнем плане на нужды сельского хозяйства штата ассигновано 67,5 млн. рупий²⁷. В штате Кашмир осуществляется «программа общинного развития», которая направлена на преодоление вековой отсталости деревни и на повышение жизненного уровня крестьян. Наиболее продвинулись работы по реализации программы в Бадгомском районе Кашмирской долины, охватывающем 150 деревень с населением около 50 тыс. человек. Работы включают довольно широкий круг мероприятий по благоустройству населенных пунктов (открытие больниц, улучшение водоснабжения, строительство дорог и мостов) и по подъему земледелия и животноводства (организация показательных ферм, создание ветеринарных лечебниц, посадка противоэрозионных лесных полос, распределение среди крестьян семян улучшенных сортов, саженцев фруктовых деревьев, а также минеральных удобрений).

Проводимые мероприятия следует оценивать как первый, но существенный вклад в дело подъема сельскохозяйственного производства в Кашмирской долине. На путях решения этой актуальной проблемы более полное и рациональное использование естественных ресурсов должно стать одной из важных задач.

²⁵ «Kashmir», vol. 9, 1959, № 3, p. 58.

²⁶ «Statistical abstract of the Indian Union 1962», p. 90.

²⁷ «Third five year plan», New Delhi, 1961, p. 744.

Р. Р. Орбели

**К ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ
«ПУТЕШЕСТВИЯ В ИНДИЮ» РАФАИЛА ДАНИБЕГОВА**

Старая русская книга сохранила до нашего времени сочинение грузинского автора, замечательного путешественника по Азии Рафаила Данибегова (Данибегашвили).

«Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова» было издано в 1815 г. в Москве.

До последнего времени было известно, что к моменту издания книги Данибегов совершил две дипломатические поездки из Грузии в Индию. Первая, начатая в 1795 г., продолжалась почти четыре года, вторая длилась с 1799 по 1813 г. и завершилась в Москве. Р. Данибегов посетил Турцию, Индию, Бирму, Тибет, Синьцзян, Сибирь, в Индии прожил многие годы.

Литературная судьба книги Данибегова сложилась необычно. Написанная на грузинском языке, она, по желанию автора, была опубликована в русском переводе, а подлинник ее исчез и не найден до сих пор.

Первоначально, еще при жизни Р. Данибегова, интерес к «Путешествию» проявлялся более всего как к источнику сведений об Индии, позднее же преимущественно как к памятнику грузинской литературы и кавказской старины. Это были упоминания в периодической печати и научной литературе с той или иной критической оценкой, иногда с пересказом содержания. Как сочинение географического характера труд Р. Данибегова был отмечен только в 90-х годах XIX в., когда несколько строк в энциклопедии содержали высокую оценку совершенного Р. Данибеговым путешествия¹. Это краткое, но авторитетное упоминание было важным шагом к изучению книги. Правда, вскоре для «Путешествия» настала пора забвения — за время с 1905 по 1925 г. имя Р. Данибегова как путешественника и автора никем не называлось².

Начало подлинно научному интересу к путешествию Рафаила Данибегова и его описанию было положено советскими исследователями, и этот интерес уже не угасает.

¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Данибегов Рафаил*, — Энциклопедический словарь, изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, т. 19, СПб., 1893.

² Б. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*, изд. 2, Л., 1925, стр. 227—228, 231.

Можно наметить несколько этапов в изучении «Путешествия в Индию» за последний период.

Первым выступил историк грузинской литературы Тр. Рухадзе, посвятив «Путешествию» Р. Данибегова специальную главу своей книги³. Глава «Путешествие в Индию» содержит пересказ сочинения и замечание о необходимости его дальнейшего исследования как памятника грузинской литературы конца XVIII и первой четверти XIX в.

В 1949 г. историк Шота Месхиа опубликовал два обнаруженных им документа Рафаила Данибегова, имеющих прямую связь с его путешествиями⁴. Находка Ш. Месхиа коренным образом изменила оценку «Путешествия» и направляла исследователя на путь исторических изысканий: впервые был установлен факт не одного, а двух путешествий и несколько прояснились их конкретные обстоятельства. Значение находки Ш. Месхиа трудно переоценить: была создана документальная база, позволяющая начать исследование «Путешествия в Индию».

Следующим интересным звеном в изучении этого памятника явился перевод его с русского языка на грузинский, выполненный и комментированный филологом С. Иорданишвили⁵. Такая попытка восстановления оригинального текста имеет безусловный филологический интерес. Кроме того, работа С. Иорданишвили послужила популяризации сочинения Р. Данибегова в Грузии.

Очень большие заслуги в деле изучения «Путешествия в Индию» принадлежат географу Л. И. Маруашвили. Суммируя все сделанное до него, Л. И. Маруашвили первым исследует текст с точки зрения его географического содержания: уточняет некоторые пункты маршрута Данибегова, отождествляет ряд искаженных географических наименований, оценивает географические характеристики и определяет значение книги как историко-географического сочинения. К этому следует добавить, что Л. И. Маруашвили пополняет биографические сведения о Данибегове целым рядом новых архивных данных. Научные и научно-популярные очерки Л. И. Маруашвили опубликованы на русском и грузинском языках; наибольший интерес представляет последняя работа, вышедшая в 1961 г.⁶ Важным элементом этой работы является публикация текста сочинения по изданию 1815 г. и документов, найденных Ш. Месхиа (в русском переводе). Очень ценно также иллюстрированное издание «Путешествия», подготовленное Л. И. Маруашвили, в котором мы снова находим русский текст 1815 г., его грузинский перевод и документы, снабженные комментариями и картой маршрута⁷.

В 1964 г. сведения о жизни и деятельности автора «Путешествия»полнились новыми, чрезвычайно важными и интересными данными. Индолог Е. Я. Люстерник обнаружила документ, который устанавли-

³ ტრიფონ რუხაძე, ქართული ეპოსი „გარდამავალი“ ხანის ლიტერატურაში, თბილისი, 1939, გვ. 110—115. (Трифон Рухадзе, *Грузинский эпос в литературе «Переходного периода»*, Тбилиси, 1939, стр. 110—115).

⁴ შ. მესხია, რაფიელ დანიბეგაშვილი, „ლიტერატურა და ხელოვნება“, 1949, № 45. (Ш. Месхиа, *Рафаил Данибегашвили*, — *«Литература и искусство»*, 1949, № 45).

⁵ რაფიელ დანიბეგაშვილი, მოგზაურობა ინდოეთში, თარგმანი, წინასიტყვაობა და დამატებანი შენიშვნებით ს. იორდანიშვილისა, თბილისი, 1950. (Рафаил Данибегашвили, *Путешествие в Индию*. Перевел и снабдил предисловием, примечаниями и приложениями С. Иорданишвили, Тбилиси, 1950).

⁶ «Путешествие Рафаила Данибегашвили». Очерк, комментарии и библиография доктора ист. наук Л. И. Маруашвили, М., 1961.

⁷ რაფიელ დანიბეგაშვილის მოგზაურობა, თბილისი, 1963. («Путешествие Рафаила Данибегашвили». Перевод, редакция, примечания, библиография и очерк доктора геогр. наук Левана Маруашвили, с архивными документами и приложением карты маршрута, Тбилиси, 1963).

вает факт третьего путешествия Р. Данибегова в Индию в 1822—1827 гг.⁸

Три путешествия Рафаила Данибегова были вызваны различными причинами и служили различным целям. Два первых были близки по времени, но если первое полностью связано с государственными интересами Грузии, то второе, продолжавшееся после присоединения Грузии к России (1801 г.), в изменившихся условиях не могло не быть связано и с русскими экономическими интересами в Индии. В третий раз, надо полагать, Р. Данибегов отправился в путешествие как представитель России, имеющий давние деловые связи на Востоке.

Казалось бы, «Путешествие в Индию» можно прочесть и оценить и вне зависимости от биографии ее автора, однако правильное чтение этой книги возможно только при сопоставлении содержания текста со сведениями о жизни Р. Данибегова до 1815 г. Наибольшую важность для полного понимания «Путешествия», как и наибольшую трудность, представляет выяснение исторических обстоятельств, послуживших причинами двух поездок Данибегова в Индию в 90-х годах XVIII века и его деятельности на Востоке.

В данной статье перед нами стоит конкретная частная задача: выявить специфику «Путешествия в Индию» как литературного произведения.

О том, как жил и чем был занят Данибегов на Востоке, книга рассказывает очень мало, но для характеристики его личных качеств может служить ее любая страница.

Мы видим в Данибегове энергичного делового человека с большим житейским опытом, просвещенного и любознательного, который активно изучает многообразные проявления окружающей жизни, в чем ему помогают острая наблюдательность и общительный характер.

Надо полагать, что Данибегов не лишен дипломатических способностей, если дважды ему доверено ответственное поручение и переговоры от имени грузинских царей. В известной мере это отражено и в книге — Данибегов умеет искусно умолчать об истинных целях своих путешествий.

Всем наблюдениям Данибегова сопутствует критическая оценка, мерилami для которой в наибольшей степени служат его практицизм, гуманность и христианские убеждения. Так он оценивает природу, быт, религию, экономическую и политическую жизнь стран и народов — все, что он видит во время пребывания на Востоке.

Данибегов радуется красоте природы, восхищается великолепием архитектурных памятников; однако эстетические интересы Данибегова подчинены практике: описывая реку, он предпочтет отметить не живописность пейзажа, а пригодна ли вода в реке для питья.

Основным критерием при оценке природы для Данибегова является возможность ее использования, так как в природе он видит основу благосостояния человека. Поэтому он непременно заметит бесплодие гор, окружающих город, водные источники, плодоносные сады, строительные и редкие деревья, добычу полезных ископаемых, морские просторы как пути сообщения и гавани, климат в его воздействии на здоровье жителей.

В быте чуждой ему среды Данибегова интересует все: жилище, костюм, пища, язык, род занятий и нравы, привычки, обычаи. Интерес

⁸ Е. Я. Люстерник, *Русско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в.*, М., 1966, стр. 8—9, 106. Приношу глубокую благодарность автору этой монографии за сведения, сообщенные мне до выхода ее в свет.

его к религии постоянен, и, описывая религиозные обычаи, он нередко выражает осуждение не только как ревностный христианин, но и как человек, потрясенный жестокостью, от которой его «сердце содрогается».

Приехав в новый город, Данибегов знакомится с его расположением, укреплениями, планировкой и зданиями, замечает раздельность туземных и европейских кварталов. Порою ему известна история строительства города и почти всегда история его завоевания европейцами. Особый интерес путешественника вызывают благосостояние населения и доходы правителей города, торговля, местные производства и ремесла, и многое ему становится известно — в книге приводятся конкретные цифры.

Все симпатии Данибегова на стороне Индии. Человек деловой и осведомленный (ему известна даже численность гарнизонов и денежное содержание в войсках), Данибегов понимает смысл агрессивных действий Англии и сочувствует сопротивлению Индии. Дважды с удовольствием, даже с иронией он отмечает, что все попытки англичан завоевать город успеха не имели, и с уважением описывает его защитников из «простого народа».

Но и в коренном населении Индии Данибегов различает имущих и неимущих, он видит выгоды «начальников» всех степеней и положение бесправных, осуждает жестокость богачей по отношению к бедному люду и высмеивает чинопочитание.

Данибегов умеет увидеть и понять социальное неравенство в среде местных жителей и подлинную роль британской колониальной политики в Индии. И на страницах его книги появляются лаконичные, но выразительные характеристики.

Книгу предваряет авторское предисловие, из которого следует, что «Путешествие» было написано в Москве. Датировать текст не трудно, если известно, что Данибегов вернулся с Востока в 1813 г., а книга была издана в 1815 г.

Сочинение было написано сразу же по приезде из Индии, когда масса ярких впечатлений еще жива была в памяти Данибегова. И все же память не могла фиксировать так долго множество разнообразных и точных сведений, собранных за длительный период. Надо думать, что автор располагал черновыми записями, сделанными на месте, и приехал в Москву или с дневниками или, скорее, с какими-нибудь не систематизированными заметками, которые и использовал, когда писал свое сочинение.

Как жил Данибегов в Москве, пока неизвестно. Скучные сведения, почти намеки, которые можно извлечь из предисловия и заключительных строк его книги, говорят о том, что, приехав в незнакомую ему Россию, Данибегов оказался в среде, как он пишет, «благодетелей», т. е. людей, оказавших ему внимание; добавим, что, вероятно, это были соотечественники-грузины, притом образованные и имевшие связи в Москве.

В 1815 г., как и ранее, культурная жизнь грузинских колоний в двух русских столицах была интенсивной и насыщенной. Разносторонние интересы грузин, жителей Москвы и Петербурга, проявлялись и в сфере научных изысканий и в сфере поэзии и художественной прозы. Чтение и переводы произведений русских и западных авторов составляли одно из постоянных занятий грузинской интеллигенции.

Замечательный путешественник с его интереснейшими рассказами, естественно, мог вызвать к себе самое живое внимание соотечественни-

ков и готовность помочь ему в осуществлении литературных замыслов и издании книги⁹.

Итак, приехав в Москву, Рафаил Данибегов приступил к литературной работе. В предисловии он пишет: «По возвращении моем в отечество, желая Россиянам, моим соотечественникам, передать все мною виденное, и таким образом ознакомить их не только с теми странами, но и с их жителями, перевел сие путешествие с Грузинского на язык Российский»¹⁰. Естественно думать, что перевод был сделан не самим Данибеговым, а по его просьбе или оплаченному заказу любым из грузин, жителей Москвы, хорошо начитанным в русской литературе.

Нет сомнения в том, что подготавливая текст для перевода, Р. Данибегов не следовал каким-либо образцам, вряд ли он был знаком с литературой такого рода. Напротив, есть основания считать, что сочинение было задумано совершенно самостоятельно, и лишь в вопросах его оформления автор мог использовать советы переводчика.

Можно высказать предположение, что оригинальный текст сочинения был значительно более подробным, а для русского перевода, в соответствии со своими задачами, Данибегов подготовил сокращенную редакцию подлинника.

Несмотря на лаконичность описаний, в них чувствуется осведомленность автора; несомненно, об очень многом он умалчивает, он говорит гораздо меньше, чем знает. Текст книги свидетельствует о продуманном отборе фактов и характеристик в избранном направлении, об определенной тенденции в подаче информации. Данибегов стремится удовлетворить чей-то специальный интерес к Индии. Не случайно в своем кратком описании он находит место для сообщений о различных фактах захватнической политики Англии, о действиях британских войск и гражданской администрации, о доходах Ост-Индской компании. Несомненно, эта книга об Индии была написана не только для «Россиян» вообще, но и с целью сообщить определенный комплекс сведений русским деловым кругам.

Данибегов говорит прямо, что он рассчитывает на русского читателя, но о том, кто читал книгу в действительности, мы знаем очень немного. Между тем круг читателей «Путешествия» мог быть достаточно широк. Книга могла быть известна не только русским, но и грузинам, во всяком случае в Москве и Петербурге; однако о знакомстве грузин с книгой Р. Данибегова определенных свидетельств нет¹¹. Бесспорно, в русских официальных и деловых кругах, интересовавшихся Индией, сообщения Р. Данибегова были известны и приняты к сведению, но прямых подтверждений этого пока нет.

⁹ К числу московских друзей и помощников Р. Данибегова вряд ли можно отнести проф. И. А. Двигубского, как это полагает Л. И. Маруашвили («Путешествие Рафаила Данибегашвили», М., 1961, стр. 48). Книга Данибегова была дозволена к печати 8 марта 1815 г. И. А. Двигубским (ординарным профессором и ректором Московского университета) «по назначению Цензурного Комитета». С 1804 г. цензурные комитеты были учреждены при университетах, и обязанности цензоров выполняли профессора и магистры. Есть ли основание думать, что представительствовавший в Комитете по должности профессор И. А. Двигубский принимал личное участие в издании книги Данибегова? Не шло ли все обычным официальным путем?

¹⁰ «Путешествие в Индию», стр. [5].

¹¹ Грузиновед акад. М. Броссе в 1837 г., упоминая «Путешествие» в числе книг ему известных, пишет: «...mes lectures ou mes rapports avec les Géorgiens de Pétersbourg m'ont fait connaître quelques... livres.» — Catalogue de livres géorgiens tant imprimés que manuscrits, anciens et modernes. — Recueil des actes de la séance publique de l'Académie Imp. des sciences de Saint — Pétersbourg tenue le 29 déc. 1837, — SPb, 1838. pp. 119, 167.

Сам Данибегов придавал своей работе большое значение и постарался привлечь к ней внимание, опубликовав ее на русском языке и посвятив императору. Но заслуженного признания книга, по-видимому, не получила. Так, например, в 1825 г., когда Данибегов, как мы знаем теперь, уже в третий раз находился на Востоке, в «Азиатском вестнике» была опубликована статья «О состоянии восточной словесности в России», подписанная инициалами А. Р.¹² Автор статьи, переводчик и литератор А. Ф. Рихтер¹³, упоминая «Путешествие» Р. Данибегова, дает ему следующую оценку: «Помещенные в сем путешествии описания о странствовании Данибегова по Индии и другим странам Востока с 1795 по 1813 не заключают в себе ничего замечательного»¹⁴.

Таков был один из литературных откликов на книгу. Но теперь известно, что с приездом Р. Данибегова в Москву его деловые контакты интенсивно расширялись и через несколько лет он снова отправился в Индию. Не исключено, что в приобретении Р. Данибеговым доверия русских деловых кругов определенную роль сыграла его книга.

Изучение «Путешествия в Индию» показывает, что перед нами не путевой дневник, подвергнутый литературной обработке, и не мемуары автобиографического содержания, а литературное произведение, специально подготовленное для издания. На освещении этого вопроса необходимо остановиться.

Какими же литературными приемами пользуется Р. Данибегов в своей работе?

Прежде всего, два своих путешествия Данибегов объединяет в одно и датирует выезд из Грузии числом и годом первой поездки, т. е. 15 марта 1795 г.

Формальные цели своего путешествия Данибегов оговаривает в самом начале повествования и более к ним не возвращается. Он пишет: «1795 года, марта 15 дня, был я отправлен Грузинским царем Ираклием в Индию по следующему обстоятельству: в Мадрасе жил богатый Армянин, который ежегодно присылал Ираклию подарки. Царь в вознаграждение пожаловал ему большую деревню Лори и крепость (купчую. — Р. О.) на оную послал через меня. Приехавши в Мадрас, я не застал оного Армянина в живых: он умер за год до моего прибытия. Я вручил упомянутую крепость сыну его, находившемуся тогда в Мадрасе»¹⁵.

Это сообщение Р. Данибегова может быть прокомментировано достаточно подробно даже на данной стадии изученности материалов, относящихся к его первому путешествию. Но нас интересует вопрос датировки описанных событий.

Сопоставляя содержание текста «Путешествия» с достоверно известными событиями жизни его автора, легко можно убедиться в некоторых противоречиях, умышленном, с нашей точки зрения, искажении автором некоторых фактов.

Единственная дата, указанная Р. Данибеговым, не совсем точна: еще 2 апреля 1795 г., как следует из документа, Данибегов был в Грузии, так как в этот день он получал деньги по векселю на выезд в Индию¹⁶. Поэтому 15 марта имел место не выезд Данибегова, а, вероятно, разговор его с царем Ираклием — наказ царя послу.

¹² «Азиатский вестник», II, июль—декабрь 1825, стр. 81—116.

¹³ И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, Л., 1950, стр. 121.

¹⁴ «Азиатский вестник», стр. 110.

¹⁵ «Путешествие в Индию», стр. 1.

¹⁶ «Путешествие Рафаила Данибегашвили», М., 1961, стр. 69.

Еще одна хронологическая неточность в этой же части текста: Данибегов сообщает, что армянин, к которому он был послан в Мадрас, умер за год до его прибытия. Но известно, что не названный автором Шаамир Шаамирян, богатейший коммерсант и один из вдохновителей армянского освободительного движения, которым он руководил в Мадрасе и из Мадраса, умер в 1797 г. Следовательно, выехав из Грузии весной 1795 г., Данибегов еще мог застать его в живых, даже при всех трудностях передвижения в те времена и задержках в пути. Когда же, в таком случае, он прибыл в Мадрас?

В дальнейшем ни одной даты Данибегов не упоминает, а, напротив, представления о времени как бы стирает и сглаживает. Так, указывая почти всегда точно, сколько времени занял переезд из одного города в другой («Из Бомбая морем на Английском судне поплыл я в город Колумб, лежащий на острове Цейлоне, куда прибыл через 18 дней») ¹⁷, Данибегов о сроках своего пребывания в том или ином городе предпочитает говорить неопределенно («По некотором моем пребывании в упомянутом городе» ¹⁸ или «Пробывши в сказанном городе довольно времени» ¹⁹).

Хронологическая неопределенность и обязательные реплики автора о дальнейшем направлении его пути создают впечатление почти непрерывных передвижений путника из города в город по точно фиксированному маршруту ²⁰. Это придает повествованию динамичность и характеризует автора как любознательного путешественника, якобы свободного от всяких обязательств, в том числе и миссии, которая в действительности привела его на Восток. Заметим особо, что, описывая Мадрас, куда он и был направлен и где безусловно пробыл долго (к тому же он возвращался сюда!), Р. Данибегов говорит о нем не более, чем о других городах, заключая описание словами: «Из города Мадраса, по кратком моем в нем пребывании, желая ознакомиться с другими городами, отправился я морем в город Беку или Ранхун» ²¹.

Такое искажение вполне объяснимо: Данибегов сознательно старается скрыть истинные цели своей миссии в Мадрасе и подробности занятий на Востоке. В то же время он хочет сделать свою книгу занимательной: насыщенная продуманным содержанием, книга не должна иметь вид сухого отчета, а для этого автор должен найти литературную форму. И он ее находит: описание путешествия в дальние страны (форма с уже сложившейся литературной традицией) удачно совпадает с его интересами и задачами.

Объединив в одно целое два путешествия, Р. Данибегов нарушает хронологическую точность и последовательность своих наблюдений, а избрав для сочинения литературный жанр «описания путешествия» и указав маршрут, по которому он следовал в Индию, по Индии и с Востока в Россию, вводит своего читателя в заблуждение.

Читателю — современнику Данибегова — это могло быть безразлично, так как его интересовало только описание стран и народов Востока, но Данибегов на многие десятилетия ввел в заблуждение и своих позднейших читателей, которые, не располагая документальным материалом для критики, еще до недавнего времени считали, да и считают, что книга

¹⁷ «Путешествие в Индию», стр. 12.

¹⁸ Там же, стр. 7.

¹⁹ Там же, стр. 36.

²⁰ Эта цепь прерывается один раз в описании Дели.

²¹ «Путешествие в Индию», стр. 16.

эта есть буквальное отражение пребывания Данибегова на Востоке и его единственного путешествия²².

Современный исследователь, обращаясь к книге Р. Данибегова, как к историческому источнику, должен учесть хронологическую запутанность его сообщений и фиктивность маршрута, им описанного, так как этот маршрут лишь литературный прием и составлен автором для осуществления своего замысла.

Датировать пребывание Р. Данибегова в том или ином городе не всегда возможно. Но в некоторых случаях содержание его рассказов помогает приблизительной датировке, которая и подтверждает искусственность маршрута, построенного по данным не одного, а двух путешествий.

Остановимся только на нескольких примерах.

Как сказано в книге, выехав из Грузии в Мадрас в середине марта 1795 г., Данибегов после долгого странствования прибыл из Маската к берегам Индии, в Бомбей. Оттуда морским путем он отправился на Цейлон, где побывал в Коломбо и Манаре, далее проследовал в Пондишери и затем прибыл в Транкебар. Последним пунктом до прибытия Данибегова в Мадрас к цели его путешествия, датированного 1795 г., был Транкебар. Однако слова автора «Сим городом стали владеть Англичане с недавнего времени»²³ могут быть отнесены к событиям не ранее 1801 г.

Неточная передача в книге наименований некоторых географических пунктов в ряде случаев требует отождествления их с возможными действительными названиями. Работа в этом направлении, выполненная Л. И. Маруашвили, как уже было сказано, имеет очень большое значение, и все же некоторые отождествления этого автора могут казаться спорными.

Следуя за Данибеговым из города в город по указанному им маршруту, мы достигаем «Камбера», где, как он пишет, «очень много войска Английского. Сей город можно назвать прекрасною и хорошо укрепленною гаванью, к которой пристаёт множество кораблей»²⁴. Видя в «Камбере» «город Канпур (Каунпур) на правобережье Ганга выше Аллахабада: "Кампу" Филиппа Ефремова»²⁵, Л. И. Маруашвили, может быть, и ошибается. Канпур (Cawnpore) расположен в центральной части Северной Индии, а Данибегов пишет о гавани. Кажется более вероятным, что под «Камбером» следует подразумевать Камбей (Cambey), гавань в княжестве Бомбей. Если это так, то сведения Данибегова скорее всего относятся ко времени его первого путешествия, так как английскими войсками Камбей был занят еще в 1775 г., а с утверждением Ост-Индской компании (что состоялось окончательно по договору 1802 г.) город и порт постепенно приходили в упадок²⁶. Впрочем, если придерживаться мнения, что это Канпур, то этот город стал достоянием англичан лишь в 1801 г. и в таком случае сведения Данибегова могли быть собраны только во время второй поездки.

Следующий город маршрута, указанного Данибеговым, — «Фарахапат», название которого Л. И. Маруашвили справедливо ассоциирует с Фаррухабадом. В этом городе Данибегов мог быть и, вероятно, по-

²² Дж. Бейкер, *История географических открытий и исследований*, М., 1950, стр. 237, примечание переводчика и редактора И. П. Магидовича; С. А. Токарев, *История русской этнографии*, М., 1966, стр. 163 и др. Так думал и В. В. Бартольд, см. сноску 2 на стр. 240.

²³ «Путешествие в Индию», стр. 14.

²⁴ «Путешествие в Индию», стр. 33.

²⁵ «Путешествие Рафаила Данибегашвили», М., 1961, стр. 86.

²⁶ Е. Я. Люстерник, *Индийский город Камбей в XV—XX вв.*, Л., 1962, стр. 26—28.

бывал, но сведения его о том, что «сим городом без всякого сражения овладели Англичане. Он добровольно отдался под власть их; по сему Англичане платят Набабу 1600 рупий ежемесячно, как бы жалованья»²⁷, никак не могут относиться к Фаррухабаду, стены которого генерал Лейк осаждал в 1804 г. Очевидно, Данибегов имел в виду другой город, может быть, той же провинции, так как далее он называет близлежащий «Меред» (Мирут, по убедительному отождествлению Л. И. Маруашвили). Данибегов пишет: «...прибыл я в Меред, город, коим владеют ныне Англичане, и в котором находится войско их в довольном количестве»²⁸. В Мируте гарнизон англо-индийской армии был дислоцирован с начала XIX в. Следовательно, и это сообщение автора восходит к его второму путешествию.

Отсюда, по словам Данибегова, он направляется прямо в Дели, где, несомненно, он прожил долго, исправляя «должность собирать положенную в народе подать». «За сие от Царя, — пишет Данибегов, — положено было мне жалованья ежемесячно 200 рупий»²⁹. Очевидно, Данибегов поселился в Дели еще до занятия его англичанами, т. е. до 1803 г., но оставался и позднее, так как ему известно, что «Англичане, завладев сим городом, отняли у Государя прекрасный его дворец, и в награду за сию потерю назначено ему от них 100 000 рупий ежемесячно»³⁰.

Одно из интереснейших описаний Данибегов посвятил городу, искаженное название которого «Фадифур» вызывает различные толкования. С. Иорданишвили предполагал, что за искажением кроется Фирозпур. Л. И. Маруашвили, отвергая это предположение, как и возможность отождествления с городом Фатихпур — Сикри, считает, что описание относится к Агре. Конечно, нельзя исключить того, что Данибегов, подразумевая какой-либо город, мог называть его иначе, как в случае с Фаррухабадом, что «Фадифур» (также в сопоставлении с содержанием текста) подсказывает еще одно отождествление: Бхартпур (Bhartpur, Bhurtpore).

История данного искажения в русском издании вполне объяснима. Дело в том, что искажения, с которыми мы сталкиваемся в книге, могли быть и фонетическими и графическими, к тому же двоякого происхождения: в грузинской записи автора и в русской передаче переводчика. Поэтому следует себе представить, как выглядело это наименование в записи автора. Не останавливаясь на подробностях, укажем только, что в грузинском оригинале название города Bhartpur могло быть обозначено как ფარტპურ (Партпур) и во всяком случае как ფადიფურ (Падипур), которое переводчик, имея основание счесть «ფ» заменой «ф» и передал как «Фадифур». Что касается содержания текста, то оно совершенно соответствует действительным событиям в истории города Бхартпура. Яркое описание осады крепости английскими войсками под командованием генерала Джерарда Лейка и яростного сопротивления жителей города — одна из лучших страниц книги Данибегова, ее стоит привести полностью: «Здесьний простой народ, не желая быть подданным Англичанам, избрал из самого себя владельца, который управляет им, не отнимая у него свободы. Тамошние жители рассказывали мне, что когда Англичане брали сию крепость, то, засыпав упомянутый ров землею, ставили к стенам города различные машины и как скоро ступили на них, — оне опустились в рыхлую землю, и

²⁷ «Путешествие в Индию», стр. 33.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, стр. 35.

³⁰ Там же.

таким образом остались без успеха. Простой народ воспользовался сим случаем: он, взобравшись на крепость, каким кто мог орудием действовал против Англичан и погубил великое множество. — Самые женщины, одушевляясь такою отважностью мужей своих и не могли действовать никаким военным оружием, лили кипящее масло на врагов своих. В сем сражении пало знатнейших начальников Английских 40. а простых солдат 20 000 человек; и после многих покушений, к великому стыду их, они должны были оставить свое предприятие. Главноуправляющий в сем деле Английскими войсками был Лик»³¹. Безуспешная осада Бхартпура Лейком имела место в 1804 г. (лишь в 1825 г. город был покорен Англией).

Путешествие, описанное Данибеговым, должно было завершиться в Москве. Маршрут его проходит через Тибет, Каракорум к Синцзяну и далее. Часть маршрута, начиная от Тибета до Москвы, несомненно полностью относится ко второму путешествию, это подтверждается и документами и косвенной датировкой отдельных частей текста. Каким путем Данибегов вернулся в Грузию из первой поездки, мы не знаем.

Таким образом, на основании описаний, данных Данибеговым в своей книге, невозможно установить реальную последовательность его маршрутов, пройденных им в двух путешествиях.

Это был литературный путь, по которому пошел Данибегов, создавая свою книгу для русского читателя.

Располагая только переводом, нельзя не видеть за ним руку автора, написавшую подлинный текст. В то же время, зная мастерство грузинских переводчиков, умело сочетавших точность с передачей стилистических особенностей подлинника, возможно составить себе некоторое представление как об общей манере письма автора, так и о его языке³².

Для повествования Данибегова, которое изложено в виде маленьких очерков, связанных между собой единой темой «путешествия», характерны лаконичность, насыщенность каждой главы содержанием, эмоциональная сдержанность, ясность и простота речи.

На то, что Данибегов, находясь в Индии, изучил хотя бы один из ее языков, прямых указаний нет. Но в некоторых случаях он употребляет местные названия и термины, восточные и европейские, которые переводчик сохранил и для русского издания. Таковы «фан» (бетель), «ягут» (рубин), «чисир» (понтонный мост), «балиоз» (консул), лама, брама, имам, хан, «пакет» (пакетбот), «ларт» (лорд), мануфактура, миллион, билет, церемония и др. Как и географические названия, они не всегда свободны от искажений.

Отметим, что, желая упомянуть название мадрасской крепости Fort st. George, Данибегов прибегает к помощи латинского алфавита и в книге мы видим: «*Fanet géorgi*». Может быть, это говорит о том, что, находясь в Индии, он в какой-то степени усвоил европейскую грамоту. В таком случае это новая деталь в биографии Данибегова, устанавливаемая по косвенным данным.

Пользуясь простыми средствами, Данибегов достиг большой живости изложения, и книга его обладает несомненными литературными достоинствами.

³¹ «Путешествие в Индию», стр. 37—38.

³² Лишь одну совершенно явную неточность русского перевода приводим в качестве курьеза: «Достаточные же люди пьют чай с молоком и чухонским маслом» (стр. 42). Речь идет о Кашмире, где чухонское масло, естественно, не могло быть в употреблении. Как было названо масло в грузинском оригинале, неизвестно. С. Иорданияшвили с русского переводит как ჯაბო, т. е. топленое масло, но чухонское масло не было топленным.

Законченность избранной формы, лаконизм и динамичность повествования заметно отличают сочинение Данибегова от описаний путешествий, которые оставили его предшественники и современники. С нашей точки зрения эта особенность служит подтверждением того, что «Путешествие в Индию» — это продуманное литературное произведение.

Несмотря на некоторые хронологические неточности, «Путешествие в Индию» Рафаила Данибегова — ценный исторический источник, значение которого двояко: изучение его неизбежно вовлекает в круг исследований вопросы истории Грузии, Армении и России второй половины XVIII и двух первых десятилетий XIX в. Без выяснения того, какова была роль Р. Данибегова в осуществлении интересов этих стран в Индии, невозможно понять и «подтекста» этой книги. В то же время книга служит косвенным, но важным дополнением еще не до конца изученных архивных материалов.

С другой стороны, конкретное содержание сочинения Данибегова достойно пристального внимания востоковедов как источник, еще не вполне оцененный, но, по-видимому, научно-достоверный для истории и этнографии народов Азии на рубеже XVIII—XIX столетий.

Изучение жизни и деятельности Рафаила Данибегова продолжается. Его третье путешествие в Индию, установленное Е. Я. Люстерник, вызвало живейший интерес со стороны грузинских исследователей³³, и надо полагать, что усилия ученых-гуманитаров различных специальностей приведут в недалеком будущем к установлению новых фактов жизни выдающегося путешественника.

³³ გრ. ზარდალიშვილი, 23 წელი აზიაში, თბილისი, გაზ. „კომუნისტი“, 18 სექტემბერი, 1964, № 219 (13035). (Гр. Зардалишвили, 23 года в Азии, Тбилиси, газ. «Коммунисти», 18 сентября 1964 г., № 219 (13035).

В. В. Перцмахер

**РУССКИЕ МОРЯКИ В ИНДИИ В 60-х ГОДАХ XVIII в.
(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

Дружественные связи между народами нашей страны и Индии восходят к далекому прошлому. Еще в XV в. в Индии побывал тверской купец Афанасий Никитин, оставивший замечательное описание своего путешествия. В XVI—XVII вв. Россия и Индия неоднократно пытались завязать дипломатические отношения и наладить постоянные и непосредственные торговые связи. В первой четверти XVIII в. правительство Петра I осуществило преобразования, которые способствовали подъему экономики и культуры страны. В XVIII в. Россия превратилась в мировую державу. Русское правительство было заинтересовано в расширении русско-индийских отношений. Возрос интерес русских людей к Индии и ее народу.

Обстановка, сложившаяся в Индии к середине XVIII в., не благоприятствовала непосредственным связям России с Индией, так как Индия в то время переживала период упадка, подвергалась нападению соседних государств и превратилась в арену вооруженной борьбы между английскими и французскими колонизаторами. Подчинив Бенгалию в 1757 г. и разгромив французов в 1761 г., англичане приступили к утверждению своего господства в Индии. В результате первоначальные успехи в развитии прямых связей между Россией и Индией не были закреплены¹, однако со стороны России не прекращались попытки расширить русско-индийские контакты. В частности, русское правительство проявляло интерес к установлению торговых сношений с Индией морским путем, вокруг Африки. Об этом свидетельствуют плаванья русских моряков в Индию в 60-х годах XVIII в.

В 1762 г. Адмиралтейств-коллегия направила в Англию группу морских офицеров для прохождения практики на английских судах. В Лондоне шесть моряков получили назначение на суда английской Ост-Индской компании. В плавание к берегам далекой Индии отправились: лейтенант Николай Тулубев и мичман Федор Дубасов — на судне «Толбот», мичманы Прохор Алисов и Иван Салманов — на судне «Бритиш Кинг», унтер-лейтенант Тимофей Козлянинов и мичман Никифор Полубояринов — на судне «Спикер»².

¹ Е. Я. Люстерник, *Русско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в.*, М., 1966, стр. 22.

² «Материалы для истории русского флота», ч. XI, СПб., 1886, стр. 49; «Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов», М., 1965, стр. 339 (док. № 176 — «Список офицеров, отправляемых в 1763 году на 2 года в Восточную Индию»).

В инструкции, врученной офицерам русским послом в Лондоне А. Р. Воронцовым, обращалось внимание на необходимость «вести порядочный журнал»³, а по приезде «в разные города Ост-Индии... стараться спознать о состоянии сих городов, что сии места весьма мало Россиею знаемы... натуру товаров, кои туда и оттуда привозимы бывают, число обывателей, цену ходящих там денег». В инструкции указывалось, что «подобная информации российской торговле полезными быть могут»⁴.

В 1959 г. В. А. Дивиным был впервые опубликован «Журнал путешествия мичмана Никифора Полубояринова в Индию в 1763—1764 гг.»⁵. В 1965 г. журнал был издан вторично, но не полностью, а в извлечениях, отражающих главным образом пребывание Полубояринова в Индии⁶.

В 1965 г. был опубликован рапорт мичмана Алисова о прибытии Алисова и Салманова в Мадрас⁷.

Опубликованные документы позволяют подробно ознакомиться с путешествием Козлянинова и Полубояринова, но почти ничего не сообщают о пребывании в Индии Тулубьева, Дубасова, Алисова и Салманова.

В Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота нами обнаружены документы о пребывании в Индии всех шестерых русских офицеров. Эти документы — шканечные журналы, экстракты журналов, рапорты, ведомости, сертификаты и т. п. — содержат интересные данные о природе и хозяйстве Индии, о жизни индийцев, об ограблении страны европейскими захватчиками, о борьбе индийцев с колонизаторами и заслуживают тщательного изучения.

В настоящей статье, которая носит характер предварительного сообщения, мы вкратце расскажем о плавании в Индию Тулубьева, Дубасова, Алисова и Салманова, а также сообщим некоторые дополнительные сведения о плавании Козлянинова и Полубояринова.

ПЛАВАНИЕ ТУЛУБЬЕВА И ДУБАСОВА

Основным источником информации о плавании лейтенанта Николая Тулубьева и мичмана Федора Дубасова в Индию является «Журнал лейтенанта Федора Дубасова, веденной им со времени отправления его из России и обратно в Россию»⁸. По этому журналу можно проследить всю историю плавания обоих моряков.

22 марта (2 апреля) 1763 г. Тулубьев рапортовал в Адмиралтейств-коллегию о том, что он и Дубасов получили от А. Р. Воронцова прика-

³ «Русско-индийские отношения в XVIII в....», стр. 337 (док. № 175).

⁴ Там же, стр. 338 (док. № 175).

⁵ «Труды института истории естествознания и техники», т. 27, М., 1959, стр. 284—306.

⁶ «Русско-индийские отношения в XVIII в....», стр. 345—350 (док. № 182). Подлинник опубликованного в 1959 г. и в 1965 г. журнала хранится в ЦГАВМФ, ф. 172, д. 408, ч. I, лл. 27—34 об., 36—44 об. О журнале Н. Полубояринова см.: «Записки русского моряка об Индии», — «Лен. Правда», 1956, 4 апр., № 80 (12497), стр. 2; Г. Куриленко, *Русские путешественники в Индии*, — «Советская Россия», 1956, 21 июля, № 18, стр. 3; В. А. Дивин, *Дневник путешествия мичмана Никифора Полубояринова в Индию в 1763—1764 гг.*, — «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 3, М., 1957, стр. 204—205.

⁷ «Русско-индийские отношения в XVIII в....», стр. 340 (док. № 177).

⁸ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. I, д. 792, лл. 1—154 об. — Дубасов был произведен в лейтенанты в апреле 1766 г., т. е. во время его пребывания на о-ве Св. Елены на обратном пути в Англию (см.: «Общий морской список», ч. 2, СПб., 1885, стр. 120; ЦГАВМФ, ф. 870, оп. I, д. 792, лл. 135 об. — 136).

зание, «чтобы мы по желанию нашему в Ост-Индию отправились»⁹. 31 марта (11 апреля) 1763 г. Тулубьев и Дубасов прибыли на стоявшее в Грейвсенде (порт на южном берегу Темзы, приблизительно в 20 милях к востоку от Лондона) судно английской Ост-Индской компании «Толбот», которое вскоре снялось с якоря и пошло вниз по Темзе. После нескольких дней стоянки в английском порту Дил «Толбот» 9(20) апреля 1763 г. отправился в путь¹⁰.

В июле 1763 г. «Толбот», обогнув Африку с юга, вошел в Мозамбикский пролив и 4(15) августа 1763 г. пристал к о-ву Мохели (Коморские острова). 10(21) августа 1763 г. судно отправилось далее и 6(17) сентября 1763 г. стало на якорь на Бомбейском рейде.

В Бомбее «Толбот» стоял до 25 октября (5 ноября) 1763 г., а затем пошел «внис по Малебарскому берегу для отвозу по разным местам разных товаров и амуниции для компаниских мест по оному берегу». Тулубьев и Дубасов побывали в Хонаваре, Мангалуре, Каннануре, Телличерри, Каликуте и Кочине. 24 января (4 февраля) 1764 г. судно возвратилось в Бомбей.

5(16) февраля 1764 г. «Толбот» пошел в Сурат (к северу от Бомбея). 20(31) марта 1764 г. Тулубьев и Дубасов отправились из Сурата в йеменский порт Моху, где жили более четырех месяцев. 2(13) сентября 1764 г. «Толбот» возвратился из Мохи в Бомбей.

12(23) декабря 1764 г. во время стоянки судна на рейде в Гоа скончался лейтенант Николай Тулубьев, «который в болезни находился около 4 месяцев». Тулубьева похоронили в Гоа¹¹.

В апреле 1765 г. «Толбот» отправился в Китай. В начале мая 1765 г. судно вошло в Малаккский пролив, а 24 мая (4 июня) 1765 г. стало на якорь на рейде в Малакке. 3(14) июля 1765 г. «Толбот» прибыл в Хуанпу (в 12 милях от Гуанчжоу).

С 11(22) июля 1765 г. Дубасов жил в Гуанчжоу (Кантон), откуда 17(28) декабря 1765 г. отправился в обратный путь в Англию. «Толбот» прошел Зондским проливом, приблизился к Африке в районе мыса Игольного (южная оконечность материка) и 9(20) апреля 1766 г. пристал к о-ву Св. Елены. 24 апреля (5 мая) 1766 г. «Толбот» покинул о-в Св. Елены и 3(14) июля 1766 г. пришел на рейд в Маргите. Дубасов съехал на берег и через несколько дней прибыл в Лондон. 6 сентября он прибыл в Кронштадт.

Плавание Дубасова в Индию, Аравию и Китай продолжалось «марта с 23 числа 763-го июля по 9-е число 766 году, то есть 3 года и 4 месяца, в том числе в море под парусами 27 месяцев, в якорной стоянке 13 месяцев...»¹², а всего в отсутствии он находился 3 года 11 месяцев и 27 дней¹³.

Журнал Дубасова содержит ценные навигационно-гидрографические сведения. Дубасов приводит данные о направлении и силе ветра, об осадках, о течениях и приливах, о глубинах и характере грунта на якорных местах, о пеленгах на приметные береговые объекты и т. п. Сведения Дубасова отличаются точностью и представляли большую ценность для мореплавателей. Так, он сообщает, что на Бомбейском рейде «возвышение воды при полнолуни до 15 фут»¹⁴, а на рейде в

⁹ ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 1762 г., д. 17, л. 249.

¹⁰ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. I, д. 792, л. 3 об.

¹¹ Там же, л. 78 об.

¹² ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 1765 г., д. 25, л. 9.

¹³ Там же, л. 98 об. — «Ведомость о бывших в Англии морских офицерах...».

¹⁴ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. I, д. 792, л. 40 об.

Сурате им «примечено было полная вода 9 сажень, а самая малая вода 4½ сажени... возвышение воды до 4½ сажень»¹⁵.

Дубасов рассказывает о природе, хозяйстве и населении стран, в которых он побывал. Особенно подробно он описывает остров Мохели, города Бомбей, Сурат, Моху и Гуанчжоу (Кантон). В данной статье мы остановимся на записках Дубасова, посвященных Индии.

Дубасов сообщает о географическом положении и о внешнем виде индийских городов.

Внимание русского моряка привлекли Сурат и его окрестности. Сурат был важным морским портом Великих Моголов. В 1759 г. англичане захватили крепость Сурата, однако в 60-х годах XVIII в. их власть еще не распространилась на окрестности города.

Сурат, пишет Дубасов, «в расстоянии от моря в берег считается 9 миль итальянских рекою, куда большие суда ходить не могут, а в малую воду с нуждою и шлюпка может пройтись». В Сурате «улицы очень узкие и великая духота во оных. Строение каменное, по большей части в 2 опартамента, а што касается за городом, можно сказать, что прекрасные места: все сады и гульбища; и по вечерам почти весь народ выходит за горот для прогулок. Мушины и женщины собираются харавами, песни поут и пляшут и делают всякие веселости в садах»¹⁶.

В журнале Дубасова содержатся ценные сведения о хозяйстве страны, о вывозимых из Индии товарах и о предметах ввоза.

Из Сурата, отмечает Дубасов, «выходят товары, а имянно: хлопчатая бумага, разных сортов полотна и толстые холсты, бумажные одеяла и выбойки бумажные разных сортов, шолковые и полушолковые матери разных же сортов для азиятцов».

Далее он пишет: «А что касается для провизи и протчево к житию — весьма довольно и изобильно всем. Считается, что лутче и довольнее етово места во всей Инди нет»¹⁷.

Из Телличерри, сообщает Дубасов, «выходят товары, то есть перец, сандалное дерево, сапанное дерево, коканотская пенька и протчие мелочные товары»¹⁸. Из Каликута вывозят «перец, коканаты, бителнут [семена арековой пальмы] и очень много лесу для карабельного строения и мачт и еще много черново дерева, ис которово делают кабинеты и протчие домовые уборы, коканотная пенька, ис которой делают таке-лаш и парусину»¹⁹.

Из товаров, ввозимых в Бомбей из Европы, Дубасов упоминает «железо, сталь, пушки не боля 3 и 4 фунтов, ружья, фольканеты, ядра, спажные полосы, сукно, по большей части все красное... парусину и таке-лаш карабельной и все морские и сухопутные припасы»²⁰.

Дубасов указывает, что английская Ост-Индская компания получает большую прибыль от продажи европейских товаров индийским правителям²¹. Перепродавая в Индии товары, привезенные из Китая в Кочин, англичане «получают процентов по 40-ку от оных»²².

От наблюдательного моряка не ускользнуло и то, что индийцы имеют «разные законы, то есть магометане, дженту, баньяны, парсис. Некоторые поклоняюсь солнцу и месяцу, а другие воды и огню». В жур-

¹⁵ Там же, л. 58 об.

¹⁶ Там же, л. 59.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 45 об.

¹⁹ Там же, л. 47.

²⁰ Там же, л. 41 об.

²¹ Там же.

²² Там же, л. 47 об.

нале Дубасова содержится интересное описание религиозных церемоний жителей Сурата²³.

Говоря о населении Йемена, Дубасов отмечает, что там проживает «мало число баньянов, то есть идалопоклонники», которые прибыли из Индии²⁴.

Журнал Дубасова содержит данные о хозяйничании англичан в Бомбее и в ряде других портов на западном побережье Индии. О Бомбее Дубасов пишет: «Главной командир онago места губернатор и под ним семь советников; поступают по законам агличким и без отписки в Европу казнят и вешают достойных по суду смерти» и добавляет: «Таким же образом и индейцов судят насмерть по своим правам во всех агличких местах»²⁵.

Дубасов не сообщает сведений по истории посещенных им индийских городов. Единственным исключением является свидетельствующее о большой проницательности Дубасова его замечание о Сурате: «Сурат прежде был во владении магольском, а ныне агличкая компания завладела под видом якобы для защищения Магола от других европейских наций»²⁶.

ПЛАВАНИЕ АЛИСОВА И САЛМАНОВА

Важнейшим источником о плавании мичманов Прохора Алисова и Ивана Салманова в Индию является «Журнал мичманов Прохора Алисова и Ивана Салманова, веденной ими со времени отправления их из России и по возвращении в оную»²⁷. История плавания Алисова и Салманова излагается нами преимущественно по этому журналу.

Алисов и Салманов прибыли в Лондон 13 (24) января 1763 г. Алисов пишет: «... с 13 числа генваря по 1 апреля жил я в Лондоне, а с первого апреля по спросу министра показал я зместе с мичманом Салмановым охоту ехать в Восточную Индию»²⁸. Алисов и Салманов получили от А. Р. Воронцова приказание отправиться в Индию на судне английской Ост-Индской компании «Бритиш Кинг»²⁹. 8 (19) апреля 1763 г. стоявший в Грейвсенде «Бритиш Кинг» снялся с якоря и пошел вниз по Темзе. 20 апреля (1 мая) 1763 г. судно покинуло Портсмутский рейд и отправилось в путь.

В июле 1763 г. «Бритиш Кинг» обогнул Африку с юга и 17 (28) августа 1763 г. пришел на якорное место у о-ва Анжуан (Коморские острова), где стоял до 24 августа (4 сентября) 1763 г. 20 (31) октября 1763 г. судно прибыло в Мадрас.

С 23 октября (3 ноября) 1763 г. по 11 (22) ноября 1763 г. Алисов и Салманов жили в Мадрасе. 12 (23) ноября 1763 г. «Бритиш Кинг» направился в Калькутту.

С 30 января (10 февраля) 1764 г. по 12 (23) марта 1764 г. русские моряки жили в Калькутте. В феврале 1764 г. Алисов и Салманов посетили ряд селений в окрестностях Калькутты, в том числе голландское поселение Чинсуру, французское — Шандернагор и датское — Серампур.

²³ Там же, л. 59.

²⁴ Там же, л. 68.

²⁵ Там же, л. 41. Ср.: К. А. Антонова, *Английское завоевание Индии в XVIII веке*, М., 1958, стр. 47; Ж. Шейэ, *Современная Индия*, ч. 2, СПб., 1913, стр. 1.0 и 237.

²⁶ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. I, д. 792, л. 59.

²⁷ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. I, д. 789, лл. 1—115.

²⁸ Там же, л. 2 об.

²⁹ ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 1762 г., д. 17, л. 251.

В марте 1764 г. стало известно, что «Бритиш Кинг» пойдет в Китай. Английский губернатор Бенгалии Ванситтарт не разрешил Алисову и Салманову ехать в Китай, и им пришлось отправиться на судне английской Ост-Индской компании «Пигот» в обратный путь. 17 (28) марта 1764 г. Алисов и Салманов прибыли на судно «Пигот», которое стояло в 150 английских милях к югу от Калькутты. 19 (30) марта 1764 г. «Пигот» отправился в путь.

28 мая (8 июня) 1764 г. «Пигот» пришел на якорное место у о-ва Маврикий и находился там до 1 (12) июня 1764 г. 18 (29) июля 1764 г. судно стало на якорь у о-ва Св. Елены и 30 июля (10 августа) 1764 г. покинуло остров. 6 (17) октября 1764 г. «Пигот» прибыл в Даунс. Алисов и Салманов съехали на берег и 10 (21) октября 1764 г. прибыли в Лондон. В мае 1765 г. они вернулись в Россию.

Алисов находился в отсутствии 2 года 7 месяцев и 25 дней, Салманов — 2 года 8 месяцев и 4 дня; в море они были 1 год и 3 месяца³⁰.

В журнале Алисова и Салманова содержатся сведения, представлявшие несомненную ценность для мореплавателей. Алисов и Салманов сообщают, что ветер «во всем Бенгальском заливе шесть месяцев дует NO, начав с сентября до апреля месеца, а протчие 6 месяцев дует ZW и при переменах бывают великие штормы, громы, молни и дожди»³¹. Об устье Ганга они пишут: «...примечено нами прибывание воды в реке Ганжес от 12 до 15 фут, положение реки N и Z, течение во оной весьма быстрое». Алисов и Салманов отмечают обилие мелей и узость фарватера в устье Ганга³². Сведения Алисова и Салманова о Мадрасе и Калькутте отличаются обстоятельностью и точностью.

В Мадрасе, пишут путешественники, «строение домовое каменное, весьма изрядное. Положение улиц порядочное. В оном городе живут одни агличене и несколько салдат для садержания города, а протчие салдаты живут по деревням; помянутых салдат находитца более 300. Город и салдат содержит Остынская агличкая кампания... Форштат отстоит с четверть мили от города к N, в котором живут индейские черные купцы... Земля около Мадраса пещаная и равная, на которой растет ячмень, ис коего жители делают хлеб; также и сарачинское пшено [рис]. А что касаетца до фруктов, то такийе ж фрукты, как и на острове Жуане. Хотя рыба и раки как в море, так и в находящихся около Мадраса реках, токмо весьма мало. Птиц, напротив того, довольно, но дороги»³³.

Из Мадраса, отмечают Алисов и Салманов, вывозят тонкое бумажное полотно, платки, ситец, сандаловое дерево, а также драгоценные камни из Голконды. Ввозят в Мадрас «железо, медь, позумент и протчие европейские мелочные товары, а больша часть сукны...». Интересны сообщения моряков о прибылях, получаемых английской Ост-Индской компанией: «Сукна, продаваемые в Англи по два рубли аршин, в Мадрасе продаютца по четыре рубли с половину. Таким же образом продаютца и протчие тавары, а которые и вышею ценою»³⁴.

Алисов и Салманов приводят любопытные данные о том, как наживались в Индии английские чиновники. Они сообщают, что губерна-

³⁰ ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 1765 г., д. 25, лл. 97 об. — 38. — «Ведомость о бывших в Англии морских офицерах...».

³¹ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. I, д. 789, л. 50 об.

³² Там же, л. 64 об.

³³ Там же, л. 50 об. — Говоря об о-ве Анжуан, Алисов и Салманов указывают, что там произрастают кокосы, персики, лимоны, бананы, ананасы, гранаты (там же, л. 35 об.).

³⁴ Там же, л. 50 об.

тор Мадраса Пигот «сказывают... нажил 400 000 фунтов стерлингов, на столько ж дарогих каменьев»³⁵.

Алисов и Салманов подробно описывают внешний вид, одежду и украшения индийцев Мадраса. «Черные индейские купцы платья имеют полотняное длинная до самых пят; на головах носят чалмы; чулков не имеют, а только одни туфли. Лицами похожи на европейцев; в ушах имеют большие кольца, а на руках имеют персни с каменьями. А лбы мажут разными красками по различию своих вер: джентуйцы намазывают посреди лба вдоль красною краскою, а по сторонам белую; малобарцы весь лоб белую; а магомятанцы ничем не мажут. Оных носят в паленкинах, а прочие жители оного места по бедности платья не имеют, так, как и на острове Жуане. Женский пол также платья не имеют, а только обертываютца полотном. В ушах и в носу носят кольца, также и на руках от кисти до локтя, медные и костеные, а на шею много ниток с простыми разными каменьями»³⁶.

О Калькутте Алисов и Салманов пишут: «Оной город содержит Остынская кампания. Лежит на восточной староне реки Ганжес... А строение домов в Калкуде весьма порядочное, каменное и три кирки: аглицкая, португальская и армянская. Во оном городе живут англичане, португальцы, армяне и несколько греков и турок»³⁷.

Интересны сообщения русских моряков о хозяйстве Бенгалии и о жизни ее населения. «Хлеб во оном месте делается из ечменя. Тако ж скота и птицы довольно, а хорошие быки продаютца по 12 рублей»³⁸. Очень много в Бенгалии риса и «цена оному за 70 фунтов 60 копеек»³⁹. Фрукты «продаютца весьма дешево и чрез весь год бывают»⁴⁰.

Из Бенгалии в Англию «возят самые тонкие бумажные полотна, делаемые на фабриках в городе Патне... Также возят из Бенгалы шелковые платки, селитру и сорочинское пшано». Алисов и Салманов обратили внимание на то, что торговля тонким бумажным полотном была монополией английской Ост-Индской компании⁴¹. Говоря об индийцах — торговых агентах на службе у англичан, они замечают, что среди них «есть весьма богатые купцы»⁴².

О жилище индийцев Алисов и Салманов пишут: «Домы имеют: знатные — каменные, а бедные — шалаши»⁴³.

Путешественники заинтересовались обычаями бенгалцев: «...там мертвых не погребают, но бросают мертвые тела в воду, а богатых жгут. Реку Ганжес почитают они за светую и поклоняются оной и ежедневно в ней обмываютца, молятца солнцу, а прежде того не принимаютца за работу»⁴⁴.

Значительный интерес представляют сведения об антианглийском восстании в Бенгалии в 1763—1764 гг., записанные Алисовым и Салмановым в Калькутте со слов русского купца Николая Челобитчикова⁴⁵.

³⁵ Там же, л. 50.

³⁶ Там же, л. 50 об.

³⁷ Там же, л. 67.

³⁸ Там же, л. 68 об.

³⁹ Там же, л. 67 об.

⁴⁰ Там же, лл. 68—68 об.

⁴¹ Там же, л. 67 об.

⁴² Там же, л. 68.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, л. 66 об.

⁴⁵ Там же, лл. 64 об. — 66. — Путешествию Челобитчикова в Индию был посвящен доклад А. И. Андреева, прочитанный 22 декабря 1958 г. в Географическом обществе СССР, См.: «Страны и народы Востока», вып. II, М., 1961, стр. 280; К. Филиппов, *Вслед за Афанасием Никитиным. Находка исторического документа*, — «Советская Рос-

Челобитчиков подробно рассказал морякам о споре наваба Бенгалии Мир Касима с англичанами по поводу беспощинной торговли англичан, о вооруженном антианглийском выступлении Мир Касима и о неудачных для бенгальского наваба сражениях.

Алисов и Салманов сообщают, что во время их пребывания в Бенгалии взбунтовалась английская армия в Патне и 200 человек присоединились к Мир Касиму, «отчего агличане находятца небезопасности и для того отходящие в Европу аглинской военной каравль Медвей и фрегат оставели в Калкуде»⁴⁶.

ПЛАВАНИЕ КОЗЛЯНИНОВА И ПОЛУБОЯРИНОВА

Обстоятельства плавания унтер-лейтенанта Тимофея Козлянинова и мичмана Никифора Полубояринова достаточно известны из опубликованного журнала Н. Полубояринова. Поэтому в настоящей статье мы не будем останавливаться на истории плавания Козлянинова и Полубояринова, а сообщим некоторые дополнительные сведения о пребывании их в Индии, почерпнутые из обнаруженных нами документов.

В Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота хранится еще один журнал Полубояринова. Это шканечный журнал, содержащий ежедневные записи о плавании судна «Спикер» в Индию⁴⁷. В журнале имеются отлично выполненные зарисовки индийских берегов, в том числе виды Кочина, Телличерри, Андженго и мыса Коморин.

Козлянинов представил в Адмиралтейств-коллегию «Журнал лейтенанта Тимофея Казлянинова, веденной им со времени отправления его из России по возвращение во оную»⁴⁸. Записи Козлянинова о плавании в Индию в основном текстурально совпадают с опубликованными записями Полубояринова, однако он сообщает и такие сведения, которых нет в журнале Полубояринова.

Козлянинов оставил описание Телличерри и Кочина. Телличерри, отмечает Козлянинов, «место небольшое и обнесено ускою и нискою стеною каменною... А круг города стена зделана для только защищения от черного народа... Во оном городе жителей много партугальских. Черным в городе жить не дозволено, а живут за городом и торгуют».

Кочин — «...город голанской; стоит на малом острове, которой рекою отделяет от матерой земли; на оконечности к Н оной город укреплен каменною высокою стеною... Во оном городе строение очень порядочно, и чисто содержат»⁴⁹.

В журнале Козлянинова мы находим любопытные сведения о быте и нравах индийцев. Жители Индии «друг другу селютуют, подымая правую руку к голове, а протчим и обе, а чиновному человеку кланяютца почти до земли, а принцам своим ложатца на землю лицом к земле; а ежели один к другому придет — не кланяютца, встречая своих друзей, а просят садитца на кавер; стульев не имеют. Потчуют листье и арехи для жевания [бетель], которые от зубов очень хороши...»⁵⁰.

сия», 1959, 11 января, № 9 (772), стр. 4. Обнаруженный А. И. Андреевым документ — «Челобитная трубчевского купца Н. И. Челобитчикова, возвратившегося из торговой поездки в Индию, Екатерине II о записи его в петербургское купечество» (1770 г.) — хранится в ЦГАДА (ф. Госархив, разр. X, д. 472, лл. 49—52 об., копия) и опубликован в сборнике «Русско-индийские отношения в XVIII в...», стр. 354—361 (док. № 188).

⁴⁶ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. I, д. 789, л. 66 об.

⁴⁷ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. I, д. 795, лл. 21 об. — 141 об.

⁴⁸ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. I, д. 794, лл. 1—14 об. — Козлянинов был произведен в лейтенанты в январе 1765 г., т. е. после его возвращения из Индии. См. «Общий морской список», ч. 2, СПб., 1885, стр. 185.

⁴⁹ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. I, д. 794, л. 10.

⁵⁰ Там же л. 7 об.

Заслуживают внимания и некоторые другие неопубликованные документы о пребывании Козлянинова и Полубояринова в Индии. В одном из таких документов сообщается, что в Индии Козлянинов и Полубояринов «находились при берегу»: в Кочине 2 недели, в Телличерри 1½ месяца, в Бомбее 2 месяца, в Хонаваре 1 неделю и в Андженго 2 недели⁵¹.

* * *

Записки русских моряков об Индии 60-х годов XVIII в. представляют немалую научную ценность. Они содержат подробные описания Бомбея, Сурата, Мадраса, Калькутты и некоторых других индийских городов. Мореплаватели Дубасов, Алисов, Салманов, Полубояринов и Козлянинов первыми в России составили столь подробные описания этих городов.

Приводимые в журналах русских моряков разносторонние данные о природе, хозяйстве и населении Индии говорят о давнем интересе русских людей к Индии и к ее народу.

В упомянутых документах содержатся некоторые новые данные о хозяйничаньи европейских захватчиков в Индии и о борьбе бенгальского народа с колонизаторами.

Большую ценность для мореплавателей представляла навигационно-гидрографическая информация об Индийском океане, собранная русскими моряками в 60-х годах XVIII в.

Обнаруженные нами архивные документы еще раз свидетельствуют о значительном вкладе русских военных моряков в изучение Индии и Индийского океана.

⁵¹ ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 1765 г., д. 25, л. 32

Т. В. Грек

ОБРАЗ КАБИРА В ИНДИЙСКОЙ МИНИАТЮРЕ МОГОЛЬСКОЙ ШКОЛЫ XVII в.

Ведущим жанром изобразительного искусства в Индии в XVII в. была миниатюрная живопись. Особую известность получили миниатюры так называемой могольской школы, сложившейся при Великих Моголах с XVI по XIX в.

Период расцвета этого вида изобразительного искусства совпадает со временем правления Джахангира (1605—1627) и Шах Джахана (1627—1657), покровительствовавших (особенно Джахангир) художникам. Однако могольская миниатюра ни в какой мере не была только забавой, развлечением скушающего монарха. В мастерских миниатюрной живописи в Агре, Лахоре, Дели работали превосходные мастера-миниатюристы, оставившие высокохудожественные произведения, которые свидетельствуют о самобытности и относительной творческой свободе художников.

Расцвет миниатюры и ее характерные черты, в частности широта тематики и реалистические тенденции, были определены особенностями развития общественной жизни Индии в это бурное время.

Сюжеты могольских миниатюр необычайно разнообразны. Ни одна из сторон жизни блестящего двора Великих Моголов не ускользнула от внимания художников, работавших в придворных мастерских. С пристальной наблюдательностью, временами с документальной точностью изображались различные дворцовые церемонии, празднества, сцены обыденной жизни. В некоторых произведениях могольских художников отражена не только внешняя сторона событий, но и ощутимо передана интеллектуальная атмосфера каких-то сцен и ситуаций в жизни определенных кругов индийского общества.

К произведениям подобного рода относятся в первую очередь миниатюры, сюжеты которых связаны с сектантскими движениями, столь распространенными в средневековой Индии и принявшими в XVII в. форму реформаторских религиозных движений. Такого рода реформаторство было, по сути дела, ростком новой идеологии предшественников капиталистического общества — торговцев, городских ремесленников.

Именно в этих сдержанных, но искренних и вдохновенных творениях отразилось уважение художников к человеческой личности, именно в этих произведениях виден интерес к духовному миру героя.

Одним из главных источников, обогативших прогрессивные тенденции в развитии могольской миниатюры, была связь ее творцов с действительностью. Это выражалось, в частности, и в появлении среди многочисленных портретов политических деятелей изображений представителей феодальной интеллигенции. Показательны в этом отношении портреты Кабира и других идеологов сектантских народных движений. Поэтическая и проповедническая деятельность Кабира — поэта-ткача (1440—1518) — связана с движением «бхакти», одним из наиболее видных представителей которого был этот известный поэт. Произведения — песни Кабира, писавшего на хинди и брадж, — были близки широким массам индийского населения. Для художников могольской школы, многие из которых были индийского происхождения, он прежде всего был поборником кастового равенства. Демократическая сущность поэзии Кабира нашла в их творчестве свое отражение.

До нашего времени сохранилось несколько изображений Кабира, выполненных художниками могольской школы.

Так, в Британском Музее имеются две миниатюры с изображением прядильщика и ткача, считающиеся портретами Кабира. На одной из них изображен юноша в белых одеждах, рядом с которым лежит прядильный лук, на основании чего Кумарасвами, издавший эту миниатюру в 1927 г.¹, указал, что на ней изображен, по-видимому, Кабир в молодости. Кабир на этой миниатюре сидит на чауки у входа в свою хижину, в тени густого дерева кадамба. На заднем плане видны река и противоположный берег. Хижина представляет собой открытое спереди помещение; из утвари представлен небольшой глиняный горшок для воды, помещенный в левой части хижины. Перед Кабиром стоит блюдо с гранатами, а также книга и раковина. Справа и слева разместились последователи и ученики.

Вторая миниатюра с изображением ткача, хранящаяся в Британском Музее, также была определена Кумарасвами в 1927 г. как портрет Кабира². Центральный персонаж — ткач — сидит за ткацким станком, перед входом в хижину. Следует отметить, что на этих двух миниатюрах Британского Музея и хижина и пейзаж выполнены по одной схеме. Повторяются и некоторые бытовые реалии, одинаково в левом углу хижины стоят глиняные сосуды для воды. Один из них прикрыт тканью. Это, видимо, особый сосуд «карва», из которого совершались омовения после ритуального принятия пищи. Рядом с Кабиром находятся его ученики и музыкант, играющий на ситаре. Кабир изображен здесь художником зрелым, у него седая борода, лицу придан, может быть чуть подчеркнуто, суровый аскетический характер. Обращают на себя внимание детали головного убора поэта и музыканта; это перо павлина — необходимая составная часть головного убора Кришны, так называемого «морамукута», а также вишнуистский знак, хорошо заметный на лбу у Кабира.

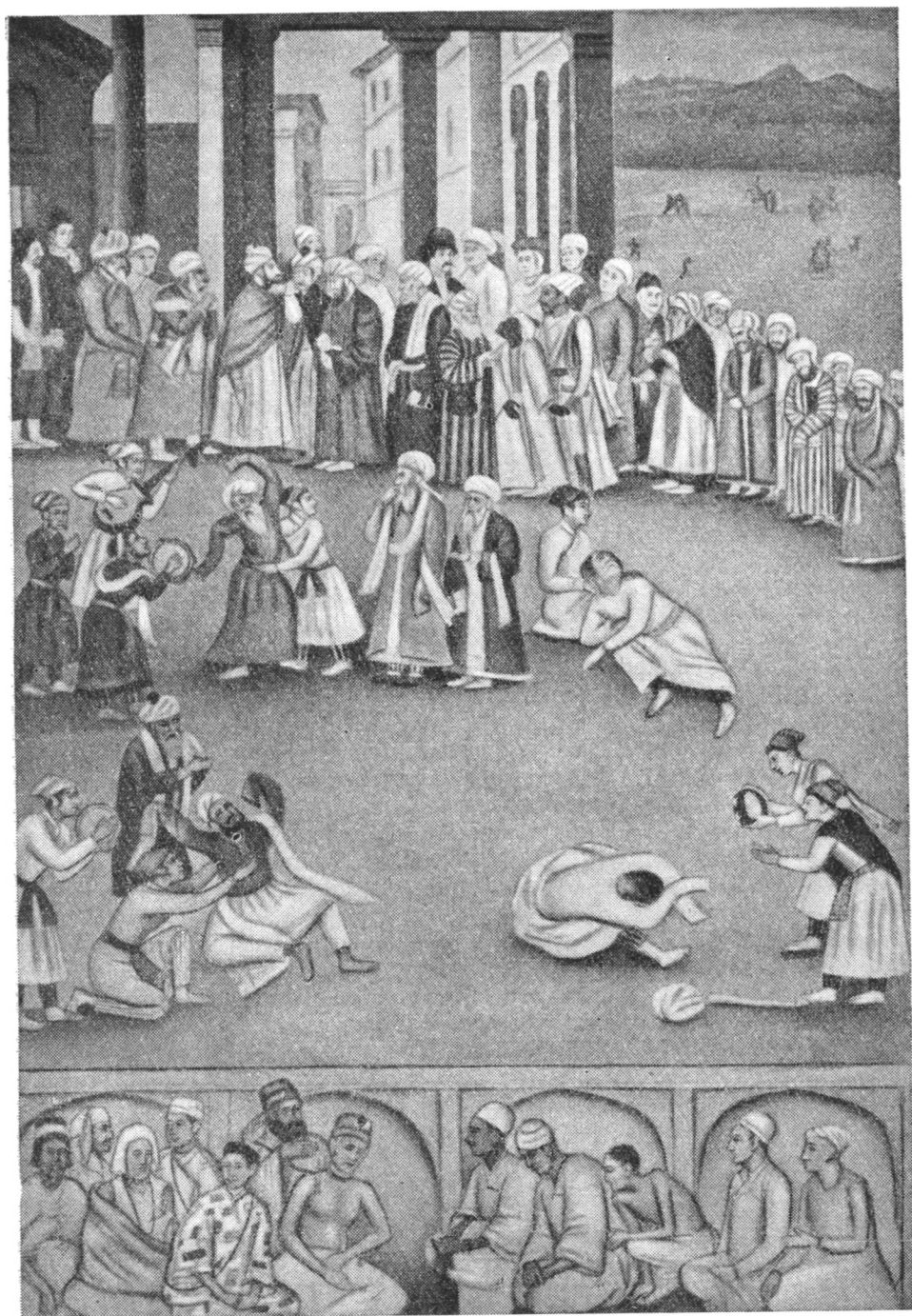
Близко к этому портрету примыкает рисунок с изображением Кабира из Бодлеянской Библиотеки³. Здесь Кабир изображен за ткацким станком того же типа. Совпадает и поза изображенного и форма головного убора.

Однако между этими тремя миниатюрами есть некоторая разница в передаче черт лица. Поэтому, хотя предположение Кумарасвами о

¹ A. K. Coomaraswamy, *Notes on Indian paintings*, — «Artibus Asiae», 1927, MCMXXVII, № 11, p. 135, fig. 9.

² Ibid., p. 135, fig. 10.

³ E. F. Welesz, *Mughal paintings at Burlington house*, — «The Burlington Magazine», february 1948, fig. 26.

Миниатюра «Радение дервишей»

том, что на миниатюрах Британского Музея изображен Кабир, вполне правомерно и не вызывало никаких возражений, место для сомнения все таки оставалось. Прежде всего потому, что основанием для идентификации послужило лишь одно обстоятельство: на обеих миниатюрах изображен ткач. В то же время правильность определения Кумарасвами может считаться совершенно бесспорной, если идентифицированное им изображение сравнить с опубликованной в 1921 г. Л. Биньоном и Т. В. Арнольдом миниатюрой из частного собрания «Радение дервишей»⁴, в верхней части которой изображена сцена радения дервишей, а внизу композиции помещены две группы людей, выполненные, как указывают издатели, с большим мастерством. На каждом из этих персонажей имеется пометка с указанием имени изображенного. Здесь, судя по надписям, изображен целый ряд интереснейших представителей реформаторства, в том числе такие известные исторические личности, как портной Нам Дев, цирюльник Сена, кожевник Рай Дас Камал, Лал Свами, Пипа и др. Кабир помещен художником во главе группы, где собраны, по-видимому, деятели бхакти и связанных с этим движением сект. На белом одеянии рассматриваемого нами персонажа, у колена надпись: «Кабир». Это аскетического вида старец, верхняя часть его фигуры обнажена, на голове своеобразный головной убор с пером павлина и вишнуистский знак на лбу. Рядом с Кабиром сидит юноша в заплатанной одежде — годри, на рукаве которой имеется пометка: «Камал». Так звали одного из учеников Кабира.

Сравнение четырех рассмотренных выше портретов убеждает в том, что на них изображено одно и то же лицо, так как портрет с надписью «Кабир» является как бы связующим звеном между всеми этими изображениями. Прослеживаются идентичные линии овала лица, с несколько выступающими скулами, одинаковая форма носа, бровей, разрез глаз и губ. Причем все эти аналогичные черты четко выявляются именно в сравнении. Для всех изображений характерно не только портретное сходство, но и ряд аналогичных бытовых реалий: у всех персонажей, определенных как изображения Кабира, одинаковый головной убор — это топи с пером павлина, на лбу его вишнуистская тика, на шее канхти (четки из дерева тулси), торс обнажен, на нижней части тела белое одеяние — дхоти.

К этому ряду произведений примыкает хранящаяся в Ленинграде миниатюра с изображением ткача, сидящего за станком, близкая рассмотренным выше изображениям по композиционному решению, пейзажному фону, ряду бытовых деталей⁵.

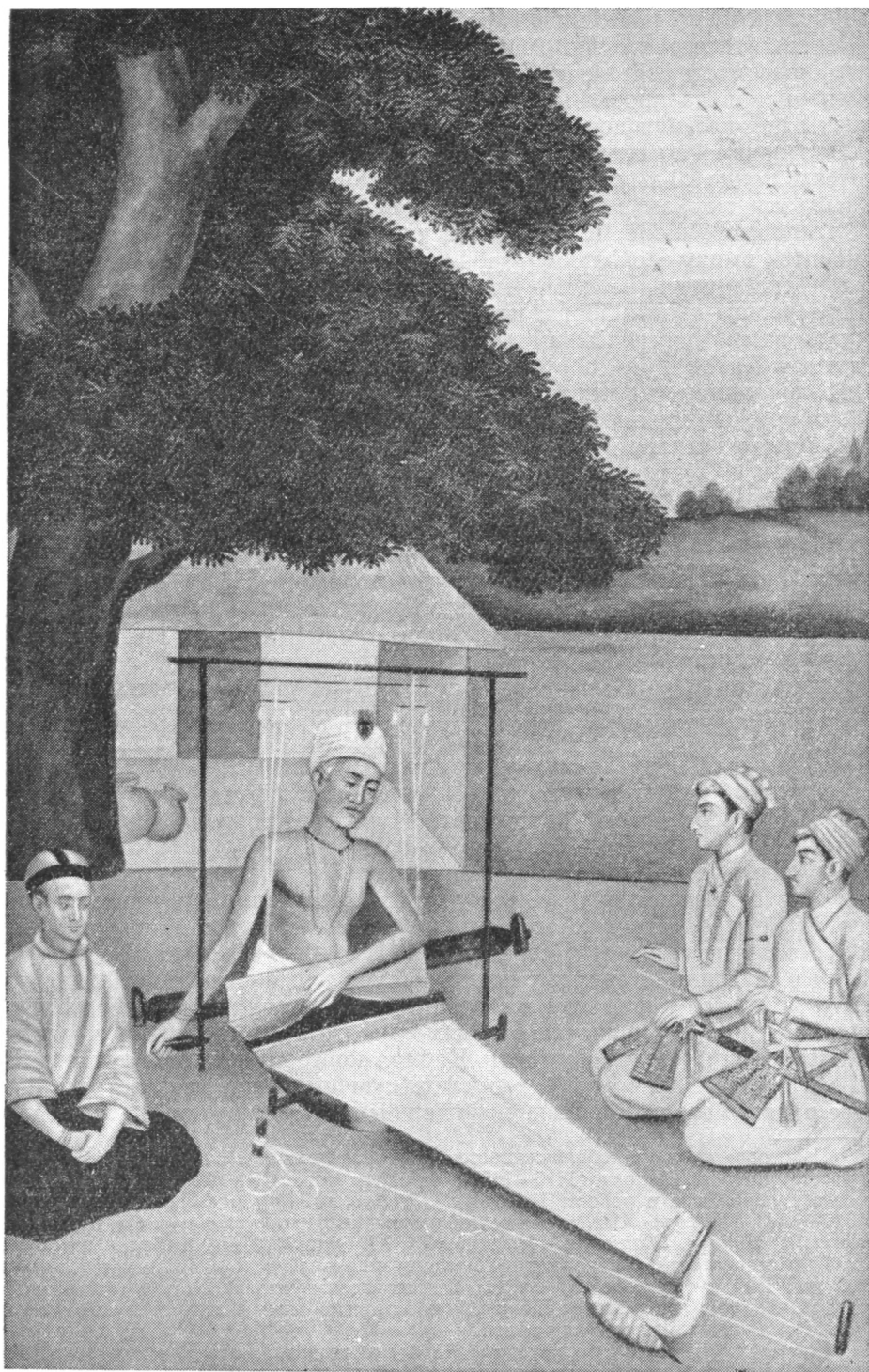
Центральный персонаж этого произведения — безусловно портрет ткача Кабир. В данном случае идентификация сделана на основании четкого портретного сходства ткача ленинградской миниатюры с изображением Кабира, отмеченным подписью в «Радении дервишей».

Слева от Кабира — его *чела* — ученик, внешность которого имеет определенное сходство (не только черты лица, но и головной убор и поза) с изображенным Камалом.

Однако, несмотря на разительное сходство ленинградской миниатюры со всеми другими портретами Кабира, она в известном смысле уникальна. Так, справа от Кабира изображены двое навестивших его юношей, чей облик безусловно свидетельствует об их принадлежности

⁴ L. Binyon and T. W. Arnold, *The court painters of the Grand Moguls*, Oxford, 1921, pl. XVIII.

⁵ Т. В. Грек, *Индийские миниатюры*, — «Альбом индийских и персидских миниатюр», М., 1962, табл.

Поэт-ткач Кабир

к высшей могольской знати. Именно это обстоятельство и придает рассматриваемому произведению определенный интерес.

Прежде всего именно изображение представителей могольской знати позволяет достаточно точно определить миниатюру. Исходным моментом при датировке являются детали их одежд. Так, тюрбаны завернуты при помощи дополнительной полоски ткани, отличной от основного материала по орнаменту и туго стягивающей голову; такие появляются в конце 20-х годов XVII в. Вначале эта дополнительная полоска узка, а сам тюрбан выглядит более плоским, к 30-м годам и позднее она становится шире, и соответственно меняется форма тюрбана: он становится выше, несколько загибаясь книзу. Именно такая форма тюрбана и встречается на этой миниатюре. Другая деталь одежды — парадные пояса — камарбанды или патка, с широкими короткими концами и крупным растительным орнаментом, также характерны для 30—40-х годов XVII в.

К сожалению, не представляется возможным точная идентификация изображенных здесь представителей могольской знати. Их внешность не портретна, а лишь передает определенный бытовой или социальный тип⁶. Однако само присутствие на миниатюре с изображением Кабира могольских юношей очень важно. Можно полагать, что миниатюры с изображениями деятелей демократических народных движений и посетивших их представителей могольской знати отражают интеллектуальную обстановку, настроения некоторых кругов придворных.

Позднее конца 50-х годов XVII в., точнее с момента прихода к власти Аурангзеба, такие работы не могли создаваться могольскими придворными мастерами⁷. Предположение это правомочно потому, что со времени правления Аурангзеба (1657—1707) могольские художники перестают получать заказы шаха, придворные мастерские распущены. Если мастера миниатюры в это время и работают при дворе, то они пишут произведения, сюжеты которых никоим образом не связаны с пропагандой индуизма в какой бы то ни было форме. Это происходит вследствие особенностей проводимой Аурангзевом политики, ориентированной на круги ортодоксальных мусульман.

Анализируя все известные миниатюры с изображением Кабира, нельзя не отметить одну очень существенную деталь его иконографии. Во всех четырех случаях его лицо передано почти в фас, тогда как для могольских миниатюр середины XVII в. более характерна передача лиц в профиль, в трехчетвертной ракурс или почти фронтальная передача являются признаком миниатюр более ранних, в том числе относящихся к XVI в. Принимая во внимание это соображение, а также то обстоятельство, что все портреты Кабира повторяют один и тот же образ, мы считаем возможным допустить существование неизвестного нам более раннего его изображения, может быть, даже повторяющего реаль-

⁶ Некоторое сходство обнаруживается при сравнении профиля переднего юноши с портретами Дары Шикоха (1615—1659), старшего сына Шах Джахана. Ср., например, его изображение в работе: P. Brown'a, *Indian painting under the Mughals*, Oxford, 1924, pl. XXIX, pl. XIII, а также миниатюру из Индийского музея в Калькутте, изданную A. Hidayat, *Shahjahan*, — «Marg», vol. XI, Sept. 1958, fig. 6. Включение Дары в число последователей «Кабирпантхи» было бы не удивительным, так как его интерес к религиям Индии был хорошо известен. Однако идентификация на этом основании и некотором сходстве лиц, которое, может быть, возникло лишь в силу общности этнического типа, не представляется возможной.

⁷ Интересно отметить, что портреты Кабира в технике миниатюры создавались и позднее. Они выполнялись мастерами сикхской школы живописи. В центральном музее в Лахоре находится изображение Кабира, написанное в традициях сикхской миниатюры. Оно датируется XIX в. См. «5000 years of art in Pakistan. An exhibition sponsored by German Arts council», Darmstadt, 1965, № 536.

ный облик поэта ⁸. Вполне вероятным представляется также, что миниатюры передают действительную обстановку места жития Кабира и, таким образом, подтверждаются предположения некоторых ученых о том, что он не был странствующим садху, а имел постоянное местожительство ⁹.

Миниатюры могольской школы с изображениями Кабира, его учеников и последователей представляют определенный интерес не только потому, что они каким-то образом характеризуют этого крупнейшего деятеля религиозно-реформаторского движения «бхакти», но еще и потому, что позволяют несколько уточнить роль этого движения, бывшего столь существенным фактором в общественной жизни могольской Индии.

Как правильно отмечали советские исследователи, «это движение охватило преимущественно индусское население Индии и поэтому носило форму вишнуистского сектантства; однако и мусульманские низы принимали в нем участие, о чем говорит наличие мусульман среди его ведущих представителей (Малик Мухаммед, Баба Фарид)» ¹⁰.

Факт существования среди миниатюр могольской школы по крайней мере четырех миниатюр с бесспорными портретами Кабира, а также композиции со сценой посещения Кабира могольской знатью (причем Кабир на этой миниатюре, так же как и на всех других, изображен с вишнуистским знаком на лбу и в короне Кришны) свидетельствует о распространении его идей и в среде мусульманской интеллигенции, при могольском дворе, а также о том, что в это время секта, созданная Кабиром — Кабирпантхи, в глазах современников смыкалась с кришнаизмом.

⁸ Портреты Кабира и других деятелей секты «Кабирпантха», существующей по сей день, обычно вешаются на стене в одном из помещений святилища. Известен портрет ишана Кабира из святилища «Кабир Чаура Мат», опубликованный G. H. Westcott, *Kabir and the Kabir Panth*, Cawnpore, 1907, Frontispiece. Это произведение сильно отличается от реалистических изображений XVII в. Оно более канонично и условно. Но ряд общих деталей иконографии здесь сохранился. Вопрос о превращении реалистического портрета Кабира в икону пока совершенно не исследован. Возможно, этот процесс начался уже в XVIII в.

⁹ F. E. Keay, *Kabir and his followers*, Calcutta, 1936, p. 6.

¹⁰ А. М. Дьяков, *Историческое значение сектантских движений в XVI—XVII вв. в Индии*, — «Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов (секция Индоведения)», М., 1954, стр. 11—12.

А. Н. Зелинский

**АКАДЕМИК ФЕДОР ИППОЛИТОВИЧ ЩЕРБАТСКОЙ
И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ КУШАН**

(к 100-летию со дня рождения Ф. И. Щербатского, 1866—1966)

Федор Ипполитович Щербатской родился 19 сентября 1866 г. в г. Кельцы. Образование он получил в Царскосельской гимназии, а затем на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Его первым научным руководителем был выдающийся русский индолог И. П. Минаев.

После окончания университета Федор Ипполитович командировается за границу, где совершенствуется под руководством крупнейших индологов того времени — Г. Бюлера и Г. Якоби.

С 1900 г. Федор Ипполитович начинает свою преподавательскую деятельность приват-доцентом кафедры санскритологии факультета восточных языков Петербургского университета.

В 1903—1909 гг. выходит первый труд Щербатского по буддийской философии под названием «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов». В этом труде Федор Ипполитович попытался дать разъяснение теоретических основ буддийской религии. Эта работа стала классической, была переведена на немецкий и французский языки и принесла автору европейскую известность.

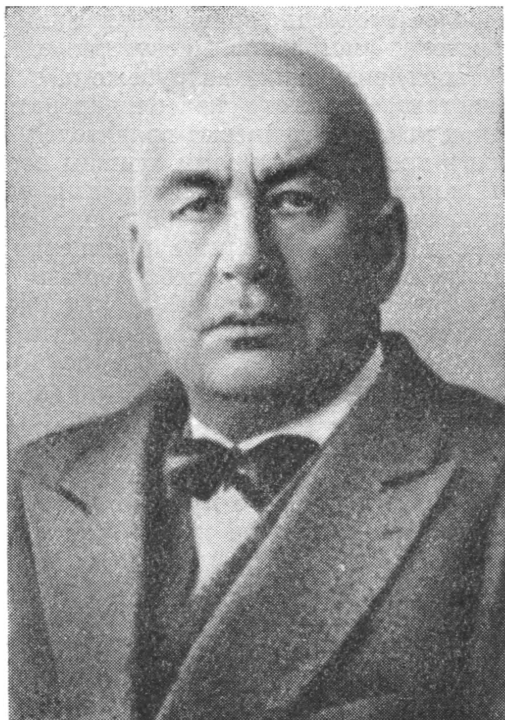
В 1905 г. Федор Ипполитович посещает Монголию, где впервые лично соприкасается с буддийским миром и даже пытается проникнуть в Тибет, но не получает на это разрешения из Петербурга.

В 1910 г. Щербатской командировается в Индию, где много работает в Бомбее и его окрестностях, и с помощью индийских пандитов занимается переводами древних философских трактатов индийской школы ньяя. Ф. И. Щербатской посетил также Бенарес, а затем и Дарджилинг, пытаясь опять попасть в Тибет, но вновь не получил разрешения, на этот раз китайского правительства.

Эта поездка в Индию и непосредственное знакомство с живой индийской научной традицией сыграли огромную роль в окончательном становлении Ф. И. Щербатского как ученого.

Свои основные труды, принесшие ему мировую славу, Федор Ипполитович создает после 1917 г. В 1923 г. он публикует работу «The Central Conception of Buddhism and the meaning of the word «Dharma»». До появления этой работы европейская буддологическая наука тщетно билась над расшифровкой понятия «дхармы», этого ключевого термина буддийской философии. В соответствии с трактовкой термина «дхарма», данной Ф. И. Щербатским и принятой ныне во всем научном мире, ранний буддизм был охарактеризован им как система радикального плюрализма.

В 1927 г. вышла другая замечательная работа ученого, «The Conception of Buddhist Nirvāṇa», которая заложила научные основы понимания Северного буддизма. Ю. Н. Рерих назвал эту работу «бесценной для изучения буддийского монизма, представленного школой мадхьямиков». О популярности этой работы свидетельствует, например, тот факт, что в 1957 г. этот труд Федора Ипполитовича был переведен на японский язык.

Ф. И. Щербатский

С 1928 г. Ф. И. Щербатский возглавлял организованный им при АН СССР Институт буддийской культуры, который после реорганизации востоковедных учреждений АН СССР существовал в качестве индо-тибетского кабинета Института востоковедения АН СССР вплоть до 1937 г. Учениками и сотрудниками Федора Ипполитовича по Институту буддийской культуры были Е. Е. Обермиллер, А. И. Востриков и Б. В. Семичов.

Итогом многолетних исследований Ф. И. Щербатского в области буддизма явилось его капитальное двухтомное исследование под названием «Buddhist Logic», вышедшее в 1930—1932 гг.

«Конечной целью буддийской логики, — писал в этой работе Ф. И. Щербатский, — является объяснение отношений между волнующейся реальностью и статическими построениями нашего сознания». Один из ведущих буддологов современности Эдвард Конзе называет «Буддийскую логику» Ф. И. Щербатского «шедевром первостепенного значения». Эта книга стала настольной для всех исследователей, занимающихся историей буддийской культуры и индийской мысли.

Ф. И. Щербатский умер 18 марта 1942 г. на 76-м году жизни в местечке Боровое (Северный Казахстан), куда он был эвакуирован из Ленинграда в тяжелое время Отечественной войны.

С именем Ф. И. Щербатского связана целая эпоха в изучении буддизма русской и мировой наукой. Его имя широко известно в Индии, Бирме, на Цейлоне, в Монголии и в ряде других стран Азии, так или иначе связанных своим прошлым или настоящим с буддийской культурой.

Джавахарлал Неру называл Ф. И. Щербатского «общепризнанным авторитетом» в области изучения индийской культуры вообще.

Ф. И. Щербатский явился создателем крупнейшей буддологической школы. Среди его учеников — О. О. Розенберг, Е. Е. Обермиллер и А. И. Востриков — буддологи, получившие мировое признание.

В плеяде мировых ученых, занимавшихся буддизмом, Ф. И. Щербатский явился крупнейшим представителем русской буддологической школы, основанной В. П. Васильевым. Продолжая традиции В. П. Васильева, Ф. И. Щербатский открыл новую эру в научном познании Северного буддизма, судьбы которого тесно переплетаются с историей и культурой кушанского государства.

Кушаны уже более столетия привлекают внимание исследователей культуры Востока — историков, искусствоведов, археологов и нумизматов. Этот народ, возникший на рубеже н. э. на территории современного Афганистана, заставил консолидироваться разрозненные племена Бактрии под эгидой кушанских правителей, совершавших громадные завоевания, в ходе которых сами кушаны постепенно растворились в этническом конгломерате покоренных ими народов и окончательно сошли с исторической сцены ок. 400 г. н. э. под объединенными ударами Сасанидского Ирана, эфталитов и империи Гупта¹.

Какую же память оставили после себя кушаны и что сумели они внести в сокровищницу мировой культуры?

Будучи правителями обширнейшей империи, которая в период своего расцвета простиралась от устья Инда на юге до Аральского моря на севере и от Иранского плато на западе до Кашгарии на востоке, кушаны впервые сумели осуществить торговые, политические и культурные связи между Востоком и Западом в масштабах всего Евразийского материка. В течение долгого времени они держали в своих руках важнейший отрезок Великого шелкового пути, по которому шел международный обмен от берегов Атлантики и до Тихого океана. Послов кушанского государства с почетом принимали и в Риме и в Китае, а выгоды кушан от торговли были столь велики, что впервые со времен Ахеменидов они возродили чеканку золотой монеты. В царстве кушан возникло замечательное искусство, названное греко-буддийским или гандхарским и оказавшее огромное влияние на искусство Индии, а также Центральной и Восточной Азии.

Ответить на вопрос о том, какова была культура кушан, еще труднее, чем связано изложить их малоизученную политическую историю. Если под культурой в целом подразумевать творческий гений народа, воплощенный в его созидательной деятельности, охватывающей все сферы духовной жизни, начиная от религиозно-философских концепций и кончая прикладным искусством, то такой единой культуры у кушан не было. Особенностью этого народа было то, что, едва успев выйти на политическую арену, он в кратчайший срок сумел создать мировую империю, включавшую разноязычные народы с разнообразными и древними культурными традициями.

Что же объединяло в течение нескольких столетий этот народ, у которого были разные культурные традиции, разные языки, наконец, разные религиозные верования? Ответить на этот вопрос при современном уровне наших знаний о кушанах трудно. Утверждать, что кушанская империя держалась одной лишь силой оружия, будет так же неверно, как утверждать, что ее объединяло единство экономики или культуры. Бесспорно одно — попавшие под власть кушан народы были на протяжении определенного периода заинтересованы в крепкой, объединяющей их власти правителей, покончивших с местным сепаратизмом и создавших исключительно благоприятные возможности для процветания торговли, искусств и ремесел. Очевидно, и система управления, созданная кушанами, отличалась наряду с сильной централизацией большой гибкостью и универсализмом. Нас в данном случае интересует не то, почему кушанская держава пала, а то, как она могла просущество-

¹ Наиболее полное изложение истории кушан см. R. Ghirshman, *Bégram, Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans*, — «Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan», t. XII, Caire, 1946; см. также: В. М. Массон, В. А. Ромодин, *История Афганистана*, т. I, М., 1964, стр. 157—195; «История таджикского народа», т. I, М., 1963, стр. 341—399. В двух последних изданиях приведена и библиография вопроса.

воватъ около 400 лет, охватывая в периоды своего расцвета такие различные страны и народы, которые ни до, ни после кушан никогда не объединялись в пределах одного государственного образования.

Поскольку в древности и средневековье культура была тесно связана с религиозными представлениями, мы считаем необходимым упомянуть о тех культах, которые существовали в империи кушан.

Судя по прямым свидетельствам, оставленным главным образом памятниками материальной культуры, этими культами были буддизм, митраизм, шиваизм, зороастризм, культ «Великой Богини» (среднеазиатский вариант переднеазиатского культа Деметры, Кибеллы и других женских божеств «Прародительниц сущего»), культ божеств греческого пантеона², военно-кочевой культ «Бога-всадника»³ и, по-видимому, династичный культ кушанских правителей⁴.

Судя по некоторым косвенным данным, преимущественно нарративных источников, кушаны были знакомы также с манихейством, гностицизмом, иудаизмом и христианством⁵. Однако последний культ не смог получить у кушан сколько-нибудь значительного развития, очевидно потому, что столкнулся там с развитым буддизмом, который уже сам претендовал на роль мировой религии. Не исключено знакомство кушан с даосизмом, а также с малоизвестными нам древними кочевыми культами центральноазиатских степных племен⁶.

Таким образом, кушаны были знакомы в той или иной степени со всеми важнейшими религиозными культами, имевшими распространение в этот же самый период и на территории Римской Империи. В то же время близкое знакомство кушан с религиозными системами Индии, а также Центральной Азии и Дальнего Востока сделало их империю совершенно уникальным явлением, как образец такого разнообразия религиозных систем и верований, равного которому мы не найдем во всей мировой истории. Но вряд ли было бы справедливым обвинять кушан в синкретизме как в сочетании всех этих разнородных представлений в какой-то новой религиозно-философской концепции. Скорее напротив, все упомянутые нами культы, вероятно, сосуществовали, взаимно влияя, но никогда не смешиваясь друг с другом. Традиционная веротерпимость кушанских правителей, стремившихся быть популярными в своей разноязычной империи, красноречиво говорит об этом.

* * *

Если в рассматриваемую нами эпоху среди многочисленных религиозных культов Римской Империи лишь одно христианство выросло до религии мирового значения, то среди религиозных систем империи кушан такая роль принадлежала буддизму, которому кушаны оказывали особое покровительство.

² Свидетельства, по которым можно судить о существовании у кушан шести упомянутых выше культов, приведены, например, в кн.: В. М. Массон, В. А. Ромодин, *История Афганистана*, т. I, стр. 158—165 и 186—195; см. также: *История таджикского народа*, т. I, стр. 372—378 и 428—430; Б. Я. Ставиский, *Между Памиром и Каспием*, М., 1966, стр. 214—224.

³ М. А. Ростовцев, *Бог-всадник на юге России, в Индоскифии и в Китае*, — «*Seminarium Kondakovianum*», Прага, 1927.

⁴ K. Jettmar, *Zum Heiligtum von Surkh-Kotal*, — «*Central Asiatic Journal*», vol. V, 1960, № 3, pp. 198—205.

⁵ См., например, E. Tisserant, *Eastern Christianity in India*, Calcutta, 1957.

⁶ Ленинградский тибетолог Б. И. Кузнецов, основываясь на изученных им бонских текстах, полагает, что религиозная система бон, получившая позднее такое распространение в Тибете, особенно в его кочевых районах, возникла в эпоху кушан в восточных пределах их империи не без влияния иранских дуалистических представлений.

Однако вопросы о том, каким образом буддизм при кушанах превратился в мировую религию, в чем выразилась сущность перемен, происшедших в его теории и практике в эту эпоху и какова была роль самих кушан в этих переменах, остаются еще почти неисследованными как в части всестороннего анализа письменных источников и археологических данных, так и в части общеисторического подхода к проблеме. Именно на этом последнем следует остановиться подробнее, так как от правильной постановки этих вопросов и поисков их решения зависит не только наше понимание проблемы кушан, но и многих других, смежных вопросов культурной истории Индии, а также Средней, Центральной и Восточной Азии, которые на протяжении своей многовековой истории длительно соприкасались с кушанской культурой.

Роль кушан в создании нового направления буддизма — махаяны, или «Великой Колесницы», — была чрезвычайно велика и, по-видимому, касалась всех сторон системы, начиная с философских основ и кончая религиозной догматикой и церковной практикой. Подробно анализировать все эти сложные вопросы не представляется пока возможным. Поэтому мы позволим себе остановиться лишь на одном событии культурной истории кушан, важность которого для судеб махаяны была такова, что оно прочно вошло в буддийскую традицию. Этим событием был ставший легендарным собор Канишки.

При избранном масштабе и задачах исследования нас не занимает проблема историчности этого собора, с точки зрения немногочисленных и порою противоречивых источников, которых сохранилось еще меньше, чем о соборе Ашоки в Паталипутре. Сама стойкость буддийской традиции, которая связывает с этим собором кардинальные изменения своей доктрины, красноречиво свидетельствует о том, каким значительным событием вошел он в сознание современников, и снимает всякие сомнения в его историчности.

Согласно этой традиции, нашедшей свое отражение в трудах Парамартхи (V в. н. э.), Сюань Цзана (VII в. н. э.) и Таранатхи (XVII в.), знаменитым кушанским государем Канишкой (78—101 гг. н. э.)⁷ был созван в Кашмире, вероятно ок. 100 г. н. э. Четвертый буддийский собор под руководством таких выдающихся светил буддийской мысли, как Нагарджуна, Ашвагхоша и Васумитра. Этот собор оказался последним всеобщим собором в истории буддизма, так как на нем произошел раскол: противники решений собора отложились от него, провозгласив тем самым окончательное размежевание между хинаяной, или Южным буддизмом, и махаяной, или Северным буддизмом. И, по-видимому, не случайно южная палийская традиция вообще умалчивает об этом историческом событии. Так, спустя пять веков после кончины Будды, схизма в буддизме стала совершившимся фактом⁸. Необходимость созыва Канишкой такого собора скорее всего диктовалась стремлением разрешить многочисленные противоречия различных направлений и сект, на которые успел распасться ранний буддизм и которые уже вышли в ту пору за рамки чисто внутренних разногласий буддийской общины. Этот собор положил начало распространению обширной лите-

⁷ Хронология кушан является до сих пор предметом оживленной дискуссии. Однако указанная дата правления Канишки принимается в настоящее время значительной частью исследователей (см. «The history and culture of Indian people», vol. II, «The age of Imperial unity», Bombay, 1960, p. 144; см. также В. М. Массон, В. А. Ромодин, *История Афганистана*, т. I, стр. 162).

⁸ О соборе Канишки см., например, «The history and culture of Indian people», vol. II, pp. 146—147, 384—385 (с указанием источников); см. также: «The Oxford history of India», Oxford, 1958, p. 151; R. Grousset, *Histoire de l'Asie*, t. II, Paris, 1922, pp. 87—88.

ратуры на санскритском языке, явившейся основой санскритского канона махаяны, в отличие от палийского канона хинаянистов, окончательно зафиксированного на Цейлоне в 80 г. до н. э.⁹

По преданию, на этом соборе 500 архатов под руководством Васумитры составили комментарии к трем основополагающим трактатам палийского канона («Виная-питаке», «Сутта-питаке» и «Абхидхамма-питаке»), которые были выгравированы на медных таблицах и помещены в ступу, воздвигнутую для этой цели Канишкой в столице Кашмира. Из комментариев, подготовленных собором, до нас дошла обширная «Абхидхарма-вибхаша», или «Махавибхаша». Однако в действительности это произведение является комментарием не на «Абхидхамму-питаку» палийского канона, а на основной метафизический трактат школы сарвастивадинов, «Джняняпарастану» Катьянипутры, которая была главным сочинением «Абхидхарамы-питаки» этой школы¹⁰. «Махавибхаша» в глазах сарвастивадинов пользовалась авторитетом священного писания, и поэтому школу вибхашиков следует рассматривать как последователей «Махавибхашы», или просто «Вибхашы»¹¹.

В связи с этим возникает естественный вопрос: если собор Канишки канонизировал труды одной из двух главных школ хинаяны, то о какой победе махаяны на этом соборе может тогда идти речь? Однако это становится ясным при более глубоком знакомстве с характером победившей школы.

Действительно, школа сарвастивадинов принадлежала к хинаянистическому направлению буддизма, но она, по-видимому, значительно отличалась от древней ортодоксальной школы тхеравадинов, получившей свое выражение в палийском каноне. Школа сарвастивадинов, вероятно, окончательно откололась от тхеравадинов вместе со школой махасангхиков на Третьем буддийском соборе в Паталипутре, созванном Ашокой Великим ок. 240 г. до н. э.¹². К этому же времени относится и деятельность Катьянипутры по созданию основного теоретического трактата школы сарвастивадинов¹³. Изгнанные в числе прочих сект собором Ашоки сарвастивадины нашли прибежище в монастыре Наланда, откуда они к концу эпохи Маурьев переместились в Матхуру, а отсюда — в Кашмир и Гандхару, где в эпоху кушан добились влияния и силы¹⁴. Однако сарвастивадины были еще далеки от теоретических предпосылок, создавших философскую базу махаянистического буддизма. Решающий шаг в этом направлении был сделан школой саутрантиков, основателем которой был Кумаралабдха и которая выделилась из основного направления сарвастивадинов в самом начале н. э.¹⁵.

⁹ «Дхаммапада», перевод с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова, М., 1960, стр. 19 (Bibliotheca Buddhica, XXXI).

¹⁰ Ю. Н. Рерих, *История Средней Азии* (рукопись). За возможность познакомиться с рукописью приношу благодарность И. М. Богдановой.

Санскритский оригинал «Махавибхашы» неизвестен, и она сохранилась только в китайском переводе: Mahāvībhāṣā (Abidatsuma dai bibasha гон Да-пи-по-ша-лунь: 487, 44а), 200 fasc. составили 500 архатов (Vasumitra и др.), перевел Сюань Цзан (656—659) В. Н., № 1263. Сохранился и более ранний перевод. В. Н., № 1264; Т. Т. XXII, 1—8, 9. (Цит. по: О. О. Розенберг, *Проблемы буддийской философии*, Пг., 1918, стр. 339).

¹¹ С. Чаттерджи и Д. Датта, *Введение в индийскую философию*, М., 1955, стр. 139—140.

¹² «The Oxford History of India», pp. 123—124, 142; «The history and culture of Indian people», vol. II, pp. 382—383.

¹³ E. Conze, *Buddhism, Its essens and development*, New York, 1951, p. 92.

¹⁴ Д. Чаттопадхьяя, *История индийской философии*, М., 1966, стр. 198; A. Foucher, *L'Art gréco-bouddhique de Gandhāra*. t. II, Paris, 1918, p. 412.

¹⁵ С. Радхакришнан, *Индийская философия*, М., 1955, стр. 530.

Другая школа, выделившаяся в это же время, но следующая за ортодоксальными сарвастивадинами, — упомянутая школа вайбхашиков.

Итак, если собор Канишки в целом свидетельствует о решительном перевесе сарвастивадинов над всеми другими хинаянистами (вероятно, последователями школы тхеравада), то, с другой стороны, известный раскол произошел, по-видимому, на соборе и между самими сарвастивадинами, одно из направлений которых стояло уже, по существу, на махаянистических позициях и только номинально числилось среди хинаянистических школ. Это предположение, в частности, подтверждается и тем фактом, что школа саутрантиков рассматривалась в дальнейшем как еретическая ортодоксальным направлением вайбхашиков. Об этом, например, свидетельствует то, что хинаянист Яшомитра, комментируя знаменитый трактат школы сарвастивадинов «Абхидхармакхошу» Васубандху (IV в. н. э.), предупреждает о сильном тяготении его автора к школе саутрантиков¹⁶. Еще с более резкой критикой этого произведения Васубандху выступил Сангхабхадра, отстаивая традиционное направление вайбхашиков¹⁷. Поскольку «Абхидхармакхоша» Васубандху опиралась на трактат Катьянипутры, комментарием к которому и была «Махавибхаша», утвержденная собором Канишки, то в этом последнем трактате не могли не получить свое отражение оба новых направления школы сарвастивадинов. Краткое изложение «Махавибхашы» есть в «Абхидхармакхоше» Васубандху, и, по-видимому, своим «еретическим» взглядам он был обязан знакомству и с этим произведением.

В чем же заключалась особенность школы саутрантиков, заставившая отмежевываться от нее остальных хинаянистов? Эта особенность состояла прежде всего в онтологии саутрантиков, т. е. в их учении о сущем, и их буддологии, т. е. учении о Будде. Эти проблемы, волновавшие саутрантиков, были впервые поставлены и со всей доступной для уровня наших знаний глубиной решены Ф. И. Щербатским.

Согласно точке зрения противников саутрантиков — вайбхашиков, тщательно проанализированной Ф. И. Щербатским, все бытие подразделяется на две группы элементов («дхарм»): одна группа представляет мгновенные проявления этих элементов в реальной жизни, где признается реальность настоящего, прошедшего и будущего этих элементов (*dharma-lakṣaṇa*), а другая группа представляет их вечную и неизменную природу (*dharma-svabhāva*). Когда все проявления элементов бытия затухают, то остается совершенно неопределимая, но лишенная всякого жизненного содержания субстанция, которая и будет состоянием нирваны у последовательных хинаянистов¹⁸. Этой же концепции нирваны применительно к раннему буддизму придерживался еще В. П. Васильев, который писал: «Первоначальное понятие о Нирване или о том состоянии, которое есть апогей этого стремления, есть не что иное, как понятие о совершенном уничтожении или выходе из ряда существ»¹⁹.

Придерживаясь, как и вайбхашики, теории элементов бытия («дхарм»), на которые расщепляется весь поток сознательной жизни.

¹⁶ Д. Чаттопадхья, *История индийской философии*, стр. 199.

¹⁷ О. О. Розенберг, *Проблемы буддийской философии*, стр. 40.

¹⁸ Th. Stcherbatsky, *The conception of Buddhist Nirvāṇa*, Leningrad, 1927, pp. 27—28. Однако некоторые ученые, разделяющие принципиальную установку Ф. И. Щербатского в этом вопросе, все же выступают против его совершенно негативной трактовки нирваны применительно к школе вайбхашиков. (См., например, T. R. V. Murti, *The Central philosophy of Buddhism*, London, 1955, pp. 272—273).

¹⁹ В. П. Васильев *Буддизм*, ч. I, СПб., 1857, стр. 93.

саутрантики, однако, отрицали, что прошедшее и будущее этих элементов существует реально, допуская реальность лишь мгновенных проявлений этих элементов в настоящем²⁰. Это привело их к тому, что они вообще отвергли двойной ряд элементов бытия, признав лишь реальность проявлений, затухающих в нирване, которая означала только конец процессов жизни, а не какую-то безжизненную субстанцию, в виде осадка или субстрата, в котором эта жизнь гаснет. «Отрицание саутрантиков, — пишет Ф. И. Щербатской, — не было отрицанием нирваны в целом, не было отрицанием ее идеалистического абсолюта. Буддизм невозможен без Нирваны, так как отсутствие Нирваны означает отсутствие Будды. Но саутрантики отвергли материалистическую Нирвану так же, как это сделали и все махаянисты»²¹. Отрицая реальность нирваны как особого элемента, трансцендентного бытию, саутрантики вплотную подошли к концепции махаянистов с ее «тождеством» сансары и нирваны. Поэтому можно утверждать вслед за Ф. И. Щербатским, что природа нирваны была одним из главных предметов принципиального расхождения между вайбхашиками и саутрантиками.

Таким образом, если в своей онтологии саутрантики решительно отошли от позиций вайбхашиков, отвергнув независимость истинно-сущего бытия, то их главное отличие от последовательных махаянистов заключалось в том, что они допускали реальность феноменального мира, в смысле реальности «дхарм» настоящего момента, мгновенные вспышки которых создают иллюзию миропроявления.

Еще более разительный контраст между вайбхашиками и саутрантиками лежал в сфере буддологии. Раскрывая позицию вайбхашиков по отношению к этой проблеме и сравнивая ее с позицией ранних школ хинаяны, а также с позицией саутрантиков и всех последовательных махаянистов, Ф. И. Щербатской пишет: «Они тоже являются атеистами и считают своего Будду, по существу, человеком. Это отвергается всеми теми школами, которые остаются верны концепции божественности Будды, т. е. махаянистами и их предшественниками в хинаяне. Концепция «Космического Тела Будды (dharma-kāya) разделяется всеми школами махаяны и промежуточной школой саутрантиков»²².

Аналогичный взгляд на буддологию саутрантиков был высказан В. П. Васильевым: «Саутрантики, — писал он, — как видно, не допуская в Будде еще самбогакаю или тела блаженства, уже ввели Дармакаю, что кажется вовсе не было еще известно Вайбхашикам...»²³. Это был спор о природе Будды, который не мог не стоять в центре внимания собора Канишки и который, видимо, сразу же разделил обе новые школы.

В свете этого становится ясным, что разногласия на соборе между вайбхашиками и саутрантиками должны были носить принципиальный и острый характер, так как по существу они были продолжением тех разногласий, которые заставили наиболее непримиримых хинаянистов покинуть собор и совершенно отклониться от нового направления буддизма. Становится ясным и то, почему именно Васумитра, а не менее известные, чем он, Нагарджуна или Ашвагхоша, был избран председателем этого собора в качестве VII буддийского патриарха. Васумитра

²⁰ Подробное изложение дискуссии между вайбхашиками и саутрантиками по этому вопросу есть в главе V «Абхидхармакхоши» Васубандху и переведено с тибетского текста Ф. И. Щербатским. (Th. Stcherbatsky, *The Central conception of Buddhism and the meaning of the word «Dharma»*, London, 1923, pp. 76—91).

²¹ Th. Stcherbatsky, *The conception of Buddhist Nirvāṇa*, p. 21.

²² Ibid., p. 26.

²³ В. П. Васильев, *Буддизм*, ч. I, стр. 286. Предшественниками саутрантиков в буддологии была школа махасангхиков, впервые выдвинувшая теорию сверхъестественного (lokottara) Будды (см. E. Conze, *Buddhism*, p. 121).

был саутрантиком, и его назначение на этот высокий и ответственный пост, санкционированное, по-видимому, самим Канишкой, было вызвано желанием этого монарха предотвратить назревавший раскол в буддизме, что, как мы знаем, не удалось. Несмотря на известный компромисс, следствием которого были комментарии «Махавибхаша», собор в целом прошел при явном преобладании новых махаянистических веяний. Что касается Ашвагоши, то его кандидатура не могла быть принята, потому что он не только не принадлежал к промежуточной школе, но был уже вполне последовательным махаянистом и автором выдающихся философских и литературных трактатов, об одном из которых Сильвен Леви сказал: «Для своего распространения буддизм нуждался в Евангелии. Асвагоша дал ему Буддачариту, жизнь Будды»²⁴. По-видимому, в еще меньшей степени могла подойти кандидатура Нагарджуны, философская позиция которого настолько радикально отличалась от ортодоксального буддизма, что должна быть принята за отправную точку в истории генезиса философских основ махаяны. Именно эта крайняя позиция Нагарджуны, впервые провозглашенная им, вероятно, также на соборе Канишки, оказала наиболее действенное влияние на все дальнейшее развитие системы махаянистического буддизма.

* * *

Если Нагарджуне принадлежит первое место среди основоположников махаяны, то первым среди ученых, раскрывших философские основы учения выдающегося индийского мыслителя, был академик Ф. И. Щербатской. В 1927 г. вышла в свет уже цитированная нами выше ее работа «The conception of Buddhist Nirvāṇa», явившаяся поворотной точкой в развитии современных представлений о сущности махаянистической доктрины. В этом труде автор, по его собственным словам, сделал попытку сформулировать концепцию Будды и нирваны. В основу труда Щербатского лег перевод с санскрита двух важнейших глав трактата Нагарджуны «Мадхьямика-шастра» («Трактат об Относительности») с комментариями к ним знаменитого махаяниста VII в. н. э., Чандракирти. Непосредственным поводом к работе Щербатского явилась книга Валле Пуссэна «Nirvāṇa»²⁵, которую Федор Ипполитович Щербатской сразу же после ее выхода подверг резкой критике в одной из своих рецензий²⁶. Критикуя Валле Пуссэна, Ф. И. Щербатской одновременно критиковал представления о нирване, сложившиеся у многих западных ученых (Кейс, Валлезер и др.). Сущность этих представлений сводилась к нигилистическому трактованию этого важнейшего термина махаянистического буддизма

Ф. И. Щербатской показал, что, пойдя дальше саутрантиков, Нагарджуна вообще отверг реальность феноменального мира, реальность «дхарм» его составляющих, признав их относительными и условными. Поэтому относительность сама была провозглашена «средним путем», в смысле срединности между абсолютным бытием и абсолютным небытием. Отсюда и получила свое название школа мадхьямиков, основанная

²⁴ Асвагоша, *Жизнь Будды*, М., 1913, стр. XVI. (Перевод К. Бальмонта со вступительной статьи Сильвена Леви). В других случаях мы придерживаемся современной транскрипции: Ашвагоша.

²⁵ L. de la Vallée Poussin, *Nirvāṇa*, Paris, 1925.

²⁶ «Bulletin of the School of Oriental Studies», vol. VI, pt 2, London, 1926, pp. 357—360. Этой рецензией Ф. И. Щербатского началась ожесточенная полемика с Валле Пуссэном о сущности нирваны и проблеме абсолюта у мадхьямиков, которая продолжалась 13 лет, до тех пор пока Валле Пуссэн не был вынужден признать себя побежденным, заявив, что система мадхьямика признает абсолют (см. «Buddhist Harvard journal of Asiatic studies», vol. III, 1938, p. 148).

Нагарджуной. «Срединный путь, — пишет Федор Ипполитович Щербатской, — означал в раннем буддизме избежание крайностей материализма (*ucchedavāda*) и учения о вечной душе (*śasvatavāda*)... В Махаяне этот термин изменяет свое значение и становится синонимом относительности (*sūnyatā*)»²⁷. Именно в понимании термина «шуньята» как относительность, а не как пустота русский ученый нашел ключ к решению проблемы махаянистической нирваны; однако он подчеркивал, что Нагарджуна в своем трактате нигде не абсолютизирует относительность. «Относительность, — разъясняет Чандракирти, — является здесь определением элементов (*dharma*) бытия... Но поскольку нет такого элемента, который был бы неотносителен, то сама Относительность из-за отсутствия тех объектов, которым она могла бы быть противопоставлена, становится такой же мнимой, как мираж...»²⁸. Следовательно, уже само существование понятия относительности предполагает и существование того, что имеет абсолютное значение. Что же может быть, в таком случае, противопоставлено относительности? Согласно этой концепции, относительности может быть противопоставлено лишь полное осознание ее самой. По этому поводу Чандракирти говорит: «Будды учили, что понимание относительности всех искусственных концепций есть единственный путь освобождения от них»²⁹. Но, освобождаясь от относительности, мы сталкиваемся с чем-то безотносительным — это и будет обратной стороной относительности, т. е. абсолютном, тождественным с нирваной и Буддой в его космическом аспекте.

Перевод и трактовка Ф. И. Щербатским сочинения Нагарджуны «Мадхьямика-шаstra» и комментария к нему Чандракирти позволяют нам понять мысль индийского гения, прошедшего путь от плюрализма хинаяны к монизму махаяны с ее концепцией Будды как абсолюта. «Будда — это оборотная сторона всей множественности, созданной нашим образом мышления, — говорит Чандракирти, — множественности, которая создает беспорядок в построениях нашего ума и расчленяет единство мира»³⁰. Как ясно показал Щербатской, относительность была провозглашена Нагарджуной как общий принцип, действующий как в обусловленном, так и в необусловленном бытии, т. е. тем самым как бы снималась разница между этими двумя планами бытия, которые уже не имели сами по себе самостоятельного значения (ср., например, противоположный взгляд хинаянистов или дуализм поздней санкхья). Эта точка зрения неизбежно приводит к отрицанию вообще всяких представлений о наличии двуполюсности мира эмпирического и мира абсолютного, т. е. к полному «тождеству» сансары и нирваны. Об этом «тождестве», провозглашенном махаяной, О. О. Розенберг писал: «Идея о тождестве бытия и нирваны, или эмпирического и истинно-сущего, является центральной идеей позднейших сект буддизма. Эта же идея составляет основоположение знаменитой Саддармапундарики — сутры о Лотосе, символе истинно-сущей дхармы, в главе II: „искони все дармы спасены“, т. е. дхармы, находящиеся в процессе бытия, это все-таки те же абсолютные дармы»³¹. Об этом же говорится и в известной «Вималакирти-сутре», относящейся также к самому началу н. э.

Однако здесь мы подошли к известному «камню преткновения» в понимании махаянистической доктрины: что следует понимать под этим провозглашенным «тождеством» сансары и нирваны? Ведь при бук-

²⁷ Th. Stcherbatsky, *The conception of Buddhist Nirvāṇa*, p. 50.

²⁸ Ibid., p. 49.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid., p. 210

³¹ О. О. Розенберг, *Проблемы буддийской философии*, стр. 251.

вальном понимании провозглашенного тезиса понятия сансары и нирваны лишаются всякого содержания. Все элементы бытия, т. е. «дхармы», становятся иллюзорны или «пусты» (*śūnya*), а сама доктрина, объявляющая такое положение стержнем своей системы, может с полным правом именоваться системой нигилизма или «доктриной пустоты», как она, впрочем, фактически трактуется и до сего времени некоторыми европейскими и некоторыми индийскими учеными³². В этой связи уместно вспомнить, что современные мадхьямикам представители всех других религиозных систем Индии также всегда обвиняли их в нигилизме³³.

Впервые смысл провозглашенного новым направлением буддизма «тождества» двух, казалось бы, несоизмеримых понятий был раскрыт Ф. И. Щербатским. «Тождество» сансары и нирваны, феноменального и абсолютного, обусловленного и необусловленного, эмпирического и истинно-сущего действительно, по его словам, лишь «*Sub specie aeternitatis*»³⁴, т. е. «с точки зрения вечности». Иными словами, оно действительно лишь при условии снятия феноменальной иллюзии. Но до тех пор пока эта иллюзия имеет место, абсолютное имманентно феноменальному лишь как возможность, а не как действительность. Поэтому наиболее точным выражением этой системы будет убеждение, что абсолют одновременно и имманентен и трансцендентен феноменальному плану бытия³⁵. Степень их расхождения, следовательно, кроется лишь в сознании, точнее, в его состоянии. Это предельно четко выражено в следующих словах Нагарджуны:

Здесьнюю зависимость или причинность (отдельных вещей)
Мы называем миром Феноменальным;
Но Это же самое называется Нирваной,
Если абстрагироваться от Причинности³⁶.

Эту же мысль Щербатской выражает так: «Вселенная, рассматриваемая, как целое, есть Абсолют, а рассматриваемая как процесс, есть Феномен»³⁷. Поскольку Будда и нирвана являются у Нагарджуны лишь разными определениями одного и того же, то теологическое содержание этого положения выявляется достаточно определенно. Его можно резюмировать так: постигший относительность избавляется от нее, т. е. постигший пустоту феноменального бытия становится «причастным» бытию абсолюта или Будды в его непознаваемом аспекте «Космического Тела» («Будды в Дхармакайе»). «В этой последней принадлежности, — пишет Ф. И. Щербатской, — единственная сущность вселенной персонифицируется и становится, как высшее божество, предметом поклонения под именами Вайрочаны, Амитабы, богини Тары и др. Буддизм становится одновременно и пантеистичным и теистичным, или, как определяет проф. М. Анесаки, космоистичным»³⁸.

Таким образом, «Будда в Дхармакайе» является единственной реальностью в системе всеобщей относительности Нагарджуны, единственным источником, трансформирующим сознание, освобождающееся от оков

³² См., например: E. Conze, *Buddhist thought in India*, London, 1962, p. 242; S. Dasgupta, *Indian idealism*, Cambridge, 1962, p. XIII, — однако Т. Мурти полностью разделяет концепцию Ф. И. Щербатского (T. R. V. Murti, *The Central philosophy of Buddhism*, pp. 5—6).

³³ Th. Stcherbatsky, *The conception of Buddhist Nirvāṇa*, p. 48.

³⁴ Th. Stcherbatsky, *Buddhist logic*, vol. I, Leningrad, 1932, p. 2.

³⁵ Th. Stcherbatsky, *The conception of Buddhist Nirvāṇa*, pp. 33, 123.

³⁶ Ibid., p. 75.

³⁷ Ibid., p. 48.

³⁸ Ibid., pp. 47—48.

феноменальной иллюзии. Однако Нагарджуна пришел к выводу, что логически обосновать эту единственную реальность невозможно, что она лежит за пределами формально-логических методов научного познания, что она металогична и доступна только мистической интуиции. Подчеркивая именно этот аспект философии Нагарджуны, Ф. И. Щербатской писал: «Главное различие между ним и его европейскими коллегами по монизму заключается в том, что он не верил в логику, как в конечное средство для познания того, что представляет собою сама реальность»³⁹. Упраздняя логику, Нагарджуна утверждает чисто негативный метод познания абсолюта, что роднит его, по мнению Ф. И. Щербатского, с такими мыслителями, как Николай Кузанский и Джордано Бруно. Этот отрицательный метод познания абсолюта еще в эпоху Нагарджуны получил на Западе наименование отрицательного или апофатического богословия, выразителями которого были александрийские мыслители — Филон, Климент и Ориген. Так, например, один из ведущих представителей этого направления, Ориген (182—251), писал: «Опровергши, по возможности, всякую мысль о телесности Бога, мы утверждаем, сообразно с истиной, что Бог непостижим (*incomprehensibilem*) и неощеним (*inaestimabilem*)... Действительно, природу Его не может постигать и созерцать сила человеческого ума, хотя бы это был чистейший и светлейший ум»⁴⁰. Раскрывая буддологию Нагарджуны, Ф. И. Щербатской пишет: «Будда должен рассматриваться как космический порядок (*dharmataḥ*) его Тело есть Космос (*dharmatā*). Сущность Космоса непознаваема, и ее невозможно понять умозрительно»⁴¹. О непостижимости и неизреченности абсолюта также достаточно красноречиво говорит и современная Нагарджуне «Вималакирти-сутра», когда на вопрос бодхисаттвы Манджушри о природе абсолюта Вималакирти отвечает долгим и выразительным молчанием⁴².

Впоследствии чисто негативный метод познания абсолюта развил под влиянием философских положений махаяны Шанкара (VIII в. н. э.) в Адвайта-Веданте. Однако, поставив на место конкретного Будды абстрактного Брахмана, эта система лишила себя того жизненного содержания, которым обладал махаянистический буддизм с его личным богом, а не отвлеченным мировым принципом. Вследствие этого Веданта, несмотря на весь свой возвышенный монизм, так и осталась системой, малоизвестной за пределами Индии, и ее кажущееся сходство с махаяной всегда носило чисто внешний характер.

Одним из уязвимых моментов в системе мадхьямиков, как основоположников махаяны, является признание ими моральных норм при одновременном отрицании реальности феноменального существования. Это всегда вызывало и вызывает недоумение как среди оппонентов этой системы, так и среди некоторых исследователей индийской мысли вообще. С. Радхакришнан, например, пишет: «Для системы мадхьямиков остается неразрешенным вопрос о том, можно ли примирить метафизическую истину, которая гласит, что на земле нет ничего реального, с этическим законом, согласно которому мы должны трудиться и страдать ради нашего ближнего. Очевидно, бодхисаттва махаяны все еще подвержен заблуждению, что он должен спасти мир»⁴³. Но с подобным возражением сталкивался уже и сам комментатор Нагарджуны Чандракирти. В от-

³⁹ Ibid., p. 54.

⁴⁰ Сочинение Оригена, учителя Александрийского (III в.), в русском переводе (с примечаниями и введением) Н. Петрова, *О началах*, Рига, 1936, стр. 54.

⁴¹ Th. Stcherbatsky, *The conception of Buddhist Nirvāṇa*, p. 45.

⁴² D. T. Suzuki, *Mahayana Buddhism*, London, 1907, pp. 106—107.

⁴³ С. Радхакришнан, *Индийская философия*, т. I, стр. 517.

вет на обвинения хинаянистов в том, что признание иллюзорности существования оправдывает безнравственные поступки людей и сводит на нет их нравственные достоинства, Чандракирти отвечает: «Мы проповедуем иллюзорность существования, как противоядие, направленное против упрямой веры всего человечества в реальность этого мира, мы учим его относительной истине. Но для Святых (*ārya*) нет нужды в этом... Они достигли цели... и, когда человек полностью постиг плюралистическую иллюзию всех отдельных сущностей, то для него не существует Морального Закона»⁴⁴. Отсюда совершенно ясно, что Чандракирти не отрицает необходимости морального закона для феноменального мира.

Что же тогда является источником и моральных законов и беззаконий для всех тех, кто живет в феноменальном мире? Источником всего этого являются те же нереальные сущности («дхармы»), из которых состоит весь иллюзорный мир. «Но, хотя реальность этих отдельных сущностей является иллюзией, — говорит Чандракирти, — они, тем не менее, могут вызывать либо моральное загрязнение, либо очищение, точно так же, как магическое появление красоты вдохновляет страстью тех, кто еще не осознал своей собственной природы, и, как видение, вызванное Буддой, является причиной морального очищения тех, кто осуществляет путь добродетели»⁴⁵. Здесь мы вплотную подошли к системе ценностей махаянистического буддизма. Если феноменальная иллюзия может вызывать диаметрально противоположные по своим моральным оценкам действия, то очевидно, что и причины этих действий также будут различны. Если причиной морального загрязнения будет неведение (*avidyā*), то причиной морального очищения будет то, что его рассеивает, т. е. мудрость (*prajñā*). Однако, если источник «авидьи» или «ложной иллюзии» лежит в самом сознании личности, то источник «праджни» или «истинной иллюзии» находится вне ее. Но, будучи по своей природе абсолютным, этот источник может быть постигнут только через относительное, т. е. через личность, которой потенциально присущи элементы абсолютного как возможность и от которой зависит реализовать их как действительность. По этому поводу Чандракирти пишет: «Транс, Мудрость, Освобождение, мысленное пробуждение первого проблеска Нирваны — не возникают и не исчезают, они являются элементами... благодаря которым мыслится сама Нирвана»⁴⁶. Пробуждение же этих элементов, согласно концепции махаянистов, является делом той творческой иллюзии, источник которой есть сам Будда в одном из аспектов своего «Космического Тела».

Резюмируя метод мадхьямиков, примененный ими для оправдания морального закона при феноменализме, Ф. И. Щербатской пишет: «Феноменальный мир нереален, но полезен, так как, благодаря аккумуляции в нем добродетели и знания (неотделимых одно от другого), мы постигаем его нереальность. Насколько я могу судить, — продолжает он далее, — это означает, что феноменальный мир, хотя и нереален в целом, тем не менее, частично реален»⁴⁷. Иными словами, феноменальный или эмпирический мир — это своего рода тень, отбрасываемая абсолютной реальностью, и одновременно это «поле» для проявления высших духовных способностей, из которых на первом месте стоит способность «Всеобъемлющей Любви». Эта последняя служит неременным условием для достижения абсолютной реальности, т. е. «Будды в Дхармакая»⁴⁸.

⁴⁴ Th. Stcherbatsky, *The conception of Buddhist Nirvāṇa*, p. 128.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid., p. 129.

⁴⁷ Ibid., p. 154 (n.).

⁴⁸ Th. Stcherbatsky, *Buddhist logic*, vol. I, p. 10.

Таков выход из кажущегося противоречия системы мадхьямика в вопросе оправдания ею нравственного закона при одновременном признании нереальности и иллюзорности окружающего мира. Поэтому все обвинения этой системы в нигилизме, который в этической сфере ведет к аморализму, лишены всякого основания. Поэтому не случайно, полемизируя со своими идейными противниками по поводу существа этой системы, Ф. И. Щербатский подчеркивал, что «философия мадхьямика является доктриной, официально исповедуемой тибетской церковью, и было бы в высшей степени странным интерпретировать торжественную и пышную кафоличность этой церкви как замаскированный нигилизм»⁴⁹.

Таким образом, Ф. И. Щербатский ясно показал всю абсурдность трактовки философии Нагарджуны в духе нигилизма, атеизма и негативизма. Если же Нагарджуна и осмеивает идею бога, то, как образно выразился С. Радхакришнан, «он отвергает бога деистов. Он искренен в своей преданности истинному богу, дхармаке буддийской махаяны»⁵⁰.

В свете сказанного становится ясным, как теория всеобщей относительности Нагарджуны могла стать фундаментом религии «всеобщего спасения» или во всяком случае философским выражением этой идеи. В самом деле, если эмпирическое бытие при разрушении феноменальной иллюзии становится тождественным с истинно-сущим, то тогда спасение каждого существа гарантировано возможностью уничтожения этой иллюзии путем мистической интуиции, иными словами, путем веры в Будду. В соответствии с этим путь личного самоусовершенствования в раннем буддизме, не знавшем тайнств и молитв, заменяется в махаяне верой, а понятие милосердия и сострадания — «каруна» (karuṇā) — становится центральным понятием новой этики. Характеризуя эту новую этическую направленность, появившуюся в буддизме вместе с махаяной, В. П. Васильев писал: «Буддизм гордится уже не только человеколюбием: он создает в махаяне учение о любви и милосердии и ставляет их отличительным характером своей веры»⁵¹. Давая характеристику этому новому явлению, Т. Мурти называет его этической революцией в буддизме⁵². «С буддизмом, — отмечает Н. И. Конрад, — требование сострадания проникло в сознание всех народов Центральной и Восточной Азии»⁵³. И, по-видимому, не случайно в устах тибетских монахов сущность буддизма характеризуется как «Закон относительности, одухотворенный чувством великого сострадания»⁵⁴.

И если Эйнштейн в начале XX в. произвел переворот в научной мысли своей эпохи, показав относительность категорий пространства и времени, то не меньший переворот в буддийской мысли своего времени произвел в начале н. э. Нагарджуна, показав относительность всех без исключения категорий бытия и создав на этой почве фундамент для всего дальнейшего развития буддийского монизма как совершенно новой религиозно-философской концепции.

⁴⁹ «Madhyānta-Vibhanga discourse on discrimination between middle and extremes ascribed to Bodhisattva Maitraya and commented by Vasubandhu and Sthiramati». Translated from the Sanscrit (and the Tibetan) by Th. Scherbatsky, M.—L., 1936, p. VII. (Bibliotheca Buddhica, XXX).

⁵⁰ С. Радхакришнан, *Индийская философия*, т. I, стр. 564.

⁵¹ В. П. Васильев, *Буддизм*, ч. I, стр. 124.

⁵² T. R. V. Murti, *The Central philosophy of Buddhism*, p. 6.

⁵³ Н. И. Конрад, *Запад и Восток*, М., 1966, стр. 507.

⁵⁴ Б. Б. Барадин, *Беседы буддийских монахов*, — «Сборник материалов по археологии и этнографии», т. V, Л., 1917—1925, стр. 646.

Отмечая универсализм Нагарджуны и сопоставляя культурно-историческую роль этого мыслителя Востока с ролью Аврелия Августина (354—430) на Западе, Н. И. Конрад пишет: «Как Нагарджуна, так и Августин чувствовали, что наступает новая всемирно-историческая эпоха, и притом эпоха восхождения человечества на вершину. Вершина эта понималась как конечное „спасение“ человечества божественной силой: Будды — у одного мыслителя, Христа — у другого. Нагарджуна и Августин мыслили категориями религии, но именно в таких категориях представляли в умах людей того времени, чувствовавших новое, наиболее общезначимые, всеохватывающие идеи. Само же представление о восхождении основывалось на смело провозглашенной тогда и буддизмом и христианством идее единства „сансары“ и „нирваны“, „царства земного“ и „царства небесного“ — мира эмпирического и мира абсолютного. Именно эта идея и позволила буддизму и христианству полностью войти в мир реальный и решительно вмешаться в самые земные дела»⁵⁵.

В чем же выразилось вмешательство буддизма в «самые земные дела» в интересующую нас эпоху кушан? Иначе говоря, в чем изменилась практика буддизма в этот период и было ли это изменение связано с принципиальными изменениями в его теории?

Как показывает анализ исторических свидетельств, главное изменение буддийской практики при кушанах выразилось в том, что в буддийскую общину стали допускаться светские люди, т. е. из аскетического монашеского ордена община трансформировалась в широкую церковную организацию. В соответствии с этим новым принципом буддийской практики к «спасению» в специфическо-буддийской трактовке этого понятия, т. е. к освобождению от бесконечного круговорота рождений и смертей (буддийской сансары), были допущены массы простых верующих. Следовательно, суть происходящего заключалась в том, что в махаянистическом буддизме массы мирян оказались в совершенно новом положении. В этой связи уместно коснуться принципиального вопроса о том, каково было соотношение монахов и мирян в процессе исторического развития буддийской системы вообще. В обширной литературе по этому вопросу не существует единого мнения. Так, например, один из ведущих современных буддологов, Эдвард Конзе, пишет: «Монахи являются буддийской элитой. Только они являются буддистами в собственном смысле этого слова. Семейная жизнь несовместима с более высокими уровнями духовной жизни. Это условие применимо ко всем буддистам во все времена»⁵⁶. По-видимому, иного мнения на этот счет придерживается С. Радхакришнан, отмечая, что уже в раннем буддизме в общину (сангху) входили как монахи, так и мирские члены⁵⁷.

Прежде всего отметим, что сами понятия «монах» и «мирянин», строго говоря, неприменимы к раннему буддизму. В самом деле, оба эти взаимообусловленные понятия, заимствованные из христианской практики, имеют смысл лишь по отношению к институту церкви, которая не только объединяет монахов и мирян, но и состоит из них. Но представление о церковной организации совершенно несовместимо с ранним буддизмом; поэтому по отношению к нему более правильным будет говорить не о монахах и мирянах, а о странствующих отшельниках (*bhikkhu*) и их почитателях (*upāsaka*). Отсюда и понятие монашеского ордена по отношению к ранней буддийской общине будет также носить лишь весьма приближенный характер. Однако, не считая необходимым менять

⁵⁵ Н. И. Конрад, *Запад и Восток*, стр. 467—468.

⁵⁶ E. Conze, *Buddhism...*, p. 54.

⁵⁷ С. Радхакришнан, *Индийская философия*, т. I, стр. 372.

ставшую привычной терминологию, мы подчеркиваем лишь условность ее употребления.

Первым ученым, который указал на принципиально новое содержание буддийского праксиса в махаяне, был В. П. Васильев, который еще в середине прошлого века писал: «Махаяна именно, кажется, отличалась тем, что открыла доступ к религии и для светских людей, и первоначальное название Бодисатвы в ней означало всякого, кто обладая святой мыслью стремился по правилам Буддизма к достижению высшей цели... Бодисатва в светском звании может обладать такими достоинствами, которых не могут достигнуть и тысяча отрекшихся от мира»⁵⁸. Но только эти «отрекшиеся от мира» и были буддистами в полном смысле этого слова в первоначальный период развития буддизма.

Г. Ольденберг, специально исследовавший вопрос о положении монахов и мирян в раннем буддизме, пришел к выводу, что действительным членом буддийской общины мог быть только монах, предварительно принявший два посвящения: посвящение, выводившее его из мирской жизни, и посвящение, вводившее его в круг полноправных монахов (бхикшу), членов общины. Миряне же оставались лишь «почитателями» (упасака), и их связь с общиной никак не была зафиксирована⁵⁹. Положение этих «почитателей» (упасака), оказывающих материальную помощь общине и разделяющих некоторые взгляды ее членов, в известной мере напоминает положение «оглашенных» в раннем христианстве, которых знакомили с учением, но еще не допускали к крещению. Однако мы не должны забывать, что акт посвящения в раннем буддизме не носил сакрального характера и никогда не был таинством. Подчеркивая положение мирян у хинаянистов, Г. Ольденберг писал: «И однако миряне считались только союзниками — и не больше. Им было отказано в сознании, что они принимают участие в царстве Будды, как его полноправные граждане — их отличие от монахов было еще больше, чем в древнем брахманском жертвенном культе отличие от браминов мирян...»⁶⁰. Несомненно, что споры о том, можно ли мирянину стать полноправным членом общины, сделаться святым и достичь спасения, возникли в буддизме очень рано. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас отголоски разногласий на трех первых буддийских соборах, движение махасангхиков и некоторые другие факты, анализ которых выходит за рамки настоящего исследования. Однако все это не нарушало общего принципа, в силу которого только монах считался полноправным членом буддийской общины и только он мог рассчитывать на спасение. Говоря о разнице в подходе к этому вопросу в хинаяне и махаяне, И. П. Минаев писал: «Секты спорили, очевидно, о том, возможно ли мирянину сделаться святым. Впоследствии, как кажется, вопрос этот решался в положительном смысле. Бодхисатвами могли делаться и миряне, но в древний период этот тезис возбуждал еще сомнение. Буддхагхоша (виднейший хинаянист IV в. н. э. — А. З.) знает также подобное мнение и считает его ересью...»⁶¹. Последнее не удивительно, так как хинаянисты еще долго не сдавали своих позиций, и только к V в. н. э. махаяна стала единственным господствующим направлением всего Северного буддизма⁶².

⁵⁸ В. П. Васильев, *Буддизм*, ч. I, стр. 156—157.

⁵⁹ Г. Ольденберг, *Будда. Его жизнь, учение и община*, М., 1897, стр. 348.

⁶⁰ Там же, стр. 352.

⁶¹ И. П. Минаев, *Буддизм. Исследования и материалы*, т. I, вып. I, СПб., 1857, стр. 227.

⁶² Th. Stcherbatsky, *The conception of Buddhist Nirvāṇa*, pp. 24—25.

Давая суммарную характеристику буддизму на протяжении пяти веков его истории, от смерти Будды и до начала н. э., Ф. И. Щербатской писал: «Все это едва ли можно назвать религией. Наиболее религиозная сторона раннего буддийского учения, а именно идея Пути, представляется в высшей степени человеческой. Человек достигает спасения своим собственным усилием, посредством своего морального и интеллектуального совершенствования. И, насколько мы знаем, вряд ли культовое почитание играло значительную роль в буддизме того времени. Ранняя буддийская община состояла из людей, у которых не было ни семьи, ни имущества. Дважды в месяц они собирались для того, чтобы открыто исповедоваться в своих грехах, и почти все свое время эти люди посвящали суровому покаянию, созерцанию и философским дискуссиям»⁶³.

Однако на рубеже н. э. положение резко изменилось. Одним из наиболее ярких свидетельств совершенно нового отношения к мирянам в этот период служит знаменитая «Вималакирти-сутра». Наряду с положительной трактовкой нирваны в ней утверждается, что человек должен пытаться достичь нирваны при жизни и благодаря жизни, а не с помощью отречения от всякой деятельности⁶⁴. В прямой связи с этими новыми течениями стоит и появившийся в это же время в буддизме культ бодхисаттв, который заменил прежний идеал архата, стремящегося к собственному спасению, идеалом бодхисаттвы, отдающего себя ради спасения многих.

Итак, буддизм в начале н. э. начинает активно вторгаться в мирскую жизнь. Показателем этого процесса, в частности, может быть обращение в буддизм не только семейных и светских людей, но, что для прежнего буддизма звучит парадоксально, даже военных. Вопрос о том, когда воинов стали посвящать в буддизм, т. е. совершать над ними обряд «обета прибежища» (троекратное произнесение посвящающим и посвящаемым формулы: «Прибегаю к Будде, прибегаю к Закону и прибегаю к Общине»), остается для нас пока открытым. Но мы можем с уверенностью предположить, что начало такой практики, по-видимому, носящей уже сакральный характер, также относится к началу н. э. и связано с кушанской военной средой. Из более поздней истории Гуптов известно, например, что личным другом великого завоевателя Самудрагупты (взошел на престол ок. 330 г. н. э.) был выдающийся мыслитель буддизма — Васубандху, а прославленный полководец Чандрагупты II (375—413) Амракардава сам был буддистом⁶⁵. Есть также сведения о том, что когда около 500 г. предводитель эфталитов Торамана, отец Михракулы, вторгся в Индию, то буддисты при поддержке народа оказали ему сильное сопротивление. Они также явились основной организующей силой, препятствовавшей тирании и грабежу Михракулы, и, когда последний одержал победу, он стер с лица земли оказавшую ему сопротивление буддийскую общину⁶⁶. Государственным культом эфталитов Михракулы была, как известно, одна из разновидностей митраизма⁶⁷, и его война с наследниками Гуптов на территории Северной Индии носила ярко выраженный религиозный характер. Поэтому не случайно Михракула вошел в индийскую традицию как страшный бич буддизма; ведь, по существу, первый удар по буддизму на севере Индии нанес

⁶³ Th. Stcherbatsky, *Buddhist logic*, vol. I, p. 7.

⁶⁴ «The Vimalakirti-nirdesa sutra or the discourse on The wonderful law of emancipation», transl. from the Chinese by Kakichu Omara, — «The Orient», vol. XIV, № 2—3, 1898—1899.

⁶⁵ Б. Н. Луния, *История индийской культуры*, М., 1960, стр. 196.

⁶⁶ М. Рой, *История индийской философии*, М., 1958, стр. 338, 339.

⁶⁷ R. Ghirshman, *Les Chionites-Hephthalites*, — «Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan», t. XIII, Caire, 1948, pp. 120—123.

именно он, сжигая монастыри, уничтожая ступы, изгоняя и убивая монахов. Отсюда не случайно и то, что решающий удар Михиракуле нанес около 533 г. покровительствующий буддизму Баладितья, царь Магадхи⁶⁸.

Все эти немногочисленные примеры, тем не менее, достаточно красноречиво свидетельствуют о глубокой трансформации буддизма, который в период кушанской эпохи из доктрины непротивления злу насильем превратился в религию воинствующей церкви⁶⁹. Все это говорит о том, насколько глубоко изменилась практика буддизма в самых различных сферах его деятельности, с тех пор как махаянистическая доктрина обрела многочисленных приверженцев и защитников. Если кушанская эпоха в целом является временем победы этого нового направления, то время Канишки надо считать в историческом смысле известным «рубиконом» между старым и новым буддизмом.

Буддийская традиция любит сравнивать деятельность Канишки с деятельностью Ашоки Великого в связи с обращением обоих государей в буддизм и тем широким покровительством, которое они оказывали этой системе. Не ставя под сомнение это покровительство, мы считаем, что сам характер обращения этих государей в буддизм был совершенно различным. В самом деле, мог ли могущественный государь обширнейшей империи, какую когда-либо знала Индия, подчинивший силой оружия многочисленные племена и народы, стать буддистом, оставаясь императором, иначе говоря, стать монахом, оставаясь правителем и завоевателем? Ответ на этот вопрос может быть только один: никогда и ни при каких условиях, так как это шло бы вразрез с этической доктриной раннего буддизма и со всей практикой буддийского монашества. А если Ашока мог действительно облачиться в красно-желтое монашеское платье, то это могло бы иметь место лишь после того, как он, сложив с себя все царские регалии, действительно удалился от мира, как это сделал в свое время царевич Гаутама.

Однако в одном из самых поздних своих эдиктов, обращенных непосредственно к буддийской общине, Ашока открыто объявляет о своей преданности Будде, сангхе и дхарме⁷⁰. Казалось бы, мы впадаем в противоречие, так как не можем сомневаться ни в подлинности надписи Ашоки, ни в строгости устава буддийской общины той эпохи. Но эта проблема имеет два решения: или Ашока временно удалился от дел, став на какой-то период монахом и членом общины, или он, став монахом, навсегда отрекся от престола. В последнем случае, который, очевидно, и соответствует истине, упомянутый выше эдикт мог действительно быть последним эдиктом Ашоки Великого, тем более что хронологически он относится к последним годам его царствования⁷¹. Периодизация последних лет царствования Ашоки и характер его взаимоотношений с буддистами вообще являются до сих пор предметом научных споров и разнообразных гипотез. Некоторые ученые вообще ставят под сомнение приверженность Ашоки к буддизму⁷². Однако для нас важно было пока-

⁶⁸ «The history and culture of Indian people», vol. II, p. 38; Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, *История Индии*, М., 1954, стр. 94.

⁶⁹ Проблема такого перерождения буддизма применительно к Тибету IX в. была поставлена Л. Н. Гумилевым и решена на примере культа Дхармапал или «защитников веры». (См. Л. Н. Гумилев, *Легенда и действительность в древней истории Тибета*, — «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 3, стр. 103—113). Само же возникновение этого культа, по-видимому, относится тоже к кушанскому времени.

⁷⁰ R. Thapar, *Aśoka and the decline of the Mauryas*, Oxford, 1961, p. 87.

⁷¹ Г. М. Бонгард-Левин, *К проблеме историчности III собора в Паталипутре*, — «Индия в древности», М., 1964, стр. 132.

⁷² H. V. S. Murthy, *Was Aśoka a Buddhist?* — «East and West», vol. 10, Roma, 1959, № 1—2, pp. 230—232.

зять, что стать в эту эпоху буддистом, в собственном смысле этого слова, Ашока мог, лишь перестав быть императором.

В связи с этим нам представляется неверным ставшее традиционным в литературе сопоставление роли Ашоки Великого в развитии и распространении буддизма с ролью Константина Великого (313—337) в христианстве⁷³. Нисколько не преуменьшая известную деятельность Ашоки, направленную на поддержку и пропаганду буддизма, который впервые при нем перешагнул границы Индии, мы не должны забывать того, что Ашока оказывал широкую поддержку чрезвычайно разросшейся к его времени буддийской монашеской общине, но не буддийской церкви, потому что ее как организации тогда еще не существовало, так же как еще не существовало буддизма как религии.

Что же касается Канишки, то император кушан действительно мог быть буддистом, потому что он мог им стать, оставаясь при этом императором: миряне и светские люди в эту эпоху становятся полноправными членами буддийской общины, которая именно благодаря этому из общины превращается в церковь. Поэтому, если проводить исторические параллели, то не деятельность Ашоки следует сопоставить с деятельностью Константина Великого, а деятельность Канишки. Однако рассмотрение этого вопроса выходит за рамки настоящей статьи.

* * *

Давая сжатую, но предельно насыщенную характеристику процессам, имевшим место в буддизме в начале н. э., Ф. И. Щербатский писал: «Никогда не было полностью осознано, какая радикальная революция трансформировала буддийскую церковь, когда новый дух, дотоле таившийся в ней, возник в блеске славы в первые века после Р. Хр. Сравнивая отвергающее душу философское учение о пути личного конечного освобождения, состоящего в абсолютном уничтожении жизни и простом почитании памяти его земного основателя, с заменившей его величественной церковью с верховным Богом, окруженным многочисленным пантеоном и сонмом святых, религией очень набожной, обрядовой и церковной, с идеалом всеобщего спасения всех живых существ, спасения божественной милостью будд и бодхисаттв, спасения не в уничтожении, а в вечной жизни — мы можем с полным основанием утверждать, что история религий едва ли была свидетелем подобного раскола между старой и новой верой, продолжающих, однако, претендовать на общее происхождение от одного и того же религиозного основателя»⁷⁴.

Поэтому вряд ли был прав Сильвэн Леви, когда писал, что «надо остерегаться противопоставлять в резком контрасте обе Колесницы»⁷⁵, или Рене Груссе, который считал, что разделение между этими системами в буддизме никогда не носило столь же категорического характера, как разделение между католицизмом и протестантизмом в христианстве⁷⁶. Скорее наоборот, раскол между махаяной и хинаяной в эпоху Канишки имел гораздо более глубокие корни, потому что это не был раскол внутри одной религиозной системы, а создание совершенно новой религиозно-философской концепции.

⁷³ См., например, A. Foucher, *L'Art gréco-bouddhique de Gandhāra*, Paris, 1918, т. II, p. 420.

⁷⁴ Th. Stcherbatsky, *The conception of Buddhist Nirvāṇa*, p. 36.

⁷⁵ S. Lévi et E. Chavannes, *Les Seize Arhats protecteurs de la Loi*, — «Journal Asiatique», II, 1916, p. 28.

⁷⁶ R. Grousset, *Histoire de l'Asie*, p. 88.

Только учитывая этот решительный сдвиг в буддийской практике в самом начале н. э., совпавший по времени с кардинальными изменениями его теоретических основ и сопровождавшийся мощной политической поддержкой кушанских правителей, мы сможем понять, почему именно с этого времени буддизм принимает форму мировой религиозной системы и распространяется далеко за пределы кушанской империи. Канишка всячески поддерживал буддизм, очевидно, прежде всего потому, что сам нуждался в широкой поддержке буддистов, которые, выйдя из монастырской общины к широкой общественной деятельности и привлекая лучшие умы того времени, стали мощной интеллектуальной и нравственной силой страны, не считаться с которой кушанские правители не могли, даже если бы и хотели этого. С другой стороны, махаянистический буддизм как экстерриториальная религия, открывшая широкие двери прозелитизму, была чрезвычайно удобна в качестве культа, объединяющего разнородное население кушанской империи. Со своей стороны, и махаянисты нуждались в сильной руке государственного деятеля не только для борьбы со своими идейными противниками в лоне самого буддизма, но и для противодействия всем чуждым для него религиозным системам как в самой Индии, так и за ее пределами. По-видимому, именно этот союз «алтаря и трона» обеспечил махаянистическому буддизму в эпоху кушан решительную победу над всеми прочими религиозными культами кушанской империи. Открывшаяся возможность широкого обращения в буддизм послужила толчком к массовому поведенческому движению, которое, начавшись в I в. н. э., уже не прекращалось на всем протяжении существования кушанского государства и вообще буддизма в Индии, удар которому был нанесен лишь в VIII в. н. э. возрождением брахманизма. Необычайное оживление морских и сухопутных международных связей при кушанах лишь способствовало такому движению⁷⁷.

Говоря о столь выдающейся роли кушан в истории буддизма, мы должны согласиться с тем, что махаяна как совершенно новая религиозная система впервые заявила о себе в среде, по существу далекой от индийской национальной почвы. Не в колыбели буддизма, на Ганге, в районе Бенареса, где впервые прозвучала проповедь Будды, а где-то на северо-западе, у самых границ Индии, в смешанной этнической и культурной среде потомков юечжей, греков, саков и парфян, возникла эта религия, которой было суждено завоевать значительную часть Азии. Носил ли буддизм у кушан характер государственной религии в полном смысле этого слова, как это полагают некоторые исследователи⁷⁸, сказать пока трудно. Одно бесспорно: по числу выдающихся буддийских мыслителей, по количеству важнейших религиозно-философских трактатов, по масштабам паломничества и проповедничества, по строительству храмов, монастырей, ступ и вихар и, наконец, по созданию непревзойденных памятников буддийского изобразительного искусства кушанская эпоха не знает себе равной во всей 2500-летней истории буддизма. Касаясь этого замечательного искусства, именуемого гандхарским, которое может быть по праву названо искусством кушан, мы должны подчеркнуть, что оно явилось не чем иным, как первой иконографией новой религии. Именно в Гандхаре — этом культурном центре кушанской державы, находящемся на перекрестке важнейших международных путей, был создан на рубеже н. э. руками неведомых мастеров первый скульптурный образ Будды. Так произошел переворот и в буддийском искусст-

⁷⁷ См., например, А. Н. Зелинский, *Древние пути Памира*, — «Страны и народы Востока», вып. III, М., 1963.

⁷⁸ См., например, R. Ghirshman, *Bégram*, p. 83.

ве от древней символической школы Санчи и Бхархута к реальному изображению основателя буддизма и сцен его земной жизни⁷⁹. Поэтому ключ к решению проблемы гандхарского искусства лежит не столько в поисках влияний на него греческих, римских, эллинистических, а также местных школ изобразительного искусства, сколько в раскрытии той органической связи, которая объединяет это искусство и новую махаянистическую доктрину.

К эпохе кушан следует отнести и формирование догматики махаянистического буддизма и его сложного пантеона, в котором культы Ади-Будды, Амитабы и Авалокитешвары возникают уже в самом начале н. э.⁸⁰. В эпоху Канишки появляется и теория о трех телах, или «ипостасях», Будды (*trikāya*), которая становится главным учением махаянистической догматики и решительно отделяет новую буддийскую доктрину от всех прочих религиозно-философских систем Индии⁸¹. С именем Канишки буддийская традиция связывает также утверждение учения «Праджняпарамиты» («Совершенной Мудрости»), которое считается основополагающим в махаяне⁸². Изучению литературы «Праджняпарамиты» Ф. И. Щербатской придавал первостепенное значение как «области в высшей степени интересной для историка, так как в ней, по всей вероятности, следует искать источник многих учений христианских гностиков о Софии, Премудрости божией»⁸³.

Из всех известных нам сутр «Праджняпарамиты» древнейшей является «Аштасахасрика Праджняпарамита» (I в. до н. э.), которая лежит в основе всей позднейшей махаянистической литературы⁸⁴. Вопрос о происхождении этого произведения, как и вообще ранних сутр махаяны, загадочно появившихся в Индии на рубеже н. э., является камнем преткновения для исследователей⁸⁵. Эти сутры были восприняты махаянистами как откровение и пользовались у них авторитетом священного писания. Поэтому все дальнейшее развитие махаянистической патристики было не чем иным, как философским осмыслением и

⁷⁹ Классическим исследованием по гандхарскому искусству является кн.: A. Foucher, *L'Art gréco-bouddhique de Gandhāra*, t. I—II, Paris, 1906—1918.

⁸⁰ L. Waddel, *The Buddhism of Tibet or Lamaism*, Cambridge, 1958, p. 130; R. Grousset, *Histoire de l'Extrême-Orient*, t. I, Paris, 1929, p. 70.

⁸¹ M. P. Masson-Oursel, *Les Trois corps du Buddha*, — «Journal Asiatique», t. I, Paris, 1913, № 3, pp. 594—595; Louis de la Vallée Poussin, *Studies in Buddhist Dogma: The three bodies of a Buddha (Trikāya)*, — «Journal of the Royal Asiatic Society», 1906.

⁸² Ю. Н. Рерих, *История Средней Азии* (рукопись). Согласно Ф. И. Щербатскому, термин «Праджняпарамита» имеет следующие значения: «1) Философский монизм, 2) Космическое Тело Будды, 3) Текст сутр „Праджняпарамиты“, 4) Путь Спасения в соответствии с махаянистическими принципами». (См. Th. Stcherbatsky, *Abhisamayāṅkāra-Prajñāparāmītā-upadeśa-śāstra*, Leningrad, 1929, p. VII («Bibliotheca Buddhica», XXIII)).

⁸³ Ф. И. Щербатской, *Записки об ученых трудах проф. М. Валлезера*, — в кн.: «Записки об ученых трудах членов-корреспондентов АН СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 г.», Л., 1930, стр. 14. Характеризуя учение «Праджняпарамиты» Сильвэн Леви писал: «Среди всех совершенств, которым должен обладать бодхисаттва, наипервейшим будет „Праджняпарамита“ („Совершенная Мудрость“), которая превозносится, как мать будд. Как здесь не вспомнить о гностиках, появившихся в христианской части Ирана и прославлявших gnōsis, греческий эквивалент санскритского понятия prajñā» (S. Lévi, *L'Inde et le monde* — «Revue de Paris», 1-er février 1925, p. 547).

⁸⁴ В 172 г. н. э. «Аштасахасрика Праджняпарамита» была уже переведена на китайский язык. (См. T. R. V. Murti, *The Central philosophy of Buddhism*, p. 88).

⁸⁵ Поэтому и сейчас можно повторить слова Ф. И. Щербатского, сказанные им по этому поводу 60 лет назад: «Вопрос о происхождении ранних сутр Махаяны в науке далеко еще не может считаться решенным...». (См. Ф. И. Щербатской, *О приписываемом Майтрейе сочинении Abhisamayāṅkāra*, — «Изв. Имп. Акад. Наук», VI сер., № 5, СПб., 1907, стр. 116).

разработкой выдвинутых в них положений. Одним из первых трудов в этом направлении был знаменитый трактат Нагарджуны «Махапраджняпарамита-шаstra»⁸⁶, который вместе с трудом «Мадхьямика-шаstra» и другими сочинениями положил начало огромному количеству литературы по махаянистической экзегетике. И, по-видимому, не случайно имя Нагарджуны в махаянистической традиции стоит на первом месте среди патриархов Северного буддизма, как и имя Канишки среди государей — покровителей махаяны.

Если принять интерпретацию центральной концепции махаяны, впервые со всей ясностью данную Ф. И. Щербатским, и сопоставить его выводы о радикальном изменении буддийской теории в начале н. э. с теми переменами, которые мы проследили в буддийской практике, а также учесть роль кушанских правителей, оказавших именно в этот период широкую политическую поддержку новому махаянистическому направлению, то мы должны прийти к заключению, что перед нами не случайное совпадение ряда разнородных факторов, а сложный и взаимообусловленный процесс, движущие силы которого еще предстоит изучить. Однако уже теперь ясно, что в этом процессе кушаны сыграли решающую роль, способствуя созданию оптимальных условий для поддержания и развития махаяны, которая в течение первых пяти веков н. э. сумела распространиться из их царства по обширным районам Средней, Центральной и Восточной Азии.

Все сказанное позволяет прийти к выводу, что кушанская эпоха действительно явилась переломной вехой в судьбах буддизма как мировой религиозно-философской системы, наложившей свой отпечаток на культуру не только самих кушан, но и многих других народов, от верховьев Инда на юге до бассейна Аму-Дарьи на севере и от Аральского моря на западе до Тихого океана на востоке. Таким образом, историческая методика, лежащая в основе настоящего исследования, дала возможность связать эволюцию древнеиндийской мысли с событиями политической истории обширного района, находившегося на стыке древних культурных очагов Азиатского материка.

⁸⁶ Этот труд был переведен с санскрита на китайский язык Кумарадживой между 404—405 гг. н. э. Санскритский оригинал этого трактата не сохранился. (См. Etienne Lamotte, *La Traité de la Grande Vertu de Sagesse de Nagārjuna (Mahāprajñāpāramitā-śāstra)*, t. I, Louvain, 1944, p. X).

А. Н. Зелинский

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА Ю. Н. РЕРИХУ В МОСКВЕ
(17 августа 1965 г.)

16 августа 1965 г. исполнилось 63 года со дня рождения выдающегося русского востоковеда, профессора Юрия Николаевича Рериха, а 17 августа на Ново-Девичьем кладбище в Москве состоялось торжественное открытие памятника ученому.

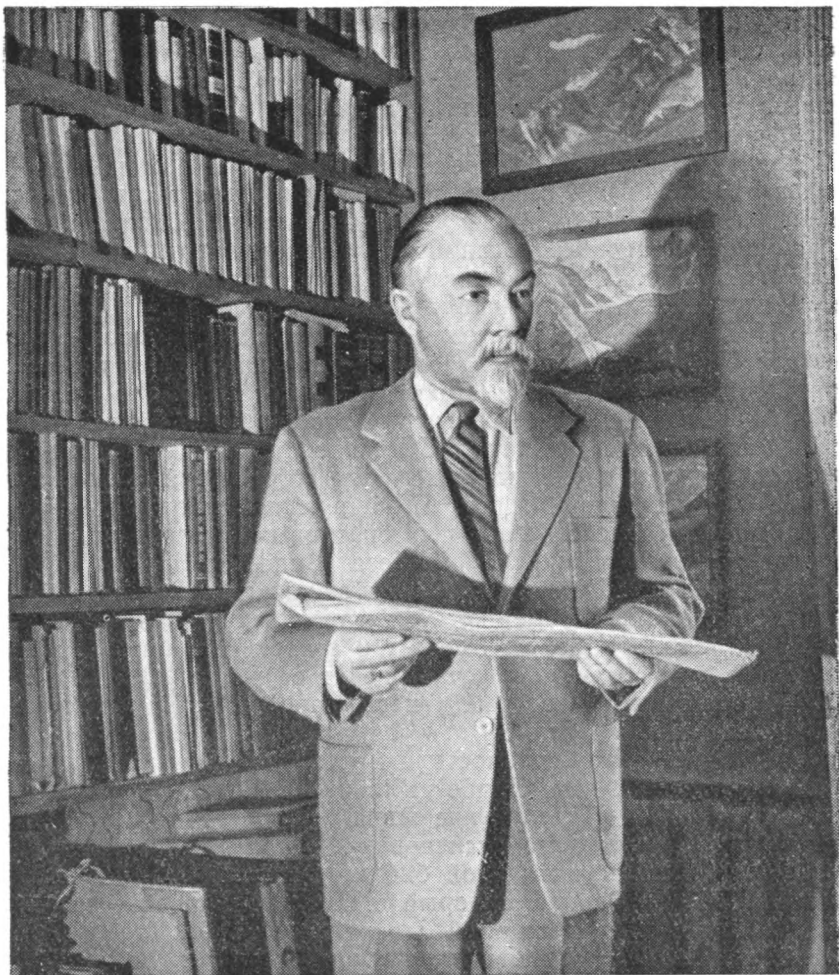
Юрий Николаевич Рерих родился в 1902 г. в Новгородской губернии в семье выдающегося русского художника Николая Рериха. Его мать Е. И. Рерих была правнучкой М. И. Кутузова. Уже в гимназии (Юрий Николаевич учился в Петербурге), он увлекается древними культурами народов Востока. Семнадцатилетним юношей Ю. Н. Рерих поступает в Школу восточных языков при Лондонском университете. Он продолжает свое образование в Гарвардском университете в Америке и завершает его в Париже в Школе восточных языков — крупнейшем центре европейского востоковедения. Учителями Юрия Николаевича были такие выдающиеся востоковеды, как Б. А. Тураев, А. Д. Руднев, Д. Росс, Ч. Л. Ланман, Ж. Бако, С. Леви, А. Мейе, А. Масперо, В. Ф. Минорский¹.

В 1923 г. Ю. Н. Рерих вместе с отцом приезжает в Индию. Здесь, в Восточных Гималаях, в районе Дарджилинга, Юрий Николаевич начинает изучать тибетскую буддийскую иконографию. Результатом этой работы стал первый большой научный труд «Тибетская живопись»².

С 1925 по 1928 г. Юрий Николаевич принимает самое деятельное участие в знаменитой Центрально-Азиатской экспедиции академика Н. К. Рериха, которой удалось дважды пересечь Гималаи, первой пройти с севера на юг все Тибетское нагорье и выйти в Индию. Экспедиции пришлось столкнуться с огромными трудностями, некоторое время ее считали погибшей. На Северо-Тибетском нагорье, на высоте около 5000 м, экспедиция была вынуждена зимовать. Во время зимовки погибли пять человек и почти весь караван из ста верблюдов. Только благодаря выносливости и исключительному мужеству ее руководителей —

¹ Более подробно биографию Ю. Н. Рериха см.: А. Н. Зелинский, *Памяти Ю. Н. Рериха*, — «Известия Всесоюзного Географического Общества», т. 95, № 3, стр. 213—221. Библиографию основных научных трудов Ю. Н. Рериха см. «Народы Азии и Африки», М., 1962, № 4, стр. 249—252.

² G. N. Roerich, *Tibetan painting*, Paris, 1925.

Ю. Н. Рерих

Н. К. Рериха и Ю. Н. Рериха — экспедиция была спасена и смогла весной 1928 г. достичь Индии³.

Научные результаты этой экспедиции были описаны Юрием Николаевичем в книге «Пути к сердцу Азии»⁴, которая принесла автору мировую известность. Выход в свет этой книги на русском языке был бы отрядным событием.

С 1929 г. семья Рерихов окончательно обосновывается в Индии, где в долине Кулу, в Западных Гималаях, Н. К. Рерихом создается Институт гималайских исследований (Himalayan Research Institute), который превращается в постоянно действующую комплексную экспедицию в горах. В течение 12 лет, с 1930 по 1942 г., бессменным директором этого единственного в своем роде научного центра был Юрий

³ Краткое описание этой экспедиции см.: Ю. К. Ефремов, *Н. К. Рерих и география* (к 85-летию со дня рождения), — сб. «Вопросы географии», вып. 50, М., 1960.

⁴ G. N. Roerich, *Trails to Inmost Asia*, London, 1931. То же на французском языке с некоторыми сокращениями см.: G. N. Roerich, *Sur les pistes de l'Asie Centrale*, Paris, 1933.

Николаевич. Этот период был наиболее плодотворным в его научной деятельности. Он начинает переводить уникальный тибетский источник XV в. по истории буддизма и Тибета вообще. Перевод этой хроники под названием «Голубые анналы»⁵ принес ее автору мировую славу крупнейшего тибетолога.

Последние восемь лет своей жизни в Индии Юрий Николаевич проводит в Восточных Гималаях, где в Калимпонге в сотрудничестве с индийскими, тибетскими и непальскими учеными продолжает свои исследования проблем тибетологии и буддийской культуры.

Осенью 1957 г. сбылась мечта Юрия Николаевича, он возвращается на Родину. Результаты многолетних исследований Ю. Н. Рерихом культур Индии, Тибета и Монголии стали новым импульсом в развитии отечественного востоковедения. Рерих руководит всеми тибетологическими работами в Советском Союзе, возглавляет сектор истории, религии и философии Индии в Институте востоковедения (ныне Институт народов Азии) Академии Наук СССР, впервые начинает преподавание ведийского языка в нашей стране. Кроме того, Юрий Николаевич был одним из главных инициаторов возобновления работы по изданию и переводу древних философских и литературных памятников Востока во всемирно известной серии «*Bibliotheca Buddhica*».

Уже на родине Юрий Николаевич заканчивал поистине титанический труд своей жизни: тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями объемом около 100 авторских листов. Работу над подготовкой этого словаря к печати ведут сейчас ученики и сотрудники Юрия Николаевича, которых у него стало особенно много за годы, которые он прожил на Родине.

Юрий Николаевич скоропостижно умер в Москве 21 мая 1960 г., не успев осуществить еще многое из своих научных замыслов. Но светлая память о Юрии Николаевиче жива в трудах молодого поколения ученых, продолжающих его исследования. В Институте народов Азии АН СССР на основе уникальной библиотеки ученого создан Научный кабинет им. Ю. Н. Рериха, который стал базой для всех исследователей, изучающих культуру Индии и Центральной Азии.

Оглядываясь на творческий путь Юрия Николаевича, нельзя не поразиться широте и многообразию его научных интересов. Тибетолог по преимуществу, он был также блестящим искусствоведом, этнографом, археологом, географом, знатоком истории и культуры не какой-либо отдельной страны, а всего Востока в целом, во всем его захватывающем многообразии. Только такой широкий подход наряду со знанием локальных особенностей каждой отдельной страны сделал Ю. Н. Рериха востоковедом мирового масштаба.

Помимо блестящего знания тибетского языка и его диалектов Юрий Николаевич в совершенстве владел пали, санскритом, монгольским, китайским, персидским, не говоря уже о греческом, латинском и прочих европейских языках. Однако эта блестящая филологическая база была для Юрия Николаевича лишь средством постижения во всей глубине и полноте культуры Востока. Охарактеризовать в нескольких словах все многообразие научных изысканий Ю. Н. Рериха — непосильная задача, поэтому мы подчеркнем лишь один из аспектов научных интересов Юрия Николаевича, связанный с историей культуры народов Индии и Центральной Азии и привлекавший внимание ученого на всем протяжении его научной деятельности.

⁵ G. N. Roerich, *The Blue annals*, Calcutta, Part I, 1949; Part II, 1953.

Еще в 1930 г. Юрий Николаевич писал: «За последние годы отчетливо встал перед наукой Востоковедения вопрос об исторической роли и культурном влиянии кочевых племен Средней Азии и южно-русских степей на древние культурные очаги Ближнего и Дальнего Востока... Кочевниковедению — этой новой отрасли восточной археологии принадлежит в будущем восстановить картину кочевого мира, этого звена между культурами древнего Китая, Индии и бассейна Средиземного моря»⁶.

Интерес к взаимному влиянию культур Индии и Центральной Азии в значительной мере определил направление исследований Юрия Николаевича во время Центрально-Азиатской экспедиции и ярко отразился в уже упоминавшемся труде «Пути к сердцу Азии», явившемся итогом почти трехлетней работы автора в этой экспедиции. В этой книге Юрий Николаевич предстает перед нами и как выдающийся путешественник, достойный продолжатель славных традиций Пржевальского, Роборовского, Потанина и Козлова. Точное географическое описание ландшафта перемежается в книге с этнографическими, археологическими и историческими экскурсами в далекое прошлое нагорий Тибета, оазисов Тарима, степей Монголии. Много страниц уделено в этом труде кочевникам Северного Тибета, в культуре которых Юрий Николаевич открыл «звериный стиль», роднящий их с древними кочевыми культурами, охватывавшими некогда все пространство евразийских степей, от Карпат и до Большого Хингана.

Эти сменявшие друг друга самобытные культуры кочевых народов — скифов, хуннов, тюрков, монголов — Юрий Николаевич рассматривал, как предмет специальной отрасли востоковедения — номадистики. Он считал, что по проблематике и методологии номадистика имеет такое же право на существование, как синология, ирановедение, индианистика.

Как ученый, Юрий Николаевич всегда отдавал себе отчет в том, что на востоковеде, как и на всяком историке, лежит высокая ответственность за верное воссоздание прошлого изучаемых народов, чтобы в результате исследований лишь строго проверенные факты и объективные данные брались в основу исторических аксиом.

Решающее значение эти взгляды Юрия Николаевича имеют для изучения истории и культуры народов Центральной Азии, так как до недавнего времени кочевое прошлое этих народов рассматривалось в связи или в зависимости от истории Китая. Это укоренившееся традиционное противопоставление «воинственных варваров» — кочевников «мирным носителям культуры» — земледельцам было чуждо трезвому научному анализу Юрия Николаевича. Об этом свидетельствуют все его исследования, связанные с кочевниковедением и с историей культуры вообще.

Об этом же объективном и строго научном подходе к историческим фактам свидетельствует, к сожалению не завершенный и оставшийся в рукописи, труд Юрия Николаевича «История Средней Азии», охватывающий исторический период от скифских времен до конца монгольской эпохи. Большое внимание уделил Юрий Николаевич в этом труде и кушанам — этому во многом еще загадочному народу, сумевшему создать на развалинах Греко-Бактрийского царства обширную империю, соперничавшую с Римом, преградившую путь экспансии Ханьского Китая на Запад и ставшую родиной греко-буддийского ис-

⁶ Ю. Н. Перих, *Звериный стиль у кочевников Северного Тибета*, Прага, 1930, стр. 7. — (Seminarium Kondakovianum).

куства и махаянистического буддизма, завоевавшего впоследствии почти всю Центральную и Восточную Азию.

Касаясь кушанской проблематики, интерес к которой сейчас растет с каждым годом, Юрий Николаевич незадолго до своей кончины писал: «Одной из краеугольных и еще не решенных проблем истории Индии и сопредельных стран Средней и Центральной Азии является кушанская проблема. От выяснения хронологии кушанской эпохи, со II в. до н. э. по IV в. н. э., зависит решение многих первоочередных вопросов истории Индии, не только древней, но и средневековой...»⁷.

Юрий Николаевич был инициатором создания международной комиссии из археологов, историков и востоковедов Советского Союза, Индии, Афганистана и других стран для всестороннего изучения кушанской проблемы и проведения археологических исследований на местах. Несомненно, что именно ученым Советского Союза и Индии предстоит внести важнейший вклад в развитие растущей на наших глазах новой отрасли востоковедения — кушановедения.

Одной из излюбленных тем Ю. Н. Рериха была проблема культурных связей между Индией и Россией. Этой теме он не изменил на протяжении всей своей жизни, и среди его исследований, посвященных этой проблеме, есть статьи, написанные в самые последние годы его творчества. Еще в 1945 г. Юрий Николаевич опубликовал работу «Индология в России»⁸, где впервые дал связный очерк истории развития научной мысли России в сфере индианистики с кратким жизнеописанием всех ее ведущих представителей.

Будучи долго связан с Индией, Юрий Николаевич прекрасно знал ее языки, великолепно ориентировался в сложной и многообразной культуре ее народов. Своей научной деятельностью он сделал очень много для укрепления традиционных культурных связей между Индией и Россией, умножая славные традиции таких выдающихся русских ученых, как И. П. Минаев, Ф. И. Щербатской, В. В. Голубев.

«Я встречал доктора Рериха во время его пребывания в Индии, — писал в обращении к сессии, посвященной 60-летию Ю. Н. Рериха, Джавахарлал Неру, — и на меня произвели огромное впечатление его знания и исключительные лингвистические способности, а также научная работа, которую он вел... Чествование таких людей вполне справедливо, и в связи с тем, что доктор Рерих долго был тесно связан с Индией, я хотел бы присоединиться к этому чествованию от лица моего народа»⁹.

Юрий Николаевич занимался и общественной деятельностью. Еще накануне второй мировой войны он принял самое активное участие в создании и проведении в жизнь известного «Пакта Рериха» о защите культурных ценностей в военное время, ратифицированного большинством стран мира, в том числе и Советским Союзом. Возвратившись на Родину, Юрий Николаевич принес в дар музеям нашей страны свыше 400 уникальных живописных полотен своего отца, Николая Рериха, которые украшают сейчас галереи Москвы, Ленинграда и Новосибирска.

О том, насколько живо было в Юрии Николаевиче чувство патриотизма, свидетельствует тот факт, что за все время своей жизни за границей он так и не принял иностранного подданства. Когда же в 1941 г. фашистская Германия напала на СССР, Ю. Н. Рерих немедленно пос-

⁷ Ю. Н. Рерих, *К вопросу о кушанах*, рукопись. (Из Архива Ю. Н. Рериха).

⁸ G. N. Roerich, *Indology in Russia*, — «The Journal of The Greater India society», vol. XII, 1944, № 2, pp. 69—98.

⁹ Цит. по «Азия и Африка сегодня», 1962, № 12, стр. 55.

Памятник на могиле Ю. Н. Рериха

лал телеграмму советскому послу в Лондоне И. М. Майскому с просьбой зачислить его добровольцем в ряды Красной Армии.

Необыкновенная общительность и радушие к людям были неотъемлемыми чертами характера Юрия Николаевича. Он никогда и ни при каких обстоятельствах не падал духом, был врагом всяческого уныния и в любую обстановку вносил обаяние и теплоту своей неповторимой личности. Ученый в нем никогда не заслонял человека, а величие ума в соединении с величием сердца покоряли всех, кому доводилось с ним сталкиваться.

После кончины Ю. Н. Рериха Постановлением Совета Министров СССР было решено увековечить его память сооружением надгробного памятника. Проект памятника был прислан из Индии братом Юрия Николаевича, известным художником Святославом Рерихом.

На торжественное открытие памятника на Ново-Девичьем кладбище в Москве 17 августа 1965 г. собрались ученые-востоковеды, представители интеллигенции столицы, ученики, друзья и сотрудники Ю. Н. Рериха. Памятник открыл директор Института народов Азии АН СССР, член-корр. АН СССР Б. Г. Гафуров. В своем вступительном слове он говорил о Ю. Н. Рерихе — ученом, общественном деятеле, много сделавшем для укрепления и развития дружественных связей между Советским Союзом и Индией в науке и культуре.

На открытии памятника с речами выступили: от Отделения исторических наук АН СССР — академик А. А. Губер, от Министерства культуры СССР — заместитель начальника Отдела изобразительных искусств и охраны памятников А. Г. Халтурин, от Географического Общества СССР — действительный член ВГО Ю. К. Ефремов, от учеников Ю. Н. Рериха — кандидат исторических наук Г. М. Бонгард-Левин, приветственную телеграмму к собравшимся почтить память ученого прислал из Индии Святослав Рерих. В заключение митинга родственница Юрия Николаевича И. М. Богданова поблагодарила всех присутствующих, почтивших память ученого.

На открытии памятника присутствовал 2-й секретарь посольства Индии в Москве г-н П. К. Бурдвар, который возложил венок к его подножию.

Торжественное открытие памятника Ю. Н. Рериху в Москве явилось ярким свидетельством того, что дело, которому отдал свою жизнь замечательный ученый, живет и будет жить и развиваться, как развивается и крепнет дружба между двумя великими странами — Индией и Россией.

В. В. Петров

ОТ ДРЕВНЕЙ РАДЖПУТАНЫ К СОВРЕМЕННОМУ РАДЖАСТХАНУ

Институт географии АН СССР подготовил за последние годы работы, содержащие экономико-географические характеристики многих стран мира. Серия изданных книг включает США и Мексику, ОАР, Алжир и Нигерию, Индию и Японию, Австралию и другие страны. Выход в свет каждой из монографий этой серии воспринимается не только как успех коллектива специалистов, решающих задачи экономической географии зарубежных стран; мы видим в этих изданиях успех советской науки и считаем своевременным указать на него теперь, когда среди наших ученых дебатруется проблематика экономической географии, обсуждаются ее специфика, цели и средства. Без сомнения, наступило время критически пересмотреть направления и аспекты экономико-географических исследований в соответствии с современными требованиями. В качестве примеров можно указать на ошибочность дальнейшего игнорирования географической наукой применения математических методов исследования и поверхностной трактовки проблематики размещения и роста населения. Ученые-географы стремятся в трудах института давать представление не о чем-то единичном в жизни страны, хотя бы весьма значительном и важном, а раскрывать картину в целом, всесторонне исследовать страну или большой экономический район, при этом «вся обширность единому взгляду повергается», как требовал еще М. В. Ломоносов. Достаточно вспомнить огромное культурное значение географических трудов Э. Реклю, показывающих землю и людей, страны и народы, чтобы оценить важность подобных описаний в наше время, сделанных с позиций марксизма-ленинизма.

Решая задачу всестороннего экономико-географического изучения страны, ученые должны быть универсально подготовленными: они решают вопросы, связанные с природой страны, ее населением и хозяйством.

Перед нами недавно вышедшая в свет работа Л. А. Княжинской о штате современной Индии — Раджастхане¹. Это пятая монография о районах Индии; вышла в свет шестая (последняя) монография, завершающая описание страны характеристикой ее юга; ожидается сводный том проф. К. М. Попова обо всей стране, после того как рассмотрены ее основные экономические районы.

¹ Л. А. Княжинская, *От древней Раджпутаны к современному Раджастхану*, М., 1965, 148 стр.

Рецензируемая книга складывается из четырех глав: I — Географическое положение и природные условия Раджастанхана, II — Исторический очерк, III — Население и IV — Хозяйство; главам предпослано введение, выводы автора кратко изложены в заключении. Каждая из глав насыщена разнообразным материалом и читается с большим интересом. Индия — страна особенная в том отношении, что прошлое здесь повсеместно присутствует в настоящем и страна живет одновременно и в том и в другом времени. Учитывая важность исторических сведений для понимания настоящего, мы предпочли бы видеть исторический очерк не в качестве отдельного раздела книги, а входящим частью в характеристику населения, а частью — в характеристику хозяйства. Тогда классическая триада — Природа, Население, Хозяйство — оставалась бы схемой построения книги; в экономико-географической характеристике исторический материал все же является вспомогательным. Тем не менее в книге дана картина прошлого, настоящего и вероятного ближайшего будущего Раджастанхана, относительно одного из самых отсталых районов страны.

В конце книги был бы нужен перечень литературы предмета и особенно важных источников; будем надеяться, что литература по экономической географии Индии будет исчерпывающе дана в ожидаемом томе, посвященном стране в целом.

На западе Индии лежит огромная пустыня Тар, через которую проходит индо-пакистанская граница. Пустыня занимает северо-западную половину штата Раджастанхан. Восточнее тянется горная цепь Аравалли и за ней — вторая половина штата — нагорье, по которому разбросаны прекрасные долины, разделенные рядами холмов, озерами или скалистыми возвышенностями, каждая из которых — природная крепость; это орлиные гнезда раджпутов, «горы сильных», узенчанные их замками, теперь полуразрушенными. Раджпуты покорили и заселили этот край двенадцать столетий назад. Искусство Раджастанхана выражает мотивы любви и верности, отваги и славы. Вспоминается средневековая феодальная Европа с ее замками-крепостями. Но военная слава замков Европы и Индии в прошлом. В год освобождения Индии от колониальной зависимости — 1947 — на территории современного штата было 19 раджпутских княжеств с той или иной степенью самостоятельности и обособленности. За первые десять лет существования республика объединила княжества, сделала решительный шаг от разобщенности к национальной консолидации. Границы бывших княжеств, долго искусственно удерживаемые с помощью колонизаторов, рухнули. Теперь 22-миллионное население штата должно бороться прежде всего с бедностью: колониальная Индия была классической страной нищеты, которую Индия республиканская стремится преодолеть. Там, где недавно законом было слово князя и его приспешников — слуг колонизаторов, теперь все большее значение приобретают сельские советы — панчаяты.

Процесс капиталистического развития начался в Раджастанхане позднее, чем в приморских штатах, и позднее, чем в древнем Хиндустане долины Ганга; отсюда — большая экономическая отсталость этого штата сравнительно с другими. Значение исторических событий, их влияние на развитие народа показано автором с убеждающей полнотой и ясностью; через всю книгу проходит мысль о преобладающем влиянии развития производительных сил в общем прогрессе страны.

Климат штата суров: жарко и сухо летом, не по-индийски холодно зимой. В этом районе обнаружены большие запасы лигнитов, которые особенно важны для страны, не имеющей богатых запасов энергетических ресурсов. Геологи предполагают, что пустыня скрывает нефть и

газ. Край раджпутов издавна славился добычей цветных металлов: медь, цинк, свинец, серебро, никель, кобальт, а также железо, марганец — все это издавна добывалось здесь; теперь дело в том, чтобы расширить добычу металлов и их выплавку. С древних времен известен замечательный белый макранский мрамор: здесь, как в Италии, гений народа нашел свое воплощение в мраморных изваяниях и архитектурных сооружениях — национальном богатстве страны. Штат занимает первое место в Индии по добыче гипса, особенно нужного для производства удобрений, и цемента — двух предметов, несбходимых развивающейся стране. Добываются слюда, асбест, стекольные пески; слюда и асбест — предметы экспорта. Новая слава штата — его радиоактивные элементы: берилл, уран и торий, открытые геологами Комиссии по атомной энергии правительства Индии. Раджастан стал крупнейшим поставщиком атомного сырья; так сочетаются в Индии черты былого с возможностями будущего. Почвы долин благоприятны для сельского хозяйства, но в значительной мере истощены. Большое значение имеют немногочисленные реки, главным образом для орошения, особенно в зоне пустыни. Дело в том, что пустыня наступает с угрожающей быстротой, ежегодно отвоевывая у сельского хозяйства приблизительно 130 кв. км территории. Бороться с песками можно — необходимы орошение и культивирование почвы. На крайнем севере, в районе Ганга-нагара, где десять лет назад основана с помощью СССР государственная ферма в Суратгархе, на тысячах гектаров когда-то безжизненных песков выращивают сегодня пшеницу, хлопчатник, сахарный тростник. К юго-западу отсюда, вдоль границы с Пакистаном, проложена почти на 700 км трасса большого Раджастанского канала, еще не законченного; но канал уже дает воду и в этот район начинается переселение крестьян. Все мероприятия по освоению пустыни требуют систематического продолжения и расширения.

В настоящее время в Раджастане более 22 млн. жителей при площади штата — 342 тыс. кв. км, близкой по своим размерам к площади Италии. Горы Аравалли — природный рубеж между слабо и густо населенными районами. Если исключить почти совсем не заселенную пустыню, то в среднем на квадратный километр в Раджастане придется около 140 человек, что равно показателю средней плотности населения во всей Италии и вдвое больше соответствующего показателя для Китая.

Автор говорит, что «большинство населения страны представляет собой результат смешения европеоидных типов с негро-австралоидными...» (стр. 70) и что население Раджастана наименее затронуто таким смешением. Мы думаем, что это преувеличение. Негро-австралоидный элемент в населении Индии можно видеть, например, в южном дравидском штате тамилы, у немногих племен Центральной Индии и на Цейлоне, т. е. уже за пределами собственно Индии. Ни север страны, ни северо-запад, ни северо-восток не знают негро-австралоидов; здесь решительно преобладают европеоиды и в сравнительно незначительной степени представлены монголоидные элементы. Что касается относительной «чистоты» раджастанского типа, то об этом можно говорить в условном смысле, как о «чистоте» всякого народа, прожившего ряд веков в стороне от большой дороги жизни, в условиях частичной оторванности от остального мира.

Первая всеобщая перепись населения была в этом крае феодальных княжеств не в 1872 г., как на большей части территории Индии, а в 1881 г. Нищета, голод и болезни привели к тому, что население княжеств Раджпутаны не показало прироста между 1881 и 1921 г. Затем,

как повсеместно в Индии, численность населения в районе увеличивается и в десятилетие между последними республиканскими переписями 1951 и 1961 г. рост населения в штате превысил рост населения страны в целом. Рождаемость остается на прежнем высоком уровне, смертность снижается; однако средняя продолжительность жизни лишь немного превышает сорок лет. В этих условиях большой рост населения, превосходящий по своим темпам и общиндийский, и общеазиатский, и мировой, означает сравнительно быструю смену поколений, большую затрату обществом средств на выращивание и воспитание детей, при неполной трудовой отдаче взрослого населения, жизнь которого обрывается на полпути. Нужно сказать, что в Раджастанхоне грамотен только каждый четвертый мужчина и каждая шестнадцатая женщина и что 85% населения остаются неграмотными. Известно, что в мире и в Индии в целом рост населения опережает рост грамотных, неграмотных становится все больше; это наблюдается особенно в таких штатах, как Раджастанхон, теперь, в 60-х годах XX века!

Страна раджпутов остается страной деревень; в 1901 г. доли городского и сельского населения составляли соответственно 15 и 85%, в 1961 г. — 16 и 84%. Следовательно двадцатый век пока не принес Раджастанхану ни индустриализации, ни сопутствующей ей урбанизации, хотя то и другое характерно для современной Индии в целом. Действительно, жизнь народа протекала в стороне от «большой дороги жизни».

Руководитель переписей населения в этом штате Джамуна Лал Дашора рассказывает: «Раджастанханская деревня встречает вас земляными избами под соломенными крышами. Стены жилищ обмазаны глиной, мела для побелки в обиходе не знают... Даже зажиточные люди в деревнях вынуждены довольствоваться для побелки домов коровьим навозом, смешанным с красной или желтой землей... Электролампы — вещь невиданная и неслыханная. Даже простые керосиновые лампы и фонари — предметы роскоши. Нет никаких приспособлений для отапливания дома зимой, нет трубы, чтобы отводить дым от очага во время приготовления пищи... В домах нет окон. Пол земляной, на котором обитатели сидят на корточках. Жилища, таким образом, не защищают обитателей ни от страшной жары летом, ни от пронизывающих ветров зимой» (стр. 82). Все добро крестьянина состоит из одного-двух буйволов, нескольких примитивных сельскохозяйственных орудий и немногочисленных предметов домашнего обихода. Жидкая каша, приготовленная на воде из слегка обжаренного зерна и сдобренная специями, — обычная пища крестьян Раджастанхана. Сахар употребляется очень редко. Молоко и масло обычно продаются.

Автор вводит читателя в круг научных достижений своих зарубежных коллег — исследователей Индии, своих впечатлений о стране и своего понимания прочитанного и виденного в Раджастанхоне.

Большая часть городов штата — маленькие, сохраняющие скорее деревенский облик, чем городской. Только шесть городов имеют свыше 100 тысяч каждый... «Они появились в тот исторический период между XII и XVI веками, когда раджпуты под натиском мусульман отступили из равнин Хиндустана и основали свои новые княжества в краю гор и пустынь, где города возникали первоначально как укрепления» (стр. 83). Теперь это ремесленно-торговые центры и железнодорожные узлы; фабрично-заводская промышленность развита в них слабо. Большие города Раджастанхана являются центрами административного управления, имеют общественные учреждения; значительна их роль как центров культуры, просвещения: в штате три университета — в Джайпуре, Джодхпуре и Удайпуре, центральный научно-исследовательский

институт аридных зон (в Джайпуре) и центральный научно-исследовательский институт электроники (в Пиллани). Раджастан еще не знает индустриальных городов современного типа. В раздробленном до недавнего времени Раджастане «не было и не могло быть единого ведущего городского центра»; теперь таким центром становится столица штата г. Джайпур; наметился промышленный рост г. Котаха.

Естественно, что ведущей отраслью хозяйства штата является сельскохозяйственное производство, а не промышленность. Для оценки экономических возможностей штата нельзя забывать, что феодальная раздробленность и изоляция сменились политико-административным единством только вчера, а создание хозяйственных связей и возникновение экономической специализации — процесс длительный и сложный.

Раджастан вошел в независимую Индию с дефицитом в 50 тыс. т зерна в нормальные годы и 100 тыс. т в годы неурожая, которые бывали часто. Голод в этом краю был постоянным бедствием. Около 40% земельного фонда принадлежало князьям. Долговое рабство было одной из причин бедности крестьян.

Главным источником ирригации были и остаются колодцы; чтобы достичь водоносных слоев, приходится рыть до глубины 50 м — тяжелый труд в условиях, когда в распоряжении людей имеются лишь лопаты и мотыги. Воды везде катастрофически мало: ее недостаточно ни для людей, ни для животных. На этом мрачном фоне мероприятия Республики, уже вступившие в силу, вызывают вздох облегчения. Республика резко ограничила княжеские землевладения, запретила систему долгового рабства, а закон об арендных отношениях ограничил максимальную арендную плату шестой частью урожая; строительство каналов облегчило расширение полезной земельной площади вдвое и штат стал обеспечивать себя необходимым продовольствием, а в хорошие годы — даже отдавать стране незначительный избыток питательных средств, несмотря на низкую урожайность полей и малую продуктивность скота. Уровень потребления остается низким: рядом со средним потреблением в развитых странах это — полуголодное существование. Сельское хозяйство сохраняет и теперь еще полунатуральный характер, не имея четкой товарной специализации на общендийском рынке; оно дает хлопчатник, сахарный тростник, индиго, обрабатываемые в значительной мере в пределах штата на фабрично-заводских и кустарных предприятиях. Скотоводство занимает ведущее место в сельском хозяйстве Раджастана; здесь основной район Индии по продукции овечьей шерсти, шкур, кож, сосредоточено более половины поголовья верблюдов страны; именно скотоводство кормит и определяет уровень относительного благополучия большинства местного населения. Продуктивность скота остается низкой, поголовье же его нерационально увеличивается, вне связи с возможностями кормовой базы и водоснабжения; пастбища не улучшаются, скот во многих районах получает воду один раз в сутки. Значение скотоводства подчеркивается еще тем, что продукты его служат сырьем для повсеместно распространенной обрабатывающей промышленности, преимущественно кустарного типа.

Вся фабрично-заводская промышленность, включая энергетику, дает только 1,5% дохода штата, а мелкая промышленность вместе с ремесленным производством и строительством — 12%. Обращает внимание слабость энергетической базы; лигниты мало используются, реки не открывают больших возможностей для гидроэнергетики, но уже строится атомная электростанция в Рана Пратап Сагаде, которая должна дать ток в 1967 г. Для всей Индии имеет значение горнодобывающая промышленность штата; актуальной задачей является дальнейшее раз-

витие этой отрасли, существующей здесь тысячелетия. Производство муслина, пледов, ковров, оригинальная раскраска тканей, гончарные, кожаные изделия, изделия замечательных ювелиров в виде эмалевых рисунков и орнаментов — таковы традиционные отрасли народного хозяйства штата. Кустарные металлические изделия напоминают о том, что мечи, сделанные на юге штата, в Сирохи, были когда-то так же знамениты среди раджпутов, как изделия из дамасской стали в странах Ближнего Востока. Однако Раджастан пока остается на одном из самых последних мест в Индии по степени промышленного развития: на каждый миллион населения приходится около тысячи человек, занятых в обрабатывающей промышленности, преимущественно на мелких предприятиях. На страницах книги много ярких статистических данных, говорящих об удельном весе хозяйства Раджастана в ряду других штатов, образующих современную Республику; читаем о взаимосвязях отраслей хозяйства, о месте штата на общендийском рынке товаров. Все это было бы легко показать на графиках и схемах, которые любят экономисты; автор напрасно ограничился тремя обзорными картами — географического положения, населения и хозяйства, из которых особенно тщательно разработана карта размещения хозяйства. Зато художественные иллюстрации многочисленны и прекрасно дополняют текст: жители штата, улицы городов, базары, красивые архитектурные памятники и новая сельскохозяйственная техника, оседланные верблюды в столице штата на фоне «Дворца ветров», их караван в пустыне Тар; иллюстрации запоминаются, оставляя и познавательное и эстетическое впечатление.

Прежде чем покинуть Раджастан, мы должны доверить себя дорогам этой важной транзитной области между Западной и Северной Индией и убедиться в том, что здесь есть все виды транспорта от воздушного до караванного; главным, разумеется, является железнодорожный транспорт, магистрали которого пересекают территорию штата. Былая политико-административная раздробленность сказалась в бессистемности дорожного строительства; каждое княжество строило дороги для себя, и не могло быть единого согласованного плана. В целом по обеспеченности всеми видами транспорта показатели штата вдвое ниже соответствующих общендийских показателей. По шоссе и грунтовым дорогам осуществляется значительная часть пассажирских и грузовых перевозок; наиболее распространенным средством передвижения продолжает оставаться телега; состоятельные люди обычно имеют упряжку волов; в пустыню уходят караваны верблюдов; а наряду с этим — воздушная магистраль, соединяющая Бомбей и Дели с немногими современными аэродромами в больших городах Раджастана, еще сохраняющих феодальный облик. Действительно, Индия живет одновременно в прошлом и настоящем.

Чтение книги окончено. Мы не раз возвращались к тем или иным страницам, перечитывали их, вдумывались, любовались иллюстрациями, делали сравнения; от книги веет жизнью страны далекой и вместе с тем близкой нам. Читатель, откройте эту книгу, чтобы увидеть жизнь Индии.

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
92	7 сн.	отношений на хозяйство ассамской долины.	отношений, развиваю- щихся в ассамской долине.
104	15 св.	Р. С. Ноги	Р. С. Неги
170	12 св.	митингах	лигнитах
191	19 сн.	спорными	опорными
210	5 сн.	ист.	геогр.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. В. Сахаров</i> , Восточная комиссия Географического общества СССР и ее работа по изучению Индии	5 ✓
<i>М. М. Сайфулин, Л. П. Ульянова</i> , Некоторые особенности индийской Федерации на современном этапе	23
<i>И. В. Сахаров</i> , О специфике национального состава населения Западной Бенгалии	38 ✓
<i>Н. Р. Гусева</i> , О сектах в сикхизме	50 ✓
<i>Б. П. Супрунович</i> , Проблема малых народностей и племен (адиваси) в Индии	73 ✓
<i>С. А. Маретина</i> , Малые народы Ассама (этнический состав)	89 ✓
<i>М. К. Кудрявцев</i> , Антропологическая служба Индии	100 ✓
<i>М. К. Кудрявцев</i> , Доктор Веррье Элвин	106 ✓
<i>И. П. Труфанов</i> , К вопросу о внешних миграциях населения Индии	110 ✓
<i>Ю. В. Маретин</i> , По поводу индийских влияний в балийской культуре	129 ✓
<i>А. Д. Дридзо</i> , Первая монография об индийцах Тринидада	150 ✓
<i>Л. И. Бонифатьева</i> , К вопросу об определении уровня урбанизации Индии	155
<i>Г. В. Сдасюк</i> , Индустриализация и формирование экономических районов в Индии	164
<i>В. А. Пуляркин</i> , Природные условия и сельское хозяйство Кашмирской долины	195
<i>Р. Р. Орбели</i> , К литературной истории «Путешествия в Индию» Рафаила Данибегова	209 ✓
<i>В. В. Перцмакер</i> , Русские моряки в Индии в 60-х годах XVIII в. (по архивным материалам)	220 ✓
<i>Т. В. Грек</i> , Образ Кабира в индийской миниатюре могольской школы XVII в.	229 ✓
<i>А. Н. Зелинский</i> , Академик Федор Ипполитович Щербатской и некоторые вопросы культурной истории кушан	236 ✓
<i>А. Н. Зелинский</i> , Открытие памятника Ю. Н. Рериху в Москве	258 ✓
<i>В. В. Петров</i> , От древней Раджпутаны к современному Раджастхану	265 ✓

CONTENTS

<i>I. V. Sakharov</i> , The Oriental Commission of the U. S. S. R. Geographical Society and Its Indian Studies	5
<i>M. M. Saifulin and L. P. Ulyanova</i> , Some Features of the Indian Federation Today	23
<i>I. V. Sakharov</i> , Ethnic Composition of Population of West Bengal	38
<i>N. R. Guseva</i> , The Sikh Sects and Sikhism	50
<i>B. P. Suprunovich</i> , The Problem of Scheduled Tribes (Adivasi) in India	73
<i>S. A. Maretina</i> , The Ethnical Composition of Hill Peoples of Assam	89
<i>M. K. Kudryavtsev</i> , Anthropological Survey of India	100
<i>M. K. Kudryavtsev</i> , Dr. Verrier Elwin	106
<i>I. P. Trufanov</i> , External Migration of the Indian Population	110
<i>Yu. V. Maretin</i> , The Indian Influences in the Balinese Culture	129
<i>A. D. Dridzo</i> , First Monograph on the East Indians of Trinidad	150
<i>L. I. Bonifatyeva</i> , Determining India's Urbanisation Level	155
<i>G. V. Sdasyuk</i> , Industrialisation and the Formation of Economic Regions in India	164
<i>V. A. Pulyarkin</i> , Natural Conditions and Agriculture in the Kashmir Valley	195
<i>R. R. Orbeli</i> , The History of Raphael Danibegov's «Journey to India»	209
<i>V. V. Perzmakher</i> , Russian Seamen in India in the 1760's (from Archive Materials)	220
<i>T. V. Grek</i> , Portrayal of Kabir in Indian Miniatures of the 17th-Century Mogul School	229
<i>A. N. Zelinsky</i> , Academician Th. I. Stcherbatskoy and Some Problems of the Cultural History of the Kushans	236
<i>A. N. Zelinsky</i> , Roerich Monument in Moscow	258
<i>V. V. Petrov</i> , From Ancient Rajputana to Present-Day Rajasthan	265

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА
ВЫП. V.
ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД

*Утверждено Восточной комиссией
Географического общества СССР
Академии наук СССР*

Редактор *В. Л. Резников*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректор *Л. Л. Родичев*

Сдано в набор 25/IV 1967 г.
Подписано к печати 30/IX 1967 г.
А-00228. Формат 70×108¹/₁₆. Бум. № 1
Печ. л. 17,0+0,25 п. л. вкл. Усл. п. л. 24,177
Уч.-изд. л. 23,56 Тираж 2000 экз. Изд. № 1845
Заказ 433
Цена 1 р. 66 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

